

СЛОВЕСНОСТЬ 2012

альманах ■ книга 6 ■ проза и поэзия ■ дебют
год истории России ■ история российской словесности
диалог культур ■ драматургия ■ публицистика ■ memoria
Нешуточные страницы ■ имена и символы эпох ■ мастерская
книга в альманахе ■ рецензии ■ семейное чтение
события текущей жизни ■ путешествие литератора
антология одного стихотворения

МОСКВА 2012

С Л О В Е С Н О С Т Ь 2 0 1 2

Проза, поэзия, драматургия, публицистика, исторические и литературоведческие исследования, рецензии, воспоминания, письма, фотографии. Альманах. Книга 6. — М., «Библиотека газеты «МОЛ», 2012, 204 с. с илл., тираж 400 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Юрий МАМЛЕЕВ, прозаик, философ, поэт, председатель секции метафизического реализма;
 Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК, поэт, поэт-переводчик, сопредседатель Союза литераторов России;
 Сергей АЛИМАРИН, публицист, руководитель сайта Союза литераторов;
 Нина ДАВЫДОВА, публицист, координатор секции публицистики;
 Наталья РОЖКОВА, поэт, председатель секции поэзии;
 Сергей ШЕЛОВ, лингвист, координатор секции лексикографии

Дизайн и компьютерная вёрстка, обложка: Валерий КОВАЛЕВСКИЙ

Предлагаем знакомство со «СЛОВЕСНОСТЬЮ 2012», шестой книгой ежегодного издания Союза литераторов России. Альманах открывает философская проза Юрия Мамлеева «Главным в истории является человек и именно он определяет судьбу страны», и эта публикация задает тон всей книге. Подборка стихов Марины Кудимовой и повесть Дмитрия Курилова «Козий парк» расставляют свои художнические акценты в этой философской концепции. Усиливают звучание заданной темы стихи Ильи Оганджанова и Татьяны Грауз, проза Валентина Куклева и Ильи Езармина, в совокупности с произведениями других поэтов и прозаиков создавая необходимое многоголосье. В разделе «Имена и символы эпох» под рубрикой «К 175-летию гибели А.С. Пушкина» на особищу звучит «Бастардида в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Геннадия Ковалева, в рубрике «К 120-летию со дня рождения Марины Цветаевой» Дмитрий Цесельчук в посвящении М. Цветаевой «Займка» и Нина Давыдова в историческом эссе о М. Цветаевой и ее муже С. Эфроне «И умерли в один год» озвучивают трагическую ноту Ухода. Публикации Евгения Степанова «Поэты-пророки XX века: Велимир Хлебников и Марина Цветаева» и Натальи Рубинской об Анастасии Цветаевой высвечивают еще одну грань уникального Серебряного века. Воспоминания Натальи Габриэлян об Александре Мене, гуманисте и, что особенно важно, нашем современнике, завершают этот раздел. В новом разделе «Год истории России» в ознаменование 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года опубликовано эссе о полководце Кутузове; статья о Расколе, как о непреодоленной до сих пор трагедии русского народа; исследование Натальи Николаевой о своем деде, белом офицере и «эмигранте поневоле», перекликается с воспоминаниями Лилии Волохонской о своем родственнике, попавшем на поселение по «делу врачей»: «Спасибо товарищу Сталину за то, что прислал Вас» — благодарит исцеленный пациент с трибуны колхозного собрания. У всех названных авторов речь идет о главном — о золотом человеческом запасе страны. Завершают раздел публикации: «Европейская цивилизация: место и роль России» — из новой книги Игоря Чубайса и обзорная статья Федора Шелова-Коведяева «Мир вокруг России: культурные и психологические параметры». Раздел «История российской словесности» целиком посвящён юбилею Натальи Шмельковой. Коллаж «Мать русской демократии или портрет чудной дамы» глаголит о ней «устаами и кистями» многих литераторов и художников.

В книгу включены также разделы: «Дебют», «Драматургия», «Книга в альманахе», «Мастерская», «Рецензии», «Диалог культур», «Семейное чтение», «Неищуточные страницы», «Метод», «Антология одного стихотворения». Открыв раздел «Путешествие литератора», можно отправиться в дом Хэмингуэя на Кубу вместе с Олесей Брукс или с Сергеем Шеловым в Монголию, а в рубрике «Хроника творческой жизни», с помощью Живого ТВ, — на творческие семинары, мастер-классы и презентации.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МОЛ» (Рег. А-0470 от 27 мая 1994 года)
 Главный редактор «Библиотеки газеты «МОЛ» Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК
 © «Библиотека газеты «МОЛ», 2012»

Юрий МАМЛЕЕВ:

«ГЛАВНЫМ В ИСТОРИИ ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕЛОВЕК, И ИМЕННО ОН ОПРЕДЕЛЯЕТ СУДЬБУ СТРАНЫ...»

В марте прошлого года Правление Союза литераторов России номинировало книгу Юрия Мамлеева «Русские походы в тонкий мир» (— М.: АСТ: Зебра Ё, 2009 г.) на литературную премию «Ясная Поляна».

В письме, направленном в жюри премии, отмечалось, что «Юрий Мамлеев — всемирно известный писатель, его произведения переведены на многие иностранные языки. О его творчестве написаны литературные исследования, диссертации, дипломные работы в университетах России, Европы и Америки.

Ю. Мамлеевым написан ряд статей о творчестве Льва Толстого. Этот год для Ю. Мамлеева — юбилейный. Ему исполняется 80 лет». При подведении итогов, Ю. В. Мамлеев стал одним из 6 авторов, попавших в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна». Союз литераторов сердечно поздравляет Юрия Витальевича с успехом и 80-летием, которое он отметил в декабре 2011 г. Нам хотелось бы познакомить читателей альманаха с небольшим отрывком из заключительной главы книги Ю. Мамлеева «Русские походы в тонкий мир»:

Ни для кого сейчас уже не секрет, что в 90-е годы XX века Россия пережила, пожалуй, один из самых страшных периодов за всю свою историю.

Раздел страны, разрушение государства, промышленности, сельского хозяйства, катастрофическое уменьшение численности населения, разбой, русофобия, массовая идиотизация населения через телевидение и так далее.

Для каждого очевидно, что в 90-е годы в России по тем или иным причинам произошла историческая катастрофа. С начала нового тысячелетия положение улучшилось, но продолжает оставаться опасным. Россия все еще в тисках стечения обстоятельств, и потребуются многие годы упорного труда и верховной мудрости, чтобы, имея на то политическую волю, достичь победоносной нормализации.

Но направления, по которым надо продвигаться, ясны и сейчас.

Пожалуй, самое главное — это сохранение и расши-

рение суверенитета, причем во всех сферах жизни. «Суверенная демократия» — это выражение вполне подходит.

Суть заключается в том, что потеря суверенитета и так называемое внешнее управление (управление из-за границы) означает пусть, может быть, медленную, но гибель России. По причинам, один перечень которых требует специальной статьи.

При этом суверенитетом надо обладать во всех сферах жизни страны — экономической, социальной и так далее.

И одна из важнейших таких сфер — это культура и образование, включая, конечно, массовую культуру и информационные потоки. При этом решающее значение имеет не только изгнание из этой сферы разрушительных тенденций, таких, как очернение истории и культуры собственной страны, масштабное снижение уровня гуманитарного образования в школах, массовое оглушение людей, особенно молодежи.

Важно и внедрение в культуру позитивных сил. Особое значение имеет распространение и изучение великой русской культуры, особенно классической русской литературы. Ибо если техническое образование делает специалистов, то гуманитарное — человека, личность. Кроме того, именно через русскую классику, включая поэзию, можно привить по-настоящему глубокую, не формально-официозную, а внутреннюю, неистребимую любовь к Родине. Надо только уметь открыть людям сердца и глаза.

Омертвление же гуманитарного образования, его идиотизация путем тестирования и другим образом — все это в целом губительно для новых поколений. Ведь надо же понять, что можно иметь в стране сильную экономику, деньги и так далее, но главным в истории является человек, и именно он, а не машины определяет судьбу страны.

Я уже не говорю о величайшем значении Православия для судьбы страны — это очевидно. Но мы оставили на суверенитете в сфере культуры, сохранение его необходимо еще и потому, что, по западным же исследованиям, разрушение национальной культуры, тотальная потеря патриотизма и сопутствующих ему воззрений неизбежно ведет рано или поздно к распылению, ассимиляции и исторической гибели такого народа, допустившего национальное самоубийство.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Марина КУДИМОВА*

ЧЕРЁД

(стихи из книги)

Парус на бом-брам-стеннге,
Чтоб кораблю плыть.
А я получу деньги
И буду на них жить.

Они мне достались даром —
Или в поте лица.
Я запасусь товаром,
Но хватит ли до конца?

Светлое от темного
Уже отделять не нам,
Как постное от скромного
По нынешним временам.

Все это давно вкупе,
Но, чур, вида не подавать!

У меня ничего не купят,
Если вынесу продавать.

ДАЙ ПОЧИТАТЬ!

Не переплюнешь слова покаянья
Через губу...
Эти проплешины, эти зиянья,
Эти табу!

Маковкой ткнись в потолок «огоньковский»,
Вывьсь из рук —
И заплутаешься: вот он каковский —
Чтения круг.

Ты не устал, добросовестный критик,
Нитки мотать?
Много в науке различнейших гитик —
Дай почитать!

И наконец, если в процессе восстановления России необходимо что-то заимствовать, то заимствовать то, что действительно нужно, а не все подряд, но даже такое заимствование должно обрабатываться на основе российского опыта и менталитета.

Разумеется, для России крайне актуальны сейчас и преодоление демографического кризиса (в особенности!), и развитие экономики, и осуществление социальных программ, и, конечно, проблема национальной безопасности и обороноспособности и так далее. Все это известно и обсуждается. Хотелось бы только подтвердить мнение о важности социальных программ, которые только и могут восстановить доверие народа к государству, без чего невозможно нормальное развитие страны. Не говоря уже о том, что для России, для ее народа в принципе исключительно важно наличие социально ориентированного нормального государства, жизни без потрясений и без разгула криминального капитализма. Как к этому прийти — вопрос жизни и смерти.

На фоне этой смертельной видимой и невидимой борьбы что можно сказать о России духа?

Во-первых, то, что она существует, несмотря на весь очевидный процесс чудовищной духовной деградации во всем «цивилизованном» мире.

Во-вторых, само наличие и дальнейшее раскрытие российской духовности может защитить Россию, ибо человеческая история на самом деле управляема неподвластными человеку высшими силами. Эта «управляемость» таинственным образом сочетается со свободой воли. Но истина человека и его истории заключается в примате духовного начала, которое вечно, в то время как все остальное в человеческой истории временно. Отсюда ясно, что Россия духа может сохранять и спасать Россию как страну и государство на протяжении всех изгибов так называемого мирового процесса.

Нам следует и правильно реагировать на будущие мировые процессы с их возможными катаклизмами (природными, социальными) и войнами.

Но, проходя все эти страшные циклы, означающие постепенный распад и гибель современной цивилизации и переход к новой, Россия может создать подлинную империю духа.

Я ли кичиться закваской заштатной
Потороплюсь?
Юность моя в мини-юбке цитатной,
Грех мой — педвуз!

Как зачинаю и как я рожаю,
Вам ли не знать?
Этих...ну как их...кому подражаю,
Дай почитать!

Юность моя в красноглазой герани,
Плоть моя, стать!
Пропуск на право сиденья в спецхране
Дай почитать!

Вызревшая в безвоздушие кримплена —
Не перемочь, —
Плачь, не востребованного колена
Блудная дочь!

Примешь подачку из рук скудоума
За Благодать,
Выживший выкидыш книжного бума:
Дай почитать!

Академическим компрачкосам
Видно насквозь,
Эким винтом и с каким перекосом
Выгнута кость.

Орденоносцем иль форточным вором —
А помирать...
Ну уж хоть подпись-то под приговором
Дай почитать!

Великий Пан воскрес!
Я слышала вполуха,
Как он три шкуры драл
и очищал мездру.
Студента зарубив, процентщица-старуха
Охаживать взялась дебильную сестру.

Отечество мое!
Оставим разговоры...
Где не найдешь концов,
Там проходных дворов

Вели не забивать.
Твои пророки — воры,
Начальники твои — сообщники воров.

И если не воскрес Великий Пан,
то в детях
Откуда этот страх с клыком, как у волчат?
И твой народ — «челнок»,
А человек твой —
в нетях:
Он не рожден еще
и даже не зачат.

И паника зовет
в толпу, на пир оптовый,
К содомскому греху и свальному стыду.
И если раб и червь ползет, на все готовый,
То я уж от него и глаз не отведу.

Матушка загогулина,
Сколько же не догуляно!
Матушка отчебучина,
Сколько недополучено!

Словом, тайком затверженным,
И языком отдавленным
Плачу, как по отверженным,
Я по твоим отъявленным.

Матушка червоточина,
Сколько понаворочано!
Матушка живоглотина..
Родина моя, Родина!

Чего нам Бог не дал,
Об этом черт сведал..

Уж давал-наддавал,
Задарил-забаловал.

Человек терпел-терпел —
И очерпел.

Что за член, что за уд,
Червь кольчатый точию?

Как у вас его зовут?
Просто: *очередь*.

Щит под солнцем горит
На реке Каяле.
Человек говорит:
— Вы тут не стояли!

На смерть — не на живот
Огорчилась:
Я стояла тут, да вот —
Отлучилась...

Ты куда меня повлек,
Бесноватый?
Трудовой человек,
Трудоватый...

Неминучая беда,
Сгинь-провались...

Я стояла тут, когда
Вы не родились.

Не знаю, как у чуждей и мерь,
А на святой Руси
Всегда в законе три «не»: не верь,
Не бойся и не проси.

С первой заповедью не спешу
Я расквитаться, но
Уже не боюсь и не прошу.
Никогда. Ни о чем. Давно.

И у свободы так мало прав,
Что и в епитрахиль
Вьедается лагерный устав,
Как угольная пыль.

Располагайся, грянувший хам,
И под себя гребь!
Но точен будь, ибо даже *там*
Не сказано: не люби.

И будешь сыт и пьян в соплю
Ты за свое фуфло.

И если я кого и люблю,
То это тебе назло!

ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА

Междурядье железного полотна...
Из купе и из тамбура — в оба окна —
Запустенье окраин глядишь с полусна
Верст за пять до вокзала.
Как каретка машинки, проходит состав,
Парой строк стихотворных дома разверстав
Через два интервала.

Вот с чего начинаются все города...
Посетить их придется едва ли когда —
Убыла, миновала.
Как запасники полумузейных столиц —
Их крайнее выражение лиц
Через два интервала.

Обойденный газетой коптильный завод,
И фуфайкою старой покрывший живот
Грузовик у заправки...
И всегда, и везде, как открытый пассаж,
Двусторонний мой, машинописный пейзаж
Вижу я для затравки.

Как работник издательства книгу стихов
Разбирает до косточек, до потрохов,
Так меня волновала
Процентовка ягнят и крамола козлиц —
Очаги новостроек и язвы жилиц
Через два интервала.

...К туалету примкнул станционный торец.
Я бежала соленый купить огурец
У суровой старушки.
Отставала от поезда я, и тогда
Об асфальт растирали меня города,
Как зерно в крупоружке.

Жизнерадостных гидов безгласный клиент,
Я обзора навязанный ассортимент
Сей же час забывала,
Но, как uznанный в реанимации рай,
Помню друг против друга амбар и сарай
Через два интервала.

Разберет чемоданы прибывший народ,
И анапестом ходу экспресс наберет —
Увлекло, оторвало...
Оставляй их как есть и с собой не зови,
Разлученных движеньем твоим визави
Через два интервала.

Лазарь умирает в лазарете,
За окном гражданская война.
В головах сидит на табурете
Нянечка — великая княжна.

Все никак не умирает Лазарь,
Все не может заступить черты,
Никому военно не обязан
И ни с кем на свете не на «ты».

Он опять забыл принять лекарство
Для разлуки тела и души.
Первое воздушное мытарство
Застит Ангел, просит:
— Не спеши!

— Лазарь, ляг! —
а он куда-то рвется.
— Стихни, Лазарь! —
он рубаху рвет.
И ему от века не живется,
Как везде честной народ живет.

Как везде живет народ безгневный...
А и надо-то от гордеца,
Чтобы труп его четверодневный
Встал из гроба, плат сорвав с лица...

А княжна с него белье стирает,
Поит с ложки, остужает лоб...
Лазарь ну никак не умирает.
Точит жук его рассыхлый гроб...

СОН

Ей повязку на новый фасон,
Но бинты она кровью марает...
Генерал, мы ее не спасем!
Генерал, ведь она умирает!

Добежали до Новороссийска,
И шинель встала дыбом ворсисто.
Словно в Питере, чичер промозглый,
И забрызгана палуба мозгом.

Это деда с расстрела везут.
Это все, что осталось от деда.
Я уже никуда не уеду...
(Сон цветной, как на волнах мазут)!

Голубая тлетворная кровь,
Животворная красная глина...
О Россия моя, Ангелина!
Ангелина, ты веришь в любовь?

Бьет прибой, как доска по доске,
И закапал Бог-Сын богу-внуку
Или яд, или камфару в ухо...
Просыпаюсь.
Слеза на виске...

ПАСХА

Пропели «Аллилуйя»,
И крестный ход взопрел.
Жара под стать июлю,
А ведь еще апрель.

И, как зубною пастой,
Рот связан сырной пасхой,
И крикнешь лихача,
Отведав кулича.

А Питер белый, красный
От шелухи с яиц,
И человек напрасный
Тот, кто не пассаеист.

Ему не быть артистом,
Он точно не поэт...
На фото гимназистом
Запечатлен мой дед.

С ним два гардемарина,
(О Русская земля!)
И, как из стеарина,
Светлы их кителя.

Шел дым из аппарата,
Слепил мгновенный сверк.
Три юноши, три брата
И позапрошлый век,

Который все старее,
И тем больнее боль,
Где и вода мокрее,
И солонее соль.

Один дождется пули
В классическом каре,
Другой сгниет в Стамбуле,
А может, в Анкаре.

И, в моровом задоре
Переупрямив бред,
Смерть выпросит у моря
Мой сухопутный дед.

Он стоек был и пылок,
Недостижимо чист,
И на барже в затылок
Ему стрельнул чекист.

И выругался длинно,
Изгадив сапоги.
Дед крикнул: — Ангелина! —
И — не видал ни зги...

Ну, а пока, намедни,
Над сварой держит верх
Наш первый и последний
Безбрежный русский век.

Где гений — не уродство,
А норма бытия,
Где честь — не превосходство
И не особь статья.

Где брат свободен с братом,
Сверкают галуны,
И фотоаппаратом
Черты не стеснены.

Не галлы, не татары —
Порода задалась.

На Марсовом фанфары —
Святая началась.

На славу разговейся,
Российский человек,
И молодо напейся
За позапрошлый век.

За ход его вальяжный,
Литое колесо.
За век, такой протяжный,
Что мы успели — всё...

СКРИПОЧКА

В среде экстерриториальной,
Где точит зубы аппетит
На все, что мимо них летит,
Еврейский гений музыкальный
Косноязычию претит.

Бесхитростнейшая идея —
На ней-то нам и погореть:
Несть эллина, а иудея —
Мы будем очень посмотреть.

Какой соблазн для человечка,
Прозревшего душой простой
Россию в статусе местечка
И за оседлою чертой.

Я знаю сонм космополитов
И граждан мира. В основном
Искусствоведов и завлитов,
Недоколупанных пиитов,
Ослабших в языке родном.

Я вижу толпы манихеев,
И каждый, как удельный князь,
Весь мир на русских и евреев
Переделил бы, не чинясь,
И создал бы себе покорный
Двуистинный ансамбль фольклорный.

Равно противны те и эти
С мечтой невежественной их,
Как могут собственные дети
Быть неприятнее чужих.

А за околицей локальной
То свиритит, а то журчит, —
Еврейский гений музыкальный
Высокой скрипичкой звучит.

Ах, если бы под новым кровом
Совокупились и сошлась
Та музыка да с *этим* словом, —
Вот то-то песня б удалась!..

РОК

Прелести ходят за тонкой стеной.
Снадобье знаю от скверны земной,
Да не добыть его дозы.

Кровь, пот и слезы,
Отец Александр!
(Был в хит-параде подобный ансамбль —
«Кровь, пот и слезы»).

Кто не работник, не мученик тут?
Кто не почел покаянье за труд,
Перемозоливший душу?
Лепимся все мы на общем стволе,
Что отрясает, пригнувши к земле,
Бог, точно грушу.

Я примеряю скафандр греха —
Давит в подмышках, и вся шелуха
Сеет за шиворот мне же.
Кем ты, мой дух, ненароком владел
Или кого оставал не у дел?
Где твои мрежи?

Отягощенный грешком, как брюшком,
Ты не юли пред игольным ушком —
Тучному в щелку не внити.
Ладан смолистый, иссоп, кориандр...
Благословите, отец Александр,
Благословите...

Чем ты прельщался и чем рисковал?
Буйствовал гоголевский карнавал
И наряжался все пуце.
Только вот, с Запада свистнув аврал,
Словом запальчиво переиграл
Бред всемогущий.

Ибо нельзя языки обижать,
Целое с малой толикой сближать,
Высить хребет из отрога.
Переусердствовал *рок* молодой
И органической вышел средой
Древнего Рока.

И по России, как по ветру лист,
Новый босяк, стрекулист, нигилист
Двинул с электродрекольем
И замесил смысловой винегрет,
Чтобы откликнулся новый запрет
Новым подпольем.

И, спровоцировав этот скандал,
Гоголь мистический вновь угадал —
Музыка нас оставляет.
Вслед за хозяйкой своей — Красотой —
Гонит щенком по равнине пустой —
Хвостик виляет.

А в стадионном угнездились рву
Узники выморочных ПТУ —
Тянет их в пост на дичинку.
Так начинай же спасенье души
За премиальный «косяк» анаши, —
Небо с овчинку!

ЭПИТАФИЯ

В день, когда закончилась Россия,
Ангелина и Анастасия
Не могли не слышать «у-лю-лю»
От Иркутска и до Перемышля,
Но простоволосыми не вышли
Открывать ночному патрулю.

Рухнула династия. Мужчины
Провалились, словно бы лощины,
Разбрелись, как будто колеи.
Перегрызлись братья, ровно тати,
Собирая банды, а не рати,
И подъяв хоругви, как колы.

Ни Елизавете, ни Елене
Не снести, казалось, оскорблений
От свобододавца-кустаря.
Конфискован Бог. Но, как ни странно,
Юлия, Людмила, с ними Анна —
Не пришли к вратам монастыря.

Пуля свистнет, словно окарина, —
Невредимо стой, Екатерина,
И оборки на груди расправь.
Помни, все минуют — те и эти,
И земле понадобятся дети —
Лучшее лекарство от растрав.

И, с напечатленьем чертовщины,
Красные и белые мужчины

Изогнутся, превратятся в шваль.
Но не оскопи их, Серафима,
И, пускай ничто непоправимо,
Ты накинь оранжевую шаль.
 Не отвержи нищего, Наталья!
 Проданы камей и инталя,
 Недвижим отцепленный вагон, —
 Не гони их, жалких после фарса
 Одина в кожанке или Марса
 В оплеухах споротых погон...

На костях не нарастало мяса,
И до арматуры, до каркаса
Проносился пестрый балаган.
Стало ясно, что падет Одесса,
Но Мария сохранила девство,
Раскрошив полпайки голубям...

Вонзившись извне,
Прямая, как гвоздь,
Засела во мне
Татарская кость.

И день ото дня
Страшной кабалы
Тянутся с коня
Ножом до огня,
Бичом до стрелы.

Видать, на траве,
Где крови смешал,
Мой брат-иновер
Меня заразил.

Мне эти табу
Хранить и в гробу,
И клейче смолы
Влепилось в меня:
Бичом — до стрелы...
Ножом — до огня...

Наездники, как запятые,
Набычили шеи над луками.
Поднесь их штандарты протые
Романтику мнятся федуками.

Пускались в галоп — и рысили...
(Такая она — партизанщина!)
Не произносите: *Россия*, —
Скажите: большая Рязанщина.

Нет — *Родина, мать-командирша!*
(Такие они, обожатели)
На ладан у ней вицмундирчик:
«Зачем вы меня обижаете!»

И дрека накушались с перцем,
А не холода планетарного,
И китель с простреленным сердцем
Без номера сгнил инвентарного.

И номенклатурный опричник
Не смотрится Божьим угодником,
И классов начальных отличник
Засел в выпускных второгодником.

Не топлено в доме номада...
Наветренная, неукромная
Межотраслевая громада,
Сама по себе неподъемная!

Кадрилы твои, контрдансы, —
Все столпнические стояния...
История, словно гражданства,
Лишила тебя обаяния.

— Неужели вы ЭТО едите?
— С преобладающим аппетитом едим!
— Так бегите! Чего ж вы сидите?
— Да куда? Хорошо же сидим!
— Неужели вы носите ЭТО?
— Неужели нам ЭТО нейдет?
— Но должна быть какая-то мета...
— В смысле — цель? Так — вперед и вперед!
— Ну а как же углы, боковины?
— Там одна только рухлядь и грязь!
— А отмаяли хоть половину?
— С ветерком, будь на то наша власть...

ФОТОГРАФ
Фотограф ловит ракурс за воротами,
Следит, как форвард ринется, оря,

Через «запретку», но, принудработами
Обременен, пробьет во вратаря.

Фотограф глаз вперил в глазочек сводчатый
И в камеру уперся головой.
А поле в кадре сетчато, решетчато,
И молчалив вратарь, как часовой.

И гола нет, и пленки все засвечены,
И мяч судья уносит под полой.
И жизни безвозвратица отмечена
Лишь полою водой да убылой.

Сукровицей брусничной
 мокнет давнишний срез.
Скептику досаждают
 однообразье средств.

Ржавые серп и молот —
 выше гангрена ползет.
Голод, балагула-голод
 трупов арбу везет.

Зубы в желтых коронках,
Стены и пол в коврах.
Страх и трепет Библейский —
 генный придонный страх.

Крысы в сочных помойках,
 мышы в зланных полях.
Нет, комиссар Голод
 тучен, а не костляв.

Спелые гроздья гнева, —
Съесть бы, да не достать.
Голод вычистит чрево,
Высвободит Благодать.

Будто наслойка ила —
Крупа, вермишель, мука.
Завалило, забило
Музычку родника.

Иду к своему раскопу,
 на городище свишу.

Господи, Твоя воля!
 Подчиняюсь — ропшу.

Не вылетает слеток —
Жму кулаки к груди:
Батюшка-Голод, деток,
Деточек пощади!

Будто подсос включили —
Обнажились края.
Крестное: «Или! Или!»,
Местное: или — или
Путать устала я.

Мешки растряси, Россия,
 узлы свои развяжи.
Одышливая дистрофия,
 Мясистый загрявок лжи.

Не заключай Завета
 и не берись за гуж.
Бессолевая диета —
 слезных каналов сушь.

Нас, не едавших досыта,
Голодом и спасешь:
Контур проступит. Остов.
Замысел и чертеж.

Селятся червь и шашель
В закром, сарай, подклеть.

Господи, гнев Твой страшен,
Забвенья не одолеть!

Дай мне сил это видеть,
Не прятаться, а водить..
Господи,
 я никуда
 не хочу
 от Тебя уходить!

* — В разделе «Рецензии» см. Ольга Клокина. Проводник с
нижнего бокового. О книге Марины Кудимовой «Черёд».

КОЗИЙ ПАРК

(Окончание. Начало в «Словесности 2010»)

«Итак, что же мы имеем?» — рассуждал он, вышагивая вдоль длинного сарая. — «Тупого сторожа с бракованной телекамерой, хитрого хозяина с цирковыми игрищами и двух бомжеватых мужиков, притворяющихся собаками. Бездарно притворяющимися. Потому что настоящая собака насильника бы не упустила. И уж по крайней мере запах бы его почуяла. А там — взяла бы след и... глядишь, Кудряшка Сью была б жива. Или в наличии имелось бы два трупя: Кудряшкин и собакин — если предположить, что зверь — действительно, матёрый волк, как утверждает Хозяин...».

Дознаватель остановился, устыдившись своих идиотских фантазий. Какие волки? Какие собаки? Все они сгнули двадцать лет назад. Все — от слонов до тараканов! Словно сговорились в едином протесте против прожорливого человечества — створились и вымерли все разом. Точно гигантская одержимая секта.

Ну да ладно. Что теперь вздыхать. Нам бы преступление расследовать. Вот какая задача стоит на сегодняшний момент.

Мысли его прервал жуткий вой, звучащий совсем близко, за углом. Скобелев опасливо выглянул за угол... За углом, неестественно прогнувшись, задрал голову к далёкой жёлтой Луне, выл, неистово завывая, вдохновлённый Луною Полкан. Жучка уже семенил к нему, сочувственно подскуливая. Скобелева затшнило. Он развернулся и пошёл прочь от сарая к такой же длинной и дурно пахнущей конюшне...

Войдя в конюшню, Скобелев опять удивился: внутри она оказалась ещё больше, чем снаружи. Хотелось вернуться вон и сравнить, сопоставить, проанализировать. Дознаватель заподозрил какой-то оптический обман, но разумных обоснований для этой версии у него не было. Так или иначе, в центре конюшни Скобелев обнаружил манеж внушительных размеров. Посреди манежа двигался каким-то дёрганым аллюром мужчина лет сорока, с аккуратной бородкой и продолговатыми, как у лошади, глазами. На поворотах он реально всхрапывал. На спине у него было пристёгнуто небольшое седло с обвислой по краям бахромой. Больше на его теле ничего не было.

— Ну вот, ещё одно животное... — меланхолично констатировал дознаватель. Он подошёл поближе и окликнул человеко-коня: — Позвольте...

Скобелев не успел договорить — это лошадинообразное спотыкнулось и встало на дыбы, возвысившись чуть ли не прямо над Скобелевым. Впрочем, что значит, возвысилось? — на двух

ногах этот псевдо-конь был едва ли выше его, скобелевского, роста. Однако, поди ж ты — дознавателю на миг померещилось, будто он навис над ним всей мощью своего лошадиного тела. Вставание на дыбы мужчина сопровождал испуганным ржанием. Скобелев инстинктивно шархнулся глубоко в сторону. Человеко-конь тяжело опустился на четыре ноги и, громко сопя и всхрапывая, озадаченно уставился на дознавателя.

— Я поговорить! — крикнул Скобелев, держась на безопасном расстоянии. — Поговорить я! О Кудряшке Сью!

«Конь» продолжал пляситься на Скобелева, не подавая ни малейших признаков понимания. «Может, он глухой конь?» — подумал Скобелев. — «В смысле, изображает не просто коня, а коня глухого? Или на самом деле глухой...».

— Если вы беспокоитесь о санкции хозяина на нашу беседу, то она у меня есть! — Скобелев прибегнул к последнему доводу. — Так что можете говорить по-человечески! Не стесняйтесь...

Мужчина глубоко, по-человечески, вздохнул, и во взгляде его появилась осмысленность. И он ещё раз вздохнул — перед тем как перейти на язык человеческий: — Мы ладили с Кудряшкой... — с неизбывной, задумчивой грустью сказал мужчина. — Жалко, что её больше нет... Тонкая натура... Наивная душа...

— Позвольте сперва ваше имя узнать? — Скобелев уже примостился на бортике, огибающем манеж, и раскрыл свою папку. — Разумеется, я не настаиваю на человеческом, вы же всё равно не скажете...

— Угу... — подтвердил «конь».

— Так скажите хотя бы кличку... — вздохнул Скобелев.

— Ласточка... — промямлил мужчина и ощутило покраснел...

Скобелев, стараясь не удивляться, застрочил в протоколе. Но глаза невольно косили в сторону немаленького мужского достоинства, болтавшегося у «лошади» между ног.

— Вы на это не смотрите... — не глядя на дознавателя, молвил мужчина. — Главное — это ощущения. А я себя ощущаю кобылицей...

Скобелева разбирал уже какой-то отчаянный пьяный восторг. «Да назовись хоть Жар-птицею, ёжкин-кочерёжкин! Господи, надо завязывать с этой долбанной командировкой, а не то я точно тут окобылюсь!» — думал он, констатируя всё большее опрошение в мыслях и в настроении. Вслух же промышчал, стараясь не акцентировать: — Да-да, я не возражаю... Пожалуйста. Так и запишем: Ласточка, кобылица...

Так и записал. А Ласточка довольно заулыбался, и улыбка его была лошадиной — то есть обнажающей все его зубы, для лошади, впрочем, мелковатые и жидковатые. Ну да Бог с ним, с зубами. Главное — ощущения...

— Скажите, а вы с Кудряшкой разговаривали? — спросил дознаватель вдруг не по протоколу.

— Зачем? — снова улыбнулся Ласточка, ещё более нежно. — Когда сердца стучат в унисон, слова не нужны...

— Вот как? А вы что же, в прошлой жизни были поэтом? — не удержался Скобелев и тут же нахмурился. — Впрочем, можете не отвечать...

— Почему, я отвечу... — неожиданно сказал Ласточка. — Нет, не поэтом. Художником...

— Надо же... — посочувствовал дознаватель. — И как же вы решились? То есть... вам же, наверно, трудно сейчас — без красок, без холста. Без рисования...

— А я рисую... В движениях... — не без гордости заявил Ласточка, всё более обескураживая Скобелева. — Вы что, думаете, картины — они обязательно в красках? Это взгляд диетантский.

— Ну да, ну да... — решил не спорить дознаватель. — Главное — ощущения...

— Совершенно верно. А уж как их передаёшь... И потом, в моём нынешнем творчестве есть известные плюсы. Я рисую ЖИВЫЕ картины... Что ни говорите, а картины в красках — они застывшие, то есть неживые...

— Резонно... — продолжал соглашаться Скобелев.

— Да и вообще искусство умерло... — резюмировал Ласточка. — Старое искусство, разумеется...

— А вы создаёте новое? — дознаватель из всех сил сдерживал подступавший смех. Но бывший художник, должно быть, эту его сдержанность всё же заметил — губы его слегка задрожали, готовые к бешеной вибрации обиды.

— Пытаюсь... по мере сил... — Ласточка потупил очи. — Но мы отвлеклись... Ведь вы пришли сюда не за этим?

— Да-да. Вернёмся к Кудряшке Сью...

— Мы с ней ладили... — снова погрузился Ласточка. — Тонкая нату...

— Да-да, я это уже записал... — в нетерпении перебил Скобелев.

— Скажите, вы виделись с ней в ту ночь, когда...

— В ту РОКОВУЮ ночь? — с прискорбием уточнил Ласточка. Скобелев кивнул.

— Да, мы виделись. Наши стойла неподалёку друг от друга. И когда она вышла...

— Кстати, во сколько она вышла? — решил рискнуть со временем дознаватель. Лошади, конечно, как и собаки, часов не наблюдают, однако... этот более словоохотлив. Чем чёрт не шутит? Может, соизволит. И Ласточка соизволил: — Ровно в полночь...

— мрачно констатировал он. — Она вышла ровно в полночь, и в этом был знак...

— Знак? — застрочивший Скобелев остановился.

— Да, знак. Дурной знак...

«Ого!» — подумал Скобелев. — «А мы ещё и мистики! Впрочем, чего ещё ждать от художника? Ну и лошадь Козлов себе за-

вёл...».

— Вы напрасно улыбаетесь... — перебил его мысли Ласточка. Ледяным тоном. — Я не вижу тут ничего смешного. Может, вы забыли, бедняжка Сью мертва...

Скобелев устыдился и поспешно скомкал улыбку.

— Извините, — извинился он. — Я вовсе не хотел... Я также заинтересован... Я за этим, собственно, и приехал. И я, со своей стороны...

— Вы её не знали... — с горечью заявил Ласточка. — И не любили...

— Да, но я... — начал Скобелев и не нашёл, чем закончить. — Хорошо, не будем больше отвлекаться. Согласитесь, моя цель — найти убийцу — вполне очевидно гармонирует с вашим настроением. И с вашими чувствами. Ведь вы хотели бы найти убийцу?

Ласточка вздрогнул, словно переживая воочию процесс убийства своей подруги. Тяжело задыхался и даже вытер пот со лба. Рукой. Совсем по-человечески.

— Разумеется...

— Отлично. Значит, цель у нас общая! — Скобелев взял быка за рога. — Вернёмся к той РОКОВОЙ ночи. Итак, Кудряшка Сью вышла из стойла в полночь и...

— И? — трагически высокой нотой почти пропел Ласточка.

— И — что было дальше? — наседали дознаватель.

— И — больше я её не видел... — ответил бывший художник. И зарыдал. Скобелев в сердцах захлопнул свою папку. Не записывать же невнятный текст рыданий. А больше от Ласточки ему добиться ничего не удалось... Когда он выходил из конюшни, он чуть было не столкнулся с рыжим косматым и лохматым человеком. Человек нёсся на него, как бык на тореадора, выпятив выпуклый большой лоб. Скобелев едва увернулся, отлетев и стукнувшись об измазанную навозом стену. А лохматый развернулся и, улыбаясь крупнозубой улыбкой, глухо промычал: — А что, господин дознаватель, странно, небось, тебе тут всё сие? И мы странны? — не то люди, не то животные?

— Носитесь вы, действительно, как скотина... — отряхиваясь, буркнул Скобелев. Лохматый ухмыльнулся и изрёк: — Понимаешь, дознаватель — если к людям относятся как к скотине, то они и ведут себя по-скотски! — сказал он по-человечески, а потом залиvisto заржал...

— А может, вам просто нравится это самое скотство? — зыркнув на лохматого сквозь очки, прошептал Скобелев. И вышел вон...

Становилось поздно. Становилось темно. Становилось поздно и темно, и надо было искать тёплое койко-место. В лиловых сумерках, в обнимку с саквояжем, пялясь бутылочными очками в окружающую неизвестность, Скобелев брёл вдоль дощатых

построек к хозяйской усадьбе. Дверь её нерешительно поскрипывала на ветру, словно раздумывала «впускать — не впускать». Наконец, когда Скобелев занёс ногу на ступеньку крыльца, решительно и сильно захлопнулась, чтобы через секунду широко, гостеприимно распахнуться... Когда Скобелев взобрался на крыльцо, в дверях стоял, приветливо улыбаясь, хозяин, Козлов. Вокруг ног его вилась девушка-кошка, и мужчинка-болонка пытался протиснуть любопытствующую мордочку в щель между хозяйской ногой и дверным проёмом.

— А мы вас заждались... — вздохнул Козлов, глядя снизу вверх. — Уже и чай три раза разогревали...

И Скобелев шагнул внутрь: от дикой природы, от холода и ветра — к теплу и уюту. Девушка-кошка тут же замурчала, затёрлась вокруг его ног, а мужчина-болонка сопровождал его, радостно повизгивая, подпрыгивая короткими собачьими прыжками, то ли выклянчивая ритуальный кусочек сахара, то ли просто из наивного животного дружелюбия. То ли это было и то и другое вместе, и всё оно вписывалось в назначенную роль... За столом разговор не сложился. Скобелев клевал носом, а Козлов индифферентно ужинал.

— Однако, разные у вас животные... — зевнув, высказался дознаватель.

— Угу, с характером — сказал Козлов, громко откусив сахар — он пил чай вприкуску. И тоже глубоко зевнул. Тут же, обезьяничая с хозяина, сладко зазевали и мужичок-болонка, и девушка-кошка. Скобелев снял очки, и картинка поплыла...

Уснул Скобелев быстро. Практически моментально. Будто выключателем щёлкнули в его мозгу. На отключение сознания понадобилось секунд пятнадцать, а через минуту он уже крепко спал, жизнерадостно похрапывая и похлюпывая. И сон его был ярким и плотоядным — с настоящими животными, прыгающими во весь экран, как на заставке в древней передаче на смутной заре телевиденья. Сон этот с полным правом можно было назвать, как и эту передачу — «В мире животных». Танцевали страусы. Фонтанировали хоботами слоны. Выпендривались хвостами павлины. Прыгали туда-обратно дельфины, и растекалось во весь экран отливающее солнцем море. И Скобелев тонул в его ласкающей жидкости. А она и липла, и обволакивала, и пригревала своей теплотой, и от соприкосновения и погружения в эту солоноватую муть дознаватель и сам внутренне теплеет и, как слоновий хобот, готов был зафонтанировать, и зафонтанировал бы, если б не зародилось в его животноморском сновидении некоторое сомнение и подозрение. От подозрения он и проснулся.

Рядом с ним, возле него, урча и обволакивая, мурлыча и обогревая, лежала женщина-кошка. Лежала, выразительно прогнувшись и характерно дыша. Скобелев брезгливо взвился — сна-

чала внутренне, а потом и внешне — и вытолкнул кошку вон с ложа, прокричав ей отчаянно «Брысь!». Женщина-кошка обиженно взмякнула и неторопливо, не теряя кошачьего чувства достоинства пошагала прочь в ночь — разумеется, на четырёх ногах-лапах. «Господи! — пронзительно подумал дознаватель. — Ведь чуть не трахнул! А трахнул бы — чего доброго, обвинили б в скотоложстве!».

С этим чувством стыда и некой незавершённости и заснул.

Больше ему ничего в эту ночь не снилось. А на утро его разбудили будто-бы-клопы, покусывающие его кожу. Он порывался в постели — ну конечно, какие клопы — мёртвые растения, сенокосома. Кошка, что ли, их в отместку напихала?..

Чай пить утром он не стал — не хотелось стреляться взглядами с похотливой кошкой и задумчивым болонкой.

Сразу пошёл допрашивать. В овчарню. К овцам. Наверняка среди них должна была найтись какая-нибудь подруга усопшей Сью. И подруга нашлась. Такая же блондинистая, кудрявая и длинноногая. Кучерявое одеяние (под овцу) едва прикрывало соблазнительную фигуру. Ноги же были абсолютно голые, женские и соблазнительные. Но Скобелев вспомнил мёртвые ноги Сью, и вопрос отпал. Звали девушку-овцу ещё более опереточно: Долли. «Хэллоу, Долли!» — чуть не проблеял ей в ответ дознаватель на манер давнего шлягера, когда она представилась. Но вовремя сдержался и заскрипел авторучкой. Долли не разговоривала. Долли почти что пеала. Но эта песня состояла из одних припевов: Да, они со Сью были подружки... Да, они со Сью жили в стойле рядом... Да, они со Сью... Нет, Сью в ТОТ вечер не казалась странной... Нет, она в ТОТ вечер практически не видела Сью... И вообще она почти не помнит ТОТ вечер...

— А не была ли Сью беременна? — вдруг спросил дознаватель... Пластинка треснула. Песня оборвалась. Долли испуганно смотрела на Скобелева и молчала.

— Вы расслышали вопрос?

— Да. Расслышала... — отвечала Долли другим, чуть будто бы прокуренным голосом. — Нет... Вряд ли... Я бы знала. Впрочем, к её смерти это всё равно не имеет отношения...

— Почему?

— Потому что. Вы же видели её... тело. Его грызли. При чём тут беременность?

— Ну-у... — пожал плечами дознаватель. — Может, и загрызли, потому что не хотели, чтобы она разрешилась. В смысле, беременность. Ну, вы понимаете...

— Нет... — отрезала Долли. — Мы здесь не размножаемся. Это оговорено контрактом.

— А как же голос... плоти? — Скобелев смущённо уставился на её голые ноги.

— Вы не понимаете. Женщинам ЭТО не так необходимо, как мужчинам. Мы можем вполне обходиться без ЭТОГО.

— Неужели? — растерянно мямлил дознаватель.

— А разве вы не заметили? — в стаде нет баранов, одни овцы...

— Это-то и странно... — домямлил Скобелев и, встрепенувшись, застрочил. Доли грустно слушала скрип авторучки. И молчала. Долго молчала. Когда же Скобелев поднял на неё взгляд, увидел: она спала. Стоя. Как овца...

Скобелев захолопнул папку. Доли не проснулась. «Хороша подружка», — скептически подумал дознаватель, уходя, не сумев не взглянуть ещё разок на эти длинные розовые ноги. Кабы не обстоятельства, можно было бы позволить себе роман с этими ногами — такой же длинный, как они... Угу. Роман с овцой. Хорош дознаватель! Нет, прочь, прочь отсель, пока не накрыло полностью игривое наваждение! Люди-лошади, люди-собаки, овце-девки и муже-быки. Хватит! Загрызли овечку — да и чёрт с ней! Овцой больше, овцой меньше. Домой. Домой!!!

...Скобелев, как сомнамбула, брёл по территории фермы, внешне прижимая к себе саквояж, внутренне переживая фиаско: «Что толку в этих ряженных? Никакого толку. Бестолковщина одна. Жмутся. Придуриваются. Бесят. Не до седьмого ж пришествия торчать в этом цирке?».

Оставались ещё крестьяне с близлежащего хутора. Постоянные наблюдатели и посетители козловского шоу. Может, они что пронаблюдали, посещая?..

Посреди двора его остановил пронзительный мальчиший визг. Скобелев искал источник визга и тут же нашёл его в мальчишке лет десяти, надрывно орущего, распахнув весь свой беззубый рот. Козлов был уже тут как тут. С пояснениями, о которых его никто не просил: — Это наш гибрид — сынок кобылы Мириам и таракана Брыки. Слышите, как он кричит? не по-детски?

Скобелев не понимал. Ребёнок визжал совершенно по-детски. Правда, всё не мог остановиться.

— Дурная наследственность, — пояснил хозяин. — Это он так смерть воображает. Папину. То есть представляет как папу-таракана только что раздавили, и как бы папа при смерти кричал. Скобелев ничего не ответил. Встал перед воротами. Дождь, пока сторож Иванов их откроет. И пошёл через всё то же поле сквозь опасные хитросплетения растений на хутор — к нормальным людям, не изображающим зверей...

Крестьяне словно его ждали. Толпились кучками возле харчевни. Кучка к кучке — глядишь, и митинг мог образоваться. В учебном заведении Скобелева учили, как митинга из кучек не допускать. Но крестьяне вроде и не собирались митинговать, мирно покуривали, поплёвывали, матюкались. И впивались цепкими взглядами в чужака — в него, в Скобелева. Но и

он не лыком шит — отвечал им не менее пронзающим взглядом. Крестьяне не ожидали — удивлялись, обижались, шурились. В Скобелеве просыпался талант агитатора. В сущности, крестьяне — то же стадо, коему не доставало пастуха. И вот он явился. Скобелев уже собирался зычно провещать на весь майдан, даже слово первое заготовил: «Мужики!» — да нехстати спотыкнулся то ли о выперший из-под земли корень, то ли о высунутую специально ногу. Он уже падал, когда его подхватили и, слегка тряханув, поставили на ноги, прислонив к стенке харчевни... С десяток глаз буравило его из-под кепок, шапок, фуражек и бумазейных пилоток. И чей-то тоненький, почти детский голосок дискантом возвещал: — И это чьи же будете, мил человек?

Другой, поглубже, добавил: — Откель явился? И за какую надобностию?

— Дознаватель я, — пробурчал дознаватель. — По поводу смерти. Кудряшки Сью.

Мужики, повздыхав да позырвав, грустно разошлись от него, как от прокажённого. А один, оставшийся, жалостливо погладил Скобелева по голове. Потом насквозь прожёт жгуче-жалостливым взглядом и тоже. Ушёл... Скобелев сполз по стене вниз и растёкся попой по траве, наконец, устойчиво чувствуя землю. «И с людьми не лучше. Может, хреновый из меня дознаватель? Может, в науку надо было уйти? В дактилоскопию?». Но дело надо было делать, потому что дело было закрыто. И закрыть это дело мог только он, дознаватель. Потому что это было его дело.

Вооружившись этой железной логикой, Скобелев воспрял и распрямился вдоль стены колом. И засверкала на округу восклицательным знаком. Затылками ощутив это его преображение, расходившиеся мужики замедлили шаг, остановились и принялись медленно, боязливо оборачиваться. Скобелев уже торжествовал. Прочистив горло многозначительным гххмыком, он провозвещал:

— Дознавание будет проводиться в обозначенном месте, а именно — тут, у стены харчевни и с каждым по отдельности.

Мужики, влекомые внезапным уважением к обозначившемуся начальству, заспешили к нему, деловито бурча: — Да так бы сразу и сказали!

— Надо так надо! Сделаем!

— Да так эта... тут надобно бы очередь изобрести.

И они, поталкиваясь да пообтираясь друг об друга, к удивлению Скобелева, довольно быстро выстроились в очередь.

— А баб звать? — спросил кто-то из конца очереди.

— Бабы — потом, — чинно заявил дознаватель и поочерёдно переписал всех из очереди, назначив каждому когда придти. Удовлетворённые тем, что соблюли порядок, переписан-

ные, тем не менее, не расходились, а сидели тут же, неподалёку, дымя крепкими своими сигаретами и молчаливо косясь на Скобелева, уже начавшего своё дознание.

— Фамилия! — спрашивал он официальным приподнятым тоном. И ему отвечали:

— Гудошкин!

— Довбня!

— Звездаков!

— О смерти овцы в хозяйстве Козлова слышали? — спрашивал он. И ему отвечали:

— Слышали!

— А поподробнее?

— Жуть...

— Ужас!

— Жалко девуку... в смысле, овцу... Сю эту, мать ею...

На этом показания, как правило, и заканчивались. Пока очередь не дошла до шуплого, какого-то жалобного всей натурой мужичонки, с блестевшими болезненно глазами, с тоненькими ножками, носками завёрнутыми внутрь и с длинными, выгибающимися в разные стороны ручищами, которыми мужичонка трепыхал, волнуясь, засаленную свою шапчонку. И фамилия у него была соответствующая, нелепая — Красоткин.

— Фамилия! — зычно спросил его вошедший в роль Скобелев. И затормозил, натолкнувшись на его выжидательное молчание.

— Фамилия! — ещё раз спросил дознаватель, вглядываясь в слезящиеся глазки.

Мужичонка слотнул — будто от страха — и тихо прошелестел: — Красоткины... мы...

Скобелев запротоколировал и перешёл к следующему вопросу:

— О смерти овцы в хозяйстве Козлова слышали?

И снова натолкнулся на молчание. Пришлось повторить вопрос.

— Так эта... и слышали... и видели... и вообще...

Скобелев напрягся. Впился в красоткинские глаза. Тот взгляда не отводил, а наоборот, притягивал, словно магнитом. Всасывал, как насос. Скобелев весь всосался в эти блеклые слезящиеся глаза. Из них истекало такое отчаяние, что хотелось быть. Но Скобелев сдержался.

— Что — вообще? — продрожал он в неожиданном, исходящем из нутра своего, ознобе. — Что — вообще? А... поподробнее? — попытался он выбрести на привычную канву разговора. Красоткин глубоко вздохнул. Потом ещё вздохнул. И, наконец, выдохнул: — Дак я это её... и порешил...

И застыл снова в слезящейся своей простоте, в глубинном своём отчаянии.

— Ага... — только и смог ответить Скобелев, щупая в кармане скомканный платок и долго вытирая выступившую на лбу ис-

парину — обильную, как утренняя роса на туманном лугуazole болога. Ясный разум его уже заволокло туманом. Не был он готов после тягостной череды бесполезных допросов к этой убийственной простоте. К такому простому исходу. Красоткин, судя по всему, ждал расспросов, но Скобелев не мог вытянуть из себя ни звука, ни хмыка, ни мычания. Он затерялся в этом тумане. Растворился в этой пустоте. Утонул в этих слезящихся глазах, засосавших его с потрохами...

Не дождавшись, Красоткин решил заговорить сам. При этом он как-то жалобно вытянулся весь и, напрягаясь, очевидно, всеми мозгами, изрёк-таки вымученную мысль:

— Я чё подумал: ведь если домашних зверков имитируют, должны ж быть и дикие... В смысле, зверки...

Дознаватель долго смотрел в измученное мыслями лицо Красоткина. Красоткин всё больше вытягивался и готов был ко всему. Только сейчас дознаватель заметил у ног его серый дерюжный мешок — должно быть, с сухарями.

Скобелев попытался представить, как этот шуплый мужичонка, имитируя по памяти волка, совершает злостное насилие над девушкой, изображающей овцу. Попытался — но не смог. Это было выше его понимания. Слишком не соответствовало. И тем не менее... Тем не менее... «ме-е...не-е...» — мысль Скобелева заплелась в козий завиток и тупо, медленно закружилась: «ме-е... не-е». И больше ни о чём не думалось. Только два этих слога, которые очень хотелось повторить вслух. Но он удержался. Чтoб не прослыть среди крестьян козлом...

Скобелев поправил очки и сфокусировался на реальности.

Красоткин продолжал обречённо пялиться. Дознаватель вздохнул и, не глядя на него, тихо, почти шёпотом, несвязным от пересохшего горла, сказал: — Спасибо, у меня к вам больше вопросов нет.

Красоткин вытянулся теперь совершенно весь: глазами, носом, лбом, волосами, руками, растопыренными в разные стороны. И тоже прошептал — одними губами, озираясь на стаю земляков: — То есть как это нет? И в каком это смысле?

— В обыкновенном, — пожал плечами Скобелев. — Идите...

— Но я же... как же можно? Я же сознался... Я... — Красоткин сужокожилася лицом в скорбной гримасе и смачно всхлипнул. — Как же я буду жить-то... со всем этим?

— А вы забудьте, — холодно ответил Скобелев. — И никому не рассказывайте...

Красоткин утёрся рукавом, высморкался, глянул искоса ещё раз на Скобелева и побрёл прочь, пошатываясь под ветром, бушевавшим у него в душе.

К Скобелеву уже спешил следующий из очереди, но дознаватель встал, остановил его упреждающим жестом и объявил громко, на всю толпу:

— Дознания больше не будет. Расходитесь... Дело закрыто. Мужики растерянно гасили сигареты, озадаченно сплёвывали, косились на чиновника, друг на друга и на фигуру Красоткина, маячившую уже где-то вдалеке. И также растерянно, поодиночке, не прекослова, начали расходиться, неся каждый свою думу и своё недоумение в свою избу, чтобы поделиться там ими со своими бабами, ждущими их рассказов в тёплых своих постелях... А Скобелев глубоко вздохнул и размашисто записал в своих бумагах: «*Кудряшка Сью. Овца 22 лет. Зверски загрызена неизвестным волком*». Поставил жирную точку. И захопнул свою папку. И тоже — пошагал прочь. В город. Деревня ему изрядно надоела.

Наталья РОЖКОВА

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Миниатюры

Отсутствие поэта

Моих великовозрастных сверстников до сих пор позорно величают «молодыми поэтами» (как, впрочем, и тех, кому за 50, эта тема уже надоела). Виноваты не только мы со своим инфантилизмом, но и время — в начале 80-х, когда нас начинали потихоньку печатать, многих — в самиздате, жили те, рядом с кем особенно чувствуешь себя учеником. Как хотелось, чтобы «старик Державин» отметил! Один за другим они стали покидать нас — А. Тарковский, Б. Чичибабин, Ю. Кузнецов — не хочется продолжать печальный список, но душа как-то не желает мириться с уходом. Вот и не удалось изжить ощущение вечной юности. Для нас было необходимо знать, что есть Поэт, а где он живёт — в столице, глубинке или за океаном, не имеет значения.

... В 60-е годы, когда многие из моего поколения стихотворцев только собирались появиться на свет, в России были написаны два поэтические произведения, ныне известные многим: «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...» (Николай Рубцов) и «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам...» (Иосиф Бродский).

В этих стихотворениях поразительно непохожих друг на друга поэтов — много совпадений. Случайны ли они? У обоих — великая загадка таинственного всадника с «одиноким лицом». Он неуловим, его невозможно увидеть воочию, остаётся довольствоваться «лёгкой тенью» (у одного поэта), «быстрой тенью» (у другого).

Когда погиб Рубцов, некий прозаик заметил: «появилась дырка

в душе». Быть может, для литератора неуклюжее определение, но оно точно. Узнав о смерти Бродского, многие почувствовали эту самую «дырку». Оба расстались с жизнью в январе. В их стихах — не просто зима, а вселенский холод, несущий гибель. У Рубцова: «он умер, снегами отпетый», у Бродского «он умер в январе, в начале года, под фонарём стоял мороз у входа». У Рубцова — «мёртвый снег, не дающий покоя», у Бродского мороз — «откровенье телу о его грядущей температуре». (Но при желании у обоих можно найти «снежные» стихи, наполненные радостью и светом).

Рубцов написал: «Я умру в крещенские морозы». Так и вышло. Бродский хотел, чтобы в последние его мгновения был «под затылком снежок», а завершить свои дни мечтал на Васильевском острове, позже — в Венеции. Не получилось. А нам — поминать поэтов в январе, пусть смотрят с портретов большими глазами, пусть в наших руках умирают свечи, а над Родиной кружится снег. Как всегда.

Следы на снегу

Когда говорят о Б. Пастернаке, я вижу чистый, пушистый снег и сиреневые следы. А если вспоминают О. Мандельштама — такой же снег, только следы чёрные.

Последний поход в редакцию

Мне здесь не понравились коврики ядовито-жёлтого цвета, бездушные стеклянные двери, вызвали жалость засохшие кактусы в кадках... Типичный террариум!

Редактором отдела поэзии оказалась крупная немолодая змея-самец. Раздражённо взглянув на меня, рептилия треснула по столу чешуйчатым хвостом и прошипела:

— Итак, вы принесли стихи? А ну, подойдите поближе!

Было

Со сцены звучит: «Возьмёмся за руки, друзья...» Ко мне тянется рука соседа, она ещё не прикоснулась, но я уже чувствую её тепло. Политехнический. Мне минул восемь лет.

География

Возможно, Там они расположены недалеко друг от друга — Кавказ Лермонтова, Африка Гумилёва и по-весеннему сырой московский дворик Владимира Соколова...

Хорошее отношение не только к лошадям

Фет в стихах обращался к Тютчеву: «мой обожаемый поэт!», Пушкин называл Боратынского «милым трубадуром», Цветаева Ахматову — «прекраснейшей из муз». А нынешние поэты чаще злятся друг на друга...

Как быть?

Бабушка с дедом жили на другом конце города, отец целый день на работе, маме нужно в магазин. И я, не детсадовский ребёнок, с 3 до 7 лет оставалась дома одна и слушала радио, все передачи подряд. На меня можно было положиться: никогда не трогала газ, розетки, чернильницу... Однажды вымыла полы своими колготками и смиренно ожидала похвалы. Да и играла не как другие: мечтала о кукольной кроватке, а получив её, вытряхнула постельные принадлежности, перевернула кровать и посадила под неё куклу.

— Что это? — допытывались взрослые.
— Киоск с продавцом.

Этот киоск, наверное, находится там, где удав проглотил слона и стал похож на шляпу на страницах Экзюпери, или, если грубее, возле булгаковского цилиндра, превращенного «добрыми людьми» в парашю. Но сегодня мне — 6 лет, и по-настоящему плохо. Ёрзает ключ в замке.

— Ма-ама! — задыхаюсь от слёз.

— Почему ты плачешь?

— Знаешь, что будет через 25 лет?

— Что? — в голосе недоумение.

— А вот то! Пожарные будут не тушить пожары, а сжигать книги, людей, которые их хранят, станут наказывать. Как быть?!

— Погоди, откуда это...

— По радио сказали!!!

«451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери. Чудесный радиоспектакль с Юрием Яковлевым в роли Монтэга, серебряным голосом Бабановой — Клариссы. Меня отпаивают валерьянкой, объясняют, что бояться нечего. Я почти сплю, и вдруг снова вскакиваю: «Как быть?»

Мне уже давно не 6, и не 16, и даже не 26. Но иногда просыпаюсь среди ночи с тем же тревожным вопросом: «Как быть?»

Приглашение

Мне снится, что иду по двору, освещённому апрельским солнцем. Вижу около своего подъезда автомобиль «Жорьх» модели сороковых годов с открытым верхом. За рулём сидит мой отец, рядом — бабушка, на заднем сиденье — старый школьный друг. Все они давно умерли, но я почему-то об этом не вспоминаю.

— Садись к нам, — приглашает папа.

— Сейчас, только скажу дома.

Лифт на последнем этаже, и, экономя время, стремительно взлетаю по ступенькам. Сердце куда-то проваливается, становится жарко, страшно и весело одновременно.

— Мама удивленно открывает дверь:

— Зачем так зверски нажимать на звонок?

Рядом подпрыгивает моя дочка:

— Мама хулиганит!

Сбивчиво говорю, что случайно встретила знакомых, они пригласили в кафе... Добавляю:

— Вернусь... скоро.

— Домочадцы согласно кивают. Выбегаю во двор. Машины уже нет.

Одиночество

Изрядно пьяная поэтесса крепко держит меня за рукав.

— Знаете, какой сон я часто вижу?

— Какой же? — подавляя зевоту, изображаю внимание.

— Вроде мой взрослый сын стораёт от желания... Ко мне! Убежать невозможно, двери на замке, он стягивает мне руки ремнём и валит на кровать. Что скажете?

— Какая мерзость! Не стоит сыну об этом рассказывать.

— У меня нет сына! — она почти кричит, люди за столиками буфета ЦДЛ привычно оглядываются. Поэтесса вытирает слёзы вперемешку с косметикой, браслеты на её старых руках звенят. — И дочери нет, и собаки, и кошки, и даже цветов на окнах! Никого, никого...

Чтение в душевой

Моя соседка по большой палате неожиданно спросила:

— Вы любите стихи?

— Смотря какие...

— Мне очень понравились строки одного поэта, я из журнала вырезала, хотите, почитаю?

— Извольте.

— Пойдемте в душ.

Я вытаращила глаза:

— Зачем?

— Там акустика хорошая.

Действительно, в душевой стихи звучали как-то особенно, даже лучше, чем в зале. В коридоре послышались звонкие каблучки медсестры. Она, было, прошла мимо, но остановилась — видимо, вслушалась в интонации женского голоса, выводящего:

И видит он русское море,

Стакан золотого вина,

И слышит, как в белом соборе

Его отпевает страна.*

* Из стихотворения Е. Рейна «Электричка 0.40»

Спасительница

Моя прабабушка, красавица-полька из обедневших дворян, ведущих, однако, своё происхождение от знаменитого рода Понятовских, в годы гражданской войны жила на Украине. Не-

когда тихое и сонное местечко лихорадило от каждодневной смены власти: помимо белых и красных, наведывались «синие» и «зелёные». Прабабушка прятала шумное семейство соседа-еврея у себя в погребе, в окно выставлялся крест, и бравые вояки проезжали мимо. Прадед, топорща пышные, как у Пилсудского, пшеничные усы, побаивался:

— Если найдут, то и нас вместе с ними прирежут!

Прабабушка гневно сверкала на него своими прекрасными глазами и неизменно отвечала:

— Спрячься и ты в погреб со своей шляхетской мордой!

Подарок

— Дядь Коль, кота кормил? — спрашиваю соседа.

— А как жа! — отзывается старик.

— Когда? — не унимаюсь я. — Небось неделю назад! Почему он у меня сухие хлебные корки хватает?

Иной раз, попарится дедушка в баньке, волосы мокрые на солнышке блестят, мятая, но чистенькая рубашка белым-бела, а котик воротничок свой вылизжет — и сидят рядом, греются... Нынешним летом приехали мы в деревню и опечалились: не стало дяди Коли, котяра осиротел. Хозяйка, баба Маня, ещё раньше старика умерла. Я стала подкармливать отощавшего Ваську, и он приветствовал нас каким-то хрипловатым скрипом — даже мяукать, видимо, разучился. Ел однажды из консервной банки у меня в избе, и вдруг — мышь! Василий со спенназовской сноровкой придушил грызуна, но есть не стал, а положил у моих ног — мол, угощайся! А сам горделиво вернулся к своей банке.

Время

У кошки и тюленя — общий предок. Они похожи, когда внезапно поворачивают голову или ловят сверкающую на солнце рыбёшку. И усы похожи, и брызги, и азартное выражение больших, прекрасных глаз. У льва или тигра — глаза маленькие, ничего общего с кошачьими. У тюленя — почти такие же. Осторожно, кошка! Не забудь, что ты — сухопутная, не плюхнись в бурную реку!

Строитель-молдаванин особенно красив в профиль. Люди этой нации вообще не бьются курносы, и кожу имеют не вульгарно-смуглую, а словно мёдом светящуюся изнутри. В глазах нет осторожности — они не азиаты, нет и печали, потому что не евреи. А есть — воспоминание! Бедные потомки великой Римской империи, черепки великолепной вазы... Ни одного толстяка не встретишь среди них — от легионеров достались поджарые фигуры. Вот и парень в синем комбинезоне, воздев палец, что-то вещает своим товарищам на изменённом до неузнаваемости варварскими племенами наречии. Эй, родимый, ты не в

Сенате, а на крыше, не сорвись, смотри, этаж-то седьмой!

Папоротник и хвощ полевой были когда-то величиной с деревья, и стрекозы почти с метровым размахом крыльев летали среди них. Иду вдоль оврага, и думаю, что растения эти не маленькие вовсе, а просто с высоты такими кажутся. Душа моя парит над землёю и сверху все видит. Что-то летать не хочется. Побудь, душа, ещё здесь внизу, пожалуйста.

Илья ОГАНДЖАНОВ

Я ТОЛЬКО ЭХО ВЕТРА И ДОЖДЯ...

* * *

Лишь глаза закрою и сном забудусь,
душа серой цаплей над озером лесным закружит —
облака на дне его и опавшие листья.
Женским голосом кричит и плачет птица,
кличет милого друга.

А проснусь: ни озера, ни цапли.
Солнце на небе, как лист осенний.
И не вспомнить имени друга.

* * *

ты спишь в воздушном замке
гроздь сирени лежит на сердце
ты не слышишь
как рушатся твои песочные миры
и полночь марширует по брусчатке
ты спишь
твоя невеста расплетает седую косу
у стен грозит осадой тишина
рассветный сумрак пчёлы собирают в соты
и на штыках врывается в твой сон пехота

* * *

я только эхо ветра и дождя
умолкнет ливень и меня не станет
и палую листвой по руслам строк
скользнут земли и неба отраженья
ни шелестом ни шёпотом ни криком
мне горней тишины не потревожить

и тенью звука в ней не отразится
мгновенная струна бессонной ночи
я только голос спорящий с волной
кораблик-слово на реке забвенья

* * *

Пока солнце на цыпочках ходит по каплям росы
в почках набухших зреет шум листопада
птица слетает к земле на свидание с собственной тенью
и как пустая лодка оторвавшаяся от причала
улыбка Бога плывёт в облаках

к каким берегам пристанет
о камень какой разобьётся

и где безмолвию камня положен предел
и есть ли у камня душа
или нет у него ничего кроме себя самого
и нет у меня ничего кроме голоса

но если нет у камня души
о чём же тогда моя песня

и лепет листвы и жалоба ветра и вздохи прибора

Волны на лунной дорожке
лоза бесшумно струится к небу
как будто там её судьба и устье
и родина её плодов

* * *

оглянись
твоя тень польньёю чернеет в закатных лучах
честнее зеркало найдёшь едва ли
едва ли дверь найдёшь распахнутую шире
и след отчётливей оставишь на земле

сквозь сумерки сквозь слёзы сквозь года
вглядись в неё и ей шагни навстречу
и на заре неожиданно отразишься
в траве и листьях камне и воде

* * *

и камень и синица и звезда
недремлющих зеркал распахнутые двери

и ни в одном себя не узнаю
ни за один порог ступить не смею

но разве в жилах моих не та же тьма струится
что взламывает лёд и вспарывает землю лезвием травы
и разве в затопленной сумраком памяти я не найду
ни сотканного стрекозами луга
ни меланхолического пруда
ни ивы склоненной над водой

нет ничего
лишь несколько исписанных страниц
и в никуда путём окольным карандашным
жизнь убегает ученической строкой
и почерк неразборчив и неровен

* * *

возьми займы у шелеста листвы
когда-нибудь вернёшь не ялбом так хореем
или ропотом шёпотом вздохом
в одиночестве ночью во сне
но пусть последний лист слетел с твоих ветвей
и пусть душа сиротствует в оледенелых кронах
найди лазейку в мёрзлой тишине
и сад тебе откроется такой
что кажется лишь руку протяжи
и с ветки на ладонь
созревший мир бесшумно упадёт

* * *

брошу в лужу монетку
не на счастье
не чтобы вернуться в этот мир
пережив ещё одну осень
а так от скуки
и на воде закружится пластинка
и музыка неслышно зазвучит

* * *

ветер дождь листопад
духовые и струнные
настройщик плакун-травы
беру как скрипку ветку клёна
и в тёмном шелесте мерцает звезда

и вьётся музыки бесцельная тропа
и я на ней один
без компаса и карты

* * *

качнётся лодка у причала
растает облако вдали
опавший лист в груди прошелестит
это время проходит моё
как поступь его величава
как звонко струится по венам рассвет золотой
как горестно память стрекочет
ответь мне кузнечик
одной ли печалью полны мы
с лесом облаком и рекой

в стрёкоте щелбете шелесте тонут слова
в небе сияет заря чудотворной иконой
брат мой кузнечик
какая ширь над нами какая тишина
и в полный рост на косарей идёт трава.

Владимир ГЛЯНЦ

ТЕАТР УЛИЦ

Мальчик лет десяти открывает и закрывает ладонями уши, и ему кажется — работает насос: грозные слова скандала рубятся в мелкую крошку и становятся не такими страшными. Уа-вау-вай сорок рублей. Уа-вау-вай не распуская руки. Уа-вау-вай устала.

Насос, почти насос, почти совсем как насос, который до того разогрелся, что в воздухе уже почти пахнет машинным маслом. Но если уши надо закрывать-открывать, то глаза следует закрыть совсем и как можно крепче и не открывать вплоть до специальных указаний. Надо совсем не видеть это женское лицо, перекошенное и изуродованное своей правотой. Но и вечно виноватое, почти трагическое мужское, находящееся как бы в высшей фазе гонимости, — тоже ничего не объяснит. Мальчику кажется, что мама права, тысячу раз права мама, но он видит и то, что она же и наступает, катит, так сказать, впереди себя тяжеленную бочку своей правоты. От этого и самая правая правота перестает быть самой собой. Скорей всего виноват папа, но у него такие беззащитные глаза, что в его вины как-то не верится.

Мама к своей правоте и слова подбирает тяжелые, разящие, прокурорские; папины — всегда жалкие, по-русски неправильные, смешные. У папы совсем нет педагогического «слуха», и потому он и сынишку с дочкой пытается втянуть в это недетское дело. Он говорит:

— Вовуле, клянусь памятью своих погибших родителей, чтоб я так счастлив был, я ей в среду, — погибается один палец на руке, — в среду, гляди сюда, дал двести рублей. Теперь посмотри сюда, — погибается второй палец на руке, — сегодня — понедельник, неделя не прошла, где же гельд?

— Э-э-э! — говорит, подбоченясь и качая головой мама, — какая же ты все-таки дрянь!

— Погоди-погоди-погоди, — говорит папа очень быстро, — я ей в среду, в среду...

— Какой же ты паскудник. Напаскудил, а теперь за детей прячьешься? Я же тебе сказала, что купила детям путевки — раз! — сюда смотри! Пу-тев-ки, понимаешь, нерусский ты человек? Теперь — всем троим из бельишка, это — два! совсем обносились у папы-закройщика...

Но мама уже и сама попалась, потому что свое разъяснение о путевках она тоже адресует детям.

Кое-кто зря понадеется, что градус скандала уже настолько высок, что вот-вот, еще немного — и гром грянет, а там — и очистительная слеза, и просветление и мир? Детей, наконец, покормят и отправят в школу? На самом деле до этого еще далеко. Еще некоторым особо важным словам будут прибраны синонимы, один другого хлеще. Еще в рукопашной схватке... Или сегодня обойдется без рукоприкладства? Ведь, кто его знает почему, но после этого уже совсем ничего не остается от маминной правоты. Хотя мальчик не устает убеждать себя, что мама, мама права, и это вовсе не она заводит все эти вечно тупые разговоры о деньгах.

Или, может, сегодня закончится по-другому, как это тоже иногда бывает:

— Вот, вот и вот! И вот эту еще тряпку, которую ты тогда пытаешься подарить этой своей, косоглазенькой... — хлоп, шлеп, шелк! Широко открывается наружная дверь, и на порог выставляются два чемодана. В дверях стоит красная, грозная мама. Она (о, какой позор!) громко и отчетливо, на весь подъезд говорит с хорошей улыбкой:

— Вон из моего дома! Я тебе не позволю калечить детей. Нет, люди, вы только посмотрите! Этот человек пришел в мой дом в одной рваной шинели, из ушей текло, по-русски ни бум-бум.

— Мама делает специальную отвратительную гримасу, чтобы уже ни у кого не возникало сомнения, какой папа пришел противный.

— Не пытайся закрыть дверь, пусть все знают, какая ты гни-

лушка! Ну, что ты ноешь, что значит стыдно? Мне — не стыдно! Я — мать!

Надо сказать, мама в этих скандалах, несмотря на, казалось бы, полный серьез, как-то никогда не могла совсем отключиться от внешнего мира. Все, что и без того уже было нехорошо, она еще доигрывала, чисто по-актерски доигрывала до прямо-таки ужасного. Конечно, если верно определение, что все женщины — актрисы, а русские женщины — по преимуществу драматические актрисы, то маму тянуло скорее к героико-трагическому репертуру. Но быт ведь не дает соответствующего материала, и тогда вместо «высокого» получается «смешное». Папа, «культурно-отсталый» по маминому определению, смолоду был очень способным и новое для него театральное дело осваивал прямо по ходу пьесы. Точнее даже — по мере ее, так сказать, коллективного созидания. Мама, случалось, «выпадала» из главной роли и совершенно внезапно выступала как бы в роли театрального критика или даже главного режиссера:

— Тьфу! — с сердцем говорила она, — ну до чего же ты — фальшивый человек! — Здесь, видимо, мама имела ввиду фальшь в игре. — Ну, вся совершенно мимика никуда не годится, жесты, ты тоже прости, какие-то... я просто не знаю, у какого такого артиста погорелого театра ты их одолжил? А все потому, что дешево бьешь на жалость. Но дети (читай — зрители!) все видят, их — детей (зрителей) не обманешь! До чего же ты скользкий! — Здесь, видимо, мама в чересчур, может быть, эмоциональной форме высказывала чисто режиссерскую мысль о недостаточно достоверном раскрытии папой сценического образа. Как-то вот так и слышалось в этом месте то самое, знаменитое: «не верю!».

Конечно, будь мальчик житейски опытней, он бы сообразил, что в форме скандалов, собственно, проявляется мамина наклонность к театральному делу. Это была настоящая жажда творчества. Может быть, следовало эдаким очень нежным манером (чтобы не разбудить) взять маму под руку и отвести ее в девятый ряд, посадить за режиссерский столик с микрофоном, пепельницей и тарелкой седого винограда или чем-нибудь другим — запить-заесть — и сказать: вот, садись, мама, твори!

Но мама не нуждалась ни в чьих советах. Она успевала и говорить-выкрикивать свой текст и раздавать уничижительные оценки топорной игре как второстепенных персонажей, так и массовки в целом. Ее творческое коварство не знало границ. Она, например, иногда сознательно затягивала в чавкающее болото действия соседей и совсем неожиданных свидетелей, вроде молочниц и старьевщиков. Когда, чуть позже, и дети вошли в эти импровизированные мистерии, мама, например, иногда с убийственным сарказмом говорила, что не потерпит у себя в доме этих деревенских обмороков. Что в переводе с

режиссерского означало призыв к соблюдению меры и вкуса. Сама мама была не чужда пафоса и, бывало, открыв дверь на лестничную клетку, зывала к соседям, уж точно не желая знать никакой меры, от души переливая через край и откровенно драматизируя:

— Люди! — сначала не так громко, а как бы пробуя голос, выговаривала мама. — Да люди же! Что вы же смотрите, как убивают? — с искренним недоумением и горечью не кричала, а именно говорила мама. У мальчика мурашки бежали по телу. Нет-нет, она никогда досрочно не форсировала силу голоса, отлично владея выверенной постепенностью — от пианиссимо к пиано и форте, и далее. Да и кто из проживших на земле лет тридцать пять-сорок не справился бы с этим текстом? У кого не хватило бы мастерства и силы души сказать его потрясающе простые и сильные слова?

— Люди, да люди же, что же вы смотрите, как убивают? Прошу вас, выслушайте меня! Дряхлеет моя память, сыпятся зубы, в сосудах — какие-то бляшки... Что меня радует? Жизнь — из одних обязанностей? Без применения — а где их применить? — деревенеют и атрофируются все творческие способности, дубеет, как резиновая подметка, вся юная гибкость. Кто убивает меня, я не знаю. Но прошу вас, взываю о помощи, это невыносимо! Я знаю: жизнь этим не кончается, ей еще тянуть-ся и тащиться по кривым дорогам лет, может быть, двадцать, но прежним, прежним своим легким взглядом я уже никогда не посмотрю на этот мир, прежним своим танцующим, пружинящим шагом в легких теннисных тапочках... да что там.. И этот еще... Если бы у старшенького не обнаружилось положительное перке, я никогда не связала бы свою жизнь с глубоко чуждым мне человеком. И как же все это назвать по-другому? Разве это не называется «убивают»?..

Потом, много позже станет понятно, что задолго до явления, как режиссера, Юрия Любимова (в описываемое время он еще с отвращением играл ненавистную роль юного молодого-вардейца Олега Кошевого в театре им. Евг. Вахтангова), задолго до него мама, по-видимому, бессознательно пыталась осуществить брехтовскую мечту о театре улиц. Вот почему она так активно вовлекала в свои импровизации весь подручный человеческий материал. Без сомнения, со временем и папа наливался опытом, так как, бывало, еще на самом взлете скандала папа, вдруг прозрев в мамином лице некоторое сходство с народной артисткой СССР Верой Пашенной в роли Вассы Железновой, начинал заклинять ее:

— Зое! Только не входи в роль. У-мо-ляю, не входи в роль! — И вы усмехнетесь и не поверите, но в этом месте папа, очевидно теряя и вкус и меру, таки заламывал свои женские, по маминому нелицеприятному выражению, ручки.

И что же? То ли брехтовская мечта о Театре улиц-лестниц-подворотен стала сбываться, то ли в подъезде и без мамы хватало талантов, но крепко сваренные и круто посолонные сцены из народной жизни, перекипая в коммунальных квартирах, все чаще теперь выплескивались наружу. А в этом-то ведь и весь смысл театрализации быта. Попробуйте у себя в подъезде...

Андрей СИГУТИН

КТО Я?

(Размышления Ивана Ивановича Н.)

*Господи, благодарю Тебя за все, что со мною будет, ибо твердо верю, что любящим Тебя все содействует ко благу.
(Из молитвы Оптинских старцев)*

“Говорят, за мгновение до смерти у человека пролетает в ярких красках-воспоминаниях вся жизнь перед глазами. Этакое кино, где ты одновременно и зритель, и главный герой. Хотя, нет. Скорее, сторонний наблюдатель, от которого уже ничто не зависит. Ведь “сухой остаток” прожитых лет: наши добрые и злые дела, — взвешенные на Небесных Весах Правосудия, беспристрастно предрешают судьбу каждого. Вечность ошибок не прощает: Рай или ад — третьего не дано. Вот когда в полной мере понимаешь: поступки громче любых слов. И рад бы все изменить, да нельзя. ТАМ каяться поздно... И понеслась душа-горемыка на веки-вечные туда, где ей быть, совсем не хочется...”

Иван Иванович в ужасе вздрогнул от этой мысли и приоткрыл глаза. Нервная дрожь волной неприятных, колочих “мурашек” прокатилась по спине. Но голубое небо над ним, ласковое солнце, приятно согревающее его крепкое тело, шум прибоя и бархатный морской песок под спиной быстро успокоили. Появилась сладостная истома, такая обычная для загорающих. “Да, нелегко искать смысл жизни на пятом десятке, — подумал Иван Иванович. — С детства вбивали в голову: “Бога нет, мы произошли от обезьяны”. А сейчас многие из этих “учителей” стоят в храмах со свечами и увещевают с точностью до наоборот: “Бог есть, мы — Его дети, а обезьяны, по последней версии, произошли от людей, не желающих работать”. Воистину, Бог есть, если непробиваемые атеисты с высшим партийным образованием становятся верующими. Ну, ладно, с ними все понятно. Как говорится, Господь им Судья. А меня-то, кандидата физико-математических наук, каким ветром занесло в веру? Вот — вопрос вопросов, на который интересно найти от-

вет. Конечно, я с юных лет совершенствовал себя. Моим девизом были слова А. Толстого: “Недовольство собой есть трение — признак движения”. Но, если б мне раньше сказали, что стану христианином, и вместе с бабушками буду стоять в церкви, я бы от души посмеялся. Вероятно, прав священник, говоря: “Спасибо нашим предкам, молящимся Творцу. Благодаря их прошениям мы приходим ко Христу”. Хотя, кто знает. Например, Писание учит, что Бог нас избрал еще до сотворения мира. Думаю, все же, Господь по милости Своей привел меня к вере через разум. Однажды, в поисках истины открыв Евангелие, прочитал: “...иго Мое благо и бремя Мое легко”. В тот момент я вдруг осознал: человек такого придумать не мог. Значит, Бог действительно есть. После этого моя совесть не давала мне покоя: кто я, настоящий, и как спасти душу? Ради чего живу на Земле и какова моя миссия? Чем глубже пытался погрузиться в себя, ища ответ, тем больше было непонятного. Вдобавок, еще чувствовал: внутри я существую в нескольких лицах. Наблюдая за собой, заметил: “С одними я — один, с другими — другой. Такое впечатление, что постоянно роли играю, следуя собственной корысти. Кто же я истинный, на самом деле? Кто я в “сердцевине”? Ведь каждый призван познать свое высшее “я” и жить со всей полнотой, на которую только способен. Ибо идеал настоящего Человека — Личность Христа...” С этого момента Иван Иванович, словно растворился в собственных мыслях. И они безмятежно поплыли, как облака по голубому небу... Почему-то ему припомнилась первая попытка принять крещение. Его размышления понеслись в прошлое... “Решительно подойдя к батюшке, я тогда заявил: “Хочу покреститься!”. А он мне в ответ: “Зачем?”. Я даже опешил. Стою, вроде двоечника на экзамене, и не знаю, что сказать. Мыслей в голове много, все понимаю, а сформулировать не могу. Время будто остановилось. Осознаю лишь благоговейную тишину в храме, мерцание свечей, разлитый в воздухе аромат ладана... И священник стоит, молчит и смотрит так на меня спокойно и ласково. Мне даже показалось: он слегка улыбался, медленно поглаживая пышную бороду. Наконец, священнослужитель молвил: “Идите домой, почитайте Евангелие. Через неделю подойдете ко мне на исповедь. Лучше заранее запишите все ваши грехи, начиная с семилетнего возраста...”. Домой пришел сам не свой. Жена испуганно спрашивает: “Что-то случилось?”. “Да нет, — тихо произнес я, — все нормально. Пойду с собачкой погуляю”. Мне вдруг очень захотелось уединиться, уйти прочь от суеты... Я открыл дверь, собака пулей вылетела на лестничную площадку. “А ужинать?”, — вдогонку крикнула моя “Ева”. “Не хочу!”, — машинально буркнул я и сильно захлопнул дверь. Ну, вот, опять жена будет обижаться. Действительно, когда с самим собой не в ладах, в первую очередь страдают близкие...

Накануне исповеди, гуляя по парку, я, наверное, в сотый раз мысленно “прокручивал” свою жизнь, боясь забыть даже маленький грешок. Неожиданно в голове молнией пронеслась обжигающая мысль: “А как бы я поступил, если бы сейчас передо мной предстал Сам Иисус Христос?”. Удивительно, насколько быстро пришел ответ: я упал бы перед Ним на колени, моля Его о пощаде и милости, яко разбойник. Кто устоит, не сторев, рядом с Солнцем? А Христос в Своей Славе ярче миллиона небесных светил! Интуитивно я ещё тогда чувствовал непостижимое величие Бога. Невольно вспомнились слова апостола Павла: “Страшно впасть в руки Бога живого”. Все остальное я воспринимал в каком-то измененном состоянии сознания. Лишь из сердца вырывался вопль грешника, мне казалось, слышимый всей Вселенной: “Господи, Иисус Христос, помилуй меня, грешного!”. Я каким-то таинственным образом понимал, что со своими грехами ничуть не лучше палячей на Голгофе, забивавших гвозди в Его святые Руки. Мне вдруг стало ясно, насколько сильно Христос нас любит, и что Он умер вместо меня.. В Храм я пошел уже внутренне обновленным. Однако, перед исповедью, стыдно вспоминать, у меня, взрослого мужика, дрожали колени. Помнится, я так экзаменов в студенческие годы не боялся, как исповеди. Но, какое было блаженство, когда батюшка после моих мучений положил мне на голову епитрахиль и прочел разрешительную молитву. Я в тот момент явственно ощутил, что Бог — живой, и Он простил меня. Мною овладело ни с чем не сравнимое чувство чистоты, внутренней радости и покоя. С моих плеч будто гора свалилась. Мне казалось, я заново родился, стал сыном Божиим, “древнее прошло, теперь все новое”. Знакомые прихожане потом говорили: “Ты весь светился от счастья!”. Да, в то мгновение я по-настоящему был счастлив. Мне стало ясно, что без Бога больше не прожить. Внутренняя радость переполняла сердце. Несколько дней я словно летал, улыбка не сходила с моего лица. Я чувствовал себя новым творением. Все мои знакомые сразу отметили во мне разительную перемену. Приятели так и сыпали при встрече комплиментами: “хорошо выглядишь!”, “помолодел!”. А некоторые даже спрашивали: «Иван, скажи по секрету, какими кремами, биодобавками пользуешься?». Я же над ними тихо посмеивался и, вероятно, возгордился, потому что славу всегда надо приписывать не себе, а Богу. Накануне злополучного события открываю Евангелие и наугад читаю: “Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”. Тогда еще подумал: “К чему бы это?”. Искушений в нашем мире не избежать. Как назло, через три дня после Крещения, я — эдакий фарисей с золотым нательным крестиком на шее — посчитал себя праведником. И начал, по неразумию, учить жизни своего лучшего друга, Вадима, желая нравуочениями привести его к вере. Воисти-

ну, “благими намерениями дорога вымощена в ад”. В пылу диспута я наговорил ему такого, от чего потом самому хотелось “провалиться сквозь землю”. В результате, между нами образовалась непреодолимая пропасть. Одному Богу известно, насколько мне было тяжело на душе! Невозможно выразить словами опустошенность, которую я чувствовал. После того злополучного разговора намного глубже понимаю, какую муку отторжения чувствовали Адам и Ева, когда покинули Рай. Пришло осознание, что Бог по милости Своей дал мне благодать, а я, словно блудный сын, ее потерял. С сего случая и началось мое покаяние. Потому что по-прежнему я жить уже не мог. Это равносильно тому, как если бы слепому от рождения на время вернули зрение, а затем отняли. Более того, я хотел быть Богу и себе другом, а не врагом. Пришлось перед Господом вставать на колени и со слезами просить у Спасителя прощения за все мои выходки. Заглянув в себя после того, как Христос осветил тёмное царство моей души, потаённые ее уголки — я испугался. Раньше даже не подозревал, до чего много во мне тайной злобы, скрытой агрессии, зависти, гордости, тщеславия и прочих пороков. Меня лишь немного успокаивало изречение св. Отцов: “Видящий свои грехи больше сподобившегося увидеть Ангелов и воскрешающего мертвых”. На своем горьком опыте я осознал истинность слов Спасителя: “Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть бревно из глаза брата твоего”. Действительно, “врач, исцели себя сам”. После покаяния я принял решение наблюдать только за собой, учить собственным примером и никого не осуждать. Сейчас в голове не укладывается, как я, безумный, мог «наставлять» других, будучи сам духовно больным?!

Однако Бог по Своему всемогуществу и милосердию зло превращает в добро, и человеку испытания выше сил не дает. Со временем опытным путем я пришел к твёрдому, словно алмаз, основанию моей веры: любящему Бога все содействует ко благу. Не зря народная мудрость гласит: “Что Бог ни делает — все к лучшему”.

Иван Иванович почувствовал, что обгорает, перевернулся на живот, улыбнувшись от мысли, что, наконец-то, он, как в детстве, может беззаботно поваляться под солнышком... И снова предался сладостным воспоминаниям... Он ясно увидел и заново пережил тот момент перемирия, когда спустя несколько дней после ссоры позвонил Вадиму и попросил у него прощения. На что его друг ответил: “Да, ладно, всё путём. Забыли, я тоже был неправ...”. Эти слова оказались бальзамом для моего измученного переживаниями сердца. От услышанного я готов был скакать от счастья. Ко мне опять вернулась душевная гармония. И совесть больше меня не грызла. Воистину, “стяжи Дух мирный и тысячи спасутся вокруг тебя”. Не прошло и полго-

да, ко мне подошел Вадим и сказал: “Знаешь, старик, мы дружим много лет. Конечно, Вань, твой характер — не подарок, но я тебя уважал и старался принимать таким, какой ты есть. Я не верил, что зрелый человек может измениться. Ты же, став верующим, будто на 180 градусов повернулся. Бросил курить, употреблять крепкие словечки. Да и вообще, ты весь какой-то другой. Какой-то чистый, что ли, спокойный, выдержанный. И жена твоя, я слышал, тобой не нарадуется. “Раньше, — говорит, — угрюмый ходил по дому, словно грозовая туча. Чуть что — в себе замыкается, лучше не подходи. Мы шутили с детьми: “Сегодня наш папа в состоянии “опасно для жизни». А сейчас он сам с ними хохочет, играет, как пацан. Стал всем доволен, а до этого придирался ко всему. Готов был скандалить из-за каждой мелочи. То это ему не то, то это не так: то пересолено, то недосолено. Теперь же ему нравится, как я готовлю. Ест и только хвалит”. Короче, я подумал: “Если Иваныча так переделала вера, то пора и мне идти в храм. Твоя измененная жизнь — лучшее доказательство: Бог — реальная сила. Подскажи, что надо для крещения? А то я в этих вопросах “не копенгаген”... Постепенно к храму стали подтягиваться моя жена, дети, теща, родственники. Воистину, “верующий во Христа спасется сам и весь дом его”. Разумеется, не все у нас было гладко. Но, моя семья — малая церковь — стала дружнее и крепче. Общие молитвы, службы, заботы нас объединили. Сама собой, слава Богу, разрешилась проблема “отцов и детей”. Теперь, если я неправ, то у своих подростков прошу прощения. Раньше себе такого и представить не мог, как я, взрослый человек, буду извиняться перед молокососами. Во, гордыня была, аж, страшно вспомнить! Кстати, заметил, что более всего молодежь уважает родителей за их непоколебимые христианские убеждения. Дети — ходячая правда, не терпящая лжи. Конечно, быть верующим нелегко. Частенько приходится наступать “на горло собственной песне”. Однако, христианство — прямой путь к счастью и ныне, и в вечности. Ибо учит исполнять Божественные законы Миропорядка и бороться со страстями, т.е. с причиной страданий. Если вдуматься, разве не счастье, что во мне живет и действует Христос, Бог, согласно Библии, измеривший пядью всю Вселенную, Творец Мироздания, Источник жизни и всех благ. Насколько расширился мой кругозор и сознание с тех пор, когда я на повседневные события начал стараться смотреть очами Всемогущего! Верующий призван иметь ум Христов и те же чувствования, что у Него. Святые говорят: Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом...”. На этом месте размышления Ивана Ивановича прервали приближающиеся детские голоса, вперемежку с хохотом: “Папа, папа! Пойдем, мама есть зовёт!”. Не успел он опомниться, как дети облепили его со всех сторон и “поташили” по на-

правлению к гостинице*. Иваныч про себя успел только отметить: “Разве это не счастье? Слава Богу за все!”. Его ум, свободно плавающий по Св. Писанию, непроизвольно выдал евангельский стих: “...и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий”...

* Не правда ли, символично. Ведь мы — странники, гости на этой земле.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ НАТАЛЬЮ ШМЕЛЬКОВУ!

МАТЬ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ ИЛИ ПОРТРЕТ ЧУДНОЙ ДАМЫ

Олег ОСЕТИНСКИЙ, «Под шляпкой и вуалью»: А кто она вообще такая, Н. Шмелькова? Закончила МГУ, геолог, экспедиции, кандидатская, — и вдруг ей «понравилось рисовать». А еще больше ей нравилось смотреть на гениев, слушать гениев, помогать гениям, любить этих нищих за то, что не согласны вот пять «низкорослые песни».

Согласитесь — странная дама! Она спасла нам великого художника Яковлева, она столько утепляла жизнь, она сохранила стихи Зверева... Убирать за бомжистыми русскими гениями, поить, смешить, любить — нет, есть еще женщины в русских селеньях! Вот уже 30 лет без Наташи нельзя представить себе жизнь московских салонов — без ее детской беспечности, без ее мощного, как медь и гроза, голоса, с неожиданным, рассыпчатым таким смешком-хихиканьем. Являясь на вернисаж как бы юродивой в черной шляпе и вуали, она сама гений — общения достойного загула.

Леонид ЛЕРНЕР, «Портрет чудной дамы»: Знатки и любители искусства зовут ее Музой; художники — верной подругой; литераторы, читавшие и печатавшие ее дневники, в которых описаны встречи с легендарными художниками и поэтами, восхищаются скромностью автора — ивернее, полным забвением своего «я».

А ведь именно Наталья Шмелькова, встретив неприкаянного художника Анатолия Зверева, дала ему тепло; именно Наташа осветила три самых трудных года жизни смертельно больного

писателя Венедикта Ерофеева; именно она по просьбе врачей пробыла целый месяц в больничной палате с почти ослепшим художником Владимиром Яковлевым. Кто же она, эта женщина, более 50 портретов которой созданы прекрасными мастерами? Быть может, с этого удивительного собрания и началась когда-то ее другая жизнь?

...Дочь известного ученого, да и сама талантливейший геохимик, кандидат наук, Наталья Шмелькова исколесила с экспедициями всю страну — от Камчатки до Хибин. Сочиняла стихи, не думая их публиковать, писала картины, не пытаясь выставляться. И вдруг... Ушла из прежней жизни в другую, полную странных обстоятельств и еще более «странных» людей...».

Людмила ЧУМАКИНА, «В красном цвете есть рана»: Судьба все же распоряжается так, что даже лежащее под ногами подберется и поднимется тем-то и тем-то, а при близком рассмотрении может оказаться редкостью. «Дневничок» автора, однако, не всякой волной доставляет к берегу глубинные дары моря, но на то и «зона гения», чтобы притягивать чистое и нечистое!

Если верно то, что «рок ведет упирающегося», то Наталья Шмелькова как раз тот самый случай. Ее красота, ее душа неизменно попадали в «гиблые места», откуда нет выхода, где остается служить неуправляемым стихийным силам, что, конечно, здорово для российского женского характера: спасать, спасать, спасать. Голыми руками. Ведуньиным знанием. Душой. Любовью.

Вадим АЛЕКСЕЕВ, «Пятьдесят цветков Наталье Шмельковой»: Сама Шмелькова считает, что не столько выбирала сама, сколь выбирали ее. И она разделила свою судьбу с драматическими судьбами героев андеграунда 70-х, ставших ныне классиками.

Ее крестным отцом стал Евгений Леонидович Кропивницкий, основатель легендарной Лианозовской группы. Веничка Ерофеев писал ей за три года до смерти: «Вчера привезли мне твой крест с распятием, и я тут же повесил его над изголовьем: вдруг да Господь освежит мою душу». Для Лени Губанова она стала постоянным ночным собеседником: ему было грустно, и он звонил Шмельковой, читал стихи.

Ну, а для Владимира Яковлева — глазами в последние годы жизни. Наташа добилась для него операции у Федорова и не отходила от художника ни на шаг потом, во время его жизни в психиатрической клинике. Впрочем, трудно говорить о безумии Яковлева. Если прочесть его диалоги с Наташей в ее мемуарной книге «Во чреве мачехи», перед нами предстает эрудированный и влюбленный в живопись человек.

Владимир ТУЧКОВ, «Мать русской демократии в 20 ракурсах»: Эта женщина — Наталья Шмелькова, которая в кругах московского андеграунда была известна как «мать русской демократии». Вокруг неё до сих пор возникают магнитные завихрения, она постоянно «провоцирует» людей на творчество. Этот магнетизм сочетается в характере Наташи Шмельковой с потребностью бескорыстно служить искусству и художникам. Со сколькими она буквально нянчилась, окружала материнской заботой. И её охотно рисовали. Среди авторов, запечатлевших Наталию Шмелькову — **Анатолий Зверев, Евгений Вахтангов, Анастасия Соколовская-Скаля, Валерий и Наташа Черкашины, Владимир Яковлев.** Интересны судьбы портретов. Так, например, Эдуард Зюзин, написавший Шмелькову в зеленых тонах, всерьез опасался того, что его работу сочтут портретом жертвы социализма, а его посадят. И на всякий случай при первой же возможности перебрался в Нью-Йорк.

Дуня СМИРНОВА, «Утраченное время»: Я убеждена в том, что рано или поздно книгу Венедикта Васильевича Ерофеева «Москва — Петушки» будут изучать в школе. Хотя бы поэтому стоит купить мемуары Шмельковой, треть которых посвящена Ерофееву.

Наталья Шмелькова собрала отрывки из воспоминаний, бесед и писем к ней нескольких важных фигур литературно-художественной жизни 70-80-х годов. Фигур этих пять — Ерофеев, поэт Леонид Губанов, художники Евгений Кропивницкий, Анатолий Зверев и Владимир Яковлев. Первый и последний — очевидные гении, трое других — легендарные персонажи московской богемы. Московская богема не является самым интересным предметом на свете... Но есть несколько причин, по которым мне бы ужасно хотелось, чтобы вы прочли Шмелькову. Первая причина — личность автора. Конечно, говоря об авторе, мы всегда имеем в виду тот персонаж, который предстает на страницах книги.

...Та Шмелькова, которую видишь в книге, вызывает огромную симпатию. Наталья Шмелькова была последней любовью Венедикта Васильевича. Любовью сильной и мучительной... Когда читаешь дневники Шмельковой, то и дело хочется процитировать поговорку критика Ларисы Юсиповой: «Бедные все!». Но Ерофеева Шмелькова любила, и в этом случае жертвенность вынужденна. Что же касается Яковлева или Зверева, общение с которыми по разным причинам, но в одинаковой степени, было тяжким трудом, становится понятно, что это характер. Второй причиной является естественное, на мой взгляд, желание знать любые подробности жизни большого писателя. В книге Шмельковой, по счастью, есть не только подробности,

но и очень выразительный его портрет. Третья причина — дущераздирающий и устрашающий образ замечательного художника Анатолия Зверева.

...Четвертая причина, по которой стоит читать Шмелькову, убедительный и яркий очерк времени. Любая глава из книги — готовый киносценарий. Например, история Леонида Губанова, поэта, убежденного в своей гениальности. В ней убеждено все его окружение, в том числе и Шмелькова. В книге приведены стихи Губанова. Вполне себе стихи. Черт его знает, может, и гениальные. Но значения это не имеет. Губанов прожил жизнь, как гений (то есть пил и буйнил), был диссидентом, лежал в «Кашенко» и умер в 37 лет. Для того чтобы стать легендой, этого было вполне достаточно. Такие были времена.

Татьяна ГЛИНКА, «Кумиры живы, когда их помнят»:

Я знаю, как долго не рещалась Наталья Александровна на публикацию своих дневниковых записей о встречах с Венедиктом Васильевичем Ерофеевым. Она близко подружилась с ним, когда автор знаменитых «Петушков» был уже болен, вскоре перенес операцию в связи с раком горла. Их дружба, перешедшая в близкие отношения любящих друг друга людей, была щедрым для писателя подарком судьбы. Кумиры живы, когда их помнят.

Достаточно сказать, например, что свою рукопись поэмы «Москва — Петушки» Венедикт Васильевич Ерофеев подарил Наталье Шмельковой, о чем и написал на титульном листе. Правда и то, что она вернула писателю этот бесценный подарок, посчитав его слишком щедрым.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ, «Лицо, ставшее темой»: Первый карандашный портрет Наташи — работа Александра Рождественского 1967 года. С этого картона глядит героиня суровая и непреклонно-горделивая. Некоторым образом, вечный союз «доблесть и девственность». С тех пор Шмелькову рисовали еще 20 видных художников.

Как переменчиво лицо, ставшее темой! На одних портретах уточненное существо, на других — женщина вполне земная, пухлая черноволосая сеньорита. Сделанная карандашом и углем работа Владимира Яковлева оказалась мне просто гениальной. Может быть, мало в ней будничного внешнего сходства, но как будто высмотрена душа — столько прелести, чистоты, жертвенности, доброты, бесстрашия. ...4(!) портрета, выполненные Анатолием Зверевым. Живое лицо выплывает из соген оттенков зеленоватой магической дымки.

Наталья Шмелькова, которая позировала столь многим и столь разным художникам, сама умела их «срисовывать», сохраняя замечательные свидетельства о времени.

P.S.

В Союз литераторов России Наталья Шмелькова вступила в 1995 г. Её рассказы, воспоминания, публикуются в наших альманахах, газетах, на сайте МОЛа (в разделе «Хроника творческой жизни»). Участница чуть ли не всех наших встреч, а они проходят довольно часто: обычно два раза в месяц с перерывом на лето. Считаю самым большим подарком, когда Наталья читает Губанова, мастерски воспроизводя его интонацию, звукопись губановского стиха. Несколько лет назад по ТВ показали премьеру фильма о Ерофееве и Шмельковой.

«Да как же это, я ещё живая, а меня играет актриса, как к этому относиться, я просто не знаю. А как вам актриса, она на меня похожа? Кажется, неплохой фильм, вот только так я никогда не делала, а вот это похоже. Но как же это может быть: я сижу и смотрю на себя же...».

Несмотря на «огромный стаж богемной жизни», Наталья Александровна имеет устойчивое обыкновение никогда не опаздывать и если что-то обещала, всегда выполняет, а это уж явный признак аристократизма. Хотя абсолютно равнодушна к званиям и наградам, но всё-таки, по представлению Союза литераторов, стала Государственным стипендиатом России в номинации «Выдающиеся деятели культуры и искусства», а также одним из первых лауреатов литературной премии «Словесность», что совсем не противоречит действительности.

Наталья ШМЕЛЬКОВА

СТИШАТА

* * *

Ты говоришь: похожи мы?
Нет, милый друг, ни в коем разе:
Ты — грязным выйдешь из воды,
Я — чистой выхожу из грязи.

* * *

Так часто, чтобы вызвать сожаленье,
Идем мы на любые откровенья.
Я ж не люблю душевного стриптиза.
Мне плохо — так не прыгнуть ли с карниза...

* * *

Жить в четырех стенах иль ночевать?
Увы, мы в выборе своем не властны.
Но как взгляну на низкий потолок,
То сразу наступает приступ астмы.

В якутской тайге
на преддипломной практике:

Уймите, комары, свой гонор —
Ведь я вам не советский донор!

* * *

«Счастливые часов не наблюдают» —
Не вызывает это удивленья.
Ведь каждый стук их нам напоминает,
Что близится последнее мгновенье.

* * *

Мир не задернуть занавеской,
И не спасет его мораль.
Вот почему смотрю я дерзко
Сквозь сумасшедшую вуаль.

* * *

Ух!
Жизнь как пух...

Эх!
Всюду грех...

Ах!
Только страх...

Ох!
Просит Бог...

ДЕБЮТ

Александра МИРОНОВА

«ПОЦЕЛУЙ» ГУСТАВА КЛИМТА

КАИР

Аромат египетской мяты
Наполняет каирский сад,
И, одетые в бурые латы,
Пальмы зелению в небе парят.

Пелена усыпляющей пыли
Обволакивает пространство,
Утомленно раскинув крылья,
Воздух чахнет в кальянном трансе.

Вдруг повеяло свежестью Нила,
Под мостом зашуршала вода,
Пряный ветер с ленивой силой
Увлекает речные суда.

СНЫ

Листопад неразборчивых слов
Закружится в простом разговоре,
Миражи неразгаданных снов
Явь у жизни лукаво оспорят.

Тихо дремлет в пещере Орфей,
Сберегая лохматое стадо,
И покой, как желанный трофей,
Обретают в ручьях наяды.

Чей-то голос знакомый звучит,
Будто ждет от меня ответа,
Но невольна я в цепкой ночи,
Боязлива без лунного света.

То теряю, то вновь нахожу
Караван бедуинов надежды,
То ль слеза, то ли страх на бегу
От обрыва меня удержат...

Пробужденье — и уличный шум
Заливает всполохи мифа,
И потоки разбуженных дум
Снова чертят чудные грифы.

МУЗЫКА ПЕТЕРБУРГА

Запечатленный, влажный и длинный,
Петербург распластался на камне,
И проспекты железными клиньями
В переулки врезаются пламенно.

Твердый шаг колоннады собора
Налагает печати времени;
То не площади римской узоры —
То молчанье Египта в стремени.

Летний сад белокаменной вазой
Вырастает средь хвороста улиц,
Вздохи нежной, волнующей фразы
В перелески ограды влюбятся.

Отраженья мостов будоражат
Нерушимый покой каналов,
Переливы флейты коллажем
Украшают раздумья причалов.

Бесконечные линии судьбы
Собираются в шпиль колокольни,
Дождевыми потоками люди
Омывают град своевольный.

ВОСПИТАТЕЛЬ

Расплавается солнце по шторам,
И вползают тени в ковер,
Детский плач проникает в поры,
Я испуганных мыслей сапер.

Вереница криков, капризов,
Разноликий жгучий протест,
Взгляд разлуки слезами залезан,
И опять тишина — Эверест.

Перестану метаться картечью
Лишь дотронусь до маленьких рук
И прижму боязливые плечи,
Превращаясь в спасательный круг.

На колени взбирается рьяно
Прирученный упрямый герой,
Я на время стану поляной,
Где хлопочет пчелиный рой.

Вот хватают ладошки, как в сети,
Вечно юный муляж-апельсин,
И восторг бередит междометья —
Что за чудный фрукт-исполин!.

Солнце тихо голубит волосы,
Выплетая венок золотой,
Мальши, мои нежные лотосы,
Заселяют нежданный покой.

«ПОЦЕЛУЙ» ГУСТАВА КЛИМТА

*Земная жизнь — как вешняя поляна,
Где прячется среди цветов змея:
Иные впечатленья бытия
Для наших душ — подобие капкана.
(Петрарка, сонет ХСІХ)*

Бесконечный порыв,
Занесенный цветами,
Поцелуй на разрыв
Вырастает в цунами.

Молчаливая страсть
Из куска монолита,
Беспощадная власть
В пеленах Афродиты.

Он упрямый тиран,
Что не знает сомнений,
Он герой и титан,
Упоенный сраженьем.

Его руки — борьба,
А любовь — иступленье,
Ее тело — мольба
Перед ним на коленях.

Там колдует весна,
Отдаваясь разливу,
Там поляна тесна
И дыханье ревниво.

Защемило в груди —
Тянет пропасть Лауру,
Золотые дожди
Высекают фигуру.

В ОЖИДАНИИ ЛЕТА

Шелестит мой парус светлый
Посреди ветров колючих
И разламывает петли
Водяных кругов ползучих.

Черный камень преткновения
Закопаю в глубь морскую,
Чтобы голос откровенья
Озарил среду мирскую.

Загадаю на ресницу
Потаенное желанье,
Улетит оно жар-птицей,
Оставляя ожиданья.

Опущу свой парус быстрый,
Стану гаванью раздумий,
Звук египетского систра*
Выманит меня из трюма.

Свешу ноги беззаботно
За борт маленького судна,
Чайка бдительным пилотом
Замелькает над закрудой.

Синева лучистой ряби
Неустанно ловит весла,
И текут в небесной хляби
Лики песенного Плёса.

* — *Систр* (лат. *sistrum*) —
музыкальный инструмент
типа погремушки в виде рамки
с металлическими стержнями,
тарелочками, колокольчиками.
Из Древнего Египта попал
в Шумер, Древние — Грецию, Рим.

ОЗЕРО ВЕЛЬЁ

Я распрощалась с талым небом
И с млечным озером Вельё,
Валдайский край — благая небыль,
Мое недолгое жильё.
Крахмалит луг туман пернатый,
Глотая дымчатый песок,
Привстали тени на пуанты,
И сумрак делает стежок.

Томится рокот безначальный
В пучках раскосых тростников,
Клопочут лодки на причале,
Несет рыбак дневной улов.

Лениво письма верстая,
Плывет закат в тугой волне,
Березовая ночь влетает
На длинном сером скакуне.

Горит созвездие кувшинок,
Распластанное у мостков,
И воздух прянично-былинный
Раскрылся в бархатный покров.

DIMINUENDO ЛЕТА

Последний танец незабудок,
Над полем облачные слитки,
Велосипед летит в проулок,
Толкая ветер до калитки.

Беспечный полдень у березы,
Прильнувшей веткою к балкону,
Блаженно греются стрекозы
На листьях красного пиона.

Последний росчерк пестрых линий,
Мерцают светлячки в колосьях,
Дорога пахнет теплой глиной,
И грузный воздух ливня просит.

Снуют лучи по коже смуглой,
Бежит утенок босоногий,
Листва запрыгала по кругу —
Сентябрь мнетя у порога.

Марина КОВАЛЕВСКАЯ

МЕТРОНОМ ЖИЗНИ

Во мне

Во мне рождаются сто тысяч слов нежности,
Прорастают зеленые стебли сонной отважности,
Задергивают шторы пять десятков женщин,
Земля оставляет под ногами миллионы трещин.
Дожди моют жилеты оливковых мостовых,
Покоятся ожидания под звуки птичьих молитв.
О стены сосудов ударяются всплески радости,
В ушах звенит бемоль всеоправданности.
Через ногти я чувствую влажность зрачков,
Лучи спрятались за сумрак очков.
Рвутся ввысь чужих недель опасности,
Шестидневных, оборванных из-за краткости.
Отвержением, отвердением сжимается кровь,
Во мне — любовь.

* * *

Я давно окружаю себя вещами,
Вместо конфет жую терпкий шпатель.
Я не счастлива, это тебе показалось,
От меня ничего другим не осталось.
Буду лампы считать до вдоха,
Мой вдох среди ветра — кроха.
Карабкаюсь по одежде к коже,
Мурашки разорвут одеяло. Сложно
Мне в этой тишине прозрачной,
Все кажется жизнь случайной.
И линия на руке подобна леске,
Я живу на пустом отрезке,
Боюсь: что будет за январскими снегами.
Я давно окружаю себя вещами.

* * *

Хватит пить кофе, оно время на час не ускорит
останутся твои мысли в миноре.
Хватит смотреть на звезды, путь на небе всегда млечен,
отсвет звезды не тебе предназначен.
Хватит включать одну песню, угадывая без ошибок
следующее слово,
одно, а чувств, палящих изнутри, так много.
Хватит письма стирать, запоминая каждую букву,
вдыхая терпкий запах клоуквы на кухне.

Разрешите обжигать, смущать, сковывать короткие строфы.
Налей мне горячий крепкий кофе.

* * *

Хочется нежности твоих глаз, стремлений,
Открытий, снов твоих, прогулок в аллеях.
Признаний, ошибок, отговорок,
Искрометности, как пуль из винтовок.
Тепла, зависимости, свободы,
Минуты без молчания на годы.
Фигуры четкой, поглощающего фона,
Бумаги темной, светлого картона.
Присутствия на зеркалах, отраженья в стенах,
Холода в руках и жара в венах,
Цветов белых, яркости страз,
Одного поцелуя, смеха карих глаз,
Общей грусти, перчаток, света,
Разного счастья, но одного солнечного лета,
Сквозящего ветра во мне, метели снаружи,
Осенних дождей, неба в дужах,
Шепота изнутри, крика в ресницах.
В эту среду мне твоя улыбка приснится.
Твой стук сердца к моему метроному жизни так близко.

Георгий ЦЕСЕЛЬЧУК

О, РЫЖИЙ КОТ!

* * *

«Я сижу один
под твоим окном
Снег как белый дым
хвост скрутил кульком...».
Бело-рыжий кот
черные усы
И мяучит он
хочет колбасы?
Но мороз и снег
да и время ночь
Бедный рыжий кот
как тебе помочь
Как согреть тебя?
Как тебя спасти?
Не о том поют
черные усы..

Вынес колбасы
положил ему
Странные дела —
все равно коту...
И не ест не пьет
а мяучит он
Кот тоскует так
слышит целый дом
Каждый раз в ночи
под окном сидит
И мяучит кот
Это кот грустит.

* * *

утекая как белый песок
сквозь фаланги моих пальцев
время старых скрипучих часов
стремительной стрелкой режет пространство
плененный тобой сию за окном
где капли дождя нависают на листьях
как слезы любви
опьяненный тобой
я в мыслях навечно
улыбкой зависну
зная: ты далеко где-то там
осылая что помнишь и любишь
каждой минутой живу
по часам
до глаз твоих
встречи считая
секунды

* * *

Сквозь холодные капли сквозь морозные гущи
Буду бежать за тобой что есть силы и мочи
Горячая кровь и темные гущи
В глубине твоих глаз твоя скрытная сущность
Мимо жизнь пролетает устремленная в завтра
Сквозь поля и моря далеко без возврата
Твои красные губы и надежда на встречу
Мастерство тонкой речи

говорят время лечит

Но мой принцип сильнее и душевное горе
Раз судьбой предназначена мне эта мука
Ведь любовь совсем далеко не наука
Ведь любовь это жизнь ощущение
стука

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Анна ВЕТЛУГИНА

ПОМОЧЬ ЧЕЛОВЕКУ

— Этому человеку нужно помочь! — произнесла тетя Нелли с неподражаемой интонацией в голосе. В интонации смешались пафос по поводу масштаба «этого» человека, обращение к моей совести — неужели она (совесть) допустит, чтобы ТАКОЙ человек остался в беде, легкие крупинки заискивания перед племянником (вспомни, как тетечка баловала тебя в детстве!) и осадок тревоги (а вдруг не помогу?). Я предложил тете чаю, чтобы немного разрядить обстановку, а потом уже вникать в суть вопроса.

Чай тетя Нелли любит до умопомрачения. При этом она совсем не разбирается ни в его сортах, ни в качестве. Она даже не знает секрета, который один уважаемый раввин, умирая, передал своему народу. «Евреи! — помнится, сказал этот раввин, — кладите в чай больше заварки!». Так вот, тетя легко может пить под видом чая сомнительные помои цвета мочи юного верблюда. Одно только условие необходимо для получения тетушкой удовольствия от чаепития, но здесь она абсолютно бескомпромиссна. Тетушкин чай должен быть горячим. Казалось бы, что здесь удивительного: чай принято пить горячим. Но у тети своя шкала ценностей. Для нее чай становится холодным уже через минуту после бурного кипения. Поэтому в гостях ей часто приходится чувствовать себя обиженной невниманием хозяев, упустивших тот благодатный момент, когда кипяток уже перестал бурлить, но еще не начал заслуживать тетушкиного презрения.

Электрический чайник, вскипев, шелкнул. Я нажал на нем кнопку еще раз, чтобы указать тете, что я несколько не забыл о ее предпочтениях, но даже наоборот, пускаюсь на различные хитрости только, чтобы сделать ей приятно. Чайник встревожено забурлил второй раз, а я уже держал наготове чашку с заваркой, чтобы при наливании как можно меньше остужать воду. Но тетя, всегда приходящая в восторг от такой предупредительности, сегодня не заметила моих стараний и, рассеяно пододвинув к себе чашку, тут же забыла о ней.

— Как же все-таки ему помочь? — спросила она с безнадежностью человека, которому поручили улучшить состояние российских дорог. Я понял, что пришла пора интересоваться судьбой тетушкиного знакомого.

— Это великолепный художник, — начала тетушка, так и не притронувшись к чаю. — И мать и отец его тоже были худож-

никами. Жена могла его понять, но она не захотела. Я незаметно скосил глаза, чтобы увидеть большие настенные часы. Если тетя начала с жены, то это надолго.

— Существуют такие женщины. Они не понимают, кого послала им судьба. Не понимают, пока не станет поздно.

Тетя увлеклась. Она даже отхлебнула чаю, уже давно холодно по ее меркам, и послала в мою сторону быстрый, но выразительный взгляд, в котором была заключена вся правда о невнимательных племянниках. Я немедленно включил чайник снова. Тетя то журчала, как ручеек, то рокотала, словно море, покрывая позором неведомую мне женщину. Наконец завязка драмы прояснилась в моей голове.

ТАКОЙ человек жил в маленьком городе, в собственном домике, доставшемся ему от родителей. На жизнь он зарабатывал кистями и красками, иногда получая заказы на портреты, но чаще рисуя афиши и объявления для местного клуба. Жизнь его была возвышенна, но не мучительно включил чайник снова. Тетя то журчала, как ручеек, то рокотала, словно море, покрывая позором неведомую мне женщину. Наконец завязка драмы прояснилась в моей голове. ТАКОЙ человек жил в маленьком городе, в собственном домике, доставшемся ему от родителей. На жизнь он зарабатывал кистями и красками, иногда получая заказы на портреты, но чаще рисуя афиши и объявления для местного клуба. Жизнь его была возвышенна, но не мучительно включил чайник снова. Тетя то журчала, как ручеек, то рокотала, словно море, покрывая позором неведомую мне женщину. Наконец завязка драмы прояснилась в моей голове. Идиллия закончилась, когда художник женился. На содержание жены внезапно понадобились такие суммы, о которых он даже не понимал, как их можно потратить. У него, ходящего по пять лет в одном свитере, не укладывалось в голове, как платье может морально устареть. Жена вразумляла его скандалами. Он попытался найти более оплачиваемую работу, но вместо этого стал больше пить. Однажды, придя домой, он застал жену с заведующим клубом. Так у него не стало ни жены, ни работодателя. Он развелся с женой, продал оскверненный адюльтером родительский дом и уехал в Москву, надеясь на то, что Москва оценит его настоящий талант. В Москве он встретил своего знакомого, который был знакомым друга мужа подруги тетушки Нелли. Ему посоветовали к ней обратиться, потому что, несмотря на некоторые странности характера, всем известна безудержная доброта тетушки. Тетушка Нелли вселила художника на абсолютно безвозмездной основе в одну из двух комнат своей квартиры и теперь добивалась признания его таланта.

— Хорошо, — сказал я как можно более ласково, — как ты, тетушка, видишь мою роль в этом деле?

— У тебя много знакомых, в том числе среди людей искусства, — промолвила тетушка, показав недюжинную деловую хватку. Я попытался объяснить, что люди искусства обычно сами ищут, кто бы им помог.

— Ну и правильно, пусть помогают, — всем своим видом показывая безразличие к этим бесполезным людям, отреагировала

тетушка и снова вернулась в скорбно-просительное состояние. — Хорошо, — вздохнул я. — Художник, говоришь? Может дизайнером его устроить в какую-нибудь фирму? Он сможет проект сам разработать?

— Он?! — возмутилась тетушка самой мысли о том, что ТАКОЙ человек может что-то не смочь, — с его-то уровнем?

— Хорошо, — обрадовался я, вспомнив про одну знакомую — богатую дамочку, которой постоянно требовались эксклюзивные интерьеры. Можно попытаться всучить ей тетушкиного художника, предварительно сочинив какую-нибудь легенду, объясняющую его преимущество перед другими — известными и дипломированными дизайнерами. Потом мне в голову пришла более трезвая мысль — отдать его в подмастерья Глаше Цюрюпе, моей знакомой дизайнерше, которая постоянно не успевает охватить все свои заказы.

— А в каких программах он работает? — все еще размышляя и прикидывая, спросил я у тетушки. Та уставилась на меня в полнейшем недоумении.

— Что значит «в каких программах»? Он не артист, а художник!

Я объяснил, что имею в виду профессиональные компьютерные программы, используемые современными художниками.

— Компьютер?! — почти грозно, по слогам произнесла тетушка, и ее нещипанные брови взлетели до макушки, где размещался перехваченный резинкой пучок крашенных волос. — Зачем художнику компьютер? Он же убивает творчество!

Я попытался как можно доходчивее объяснить тете ситуацию на рынке труда, где без знания компьютера начинающему дизайнеру делать нечего.

— Какой же он начинающий! — оскорбилась было тетушка, но вовремя сникла и переключила недовольство на чай, температура которого, по тетушкиным меркам, уже приблизилась к температуре Охотского моря в зимнее время. Я торопливо включил чайник снова.

— Значит теперь все с этим компьютером... — задумчиво произнесла тетушка, с удовольствием потягивая только что отбурливший кипяток.

— Так, тетя, — сочувственно подтвердил я, набирая воды в опустевший чайник. — Надо бы твоего знакомого на курсы послать.

— Что ты! — воскликнула тетя с таким горячим негодованием, как будто я предложил ей немедленно продать Родину. — Какие курсы! Это очень гордый человек!

Я вздохнул, чувствуя, как в левом виске начинает противно тукать, что для меня является показателем стресса. В этот момент зазвонил телефон. Подняв трубку, я услышал деловитый голос Глаши Цюрюпы, своей знакомой дизайнерши.

— Привет-привет! — затарактела она, — представляешь, у меня такой огромный заказ! Развлекательный комплекс! Двадцать семь разных интерьеров. Совсем запарилась!

— Послушай, — боясь спугнуть зародившуюся хрупкую надежду, спросил я, — а тебе помощник не нужен? Только он с компьютером совсем не дружит.

— Да пусть хоть наскальную живопись приносит, я сама обработаю, — тут же согласилась Глаша, — Мне идеи нужны. С креативностью у него как?

— Как у него с креативностью, — затряс я тетушку, которая в этот момент доливала себе кипяточку из чайника. Слово «креативность» она, по-видимому, слышала впервые. Чтобы не вдаваться в филологические подробности, я передал трубку тете.

— Вот, объясни сама про своего художника. Там известный дизайнер, Глаша Цюрюпа.

— Глашенька, здравствуйте! — закричала тетушка, как будто судьба художника зависела от силы ее голоса. Я решил поберечь барабанные перепонки и вышел из кухни. Когда вернулся, тетя стояла и озадаченно смотрела на телефон.

— Слушай, а у Глаши есть дети, — вдруг тревожно спросила она, — а то я ей пожелала здоровья и чтоб детки хорошо учились, а может, у нее и нет детей?

— Кажется, есть, — соврал я, чтобы не расстраивать тетушку. — Но скажи, о чем вы с Глашей договорились?

— Она сказала, что возьмет его. Только он какой-то тест должен нарисовать. Не понимаю, зачем это нужно!

Здесь в тетушкином голосе явственно прозвучала неуверенность. Я пристально посмотрел на нее, и она опустила глаза.

— Так, — сказал я, — давай разберемся. Ты боишься, что он плохо нарисует?

— Ну что ты! Это же художник от Бога! — запротестовала тетушка, но тут же сникла и прибавила почти шепотом, — правда, мне кажется, сейчас он не очень в форме.

Я возмутился. Он еще и не в форме! И небось зарабатывать хочет хорошо! Слово прочитав мои мысли, тетушка жалобно сказала: — Ему очень нужны деньги. Он же должен купить себе в Москве домик или хотя бы квартиру.

Я позавидовал тетушкиному умению витать в облаках. Она родилась, прожила всю жизнь в Москве и ухитрилась остаться не в курсе московских цен и даже самой жизни. Но надо было все-таки довести до конца разговор о художнике, поэтому я как можно более строго спросил: видела ли она его работы. Тетушка съездила и стала похожа на маленькую печальную птичку. Тонким от растерянности голосом она произнесла:

— Не знаю, как лучше сказать. Его мольберт всегда пуст... Но он настоящий художник! Это в каждой черточке его лица видно. И все мои ученики заметили, что у меня художник живет.

Я не стал разочаровывать тетушку тем, что ученики, наверняка просто видели мольберт. Тетушка привыкла надеяться на своих учеников. Они — тетушкина опора. Она учит их игре на фортепиано, а они терпеливо выслушивают ее восхищения по разным поводам. Вот и теперь, едва вспомнив про учеников, тетушка заметно приободрилась, и даже в ее посадке появилось что-то гордое.

— Ладно! — вздохнул я, в третий раз наливая воды в пустой чайник, — если он рисовал афиши для клуба — значит хотя бы рука поставлена. Будет слушаться Глашу — авось что-нибудь выгорит.

Тетя посмотрела на меня как на непонятливого ученика.

— Художник намного выше, чем дизайнер, — наставительно произнесла она, — Конечно, Глаша будет его слушаться.

Мне пришлось срочно поперхнуться чаем, чтобы скрыть бурный приступ смеха, вызванный словами тетушки. К счастью, тетушка ничего не заметила. Она вскочила со своего места и принялась колотить несчастного племянника по спине, чтобы не дать ему задохнуться. При этом ее знаменитая доброта была столь безудержна, что я едва спас свой позвоночник от ушибов. Улизнув из-под града тетушкиных лечебных тумачков, я снова включил чайник, но тетушка засобиралась домой. Ей не терпелось похвастаться перед своим художником добычей — телефоном Глаши Цюрюпы.

— Бедная Глаша! — подумал я, закрывая за тетушкой дверь, — и детей-то у нее нет и мужа, да и я еще великих художников подсовываю.

Вскоре после этого лавина срочных дел обрушившись на меня, закрутила в бешеном водовороте и я — увы! — надолго забыл про свою добрую тетушку. Когда же через полгода, мучаясь угрызениями совести, я позвонил ей — выяснилось, что у нее большие перемены в жизни. Наша самоотверженная, готовая в любой момент придти на помощь тетушка, устроила, наконец личную судьбу. Она вышла замуж за художника. На вопрос, получилось ли что-нибудь тогда с Глашей Цюрюпа, тетушка ясно дала мне понять, что ТАКОЙ художник не нуждается в помощи всяких там Глаш. Я поинтересовался, нашел ли художник работу и узнал, что все тетушкины ученики обучаются у него живописи.

Я подумал, что какие бы мотивы не двигали тетушкиными учениками, бюджет их наверняка не пострадал, поскольку тетушка из доброты всегда брала за свои уроки вдвое меньше, чем было принято.

Как-то проходя мимо тетушкиного дома, я забежал к ней в гости. Ее художественный супруг оказался в этот момент крайне занят, объясняя законы перспективы конопатой школьнице и ее мамаше. Тетя приложила палец к губам, и мы с ней на

цыпочках отправились на кухню пить чай. Семейная тетушкина кухня ничем не отличалась от холостяцкой, только над столом появилась большая картина, изображающая тетушку с чашкой чая. Не вдаваясь в художественные достоинства картины, могу отметить, что над чашкой клубился старательно написанный пар, указывающий на полное соответствие напитка тетушкиным идеалам.

Валерий КОВАЛЕНКО

РАЗДВОЕНИЕ ВЕЩЕСТВА

Аппаратчик шестого разряда Иван Сергеевич Земляков опаздывал на работу. Смена начиналась с четырех дня, а он должен был прийти без четверти четыре... Но день выдался такой, что и расторопный Земляков не поспевал. Пришлось наддать. И вот погрузневшая фигура Ивана Сергеевича зашпешила, заторопилась к родимой проходной. Когда пришел в цех, было пять минут пятого...

— Ну что мы будем с тобой делать? — спросил суровым голосом сменный мастер Четвертнов. — Постановление о дисциплине знаешь ведь?

— Слышь, Юрок, на проходной-то меня никто не застучал. Может спустим все это на тормозах? А?..

— Как это спустим? А уговор наш? Ты что же думаешь, поговорили и черт с ним? Ванюша, не разводи кисель. Для начала я о тебе рапорт начальству подам. Что, мол, опоздал на пять минут. Но сами-то мы будем знать, что опоздал ты на целых двадцать. Кто сегодня без пятнадцати четыре смену должен был принять? — Земляков! А кто за Землякова принял? — Пантелеев. Викентий, что скажешь?

— Скажу, — выронил Пантелеев, молодой слесарь. — Мне, Иван Сергеевич, конечно, не удобно Вас учить, потому как я Вам в сыны гожусь, но не пристало Вам, после единодушного нашего решения дисциплину по боку пускать!

— Цыц! — не выдержал провинившийся. Молокосос, а туда же! Да у меня, может это первое опоздание за пять лет. Ну, брат двоюродный приехал. Ну, посидели... А тут автобус подвел. Так я пешадралом от самой аж Сакко и Ванцетти пер до проходной...

— Здесь, дорогой Ваня, — вновь заговорил Четвертнов (а к разговаривающим в это время подошли и другие рабочие смены), — здесь, милый мой Ваня, ты не прав. Мы, конечно, понимаем: у тебя и благодарности, и грамоты, и все такое. Но раньше-то все было по другому. А теперь новая полоса: каждую тобой потерянную минуту завод тебе не оплатит и баста.

Земляков увидел, как в глазах некоторых его товарищей горела, искрилась и переливалась различными оттенками полная решимость не оплатить ему, Землякову, те роковые пять минут. Но тут подал голос сменный химик-технолог Мочалов: — Раз тут у нас вышло что-то вроде закрытого собрания при ограниченном кворуме контингента сменного персонала (Мочалов любил, кстати говоря, выражаться витиевато и глубокомысленно), то позволю заметить со своей стороны, что новая полоса, о которой только что было сказано, есть продолжение и качественное развитие прежней нашей жизни, а не перерыв непрерывности. Братья друг к другу как всегда ездили, так и ездят и всегда ездить будут. А сидеть с братом кому запрещено? Ну, бывает в жизни всякое. Раз в пять, а может в десять лет человек чуть припоздал. А на него уже и собак вешают и с наказаниями подступаются... Ты мне скажи, Юрий Петрович (это Четвертнову), а кто из нас всех застрахован от прихотей работы транспорта, которым несть числа, как говорится? Сами все знаем, сами все понимаем? Да. А как это не снами произошло, так можно и поизгаляться над человеком. Нет, коллеги, я против. Надо разобраться путем, а тогда уже и решение выносить, и по всей справедливости...

— Мне кажется, — вошла в разговор сменный химик-аналитик 4-го разряда Вахрушинина Тамара, — нечего нам тут подпускать турусы на колесах, а надо ограничиться вот этим обсуждением Ивана Сергеевича. Да и дело с концом.

Это предложение понравилось всем присутствующим.

— Ну, ладно, граждане, сказал Четвертнов, — пусть-ка Иван Сергеевич нас всех на послезавтра, в воскресенье, к себе на дачу пригласит. Там посидим покумекаем, какое ему наказание приладить...

— Э-э, нет! — выступил Самсонов, второй аппаратчик смены. — Зачем откладывать на послезавтра то, что можно сделать сегодня! Гони, Сергеич, прямо сейчас до гастронома. Прихвати пару бутылок белого да хвост колбасы. Это и будет твое наказание.

— И что? И это чтобы я в первом часу ночи, после смены, распивал вашу водку? Да не притрагивается Мочалов к этой благородной влаге в столь поздний час. Увольте, коллеги.

— Ты, Мочалов — вырвалось у Четвертнова, — клонишь, я гляжу, чтоб выпить ее тут же. Да? А сам клялся-божился, что на работе ни грамма... Она ж, проклятая, развезет, а потом какая ни на есть махина тряхнет тебя по башке — костей не соберешь. Ну, а последствия тебе известны — когда до начальства дойдет.

— Коллеги, коллеги, елки зеленые... Как скверно оказаться непонятым! Я же, братцы, ни на чем не настаиваю, а высказывают свое личное соображение. Я его, может, и не вам, а в первую очередь самому себе высказываю. Трудитесь дальше, — думайте, шуруйте. Юрь Петрович, ты здесь у нас как бы верховный

главнокомандующий. Вот и решай все единолично.

Тут, гася общий накал страстей, высказал свои— соображения Пантелеев: — Я, конечно, как все. Но литр на шестерых, мне кажется, многовато. Мне с рН-метром на отметке 8.30 ковыряться предстоит. Так вы, может, без меня как-нибудь, а?

— Ладно, Сергееч, — решительно сказал Четвертнов, — шуруй в магазин, пока не закрылся, а там видно будет. Пока ты будешь туда да обратно добираться, я за тебя поработаю. А за технологическим щитом посидит Пантелеев. Его рН-метр куда не уйдет.

Земляков пошел в бытовку переодеваться, все остальные стали расходиться по своим местам. Тамара задержалась на минутку, чтобы высказать кое-что Пантелееву.

— Ты, Вить, что же — ото всех в кусты? Опять за свой эгоизм взялся!..

— Да я не за эгоизм. Мне б только этот рН-метр проклятый сделать. Я же кручусь около него уже целую неделю, а наладить не могу. А инженер наш по КИПу намедни сказал: «Никто из киповцев к этому прибору не притронется, доколь ты его сам не отремонтируешь. Это твоё испытание на рабочую пригодность». Вот так-то, Тамарочка, поняла?

— И что? — высокая, крепкая Тамара наступала на щуплого, белобрисого Пантелеева.

— Никак боишься, что не разберешься? Винтики-болтики, гаечки-прокладочки. Да мужик ты или не поймешь кто... Что, думаешь, в твоём чердаке шарики за болтики зайдут от ста граммов-то? Не бойсь, мил человек, опростай стопаря, уважь коллектив. Я вон — девушка, а и то уважаю.

— Не-е, Тамар, я ученый по этому делу. В ПТУ как-то раз взялся чинить один мановакууметр, а перед тем по бутылке пива выпили с дружкой, без закуси. Ну, и ничего бы. Да я шайбу там одну не туда посадил, а как стал преподаватель искать, в чем ошибка, так и учуял запах от меня. Чуть не выгнали из училища.

— Ну, бедный мальчик, его из школы чуть ли не выгнали, что он шайбу не туда посадил... Ну, да как хочешь. Только нам слюنتя не нужны. — И упругой походкой ушла к себе.

Пантелеев остался в помещении, где располагался технологический щит. Сел на лавку напротив «своего» пэашметра, прибора, контролирующего концентрацию ионов водорода в рабочем растворе, и задумался. Рядом с пэашметром по поверхности технологического щита располагались и другие приборы: уровнемеры, расходометры, манометры, ротаметры и другие пэашметры. Все это светилось разноцветными огоньками, подмигивало, легонько урчало деталями и узлами, испытывающими перегрев, временами звенело звуковой сигнализацией...

Четвертнов с Самсоновым пошли по одной из технологиче-

ских ниток для ее осмотра перед остановкой... Через полчаса они поднялись в щитовое помещение, окинули взглядами приборы на щите. Сели.

— Ты, Пантелеев, — еще очень молодой мужик, — заговорил Самсонов. — Да и не мужик вовсе, а парень. Тебе еще ума о-ох как долго набираться надо...

Земляков, проходя от цеха до проходной, ломал голову, кто из охранников сейчас должен стоять на посту. Выходило, что должен был стоять сосед Ивана по даче. Так оно и вышло. Земляков прошептал свое: «Здорово, сосед». И оказался за территорией.

Автобус быстро довез Ивана Сергеевича до угла Северной и Железнодорожной улиц, где находился известный на весь район винный магазин. Когда Земляков прошел в очереди уже половину своего маршрута до кассы, некто из очереди вдруг оглянулся и приветливо ему заулыбался. Земляков тут же ответил максимально бодрым приветствием, сказав: «Здравствуйте», — и сопроводив это улыбкой и легким кивком головы. И только тогда до сознания Ивана Сергеевича дошло, что этот перед ним — никто иной, как его начальник участка Говорункин. Земляков, весело улыбаясь и сохраняя тем самым вид вполне счастливого человека, между тем упорно думал про себя, как выбраться из создавшегося положения. Наконец Говорункин подошел к кассе. С одной стороны, ему неудобно было брать вино в присутствии своего подчиненного. Это вызывало, пожалуй, не совсем нужные ассоциации, как полагал сам Антон Терентьевич. С другой стороны, ничего криминального вовсе даже не было. Ведь время было нерабочее и даже день был предсубботный. Говорункин протянул было кассирше деньги, но тут же положил их назад в карман и, широко улыбаясь, сказал стоящим за ним в очереди гражданам:

— Я — одну секундочку, посмотрю еще кое-что. — И отошел от кассы. Но через минуту снова подошел и решительно пробил себе две бутылки водки, бутылку коньяка и еще разной мелочи. Получив все это у прилавка, он еще раз широко улыбнулся всем присутствующим, включая Землякова, и ушел из магазина.

И лишь оказавшись на улице, Говорункин неожиданно вспомнил, что Земляков — из смены Четвертнова и что эта смена именно сейчас на дежурстве.

Придя домой, он сразу же из прихожей позвонил в цех. Трубку взял сам Четвертнов: — Четвертнов слушает.

— Алло, Четвертнов, как дела?

— Все в порядке, Антон Терентьевич. Первая нитка отработала, вывели из режима. На второй — никаких происшествий.

— А как с выходом смены на работу, у вас тоже никаких происшествий?

— Вы, Антон Терентьевич, на что намекаете?
— У тебя Земляков сейчас где?
— Как где? На отметке минус четыре, в каньоне, с Самсоновым полы моют. (Надо заметить, что мытье полов в каньонах среди цеховских почиталось работой из весьма неприятных, трудоемких и потому престижных).
— А ну, соедини меня с ним по коммутатору.
— Да знаете, Антон Терентьевич, там телефон что-то забарахлил. Я послал Пантелеева, а он — новенький, не смыслит в этом деле ни рожна.
— Не выражайся. Ладно, отзвывай из каньона Землякова, Юрий Петрович, и пусть он мне позвонит из бытовки. — Говорункин положил трубку.
Выйдя из такси у проходной, Земляков расплатился с шофером, и, забыв даже про сдачу, пролетел мимо соседа по даче к своему цеху. У входа позвонил по местному телефону на щит.
— Ты, Иван Сергеевич? — спросил Четвертнов.
— Я.
— Что у тебя было с Говорункиным?
— Да виделись с ним в винном магазине. Ему и невдомек было, что я сейчас на работе.
— Да, невдомек... Тут тебе такой невдомек... Иди в бытовку и звони начальнику. Да расскажи ему, как ты мыл каньон у соосадителей первой технологической нитки...
— А он что, усек, что меня нет на работе? Мать честная...
— А ты принес, что нужно?
— Ну.
— А сколько? Как договорились?
— Ну.
— Тогда вот что. Решай эту головоломку. Как это ты, Иван Сергеевич, исхитрился одновременно в винном магазине побывать и каньон до блеска отмыть. Думай, брат, шибко думай. Иначе мы тут все горим... Мозгуй, и мы мозговать будем.
Иван Сергеевич, задумавшись, слегка пригорюнился. Потом медленно пошел в бытовку переодеваться. По дороге ему вспомнилось, как год назад они своей компанией, с Самсоновым и Четвертновым, ходили на курсы технического творчества. И как там приходилось решать разные изобретательские головоломки. «Так, — думал Земляков, — значит, главное тут, что один предмет одновременно находится в двух местах. Прием там был еще особый, тризовский. Назывался раздвоением вещества. Здесь вещество — это я сам, Земляков. Раздвоить меня можно только так, что будто бы часть меня или разновидность меня орудовала в одно время со мной. Тут что может быть разновидностью? Да, например, мужик, похожий на меня. Э-э. Ну, ладно. А кто бы сошел за такого? Кхе! Кхе! Елки-моталки, да брат мой двоюродный Панкрат Терехин, с которым мы се-

годня проканителелись. Он же — вылитый я, особенно... если шибко не присматриваться. А если в мою одежду одеть, то и за чистый мой дубликат сойдет...».

Тут наш Иван Сергеевич повеселел. Он снял трубку, позвонил Говорункину и объяснил ему все, как задумал.

— Э-хе-хе-хе, Иван Сергеевич. Так я тебе и поверил про двоюродного брата, которого будто бы нельзя отличить от тебя. Ты вот что сделай завтра: приходи ко мне домой на чай с вареньем и блинами. И захвати с собой этого самого кузена твоего. Посмотрим, что за человек.

Сказал это Говорункин и трубку положил. А вся смена во главе с Четвертновым задумалась над происшедшим. До конца смены оставалось еще три часа, но возвращаться к разговору о наказании Землякова за пятиминутное опоздание уже никто не хотел. Да и надо было, кроме того, каньон соосадителей отмыть до блеска. А это — работы не меньше, чем на три часа.

Илья ЕГАРМИН

ДРЕВНИЕ

Видишь ли, бывает вот как... Ты садишься в автобус, знаешь номер его и знаешь, что по определенному маршруту следуя, он тебя домой доставит. Не смотришь в окна. Верить тому, что свершается каждый день одинаково. Устал и не смотришь в окна.

А если автобус пойдет не так, а? Ну, собственно, так и случилось. Вечером поехал ты на своём *номере*; порядок. Смотрел минут двадцать в пол или в книгу. А потом глядь, — местность-то незнакомая совсем. Дома слишком грязные, что ли... Окна более тусклые, чем у *тебя*. Ну, это, видимо, оттого, что грязны дома эти. И окна грязны. Туман висит во дворах гигантскими рваными облаками. Сырой, страшноватый. Как во сне. Да, — бельё на веревках. Погода — ноль. Пасмурный, слабый вечер. Вечер слабости.

Вышел ты, Козлов, из автобуса. И ты, Козлов, задал вопрос первому попавшемуся человеку: «Где я?». То есть, конечно, формулировка не такая, а другая. Кто же так спрашивает: «Где я?». Тут и за бесноватого примут. Лучше спросить по-другому. И ты, Козлов, спросил вот как: «Скажите, а что это за остановка?». Ты даже не так спросил, Козлов, а спросил ты таким образом: «Скажите, а это какой автобус?». Такая формулировка ближе к психическому состоянию.

И страшный, грязный, зловонный старик ответил Козлову в такой форме: «Твой автобус. Твой».

Вечерет в незнакомом месте. Слабый ветер шевелит призрач-

ным бельём в глухо-глубоких, черновато-сырых двориках. Вечер в незнакомом месте — это всегда тяжело для психики. Неуютно.

А старик этот ещё говорит:

— Заблудился, мертвец?

— Я? — спросил Козлов, и огни домов в его посиневших от вечера очах тускло вздрогнули, словно во сне.

— Ну не я же, Матьер Божия, а? Я-то у себя, а вот ты — где?

— Я?... Я... заблудился... — задумчиво, по-вечернему, по-лесному протянул Козлов.

— Во-во, — подтвердила старая машина.

Автобус отошёл во мглу. И Козлов разглядел синие, холодные пустыри. Тёплый, ржавый ветер бормотал в шевелящемся железе смутных вывесок, заборов. Вечер опускался, как галлюцинация.

— Дворики-то — чудо, — посмотрел! — кричал старик на останке, стоя там с Козловым. — Язычество. Собачки снить... Почти Кашмир, а? Золото — не ночь... Пошли ко мне! Заночуешь.

— Да я...

— Чево?!

— Я, это...

— А? — захохотал старик. — Пошли, — добавил он и вдруг потащил Козлова вглубь дворов.

— Да погодите... — упирался Козлов. А дед тащил его силою в сырую темноту, говоря:

— Да не упирайся ты... Ночуешь у меня, я сказал.

— Да я не хочу... — бормотал козловский рот.

— Рот закрой, машина, — тихо заревел старик в темноте. В рыло получишь... Иди со мной, не пожалеешь... Будешь спать у меня. Я тебя завалю у себя. Я уже мёртвый.

Складывалось такое впечатление, что старик находится в состоянии истерики.

Козлов уже молчал. Старик был низкий и приземистый; можно было очень сильно ударить его и убежать. Но Козлову не хотелось бить старого человека.

Шли под какими-то обрушенными арками, сквозь камни которых сочилась холодная, неуютная вода. Фонари были, но не горели.

— Я тут, рядом, — приговаривал старик, словно уговаривая, словно извиняясь. — Уже дошли...

Они сели на чёрную от сырости скамейку во дворе. Незнакомый это был двор, тёмный, сырой, и окна нависли над головой, грязно-жёлтые, мёртвые (словно от забытого ужаса).

— Древний кошмар, — сказал старик и обхватил грязную голову руками. — Выпьем.

Возникла бутылка. И больше ничего.

Из полуразрушенной арки вышли *древние*.

— О, — сказал старик. — Наши.

Эти люди шли в направлении двоих, сидящих на скамье. Шло около семи старых людей.

— Покинул мозг, — прошептал старик.

Древние были одеты в лохмотья; двое шли с посохами. Нет, трое. Козлов вгляделся.

Много ампул было навешано на лохмотья. Древние приблизились вплотную. От них пахло *невидимым*. Старик встал.

— Привёл, — сказал он. — Выцепил заблудшего.

Древние переговаривались на своём языке. Старик тоже заговорил по-ихнему.

Ампулы позванивали на лохмотьях. Лохмотья шелестели, шевелились. Древние переговаривались на своём наречии, и вдруг один из них схватил Козлова за руку. Произошло это внезапно, и Козлов вздрогнул.

— Не двигайся, — глубоким голосом произнёс схвативший. — Уйди вон от себя.

Древний извлёк шприц, наполненный чем-то, по крайней мере, прозрачным. Козлов задёргался. Древний надавил ему посохом на живот.

— Не смей двигаться, — произнес он, величественно подымая голову к мутному, струящему сырость небу, которое было над окнами.

В руку Козлова вошла игла.

— Чтобы двигаться, употребляем. Чтобы двигаться, — сказал старик, спутник Козлова.

Металлический шприц освободился от содержимого, которое перешло в тело Козлова.

И Козлов почувствовал перемены.

Древние переговаривались меж собою, и их лохмотья шевелились в тёмном вечернем воздухе, под нависшими грязными квадратами пустующих окон.

Козлов менялся незаметно, но менялся радикально.

А древние вошли в арку, из которой вышли. Вошли вместе со стариком, спутником которого был Козлов, и начали погружаться в ещё более ошутимую, немислимую глубину и темень дворов. Они шли и звали Козлова.

И Козлов встал со скамейки и вошёл в арку.

А фонари по-прежнему не подавали признаков жизни. Жизни вообще не стало нигде. Как жидкость ушла из шприца в тело козловское, так и жизнь улетучилась из всего, что должно быть ею наполнено; так улетучилась, словно её выдавили в иное.

Древние шли молча, с посохами, и Козлов шёл без посоха с древними.

Древний Козлов шёл по древнему миру, где не горело ни фонаря, ни окна. Ноги ступали, ощущали. Ощущал Козлов, как испарился свет из фонарей, из окон; как испарились номера ав-

тобусов, он ощущал. Асфальт исчез под ногами. Пещеры арок проплывали над головой, грязные, сочащиеся мутной влагой древних дождей. Разбивалась эта влага о лоб, о лицо Козлова. Лёгкий Козлов двигался через бесчисленные арки, а влага струилась, молчаливая, ночная. Струилась она над лёгким Козловым в ночи. Над лёгким Козловым, пропавшим без вести, струилась безвременная, звучная влага.

Анна ПОПОВА

ПРОМЕТЕЙ

Ах, как хочется — полной грудью
Мне вдохнуть этот ветер в ночи...
Что ж вы стонете, жалкие люди,
Вожделенный огонь получив?

Иль с ума посходили с тоски вы,
Иль при свете вам жизнь не мила?
Прикрываете, значит, стыдливо
Неприглядные ваши дела...

Вспоминаете с радостью древней
Темноты благодатный покров,
Ибо ночь — подходящее время
Для развратников и воров!

Неужели вам лучше — во блуде,
Средь обманов, разбоев и драк?!
Бестолковые, жалкие люди,
Всё равно вы хотите во мрак!

Убежать, замолчать, покориться,
Отмахнуться, забыть про меня
И, увидев огонь, притвориться,
Будто нет никакого огня!

Да, вам проще, убогим и грешным,
Злые сплетни ловить на лету...
Потому что однажды прозревший
Не поверит в свою слепоту!

Я не стал бессловесным орудьем,
Но тем самым нажил я врагов:
Боги злы и ревнивы, а люди
По себе создавали богов.

Все закончится, поздно ли, рано,
Но одно вам скажу наперед:
Мир поделится на два клана:
Тех, кто дарит. И тех, кто берет.

ЧУЖБИНА

Жизнь, как старый возок, снова катится мерно,
Оглянулся — октябрь на дворе.
Не сложилось? А может, сложилось неверно,
Как стекляшки в забытой игре.

В дорогой стороне, в голубом поднебесье
Птичьи стаи находят приют.
Эти песни, о дивные, милые песни...
Боже мой... Здесь таких не поют.

О, как быстро кружат легкокрылые стайки,
Оставляя серебряный след.
Детством пахнувший дом в ожиданье хозяйки
Постарел... а хозяйки все нет.

Здесь чужая земля, время катится все
И от скуки замедлило счет.
Здесь чужие дома ни о чем не тоскуют,
Даже птицы поют ни о чем.

Здесь чужие дожди ничего не приносят,
Ни печали, ни страха, ни тьмы.
Лишь на сердце — холодная светлая осень,
Но еще далеко до зимы...

РЕБЕНОК

Кем будешь ты? Пока еще не знаю.
Седые прорицатели молчат.
Кем будешь ты — волчком в общей стае
Нахальных несмышленишей-волчат?

Не дай господь — единственным, невинным
И гордым лебедем — напрасный труд,
Не стоит, даже песни лебединой
Тебе допеть спокойно не дадут.

А может, милый, в этом мире злобном
Одно лишь важно — деньги и семья,

И будешь ты плодить себе подобных
И просто жить, как все твои друзья,

В болоте повседневности увязнув,
Не видя звезд, глотая тлен и муть.
И счастлив будешь так легко и ясно,
Что мне уже не жаль тебя ничуть...

МИЛОСЕРДИЕ

Милосердие — это боль,
От которой душа не спит.
Милосердие — это пыль,
Это гулкий цокот копыт.

Милосердие — это флаг,
Белый флаг кровавых полей,
Милосердие — это шаг
От моей души до твоей.

Милосердие — это страх
Перед тем, как мы все живем,
Милосердие — это враг,
Грозный враг под твоим копьём.

Милосердие — это клеть,
Доброта — и одно из зол.
Милосердие — это плеть
Для того, кто душою подл,

Милосердие — это весть,
Весть о том, что ты не один.
Милосердие — это песнь
Новой жизни среди руин.

Игорь ХАРИЧЕВ

ИММУННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА (Маленькая повесть)

Я не выбирал себе тестя. Женился на молодой, красивой женщине, а позже выяснилось, что ее отец — полковник КГБ в отставке, и брат пошел по той же стезе, успев дослужиться до звания майора в ФСБ. Признаться, меня это не слишком обрадовало. Сотрудники спецслужб, и нынешние и бывшие, вызывали не слишком приятные чувства. От них можно было ожи-

дать чего угодно.

Я — журналист. Довольно известный. Пишу на экономические темы. Я разбираюсь в этом — у меня за плечами экономический факультет МГУ. Еще семь лет назад меня пригласили в солидную газету. Кроме того, все время возникают просьбы со стороны других изданий. Так что я зарабатываю вполне достаточно, чтобы не думать о деньгах.

Анна — моя вторая жена. С первой — Еленой — мы разошлись пять лет назад. У нас до сих пор прекрасные отношения и, к счастью, нет детей. Она тоже работает журналистом. Два хороших журналиста на одну семью — чересчур много. Зато Анна — руководитель отдела в центральном аппарате крупного банка. Заканчивается рабочий день, и она свободна.

Когда в редакции ничего не горит, я заскакиваю за ней, и мы где-нибудь ужинаем или идем на светские тусовки, регулярно происходящие в Москве. Во все остальные дни Анна ждет меня дома, в моей квартире, где мы живем после свадьбы. Есть у нее своя квартира, но мы ее сдаем. Анна откладывает эти деньги.

По меньшей мере один раз в месяц приходится навещать родителей Анны. Мое присутствие обязательно. Я не люблю эти поездки. Часы тянутся мучительно, хотя встречают меня радушно, кормят вкусно, поят отменно. Теща внимательна ко мне. Тесть и шурин — доброжелательны.

Тесть — солидный, знающий себе цену человек. Он и ходит как-то вальяжно, с пониманием своей значимости. В его манерах есть некая безапелляционность, уверенность, что ему все под силу, что нет проблем, в которых бы он не разобрался и которые бы не решил. В этом шурин похож на него. Я чувствую, что их доброжелательность ко мне сродни прощающей снисходительности. Я — чужой для них, потому что занимаюсь несерьезным для мужчины делом. А серьезное дело только одно: то, которым заняты они.

Как-то после семейного обеда мы с тестем уединились в зимнем саду. Мы пили Хеннесси. Тесть обожал его, а я не отказывался, когда мне наливали. Достойный напиток, хотя — предпочитаю виски.

Окна были открыты по причине теплой погоды, с улицы доносились звуки, коим положено звучать в городе. Тесть, долго молчавший, вдруг проговорил:

— Вот ты пишешь: надо меньше государства в экономике. — Он смотрел на меня, как на несмышленного ребенка.

— Я не только так пишу, я так думаю, — невозмутимо ответил я. — Ты не прав. — Он выдержал весомую паузу. — Я преклоняюсь перед государством. Не потому, что люблю его, а по той причине, что понимаю истинное значение государства, смысл его существования. — Его взгляд устремился куда-то вдали. — Если вдуматься, организм государства не менее живой, чем ор-

ганизм человека или животного. Он может умереть, а может успешно развиваться. У него похожее строение. Скажем, документооборот подобен нервной системе. Документы выполняют роль нервных сигналов. Они дают информацию о том, что надо делать, и о том, что происходит на периферии. Перемещение документов сверху вниз и снизу вверх полностью напоминает движение сигналов от головного мозга и назад. Роль мозга выполняют центральные органы власти. Исполнительные органы на местах — это мышцы. — Тут он хитро глянул на меня и чуть более оживленно продолжил. — А вот оборот денег подобен кровотоку. Не кровь течет в сосудах государства, а деньги. Перемещение денег из центра и назад такое же, как движение крови по артериям и венам. Деньги — это кровь государства. Скелет государства — города и дороги. На них все держится. А границы — кожа государства. Границы защищают его от вредного воздействия извне... — Тут он задумчиво усмехнулся. — По сути, все государства устроены одинаково. Но, тем не менее, они отличаются друг от друга. Так же, как и люди, и животные. Это на уровне различия лиц, фигуры и характеров, не более. Загляни внутрь любого человека — сколь толстым или худым он бы ни был, каким симпатичным или несимпатичным ни казалось бы его лицо, каким бы скверным или хорошим ни был его характер, он устроен так же, как другие люди. То же самое с государствами. — Тут он поднял палец, дабы подчеркнуть важность последующих слов. — Но самое главное — государство прекрасно с точки зрения эволюции. Оно — её высшая ступень. Сначала венцом был человек, а потом — государство. То есть не просто общность людей, живущих сообща в пределах некоторых границ, а их отношения между собой. Животные не могут создать государство, только люди, истинное предназначение которых, быть может, в этом и состоит. Он замолк, глотнул Хеннесси. Честно говоря, я не знал, что ответить на его страстную тираду. И тоже предпочел прикоснуться губами к бокалу, пропустить внутрь глоток благородной жидкости. Так мы сидели, пока тесть вновь не заговорил: — Каких только гадовстей не говорят про государство. Так, один англичанин по фамилии Геллнер утверждал, что государство — это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка, институт, основная задача которого — охрана порядка. Узко мыслит господин Геллнер, очень узко. Немец Классен считает, что государство — это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Разумное заключение. Но не исчерпывающее. А вот Ленин говорил, что государство это машина для угнетения одного класса другим, машина, позволяющая одному классу держать в повиновении прочие подчиненные классы. — Полная чепуха. — Он решительно махнул рукой. — Государ-

ство есть высшее благо и смысл существования человека. Ибо только государство дает возможность для полнокровной жизни человека, спасая его от каждодневной борьбы за выживание. Так клетка живет, будучи неотъемлемой частью организма человека или животного. А сможет ли она выжить, оставшись в одиночестве? Ответ на этот вопрос очевиден. — Я опять удостоился его отеческого взгляда, в котором была нотка торжества. — Что такое люди? Это клетки государства. Они могут рождаться, размножаться, умирать подобно клеткам человека. На этом сходство не заканчивается. Те, кто ведет борьбу против государства, сходны с раковыми клетками. Здоровое государство изолирует и подавляет их так, как это делает здоровый организм человека. Нездоровое государство рискует, позволяя раковым клеткам существовать и множить своё число. Так что органы безопасности сходны с иммунной системой. Какой организм сможет прожить без нее? — Сколь пристальным стал его взгляд. Выдержав точно выверенную паузу, тесть назидательно изрек. — Мы не понимаем истинной красоты государства. Неправильно ставим приоритеты. Сколь много людей убеждено, что человек выше государства. Особенно там, на Западе. Как можно ставить человека выше государства? Нет. Мы должны быть его верными слугами. Поскольку целое всегда важнее частного. Поскольку частное только и выживает за счёт целого.

Он вновь замолчал, что обрадовало меня. Я устал от его тирады, от безудержной апологии государства. Но я не мог прервать его или подняться и уйти. Приходилось слушать. Мы еще раз уменьшили содержимое наших бокалов. Тут он продолжил свое выступление: — Насколько Россия ближе к разумной, правильной позиции, чем страны Западной Европы с их будто бы развитой демократией. У них всё поставлено с ног на голову. Да, двадцатый век был для них удачным. Если только не принимать во внимание две мировые войны. Да, они обеспечили своим гражданам сытую, спокойную жизнь. Но теперь трудности преследуют их. Не случайно была создана Единая Европа. Но и это не гарантирует их от всяческих проблем. А всё потому, что они ставят телегу впереди лошади — утверждают, что человек важнее государства. Человек важен. Вне всякого сомнения. Но лишь как малая часть государства, как его составляющая, не более. Победили бы мы в Великую Отечественную войну, если бы жалели каждого человека? Нет. И тогда бы потеряли всё. Это был сомнительный посыл. Я хотел возразить, что по этой причине и оказались столь велики наши потери в этой войне, что Сталин и другие руководители СССР не жалели отдельного человека, но тотчас прозвучало: — У меня остались хорошие связи. Могу за тебя похлопотать. Внешне ничего не изменится. Останешься в своей газете. Но... получишь звание. Будешь ино-

гда определенную информацию проводить. Это важно, чтобы из уст вызывающего доверие человека. А пройдет время, подумаем о том, чтобы ты возглавил крупное издание. Скажем, «Российскую газету»... Что, хлопотать?

Его пристальные глазки сверлили меня. Возможно, в прежние годы так он смотрел на допрашиваемых, ожидая их признания. Что я мог ему ответить? Что мне противно его предложение? Не хотелось ссориться. Все-таки, тесть. Я ограничился коротким:

— Нет, спасибо.

— Зря отказываешься. Но дело твое. Одним глотком допил коньяк, поставил бокал на изящный столик, резко поднялся и ушел в гостиную. Похоже, я рассердил его. Не привык он получать отказы ни на прежней службе, ни теперь, когда занимал должность члена совета директоров банка, где работала моя жена. Мои отношения с тестем вроде бы не изменились после того разговора. Но вскоре у меня возникли проблемы.

(Продолжение в следующем альманахе)

Валентин КУКЛЕВ

В ПОИСКАХ АНДРОГИНА

Главы из романа

(Продолжение, начало в «Словесности 2008»)

**Священные имена. Тайна имён — надежда знаний
Conspicuous переводится с латинского как «участие
в знании» и это связано с со-бесью**

Омир: «Я пытался разыскать себя в море букв, в герое — но терялся и не находил ничего в символических лабиринтах и в шифрах имён.

В каролингскую эпоху, эпоху Карла Великого, когда Альбин Флакк основал школу письменности, тогда *nomini sacra* ещё очень выделялись среди прочих сокращений. Один из писателей середины IX века, Христиан из Ставело, дал именам такое объяснение: «Имена божьи должны писаться прикровенно, ибо имя божье не может быть выражено в буквах. Если же означает человека (имелось в виду слово *dominus*), пишется всеми буквами». Однако такое написание не было всеобщим и обязательным, так как в рукописях раннего средневековья обнаруживаются сокращения *dns* (*dominus*) в смысле «господин», т. е. в применении к человеку, и *scs* (*sanctus*) — святой дух. Вместе с тем, хотя и реже встречаются выписанные целиком слова *deus* и *dominus* в применении к богу. В дальней-

шем *nomina sacra* сделались обязательными, но слова *dominus*, *spiritus*, *sanctus* сокращались во всех случаях, независимо от контекста, то есть даже и не имея священного смысла. Вообще *nomina sacra* как бы растворились в огромной массе имён». Далее он читает: «Нелепо спрашивать у людей: кто они? Они отвечают: фамилии, имена, кто их родители. А до октябрьского переворота, спрашивали: какого вы сословия? А на вопросы откуда ты? куда ты идёшь? очень редко можно получить ответ, потому что это знание своего часа рождения, рассказывающего про тайну зачатия.

Дед очень строго наказал: «Никогда не коверкай ничьего имени, и вместо имени, клички никакой не придумывай... Зови человека только так, как он сам себя называет...». Мальчик съезжился от суровости голоса, сдвинутых седых бровей и поднятого указательного пальца. «Это какое-то важное взрослое правило и страшная тайна», решил мальчик, ведь заблуждения возникают, когда нарушаются правила использования имён.

По причине той я забываю спросить имя человека при знакомстве, а если спрашиваю, тут же забываю, а потом как-то неудобно переспрашивать, а иногда, присмотревшись к человеку, понимаю, что нет даже смысла спрашивать его имя. Поэтому я научился разговаривать без имён-обращений. В СССР ко всем обращались так: то ли «товарищи», то ли «эй».

Мысли отца и матери в момент зачатия определяют, какая душа войдёт в тело ребёнка, а наречение души этой, при всей простоте дела, никогда просто так не совершается, как у Н. В. Гоголя: «... это случилось совершенно по необходимости, и другого имени дать было никак не возможно...». Может ли эту необходимость знать сам человек и имя себе выбирать? Самозванство явление сложное и неоднозначное, самоназвание сродни самопознанию... Можно брать чьё-то имя, можно менять своё, можно этого не делать и сохранить наречение родителей... Меняя изначальное имя, мы меняем ангела... Сотворение имени, где каждая буква проводит определённую вибрацию, магические свойства, одним умом произвести невозможно... Интересно Каббала объясняет, что в Танахе каждому имени посвящен стих, что каббалист, погружаясь в медитацию с помощью своего «личного стиха», обнаруживает себя в тоннеле, ведущем туда, назад, когда условия жизни, тело, пол были другими, и имя своей половины тоже. И даже самые простые медитации на тему имени бывают очень показательны, и имя, например Аня, вдруг обернётся А — не — Я... Это может быть один из способов найти себя в прошлой вечности, но часто, попадая туда через сны, обрывки видений, через припоминания в раннем детстве, мы не можем понять, что уже когда-то рождались и умирали, поэтому чем мы рискуем, когда умираем? Жизнь передаётся от одних живых, но уже угасающих, зачат-

ков к другим, распускающимся.

Мы просто это забыли — как забыли, что каждое имя соответствует или не соответствует душе. Когда же перерождается душа, перерождается и имя.

Когда душа больна, то человек не может назвать своего имени, он может лишь воспроизвести запись из метрики, паспорта, в школе — с первой страницы дневника...

В дальнейшем, для удобства, иногда, наших героев будем называть не именами, а литерами, тем более что инициалы приемлемы нашей культурой...

Например, литерой В. или литерой Э. Ровно кладутся косточки букв, при этом соблюдается тайный алфавит имени, скрытый даже от палеографов, которые умели читать тиронские знаки — специальные знаки, замещающие местоимения и предлоги.

Иногда имена возникают полностью, так что герменевтам будет дана надежда или подсказка при входе в загадочное пространство, что имя они узнают или прочтут полностью, хотя имя существует само по себе, изолировано от текста, а буква всегда участница в любом корне, дающем смысл.

А может ли имя обойтись без букв? А буквы обойтись без имени? — О букву, как о надежду, всегда все спотыкаются и через неё происходят все ошибки в жизни и в тексте. Поэтому необходимо иметь несколько букв — корень, слог, через которые мы приходим к слову.

Персонажи нашего повествования имеют свои имена, они не выдуманы, с ними всё ясно, они состоялись сеньялью, внутренними именами. Но многие действующие лица ещё живы и мне неудобно без их ведома употреблять их имена и фамилии, но я прошу заочно извинить меня и при случайной встрече с действующими лицами буду просить их разрешения.

Как в культуре, не сомневавшейся в добродетельности мужества, в кургуазном рыцарстве, воспетом трубадурами, *он и она* никогда не обращались друг к другу по имени, под которым их звали и знали в обществе, они называли себя именами известными только им одним...

Это была тайна двоих, имевшая не только практический, но и символический смысл: сеньяль — имя внутреннего пространства, тайное имя дамы; сеньяль сакрален в кургуазном универсуме, ибо это тайное имя может быть известно только двоим.

Омир: «Придерживаясь этой средневековой традиции, продолжим наше повествование, изыскание, заметив лишь, что пометы внизу листков похожи на меровингские и каролингские стили; там, в тех пометах, сообщались имена писцов и секретарей, принимавших участие в изготовлении грамот, эти знаки заверяли подлинность документов.

Божественные сущности имеют тоже необходимость оставаться без имени... Значение имени неизречённого?».

И шмель гудел, был сбит его бомбардировщик...

В. шёл, уткнувшись в полевую дорогу и свои мысли. Было жарко. Горячо нагретая пыль обжигала ноги. Иногда налетали медовые запахи цветущих лип вместе с ветром, уже давно забытые в суматошной жизни города.

Он шёл вдоль реки, где ласточки-береговушки снуют низко над водой и стрекозят стрекозы, и медуницы жужжат, тревожно мечутся. Значит, скоро будет дождь — подумалось где-то в глубине сознания. Он прошёл мимо обгоревшего в 1972 году леса, мимо поваленных старых, полинялых столбов с проволокой, подобно змее, лежащей рядом с тропой, и вышел внезапно к полю. Открылось пространство... И там, вдали, на линии горизонта виднелись крыши маленькой деревеньки. В. оглянулся на пройденный лес, посмотрел влево, вправо, увидел воды стоячих стариц, где распустились водяные лилии, тут же жёлтая кувшинка — кубинка, и чёртов орех, оштык к вечеру, медленно погружается в глубь... В ногах слегка покалывало подошвы, в зубах горчила травинка. Подняв голову, он увидел, как вместе с синим небом, туда, откуда он шёл, уходят белые облака. А там, впереди, у далёких крыш, находился его младший сынишка... Совсем близко шумел лес... Если прислушаться и закрыть глаза, как будто течёт большая вода. Много лет назад он шёл так же к старшему...

С трудом, выбираясь из путаной фальши, разберёмся в скорби унижений. После откровения о себе — то ли товарищу, то ли после полуночных радений с любимой женщиной, когда она спит, а ты уходишь на рассвете, потому что боишься последующих унижительных состояний, когда уже нечего сказать, закрывшись словом, хотя, может быть, это просто спад энергетики — покорностью немилой всё тянешься и тянешься в простор...

Унижение, вот что противостоит открытости, вот что мы никогда никому не прощаем, гнёт унижения... Унижение естественно, потому что всегда есть кто-то лучше, выше, сильнее...

В христианстве онтология унижения доведена до кенозиса, до самоумаления... Ну, так... Я хочу унизиться? Меня хотят унизить? Где тот, кто унизит?..

В небо давно бьётся настоящий (прислушайся к голосу неба) звук отдалённого колокола...

И вдруг смеюсь, инсайт: Боже мой, я не могу унизиться, ибо ты уже заплатил за все мои унижения своей жертвой и мне нечего брать на себя, кроме великодушного прощения и новой искренности...

Быть всегда покорным призывает Иисус. Спасётся только претерпевший до конца...

Унижение связано с нашей греховностью, как же быть с по-

корностью этому самому греху, постоянному непопаданию, с постоянной ошибкой... Семантика греха связана с непопаданием в цель — несовпадением с божественным промыслом, со своим путём, с предназначением...

Феноменология греха состоит в том, что я грешен изначально, и как бы я себя не изменял, улушая в ту или иную сторону, это ничего не меняет в сути греха, непопадания... Где суть греха, за которую уже заплатил кровью пришедший на Землю Бог?!

Только там, где сквозь летящую звезду, помнился их ночной поход с отцом к сестре Марии, к которой они пришли на утренней заре, когда забился о стекло жужжанием шмель, обреченно сплетаясь в памяти с раскаянием...

На фонарную ласку отзовется шёпотом крыльев бабочка, на немом их наречье

Женщина в окне, или её отражение в стекле окна. Она как прообраз вечного ожидания где-то в глубине старинного прощального зеркала. Это возникает как наплыв сна, как засыпание. Женщина в платке, который покрывает голову по-русски. Отец подходит к моей сестре Ирине и осторожно развязывает платок... и открывается бритая голова, почти что мужская. Как-то странно ему видеть сестру без выющихся и развевающихся волос. Отец спрашивает: «Что у тебя с волосами?».

Она не отвечает, но как-то становится понятнее... Трудно уйти дальше молчания её говорящих глаз...

Голос мальчика-сына: «Да и было ли это? Не явь ли, не мечтаение ли сумеречным гостем залетело в комнату вместе с бликами света, качающегося на улице фонаря...».

Или всё — кажется, а может это сон с открытыми глазами, или полусонный фантазус самого искупления греха?

Где грани реального и нереального раскаяния? В чём искупление греха перед самим собой?

То всё кажется маленьким: и ты сам, лежащий на диване, и предметы вокруг, и золотые нити от электрической лампочки из окна напротив. А когда резко встаёшь, подходишь к своему окну, то обнаруживаешь, что из того окна напротив золотые лучи больше не идут.

И женщина там медленно снимает верхнюю одежду, и какое-то мгновение она обнажена и не успевает надеть ночную сорочку, а ты её уже обнимаешь, чувствуешь глубинный запах её естества, пальцы осязают кожу, изгиб плеча, скользят по линии спины вниз... И ты, прислушиваясь к себе, следуешь в этот миг своему естеству, не допуская мысли о раскаянии...

В приоткрытую дверь влетает большая бабочка, принося в крыльях едва уловимую трепетность, и твоя внимательность, острая, как взмах крыла этой бабочки, растворяется в свете

оранжевого абажура подобно страху своего обнаружения. Бабочки — это общение в ультрафиолете, бессознательное стремление к свету. Так зачем они летят к огню, трепещу, входя в бледный свет фонаря? Наверно потому, что они увядают вечером, в темнеющей заварке уходящего дня. Крылья бьются о стекло, создавая странный хлопающий звук, похожий на шелест листьев под длинным порывом лёгкого ветра. С утра бабочки опять оживают в ультрафиолете, их порхание напоминает летающие цветы. Это ли ни деяние ангелов? Но почему Минотавр держит в одной руке воробья, а в другой бабочку?

(Продолжение в следующем альманахе)

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

Юрий ПРОСКУРЯКОВ

ГЕКЗАМЕТР ПОДКОВ

* * *

Я смотрю на нее
там, где раньше гордился незримо.
То ли шов по краям,
или клоуном высветить тело.
Может просто заклеить
лицом беспечального грима,
или бросить в огонь,
чтобы память о прошлом сгорела.
Надо мной наклонились
чашобы глубокие рода.
Потяни за края
и обрушится ветхая рана.
Не печалься, мой друг,
так играет и злится природа,
не ликуйте враги —
зарастает мгновенно нирвана.
Но зато сквозь нее
стало видно звезду в поднебесье.
Закрутилась монетой,
расправила пальцы забвенья.
Если брызнуть лучом,
оседает легчайшею взвесью,
или полог закрыть,
обнимается с черною тенью.
Если молод — на крюк
или кровью впервые наводка,

Или внутренним зрением
от смертной тоски окривеет.
Пусть она хоть сгниет,
и всплывет, как небесная лодка,
ледниками завоюет
и ядерным взрывом согреет.
Если выход и вход —
это глаз, проникающий в кожу,
собери свою кровь
точно город, упавший на карту,
Если пламя не вспыхнет, мой друг,
нам никто не поможет,
в этом мире безумцев,
подверженных только азарту...

* * *

Шесть шагов. Барабанная демонов дробь.
В край безносых альфонсов и их синеглазых подружек
Я шагнул в этой маске, где правая бровь это Обь,
И до левого берега Волги веснушками стужи

Разрисована каждая пядь. Беспросветная враль
Черной ямой кричит, изгибая от ярости губы.
Перед зеркалом страсти туманом клубится печаль.
Я вернусь, если нужен тебе. Если любый.
А в Ирландии солнце. Над Томасом куст резеды.
Вечный ливень в Москве барабанит военные марши.
Запрокину на запад лицо: от звезды до звезды
Нежность нашей любви в безнадежности ночи не нашей.

Шесть углов Петербурга. Какая-то странная дробь.
Как на юность разделишь покой этой бездны бездонной?
И бредут по этапам от Волги мятежной на Обь
Нашей чести безумной в слепящей метели колонны.

Разлюбить ли тебя еще раз? Еще раз полюбить?
Но из гулкового жерла свинцовых твоих траекторий
Ненасытное сучее племя и волчая сыть,
Ключья рваные меха и кровь на снегу плоскогорий,

То кресты, то избушки, то в тине умерший родник,
И ослепшие окна, и плесень на месте жилища,
И разрушенный воздух, и твой восхитительный лик,
Купола твоих храмов, гробов деревянные днища,

Негодяи, святые, подвижники, боги, рабы, —
Как разделишь надежды на эту бездонную пропасть?

И молчит Голова, не выходит Илья из избы,
Не вращает Руслан кладенца беспощадную лопасть.

Лишь один Михаил на коне — между лужами глаз
В рыбьей шерсти золотой над мостом над калиновым замер.
Это вестник трубит, то Господь посылает спецназ
И я слышу слепящих подков его жуткий гекзамер.

Поменяюсь рубахой с тобой и взойду на помост
Обними меня, милая. В этой печальной юдоли
Прекращается род и береза встает на погост.
Это память тебя. Мы с тобой не увидимся боле.

* * *

Лицо твое — вращающийся диск,
вослед за пальцев дробью десятичной,
слепое двоедушье зрачка
глочет тьму, и душит каждый писк
души российской пьяно-неприличной.

Телесная кора твоих одежд
пропитана смолою ядовитой
и Лермонтов глядит, как василиск,
тебя он знает, нет в тебе надежд,
и красоты бесславием испитой.

Младенцем мандельштамовым крича,
не отыскать в империи врача:
повсюду каратисты и боксеры,
на крайний случай теннис, волейбол,
хоть из офсайда, но забей свой гол
и встань с веслом на гипсовые хоры.

Пока с мечом ты пела и пила,
крутила патефоны первача
и грабила своих же недоносков,
он рос в твоих подвалах, чердаках,
тебе самой теперь внушает страх
и коноплей летит над степью плоской.

В конце концов, тебе на них плевать,
на предков их, на общую их мать,
крыла границ преступные раскинув,
как президент, не снятый с пятачка,
как идиот в глубинах бардачка,
ты бьешь кайлом в согбенную их спину...

* * *

Как ожег покрывается кожей,
Мелколесием лесоповалы,
И, как в прошлое шаг невозможен,
Когда счастья минувшего мало.
Остается песок аравийский,
И глубокий колодец в песке,
И когда-то смещенные диски
Позвоночника в этой строке.
Видно что-то судьба утаила.
По горам и лесам, без огня,
По тебе, по единственно милой,
Кружит мертвое время меня.
И ушел, расцепивший бирюльки,
Чтоб усилить молчанье и смерть,
Для того, кто навеки у люльки
Осужден бесконечно смотреть.

* * *

Как нет любви, пока идет делёж,
так под дождем кислотным ни за грош
гноится темный глаз тысячелетий.
Есть только путь свободы и вонне
её границ в горячке и огне,
густых доносов прогнивают сети.

Но не найти пути в системе слез,
не изменить фотографичных поз,
не пожелать ни плесени, ни хлеба,
а праведников судорожный прах..
и только ветер, ветер в проводах,
и опрокинутое небо.

Украден лес, его дриады спят,
на лесовоз уложенные в ряд,
в отравленную землю их певучесть,
сучится вяло... Это ль не вино
сладкоголосых искушений? Но
петь после жизни ангельская участь.

Столица спит. На башнях фонари
мулеты света ставят до зари,
чтоб преступленья камня не тревожно
омыть дождем, он продолжает течь,
и прячет смерть двоякоострый меч
в трепещущие сном и жизнью ножны.

Мой теплый шепот, отражен от стен,
рвет чешую хтонических колен,
и в этой рвоте, в этой склизкой лени,
даря тебе двойной трилистник слез
и ощущая вечности курьез,
я сам молюсь замачтенной сирене.

Ни ласточка и не акулий хвост —
ты втягиваешь плоть мою как мост,
как медленная казнь, как сладкий иней.
И дьяволу отдав его простор,
я жгу твой флаг и твой дубовый бор
под гиканье твоих тупых эриний.

И только слез густеющий поток
вычерпывает сетью, кто жесток,
и втаптывает в ил и грязь растений,
не доползая до касанья рук,
не погружая звука в нежный звук,
с тобой мы разминемся в мире теней.

Орфей беспутных русских эвридик,
с землей власами сросшийся старик,
то лодочник, то путник запоздалый,
разинувший пространства матерья,
тебя я в каждой встречной потерял,
в воде, в траве, в заре беспечноалой.

И вот трубит последняя труба
она и не сильна и не слаба,
но некуда в твоём просторе деться,
покаместь вечность отворяет зрак,
и я лечу в ее ревнивый мрак,
в который мне уже не наглядеться.

* * *

Декабрь — обескровленный пеон,
в нем не волхвует лес, листая версты,
и бесится буря, швыряя горсти,
крутой тоски и повергает в сон,

и мерзнет вздоха гипсовый дикарь
заиндивельный, но под черной кроной
в светелке льда, сияющей короной
снегирь плеснул веселья киноварь.

Но горизонт примерз к седой земле,
как сука и кобель от перепуга,
и снежной шерсти ползающей вьюга,
которая очнется в феврале,

закручены в слезы крутой кулак
среди твоих лубковых сентиментов:
стволы земли и птицы диссидентов,
и русской власти мерзкий вурдалак.

* * *

Ты вышла. К морю. За окном
остался в сумраке полночном
твой старый дом с его вином
и детством северным порочным.
Ты вышла. Медленно любви
на сцену сумерки сходили
и ты сказала: «Позови
всех, кто из этой чаши пили».

Из черной чаши смертных дев,
пролей эфирной каплю странной,
вплетенной в праздничный напев
благословенно безымянной
любви, что не дает взамен
самой себя за быстротечность
одеревенелых страстью вен,
сосущих призрачную вечность.

Но ты, как шахматы сплелась,
прорыла ходы, встала раком,
звездой-польноью сорвалась
и кормишь монстров зодиаком.
Я на тебе повис как блок,
как палимпсест прекрасной дамы,
пока ажурный твой чулок
еще центрирует программы.

Твоя пещерная кровать,
ты серп и молот или молот,
скажи, кого еще позвать
на мех твой рыбий или волох?
Святых ли нимфам отдавать
и девам рыцарей острожных?
И пировать, и пировать
среда прекрасных и ничтожных.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

*Итальянские, испанские и французские мотивы
в творчестве поэтов Союза литераторов России*

ГОД ИТАЛИИ И ИСПАНИИ В РОССИИ

Наталья ВАНХАНЕН

СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН

Эти степи распахнуты вольно,
и не дует на этом юру.
Я Святой Себастьян, мне не больно,
я еще не сегодня умру.

Там внизу сквозь зияние звонниц
вижу ласточек юркий полет,
колыханье неведомых конниц,
уходящих в безвестный поход.

Золотые флажки различаю
и ребенка в высоком седле.
Я Святой Себастьян и не знаю,
как страдают на этой земле.

Хороши разграфленные пашни
и рисунки далеких ветвей.
Я Святой Себастьян, мне не страшно
даже собственной крови своей.

Наконечник стрелы треугольный
хорошо затыкает дыру.
Я Святой Себастьян. Мне не больно
я еще не сегодня умру.

Дмитрий КУРИЛОВ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ АВГУСТА

Куда как плох Октавиан —
уже отвисла челюсть,
уже спешат залезть в карман
и близкие, и челядь,

И онемевшая рука
не осязает трона.
А смерть внезапна и легка,
как стрелы Купидона.

Он сделал много славных дел:
перекроил границу,
роскошным мрамором одел
любимую столицу,

Врагов умело проучил,
хранил порядок строгого
и от народа получил
венец живого Бога.

И, отлетая в горный край,
найдя удел не хуже,
он молвил: «Ливия, прощай!
живи и помни мужа!».

Скончался Август.
Плачь,
 народ!
Изгнав весну и лето,
в державе осень настаёт
и ярко празднует уход
вождя,
 царя,
 поэта.

Но остаётся вечный Рим
и боги щедрые над ним!..

Игорь БУРДОНОВ

ПОД НЕБОМ ИТАЛИИ (итальянский сонет)

Где-то под небом Италии
Есть город, которого нет.
Ни улиц, ни стен, и так далее:
Один только воздух и свет.

Великие здесь не бывали:
Ни шпага, ни меч, ни стилет,
Художники не рисовали,
И Данте не трогал сонет.

Я мог бы здесь жить на природе:
Рассвет итальянский встречать,
Фонтан провести в огороде,

Забор крепостной починять.
И хоть не великий я вроде,
Но тоже мог кем-нибудь стать.

Олег ЧИЛАП

* * *

Ах, Пикассо, изяшный Пикассо!
Покрути, покрути колесо.
Из какого ты, братец, караса,
Пикассо, пикадор Пикассо?

Марина МИХЕЕВА

* * *

Андалусийская зима
на русское похожа лето.
Но там акация цвела
ультрамаринового цвета,

и олеандровый запал взлетал
до самой высшей точки,
и легкий ветерок качал
пампасы —
 все по одиночке.

Там в море начинался день,
сквозной пунцовой стрелой
пронизывая свет и тень
на стыке воздуха с водою,

выплескивался на песок,
по тротуарам извивался,
по склонам полз наискосок
и на вершинах рассыпался

над охрой черепичных крыш,
над апельсиновой долиной,
над всем, что видимо, и лишь
с высокой точки обозримо.

Эгил ПЛАУДИС

ВАРИАЦИИ

Памяти Федерико Гарсиа Лорки

Желтые трели птахи
Над Андалузией —
Разве ты птицей стал?

Мчались черные кони,
Взором орлиным — в Гранаде
Ты скакуна увидал.

И, сев в седло, ускакал
По дороге теней,
Трели — в тебе звучат.

И горько рыдают лимоны,
Красные слезы роняя,
Ты — их аромат.

(Перевел с латышского Дмитрий Цесельчук)

Алла КОЗЫРЕВА

РАЗГОВОР С ЛОРКОЙ

По синим полям, в полумраке астральном
Мужчина не должен бродить гениальным,
Кричать по равнинам и склонам:
«Сорви моё сердце зелёным!».

Попробуешь жить — и куда же деваться?
Как все, будешь брать, и как все, отдаваться,
И плакать над синим затоном:
«Сорви моё сердце зелёным!»

А сердце не ищет гармонии с телом.
Куда оно рвется? К бессмертным пределам,
Как Бога великого атом.
— Возьми моё сердце крылатым!

Оно, по небесным законам,
И спелое — будет зелёным...

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

«ГАДАНИЕ НА ЧУЧЕЛЕ»

Гоёе

Гадают девочки —
Подбрасывают чучело
На полотне
У межи:
Взялись за края,
Перешучиваются:
— Мария, крепче держи!

А Марии страшно:
Чучело покрашено,
Набито соломой;
Кого обнимет —
Уведет из дома
Соломенный жених,
Кого из них?

Девочки гадают,
Смеются,
Приседают:

— Чучело, чучело
Марию замучило!

Ингрид КИРШТАЙН

ЭЛЕГИЯ СНЕЖИНОК, ПАДАЮЩИХ В ФОНТАН

* * *

Ovidiu Varsami

*Есть же вещи и менее вероятные, чем ваша смерть
В шуме подперших небо чашеобразных вод
Посреди еще не зимы, но уже почти.
В темноте на площади Юности. В фазовый переход
Опуститься, захлебываясь, — избранность или блажь?
Торжество безнадежности — ее колыбельной фаты,
Слезотекущей яви — неужто засахарен ток,
Топких надежд мираж, как с I Love You листок.*

Будто бы не холод властвует, а слеза,
Водяного пламени ключ под сугробом букв,

Латынь из-под перьев варварских настоящая, хлынь.
Старое чувство верни. Сверху луна. Аминь.

Сон с тобой я видела перед Римом своим,
Сон потонул в зашоренных снегом глазах.
Сколько плащется смирения там, где тепло.
Всюду были фонтаны, в них тают твои шаги.

О шестиугольные, нежные, словно вслух
Произнесенные: «хоплес» — пятнадцать? Сто?
Ангелы соприкоснулись. С их крыльев пух
Заледенеет в «ХОУП», однажды упав в фонтан.

Там молитвой о встрече осядет на дне.
Ты мне будешь рассказывать мой же сон.
Хоплес, хопless, hopeless. Язык пойму.
Только вода струится и снег летит.

5 августа. Рим. Эсквилинский холм
Весь засыпанный снегом. На этой подушке стоит
Санта Мария Маджоре*. Римские чудеса
Почуднее еще. Толще снег, и безошибочней сны.

* *Примечание: История базилики Санта Мария Маджоре обвешана красивой легендой. Говорят, что в одну из августовских ночей папе Либертию во сне было явление Девы Марии, повелевавшей построить в честь нее церковь в том месте, где на следующий день выпадет снег. Наутро, 5 августа, удивленный папа Либертий увидел, что эсквилинский холм был весь покрыт снегом. Он воспринял это как знак свыше и принял решение о сооружении на холме Эсквилин базилики. Именно эта легенда объясняет и другое название базилики — Санта Мария делла.*

Ксения РАДИОНОВА

* * *

Встретит нас Париж любовью,
Поцелует в засос Берлин,
Поведет, разве Рим только, бровью,
Питер взглядом окинет своим,

Голубями Венеция вздрогнет,
Черным дымом забьется Мадрид,
Площадьями фонтанов — прибоем
мир огромный бурлит и бурлит.

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

ЛЮБОВЬ ПО-РУССКИ

Американская — к мешку с деньгами,
От секунд-хенда и до хэппи-энда;

Испанская — с опасными страстями;
Как саламандра или сколопендра;

Немецкая — обставлена солидно,
Вся в сантиментах бюргерских традиций;

Китайская — как способ расплодиться;

А шведская — в ней и втроём не стыдно;

Французская — легка и безрассудна;

Английская — на первый взгляд бесстрашна;

Индийская — в картинках Камасутры;

А русская — почти всегда несчастна,
Но — хороша, и всем на загляденье,

Такую в камне не мешало бы высечь,
В ней черпают поэты вдохновенье,

И потому у нас их триста тысяч
Триста тридцать шесть человек.

ГОД ФРАНЦИИ В РОССИИ

Марина ЛЕВИНА

Из французского цикла

ФРАНЦИЯ

Кофейный запах Каркассона,
В ладонях — зерна сентябрия.
И запивая круассаны,
Мы забываем про себя.

Как, забывая друг о друге,
Средневековый точим гвоздь,
Гадая на кофейной гуще:
Ист-вест? А может, и Норд-ост.

Пусть нам повяжут тетраморфы
Полета тонкий поясик,
И готика кольнет небрежно
Кого-то в пламенный висок...

СЧАСТЬЕ

И отпивая Капучино,
Я в сотый раз смотрю наверх,
Где взбитых сливок облака
Плывут в замедленном режиме.

И запивая коньяком,
Я в сотый раз молю о чуде:
Чтобы мы были здесь. А счастье
Не оставляли на «потом».

ДЕ-ЖА-ВЮ

Коснувшись подбородком и локтями
Изгиба розовых перил дубовых,
Закрыв глаза... и смех, и разговоры,
Звон колокольчика у бакалейной лавки,
И детский плач, — ну как же без него!
Играет мой оркестр, и Франция шумит
Средневековым гулом Авиньона...
На сцене же бушует джаз, там виброфон
Выводит трели, и тонет крик в рояле белом.
И ты молчишь. А я смотрю в окно.

France, March 2011

Арсен МЕЛИТОНЯН

ПОСВЯЩЕНИЕ КЛОДУ ВЕРНЕ

Как я хочу на виллу Памфили!
Увидеть блеск в глазах придворной дамы,
И чтоб слуга игристого налил, —
С друзьями пить за то, что не предам их.

Там, позабыв российскую метель,
Разгорячённый поцелуем страстным,

Я окунусь в прохладную постель,
И время станет надо мной не властно...

На вилле Памфили фонтаны бьют,
Гостей торжественно встречают...
Тот век далёк, но дальше мой приют,
Который я, увы, найти уже не чаю...

Антонина ЕГОРОВА

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЗАРИСОВКА

Франция

Прохлада. Дождь. За тенью зонтик.
И слышен плеск прибрежных вод.
Бокал вина. И сыра ломтик —
Вот жизнь без видимых забот.

За камнем плесень и мокрица.
В камине неистлевший мох.
Десерт из мяты и корицы —
Всё это здесь придумал Бог.

Тихонько музыка играет.
За утром следует обед.
И губы вновь слова слагают,
И превращают жизнь в завет.

Александр ОЛЕЙНИКОВ

* * *

Я потерял счастливый шанс,
В Париж приехал поздно.
Ах, где ты, старый дилижанс, —
И канделябров бронза?

Но, через толщу двух веков
Доносятся донныне
Шуршанье юбочных шелков
И дух сыров в корзине.

А если женское бедро
Прижмется вдруг на повороте,
Как будто, терпкого «бордо»
Глоточек отпопьёте.

Стихии всех стихов, их дивный рой,
Кишащий грёзами, — лишь покрывало
Необъяснимой речи, небывалой,
Звучанья непрерывности немой.

Какие с детства строились причалы!
Как был их воздух лёгок и нечаен! —
В нём бился братским зовом дух вершин,

Но высота не ладила с азами,
И слитки распались на гроши
От призрака владенья чудесами.

II.
От призрака владенья чудесами
Меня в их лепестковую спираль
Танцующих цветочных эсмеральд
Фиалковые запахи бросали.

А грот скалистый и луна босая
Не отпускали, каждый в свой черёд,
Найти в невидимом потоке брод
И подобрать к бессмертному глоссарий.

И ближний ум ворчал, мудрец степенный,
Пока прозванивало лес капелью.
Ребёнок и старик в одном лице

Пусть не слились: на Время плоть восстала, —
Цветок родится в золотой пылице
От знанья госпожи, а не вассала.

III.

От знанья госпожи, а не вассала,
Рабы Господней — не рабы людей, —
Приходит в мир идеей всех идей
Песнь избавленья, как сказал Исайя.

И вот пророки — яркий уголь Писанья, —
Пылают все, утешены навек.
И посвящён в свой Образ имярек,
Чтоб внутрь идти до Царствия касанья.

Профессия — рыбак, а тут — лишь Слово
Да грозные свидетели улова.
Но что заменит правду этой Чаши?

Пока вкушаем пресный сон дневной,
Она готовит нам пролёт кратчайший
К началу веры, силы коренной.

IV.

К началу веры, силы коренной,
Летела я по клавишам глоссандо,
А воздух дома весь пропитан садом,
Хоть бури здесь бывали, дождь стеной.

Но оказалось, что сажать самой
Мне тоже предстоит свои деревья
Любви и жизни под защитой древней,
Сквозь искусства вести ковчег родной.

И долго я себе не доверяла —
Пока вершины не сошли в провалы.
Алканье совместного паренья

Отсвечивало детской слезой.
О, важность дел! Душа семьи — щедрее:
Она растить умела и зимой.

V.

Она растить умела и зимой,
Та праздничная тема обновленья,
Которая плоёные поленья
Мгновений превратит в звенящий рой

Счастливых голосков и блеск с игрой.
И в эти ослепительные сени
Без напряжения и опасений
Свободно входит утра свет сырой.

Он вне игры, но ключ её, и посох,
И фея, и разобранное просо.
От всех пиров останется перо

И дух, пьянящий лучше, чем в Массандре.
И станет универсумом зеро,
Уча любви пленительной осанке.

VI.

Уча любви пленительной осанке,
Леса не забывали и бои,
Как будто с коммунарами прошли
Мы вместе до последней их огранки.

А девочка послушная в панамке,
Воздушные оплавав корабли,
Через необозначенный пролив
Отправилась моря читать с изнанки.

И узкий мир долгов и тщетной службы
Сложил у ног усталое оружие.
Одну свободу равенства признав,

К кострам судимых не носить вязанки
И отказаться от высоких прав...
И начерно я пробудилась в замке.

VII.
И начерно я пробудилась в замке.
Природа мне всегда давала ритм,
Способный внять закону, как Перикл,
И вольность сохранить, как у цыганки.

Но цели не прошли ещё чеканки,
И камень — алхимический пирит —
Пока не выбран точно, хоть горит
Внутри, в предсветной мгле огонь Ананке.**

С чужим сознанием действуя согласно,
Томится сердце, и томится праздно.
Когда ж преображенье нас постигнет

И совместится с должною судьбой?
Но ожиданье вышло самостийным,
И сани понесли меня в прибор.

VIII.

И сани понесли меня в прибор.
Он то вздымал, оттягивая в глуби,
То, донося вперёд на верном крупе,
Ронял с высот Эрота в пласт рябой,

Чтоб с оглушённой волнистою гурьбой
Стекать назад, как в раскалённом круге,
И, собирая камни-брызги в груды,
Взлетать и рушиться, не став собой.

Так рядом с жизнью проходит действие,
Пока им некий управляет деспот.
О, сколько солнц могло б зажечься здесь!

Какие в каждом открывались грани!
Но непреодолима гнѣта спесь,
И он теперь учил, во власть играя.

IX.

И он теперь учил, во власть играя,
Твой страх не состояться, не успеть.
Задабривая поднятую плеть,
Ты мчишься по полю, как загнанная стая.

И правильным потомков назидая,
Растерянно среди даров не сметь
Себя услышать и собой владеть,
Над несбывающимися загода рыдая.

Какой простор ты задала, душа,
Что всякая *стезя* нехороша!
Самодовольство, где твой бурый плащ?

Где отражений выводок сторамный?
Иль ты мне, мудрость цельная, назначь,
Как раствориться паром над горами!

X.

Как раствориться паром над горами,
Когда лишь наливается строфа,
Покажет на холме присевший фавн,
С античных отпросившийся керамик.

Шаг за шажком, туда-сюда по краю:
Мотив несложен — только до и фа,
И «чувства» заполняется графа
Отточенным *инстинктом* наковален.

Всё меньше воздуха от раза к разу,
И вот простор заставлен до отказа:
Глухой тупик пустого наслажденья...

Нежданная гроза, омой тропу!
Пускай в ближайший свет меня проденет,
Раз не взялась освоить звёздный путь.

XI.

Раз не взялась освоить звёздный путь,
Но и статисткой быть не захотела, —
Крепись в метаморфозах душ и тела,
Рождай себя, своею крёстной будь.

И дымную, расплывчатую муть
Оставь забавам ловкого Протья.
Как дорого неверная затея
Мне обошлась! – Но код её забудь! –

Ведь исповедан грех десятилетий,
И ты уже не на чужом корвете.
Неважно здесь, Парис или Париж, –

Ни с кем не предавай своё движенье.
А может, в цель *себя* преобразишь?
Но что-то удержало – род служенья.

XII.
Но что-то удержало – род служенья.
Возможна ль без предела красота,
Которая и мирна, и чиста,
И весь тяжёлый мир несёт на шее?

Откуда краски сине-белой гжели?
От неба с облаком или уже настал
Черёд искусства строгого поста
Расторгнуть своды зла и пораженья?

Доверье тьме любовь разъяло в хаос,
Но жало змея от Любви распалось.
Взаимный плен мне прописала плазма,

Всё обольщая, жару присягнуть, –
Да сердцу тесно в истинах соблазна.
Оно всегда выталкивало в суть.

XIII.

Оно всегда выталкивало в суть,
Оно меня творило непрестанно –
Но солнце временами безмянно,
Чтоб воротиться – пасть Отцу на грудь.

Судьба нашепчет снова: не свернуть,
Изольде ввек не избежать Тристана:
Он изначально в ней и, вырастая,
Является посланцем ко двору.

Но глубже прожигает весть другая,
И, новый уровень упрямо достигая,
Я лучше стала слышать эту весть:

Не собирай и не бросай камня,
Ты влей в единый центр густую смесь,
Смывающей волны в опереженье.

XIV.

Смывающей волны в опереженье,
Прорвётся к выси даже пробный звук.
Не отбивайся, суть моя, от рук,
Воздeldывай крупницы постиженья.

И лабиринта странное суженье –
Так отвечает прошлое на стук –
Пусть будет шагом к *тесному* мосту
От *широты* слепого погруженья.

И стала ль страсть бесплодною растратой,
Брильянтом без единого карата,
В змеиный рай попал из двери ложной, –

Суди, природа, вешнюю травой!
Как всем, кто в эту жизнь рукоположен,
Мне нужно было ночь пройти самой.

XV.

Мне нужно было ночь пройти самой:
От призрака владенья чудесами,
От *знанья* госпожи, а не вассала –
К началу *веры*, силы коренной.

Она растить умела и зимой,
Уча любви пленительной осанке.
И начерно я пробудилась в замке,
И сани понесли меня в приборой.

И он теперь учил, во власть играя,
Как раствориться паром над горами,
Раз не взялась освоить звёздный путь.

Но что-то удержало – род служенья.
Оно всегда выталкивало в суть –
Смывающей волны в опереженье.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

ВЕНОК СОНЕТОВ

* * *

Сторонников жизни иной
Не зная в чем собственно дело
Встречал безрассудно и смело
Бездумно сходясь со стеной

Кастет выручал именной
Оставив отметины в стенке
Я чуял что к этой нетленке
Нельзя обернуться спиной

Тут даже не в мистике штука
А в хитрости этих особ
Любая ученая сучка

Судит тебе в будущем гроб
Когда догоришь ты кометой
Загробной утробной не этой

* * *

Загробной утробной не этой
Явившейся издалека
Так в августе лета река
Вот-вот догорит сигаретой

И пепел стряхнет на траву
И та уж желтеет без толку
Бутыль разопьешь втихомолку
А лето еще наяву

Но ты с ним считаться не вправе
Его уже вроде как нет
О долге о чести о славе

Куплет предпоследний допет
уж шлейф шестерит за кометой
Кем только еще не воспетой

* * *

Кем только еще не воспетой
Одной из ста тысяч комет
Что в чересполосице лет
Была достоверной приметой

Тому что воистину жив
Твой дух и угоден он Богу
Гони же подальше тревогу
Тому кто корыстен и лжив

Хитрить и лукавить нет смысла
Раскусит его и простак
И выбьет на камушке числа

Мол жил-поживал кое-как
К Судьбе повернувшись спиной
Хоть вихрь метет ледяной

* * *

Хоть вихрь метет ледяной
Нельзя прибегать к пустословью
Все что достается нам с кровью
Что куплено тяжелой ценой

Имеет особую цену
Но в чем эта супер-цена
Бывает что жизнь за измену
Тебе посулит Сатана

Никто драгоценнее жизни
Тебе не предложит приза
И вспомнишь тогда об Отчизне

И ящеркой юркнет слеза
Якшающихся с Сатаной
Всегда обхожу стороной

* * *

Всегда обхожу стороной
Сторонников мира иного
Все в Этом достаточно ново
Возьми хоть родник ледяной

Хоть лес на пригорке
И речку бегущую издалека
И это ведь лета река
Но к ней не отыщешь уздечку

Чем нором крутой обуздать
Ее не взнуздать на халяву
Склонишься и будешь лакать

Как пес языком переправу
И Некто мелькнет с сигаретой
До встречи с мифической Летою

* * *

До встречи с мифической Летою
Я знал только лета реку
Петух вывел ку-ка-реку
Особою тайной приметой

Я вас в Никуда упеку
Бас с магнитофонной дорожки
Звал девок размять свои ножки
Паромщик ждал на берегу

Приспичит паром пассажиру
И тот его ждет целый век
А чтоб не колбасило с жиру

Святым должен стать человек
Как в песне поется неслетой
С Аскезой пожил и с Диетой

* * *

С Аскезой пожил и с Диетой
Есть много покладистых баб
Кто на передок не ослаб
СойдетсЯ с любой Генриэтой

Я больше люблю Маргарит
Мерцает в них гордая тайна
На них напоролся случайно
Посмотрит – рублем одарит

Архип очевидно от страха
К Харону душонки возил
Белела в потемках рубаха

Куда ж мы плывем? Егозил
Змеюка виясь за спиной
А Смерть наблюдала за мной

* * *

А смерть наблюдала за мной
Из-под бережка не мигая
В истоме вся изнемогаЯ
Мир не устршит ли иной

Чего ж мне бояться иного
Я сам себя не узнаю
Когда эту сагу пою
В наитии нужного слова

Кто скажет что это судьба
Ждать на переправе парома
Поддакнет тому гольтьба

Мы верное стадо Харона
Путь предпочитаю земной
Не будь же разлуке виной

* * *

Не будь же разлуке виной
Даст Бог и осилю дорогу
Ведущую к Храму ли к Богу
И клад отыщу потайной

Корысти не имущий в кладе
Найду – по червонцам раздам
Как будто всю жизнь на окладе
Я был у сиятельных дам

Аскеза Диета и эта
Законница с вострой косою
Но где же они? Нет ответа

По камушкам ходишь босой
И как допроситься у Бога
Любого другого итога

* * *

Любого другого итога
Нельзя испросить у Творца
Дается нам в жизни так много
От матери и от отца

От тех кому мы доверяем
От близких и любящих нас
И не соблазнить уже раем
Итак полон иконостас

Но хочется прямо при жизни
Бессмертную славу добыть
Быть преданным Делу Отчизне

Но с будущей Смертью как быть
Не надо судить меня строго
Не стал бы просить я у Бога

* * *

Не стал бы просить я у Бога
Чтоб жизни сюжет изменил
Со смертью чтоб повременил
Я уж не такой недотрога

Поскольку меняюсь я сам
Но нет во мне божеской мощи
Хожу за подмогою в рощи
А проще сказать по лесам

Грибы втихаря собирая
Я тем проверяю Судьбу
Что вроде как в прятки играя

С Фортуной затеял ходьбу
Так и загуляет иной
С Судьбою девчонкой дрянной

* * *

С Судьбою девчонкой дрянной
Нас свел удивительный случай
Не верил я в Рок неминучий
Горсть камушков бросил в прибор

Увидел всю в локонах пены
Девуцу богине под стать
Влюбился я в гордую статъ
Почти захмелев от измены

Но эта Фортуна сама
Зависела только от фарта
Я был от нее без ума

Счастливая выпала карта
И была наводкой прямой
Тебе изменял Боже мой

* * *

Тебе изменял Боже мой
Своей неизменчивой Музе
Любившей меня и в картузе
И в смокинге тропкой кривой

Красотка Судьба ухилила
Мы рядом идем как всегда
Рождественская звезда
В вечерней заре воссияла

Там Демон над нами парит
С красоткой Тамарой в обнимку
Луны театральный софит

Нино вдруг подсветит и Димку
Узнавших о жизни так много
Зачем так пустынна Дорога

* * *

Зачем так пустынна дорога
Из живших не скажет никто
Жизнь может и цирк шапито
Но в ней есть простор и для Бога

Кого переправит Харон
На необитаемый берег
Форсируя Лету как Терек
Тому протезирует он

А мне до сих пор непонятно
Куда же закончится путь
Так летняя ласка приятна

Не грех и на Смерть намекнуть
Мол бродит она за спиной
Сторонников жизни иной

* * *

Сторонников жизни иной
Загробной утробной не этой
Кем только еще не воспетой
Хоть вихрь метет ледяной
Всегда обхожу стороной
До встречи с мифической Летой
С Аскезой пожил и с Диетой
А Смерть наблюдала за мной
Не будь же разлуки виной
Любого другого итога
Не стал бы просить я у Бога
С Судьбою девчонкой дрянной
Тебе изменял Боже мой
Зачем так пустынна дорога

*Добавим, что еще один автор Союза, Алексей Бердников, написал «Тройную корону (сонетов, ред.)» и опубликовал ее в «Первой тетради стихотворений», изд-во АПИС, 1997, тираж 60 экз.

Архитектоника короны сонетов опирается на принцип построения в.с., но мы пока отложим знакомство с этой безусловно более сложной поэтической формой.

**Ананке — богиня неизбежности, необходимости в греческой мифологии.

Лексикография

К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина»

Лариса ШЕСТАКОВА, кандидат филол. наук, ведущий науч. сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

ХОТЬ И ЗАГЛЯДЫВАЛ Я ВСТАРЬ В АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ...

В 2011 году был отмечен юбилей «Словаря языка Пушкина»: 50 лет с момента выхода в свет всех его четырех томов. С публикацией последнего тома завершилась многолетняя и многотрудная работа по созданию словаря пушкинского языка, ставшего на долгие годы образцом лексикографического описания русского художественного слова.

Традиционна авторская или писательская лексикография во круг имен широко известных классиков той или иной национальной литературы: Шекспира, Мильтона и др. — в Англии, Гёте, Шиллера — в Германии, Мольера — во Франции, Данте — в Италии, Мицкевича — в Польше и т. д. Не случайно поэтому одной из ранних в истории русской авторской лексикографии стала идея создания словаря языка Пушкина. Она начинает реализовываться уже на рубеже XIX — XX вв. К данному этапу относятся несколько проектов и разных по жанру публикаций, связанных со словарным описанием пушкинского языка. Это приуроченный к 100-летию Пушкина проект князя А.И. Урусова — по-видимому, осуществивший, в небольшой степени, идею пушкинского словаря двух поэтов-символистов — В. Брюсова и К. Бальмонта; незавершенные «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В.А. Водарского (они заканчивались словом *бить* и публиковались в воронежских «Филологических записках» в 1901—1905 гг.); статья литературоведа В.Ф. Саводника «К вопросу о пушкинском словаре» (1904); публикация акад. А.И. Соболевского «План словаря языка А.С. Пушкина» (1905); «Программа составления сло-

варя поэтического языка Пушкина» (1914) профессора С.А. Венгерова, руководителя Пушкинского семинария при Санкт-Петербургском университете в 1908 — 1913 гг., и др.

Из всех перечисленных проектов, несомненно, выделяется последний. Его автор, Семен Афанасьевич Венгеров, известный составитель биографических и библиографических словарей по русской литературе, был убежден в необходимости и важности такого справочника для объективности самой филологической науки. Приведем лишь одну характерную цитату: «В настоящее время все наши суждения о поэтических достоинствах Пушкина, как и всякого, вообще, поэта, — писал ученый, — более или менее висят в воздухе, не имея под собою никакой почвы, кроме интуиции. Мы постигаем красоты Пушкина, как и всякую иную красоту, врожденным эстетическим чувством. <..> Но вместе с тем сколько места для самой крайней субъективности, для суждений не только совершенно произвольных, но, самое важное, случайных, подверженных разным колебаниям вне всякой связи с остающимся неизменным объектом суждения. Словарь языка поэта в значительной степени устраняет этот элемент случайности в суждениях если не о достоинствах, то во всяком случае о *свойствах*»¹.

К идее создания большого пушкинского словаря отечественная филология вновь обратилась в 1930-е гг. Так, к 1936 г. относится публикация В.В. Виноградовым, в приложении к собранию сочинений Пушкина, глоссария, в котором объяснялись и иллюстрировались такие слова и словосочетания, как *абаз*, *агнец*, *айдесский*, *академик в чепце*, *лих*, *личность* (в значении «лмчный выпад»), *Лобное место*, *сплин*, *сполох*, *спотыкливый*, *стереотип* и др. Прочную базу создание пушкинского словаря получило в 1938 г., когда работа над ним началась, под руководством Г.О. Винокура, при Музее А.С. Пушкина Института мировой литературы АН СССР им. А.М. Горького. После окончания Великой Отечественной войны эта работа была продолжена в Институте русского языка, а затем — в Институте языкознания АН СССР. Летом 1945 г. Г.О. Винокур сделал в ИРЯ доклад «О словаре языка Пушкина», а после кончины Г.О. Винокура в 1947 г. руководителем словарной группы стал В.Н. Сидоров. Работу по созданию словаря возглавил акад. В.В. Виноградов, который выступил в качестве ответственного редактора «Проекта Словаря языка Пушкина», опубликованного в 1949 г., и самого словаря в целом.

Названный проект достоин сегодня специального упоминания. Он представлял собой, по сути, первое издание в области составления словарей русских писателей, выполненное в особом лексикографическом жанре проекта, прямым результатом которого стала публикация не материалов, фрагментов, отдельных выписок и т. п., а полноценного четырехтомного

словаря. «В нашем случае предметом словарной обработки, — писал Винокур, — служит не что иное, как язык Пушкина, в прямом значении этого понятия, т. е. факты русского языка, зафиксированные произведениями Пушкина. <...> Основная цель словаря <...> — служить пособием по изучению русского языка в его истории»².

Г.О. Винокур выделил несколько принципов, которые легли в основу работы над словарем. Это и включение в него всего лексического материала из текстов Пушкина, и выбор в качестве источника академического издания сочинений Пушкина (А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 1—16, М., 1937—1949), и неукоснительное соблюдение орфографии этого издания. Специальное указание в проекте касалось цитации в словаре. Для печатного издания, в отличие от картотеки, предусматривалась цитация избранных примеров к разным значениям каждого слова, однако при исчерпывающей полноте ссылок на места, в которых слово в каждом значении употреблено. При расположении материала в словаре предполагалось использовать также подходы жанровый и хронологический.

Подготовленные тома словаря выходили в течение пяти лет в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей: Т. I: А—Ж (1956), Т. II: З—Н (1957), Т. III: О—Р (1959), Т. IV: С—Я (1961).

Отмечая в предисловии, что Словарь языка Пушкина является важным пособием по истории русского национального литературного языка, акад. В.В. Виноградов подчеркивал при этом роль пушкинского лексикона для понимания структуры современного русского языка, так как последний отличается от пушкинского главным образом в некоторых частях словаря и синтаксиса. Называлась и другая, не менее важная задача: словарь должен быть «пособием для изучения словесно-художественного творчества Пушкина», ключом к правильному пониманию пушкинских текстов.

Как и в рассмотренном проекте, в I томе словаря акцент делался на том, что словарь не охватывает всего своеобразия пушкинского стиля. Это словарь прежде всего языка, а затем — и то не в полной мере — индивидуального стиля Пушкина. Стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску слов передают в словаре отдельные пометы, такие как: *бранн.*, *ирон.*, *народно-поэтич.*, *поэтич.*, *церк.-слав.* и др.

Предисловие В.В. Виноградова содержало и некоторые положения, развивавшие винокуровский проект. Это касалось, например, характеристики значений и употреблений слова, разграничения и классификации их на основе всех применений слова в пушкинском языке, «а не путем наложения той или иной схемы значений этого слова (из существующих русских толковых словарей) на пушкинские примеры». Принцип по-

яснения слов соотносительно с современным русским языком определял дифференциальность в разработке значений — в частности, истолкование среди однозначных лексем только неупотребительных в современном языке или имевших в пушкинскую эпоху другое значение. С таким подходом соглашались и соглашаются многие специалисты, хотя до сих пор вокруг проблемы выборочного толкования слов в писательском словаре ведутся споры.

Отдельные уточнения были внесены и в раздел, посвященный вопросам содержания и построения словаря, в частности состава словника. Эти уточнения свидетельствовали об относительности принципа полноты словаря. Отмечалось, например, что в него не включаются иноязычные слова (точнее, слова, данные в иноязычной графике), так как справочник охватывает отраженный в произведениях Пушкина состав русского языка. Специально указывалось также, что в словарь не помещаются собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений, географические названия, если они не употреблены поэтом нарицательно или переносно. Из собственных имен, использованных Пушкиным в исконном (и/или символическом) значении, в словаре давались только имена античной мифологии, а также библейские и условно-поэтические.

Выражением замысла Словаря Пушкина как справочника, нацеленного на подачу разных типов информации об авторском слове, стала оригинальная структура словарной статьи. В ней выделялись: заголовок, т. е. собственно описываемое слово; указание на частоту его употребления, на значение слова и частотность данного значения; указание на примеры, иллюстрирующие слово, а также полный перечень всех случаев его употребления у Пушкина.

Конечно, особый интерес для современного носителя русского языка и читателя представляют описания слов, отсутствующих в нашем языке или отличающихся от используемых сегодня — по написанию, значению (либо одному из значений), сочетаемости и т. д.

Например: *агроном* — человек, занимающийся сельским хозяйством, опытный хозяин; *вагенбург* — военный обоз; *защитение* — действие по глаг. защитить, защищать в 1 и 2 знач.; *изгага* — изжога; *наездник* — верховный воин, совершающий набеги на неприятеля один или в составе особых конных отрядов; *отечество* — отечество; *тирооскаф* — пароход; *руководствовать* — руководить и т. д.

А так выглядят в Словаре Пушкина две стоящие рядом подобные статьи — к существительным *рукоприкладство* и *рулетка*:

РУКОПРИКЛАДСТВО (1). *Собственноручная подпись на до-*

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ

К 175-летию гибели Пушкина

Владимир НОВИКОВ

НЕ ВСЯ ЛЬ ЕВРОПА ТУТ БЫЛА? Пушкин и Отечественная война 1812 года

кументе. Прошу вас оное имение принять в полное Ваше распоряжение и управление, --- прошения, объявления и всякого рода бумаги от имени моего, за вашим рукоприкладством во все присутственные места, также и частным лицам, подавать Ед.Т. рукоприкладством: Д/б 18.11.

РУЛЕТКА (1). *Игрушка — цветной кружок, скользящий вверх и вниз по шнурку.* По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Легоу, коробочки, рулетки, вее-ра и разные дамские игрушки *Мн.И.* рулетки: ПД 240.3.

(В статьях использованы сокращения: Д/б — Деловые бумаги, ПД — «Пиковая дама»).

«Словарь языка Пушкина» был, таким образом, заявлен и реализован как полный, с некоторыми ограничениями, историко-языковой словарь писателя (иначе говоря, словарь языка эпохи в преломлении у писателя). Не случайно в зарубежных обзорах авторских справочников пушкинский словарь, содержащий более 21 тысячи слов (свыше 500 тысяч словоупотреблений), называется словарем тезаурусного типа (*тезаурус* понимается в «старом» значении «словарь-сокровищница»).

В работе над словарем принимали участие филологи, вклад каждого из которых трудно переоценить. Это составители — С.И. Бернштейн, А.Д. Григорьева, Н.Н. Иванова, И.С. Ильинская, И.И. Ковтунова, В.Д. Левин, С.И. Ожегов, И.А. Оссовета, Е.Ф. Петрищева, В.А. Плотнокова, В.В. Пчёлкина, В.Н. Сидоров, Е.П. Ходакова; редакторы томов — И.С. Ильинская (т. I), В.Н. Сидоров (II и III т.) и А.Д. Григорьева (IV т.). Члены Главной редакции, выдающиеся ученые — акад. В.В. Виноградов (отв. ред.), чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударов, чл.-корр. АН СССР Д.Д. Благой, проф. Б.В. Томашевский. А также научный консультант проф. С.М. Бонди, прочитавший в процессе редактирования все четыре тома словаря.

Академический «Словарь языка Пушкина» и по прошествии 50 лет остается в нашей лексикографии самым значительным из завершённых писательских словарей.

Однако возможности пушкинской лексикографии далеко не исчерпаны, как не исчерпана языковая сокровищница великого поэта.

1 Венгеров С.А. Предисловие. Программа составления словаря поэтического языка Пушкина // Пушкинист: Историколит. сб. Спб., 1914. С. XV—XVI.

2 Проект Словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949. С. 11.

Отечественная война 1812 года принадлежит к числу кардинальных событий русской истории. Она наложила свой отпечаток не только на судьбу современного поколения, но и на несколько последующих; её отголоски ощущались на протяжении всего XIX столетия и доносятся до наших дней.

Уже поэтому заявленная тема не выглядит неожиданной. В личности и творчестве Пушкина нашла воплощение целая эпоха русской жизни. Вторжение Наполеона имело место, когда поэту было всего лишь тринадцать лет. Через полтора года победоносное русское воинство вернулось на родину. Пушкин ещё не переступил порога юности, но полученный в те годы импульс был действенным до последних дней гения русского слова. Именно слова, ибо (как замечательно выразился А.В. Карташев) «Россия... признала, что сверхчеловеческое слово Пушкина есть её слово о самой себе». Впрочем, и сам Пушкин осознавал себя alter ego России, когда не без гордости писал:

... неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Невольно задаёшься вопросом: почему собственно XIX столетие стало веком расцвета русской культуры? Действительно, отпор наполеоновскому нашествию оказал громадное влияние на самосознание народа, и именно в творчестве Пушкина оно получило свой первоначальный выход. Кажется, что вообще не могло быть Пушкина без 1812 года. Но, если продолжить мысль далее, то без Пушкина не могло быть и А.Н. Толстого. Следовательно, ничего не было бы без Бородинского поля, горящей Москвы, берегов Березины. В своё время П.И. Бартенев замечательно сказал, что «Пушкин, Тютчев, Хомяков, Глинка — это искры Божьи, выбитые из груди России грозой 1812 года». Итак, без этой грозы не было бы и «русской идеи» — и Пушкин, как никто другой, это осознавал.

О великой сече при селе Бородино уже в начале XX века писал В.В. Розанов — как всегда ярко и самобытно: «Это наш Марафон, и как эта битва, так и все меньшие 1812-1814 гг. удивительно напоминают, и единственно они напоминают борьбу эллинского народа и эллинской цивилизации с полчищами Дария Гистаспа, двинувшего с собою на Запад все силы тогдаш-

ней исторической Азии». Победа греков в единоборстве с Персией дала мощный импульс взлёту эллинской культуры; аналогия с Россией после 1812 года представляется ещё более отчётливой.

Пушкин родился и провёл детство в Москве — и это наложило неизгладимый отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Он никогда не забывал, что «края Москвы, края родные». О городе своего детства, «о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду», великий поэт постоянно, при каждом удобном случае, не уставал произносить благоговейных, полных благодарности слов.

В Европе не скоро осознали факт, что Пётр I перенёс столицу из Москвы к берегам Финского залива. Даже название Россия привилось не сразу; по-прежнему европейцы говорили о Московии, о Московском царстве. Это время от времени мелькало даже в первой половине XVIII века. Французский литератор Ф. Ансело, приехавший в Россию на коронацию Николая I в составе посольства, возглавляемого маршалом О. Мармоном, писал: «Человек своей волей приводящий в движение миллионы других людей, может заставить непроходимые болота стать основанием для роскошных памятников, может заложить огромный город, и всё же настоящая столица империи складывается веками, историческим стечением интересов и обстоятельств. Предположим на мгновение, что по какой-то причине или же по королевскому капризу французский или английский двор покинут Париж или Лондон. Города, избранные ими для пребывания, станут местом резиденции правительства, однако Париж и Лондон останутся столицами королевств. Если же царь решил бы перенести свой двор прочь из Петербурга, то через несколько лет эти величественные подмостки рухнули бы и город, не поддерживаемый любовью народа, стал бы заурядным торговым портом». Подлинной древней столицей в глазах Ф. Ансело была и осталась Москва. Скромный литератор только озвучил мнение, которого придерживались личности несравненно большего исторического масштаба. Наполеон стремился, прежде всего, в Москву, откровенно пренебрегая Петербургом, хотя путь от Вильно до «северной Пальмиры» был несравненно короче.

Перед началом «русского похода» Наполеон обмолвился, что, взяв Киев, он схватит Россию за ноги, Петербург — овладеет головой, в Москве же поразит Россию в сердце. Москва была его конечной целью. Он привык к тому, что, завоевав столицу, победоносно завершает кампанию. Так было в Милане, Риме, Венеции, Каире, Вене, Берлине. Ходили рассказы, что при вступлении в Берлин, подобострастные обыватели, окружив едущего верхом французского императора, целовали его коня.

В Москве — этом «священном городе русских» — Наполеона встретили иначе. Он ехал к Кремлю по пустым улицам.

Если историография последующего времени считает главной причиной войны несоблюдение Россией континентальной блокады, то современники полагали, что конфликт произошёл, прежде всего, ради воссоздания Польши. Её раздел Наполеон считал главным источником европейских бедствий, ибо Европе необходимо буферное государство, отделяющее её от России. На практике воссоздание такого государства означало вытеснение России в её «естественные границы». Не удивительно, что в окружении Наполеона русский поход называли не иначе, как «польским делом». Предполагалось новый престол отдать Жерому Бонапарту.

Не удивительно, что и Александр I апеллировал к событиям прошлого (даже более далёкого). В манифесте о созыве всенародного ополчения говорилось: «Да встретит враг в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина». Русское общество было готово к любым жертвам. Из уст в уста передавались слова Барклая-де-Толли, что, когда речь идёт о спасении России, то Москва всего лишь один из русских городов.

Исход битвы при Бородине обе стороны представляли как победу, но если русская армия, даже понеся тяжелейшие потери, сохранила свою боеспособность, то собранное французским императором многоязычное воинство (из всех народов Европы не было лишь турок, датчан и шведов) быстро покатило по пути разложения. Наиболее прозорливые офицеры Великой армии восприняли пожар Москвы как «начало конца». Дисциплина окончательно упала; справиться с мародёрством и повальными грабежами не было никакой возможности. Правда, свидетели отмечали, что французы были повинны меньше, а особенно отличались поляки и саксонцы. Больше всего пострадали православные церкви, ибо к русским святыням западные захватчики не испытывали никакого почтения. С икон сдирались серебряные оклады; сами же эти «старинные доски» рубились на дрова. Многие храмы становились продовольственными складами (и это в лучшем случае!), но чаще всего конюшнями и скотобойнями. Не избежал такой участи даже кремлёвский Успенский собор. Ф.В. Ростопчин вспоминает, что после ухода оккупантов его пол был покрыт навозом, а в иконостас были вбиты гвозди, к которым привязывали лошадей. Рака святителя Филиппа была взломана и мощи выброшены. Кроме того, в соборе был поставлен горн для переплавки риз с икон и прочих золотых и серебряных священных предметов; вместо паникадила висели громадные весы, где их взвешивали. На одной из колонн найдена надпись, подытоживающая воровские труды: всего переплавлено 325 пудов серебра и 18 пудов золота.

Яркую картину первопрестольной столицы после ухода неприятельских войск нарисовал в своём мемуарном очерке «Новобранец 1812 года» некогда знаменитый писатель И.И. Лажечников: «Москва представляла совершенное разрушение; почти все дома были обгорелые, без крыш; некоторые ещё дымились; одни трубы безобразно высились над ними; оторванные железные листы жалобно стонали, кое-где в подвалах мелькали огоньки. Мы проехали через весь город до Калужской заставы, не встретив ни одного живого существа. Только видели дватри трупа французских солдат, валявшихся на берегу Яузы». Другой мемуарист, приятель Пушкина А.С. Норов, раненый при Бородине и переживший в Москве французскую оккупацию, впечатляюще описывает разрушенный Кремль, на который он смотрел с теми же чувствами, с какими библейский пророк Иеремия взирал после вавилонского плена на руины Иерусалима: «Иван Великий без креста, как бы с разможажённую золотой главою, стоял одинок, не как храм, а как столб, потому что вся его великолепная золотая пристройка, с двумя куполами и с огромными колоколами, была взорвана и лежала в грудех... Башня с Боровицкими воротами была взорвана; середина Кремлёвской стены также, и мы едва могли пробраться среди груд развалин. Грановитая палата, пощаждённая пламенем, стояла без крыши с закоптелыми стенами и с полосами дыма, выходящими из окон. На куполах соборов многие листы были оторваны... Спасские ворота с башнею уцелели. Башня Никольских ворот от верха вплоть до образного киота была обрушена; но самый киот с образом Николая Чудотворца и даже со стеклом... остался невредим. Угловая стена, примыкавшая к этой башне, и арсенал, обращённый к бульвару, что теперь Кремлёвский сад, были взорваны...». Но у обоих молодых людей сразу же возникла мысль, что на этом пепелище очень скоро возродится новая прекрасная жизнь. Действительно, население быстро стало возвращаться в Москву. Свообразным памятником 1812 года стало знаменитое стихотворение Пушкина «Воспоминания в Царском Селе». Именно появлением этой яркой лирической исповеди пятнадцатилетний отрок заявил о себе как равный в ряду лучших поэтов своего времени; его благословил сам Державин. Юного барда окружали в екатерининских садах памятники русских побед недавнего прошлого. Век нынешний и век минувший как бы сливались в единую летопись. Самые запоминающиеся строки Пушкин посвятил родной Москве:

*Где ты, краса Москвы столгабой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,*

*Всё пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.*

Юный Пушкин воспринимал «эпопею 1812 года» как отпор нашествию Европы на Россию. Это была новая смута, подобная той, которая двести лет назад предшествовала воцарению дома Романовых. Как и тогда, Россия продемонстрировала свою жизнеспособность; она одолела нагрянувших врагов, не имея никаких союзников. Подобно большинству россиян, Пушкин считает Наполеона «бичом народов», «душителем свободы», а его воинство уподобляет ордам Атиаллы. Конечно, всё это фразеология официальной пропаганды, но от истины здесь недалеко; бесчинства захватчиков были у всех перед глазами. Со временем зрелый Пушкин, умудрённый историческими штудиями, стал глубже разбираться в событиях Отечественной войны 1812 года, её причинах и следствиях; по-другому он оценил и многосложную фигуру французского императора. Но в корне великий поэт не изменил своих взглядов. В Царском Селе лицеист Пушкин был вхож в дом Н.М. Карамзина, только что издавшего первые тома «Истории Государства Российского». Уже сам замысел такого монументального труда свидетельствует о пробуждении национального самосознания накануне 1812 года. По воззрениям великого писателя и историка Пётр Великий слишком поспешно попытался придать России облик европейской страны. Этим он на целое столетие духовно подчинил её иностранному влиянию; его ошибку продолжила Екатерина II. В поданной Карамзиним Александру I накануне войны «Записке о древней и новой России» читаем: «Многие вредные следствия Петровой системы... яснее открылись при сей государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием, двор забыл язык русский». Результат оказался удручающим: «Имя русского имеет ли для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, всё ещё оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин, а Святая Русь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — неверным или братьям? Т.е. кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться?... Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России». Голос Карамзина был голосом той патриотической части русского общества, которая спустя несколько месяцев грудью встала на

защиту родной страны. Великим следствием «наполеоновской эпопеи» было освобождение от повсеместного европейского влияния и вновь обретение сознания духовной самобытности. Узловым моментом отечественной истории великий писатель и историк считал Смутное время, завершившееся воцарением династии Романовых. Этим Карамзин и собирался закончить свой труд, изложив все последующие события в форме кратко-го компедиума в последних главах. Смутное время стало первым вооружённым столкновением России и Европы. Петровская эпоха и нашествие Наполеона были его повторениями; и то, что Россия вышла из этих испытаний ещё более могучей, только подтвердило её жизнеспособность. Такова была своеобразная «философия истории» Карамзина. Пушкин познакомился с ней из бесед самого маститого старца и, несмотря на молодость и житейскую неопытность юного поэта, она произвела на него глубокое впечатление. Даже больше; можно утверждать, что Пушкин усвоил карамзинские воззрения и постоянно демонстрировал это на протяжении всей своей недолгой жизни. Великое предназначение России для него было истиной, не требующей доказательств. Уже в своих ранних байронических «южных поэмах» Пушкин не может удержаться от имперского пафоса:

*И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На неодолющий Кавказ
Подъялся наш орёл двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов.*

.....
*Подобно племени Батия,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.*

(«Кавказский пленник»)

*В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орёл двуглавый
Ещё шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.*

(«Цыганы»)

бодневным на протяжении всей первой половины XIX века. Крепостное право было большим вопросом России. Но в пушкинское время жгучий интерес к этой проблеме подогревался и воспоминаниями о крестьянских волнениях в 1812 году. Иностранное вторжение неизбежно влекло за собой смуту. В ряде мест центральной России после бегства помещиков при приближении интервентов воцарились хаос и безвластие; в брошенных усадьбах дворовые чувствовали себя хозяевами. Дворяне страшились не столько неприятеля, сколько его вероятных прокламаций о вольности крестьян. Хотя всё это были только слухи, но, например, в ряде уездов Московской губернии жители деревень открыто говорили, что «они вольные» и «подданные Наполеона», ибо «царь тот, кто в Москве», а в Москве Наполеон. Подчас партизанским командирам — и Д. Давыдову и А. Бенкендорфу — приходилось воевать как с иностранными мародёрами, так и взбунтовавшимися соплеменниками.

Наполеон прекрасно понимал, что русское крестьянство представляет собой взрывоопасный материал. Он вовсе не намеревался принести на французских штыках отмену крепостного права. Сегюр пишет: «Бывали уже примеры варварской свободы у варварского народа — она превращалась у них в безудержную разнузданность! Мы уже видели несколько примеров этого. Русские дворяне погибли бы, как колонисты в Сан-Доминго. Боязнь такого развития событий взяла верх над другими соображениями и заставила Наполеона отказаться ввязываться в то, что он не в состоянии был бы урегулировать». Французский император прекрасно понимал, что в этом случае он получит «вторую Испанию». Наполеон страшился покушаться на государственное устройство России. Как монарх, он предпочитал иметь дело с русским царём, а не с неуправляемой мужицкой стихией. Опыт 1812 года впервые должен был заставить и Пушкина задуматься о бессмысленности и беспощадности русского бунта.

Оказавшись в Михайловском наедине со своими думами, Пушкин, может быть, неожиданно для самого себя создал одно из самых зрелых собственных творений, подводящее итог первой половине его творчества. Речь идёт о «Борисе Годунове».

Первоначально Пушкин предполагал написать трагедию «без любовной интриги», т.е. чисто политическую. Позднее он сам признавался, что на мысль о трагедии из эпохи Смутного времени его натолкнуло чтение Шекспира, Карамзина и летописей. Отсутствовали в плане и «польские сцены»; другими словами, не было противопоставления России и католического Запада. Следовательно, Пушкин собирался сосредоточить акцент на личности Бориса Годунова. Современники (прежде всего декабристы) восприняли бы новое произведение Пушки-

на как остро злободневное. Действительно, царствующий монарх Александр I как бы повторял эволюцию Бориса Годунова. Он, как и Борис Годунов, взойшёл на престол благодаря преступлению. Затем последовало «дней александровых прекрасное начало». Первые годы правления Бориса Годунова также были отмечены рядом мер, способствующих процветанию государства. Но затем наступила реакция, и мудрый государь постепенно превращался в деспота. После победы над Наполеоном Александр I стал смотреть на себя как на орудие Провидения. Во внешней и во внутренней политике «царственный мистик» начал внедрять «прямолинейный легитимизм» (выражение С.Ф. Платонова). Результатом стали «аракчеевщина», господство произвола и повсеместное беззаконие. В целом, весь замысел Пушкина выглядел «шиллеровским», т.е. с прямыми аллюзиями на «настоящее время».

Но подобные поверхностные воззрения Пушкин уже перерос. «Борис Годунов» далеко превосходит всё лучшее из литературного творчества декабристов. В этой трагедии впервые нашла своё выражение зрелая пушкинская «философия истории». Он вслед за Карамзиным рассматривает Смутное время как исторически первое столкновение России и Запада. Инициатором был «коварный лях» — вероломный и корыстолюбивый; здесь Пушкин опять всецело согласен с Карамзиным. Россия оказалась на грани гибели, но, благодаря вышедшей наружу внутренней энергии, преодолела страшный недуг и вновь при первых Романовых стала могущественным государством. В тексте «Бориса Годунова» нет прямых намёков на 1812 год; но ясно, что вся трагедия переполнена размышлениями Пушкина о закономерностях русской истории и её своеобразной цикличности с жестокими кризисами (преимущественно в начале каждого наступающего столетия) и последующим обретением былой силы. Орудием истории и её жертвой оказывается самонадеянный бахвал Григорий Отрепьев.

«Расстрига, беглый инок» с духовным миром примитивного ландскнехта даже не подозревает какого разрушительного джина он готов выпустить на свет Божий. Если Григорий Отрепьев просто безродный бродяга, то Борис Годунов вовсе не «вчерашний раб» (вопреки словам Воротынского в первой сцене трагедии). Он царствовал по праву всенародного избрания, санкционированного православной церковью. Да и погибший царевич Димитрий вовсе не мог считаться законным наследником престола, поскольку он был сыном от седьмой жены Ивана Грозного, а церковь не признавала законным уже третий брак; следовательно, Димитрий был всего лишь последним угличским удельным князем, подобно Владимиру Старицкому. Очевидно, суть дела в том, что Россия оказалась на пороге очередного социального кризиса, и малейшей искры хватило бы

на то, чтобы разгорелся всеобщий пожар.

Тема русского бунта, пусть и приглушённо, но прозвучала у Пушкина уже в «Борисе Годунове» — и это в преддверии взрыва 14 декабря. Пушкин даже оказался своеобразным пророком, поскольку в месяц междуцарствия упорно ходили слухи, что «законный царь» Константин идёт с войском из Польши, дабы низложить петербургского узурпатора Николая. Чем не повторение ситуации начала Смутного времени!

Отзвуком 1812 года, по убеждению Пушкина, стало польское восстание 1830-1831 гг. При первых же тревожных известиях из Варшавы Петербург охватили тревожные предчувствия. Жена австрийского посла умная Долли Фикельмон, внучка М.И. Кутузова, отмечает в своём дневнике (запись от 18 декабря 1830 г.): «Война представляется неизбежной, и притом какая война! Всеобщая для обоих народов, она будет ужасной! Эта взаимная ненависть существует с давних пор, и времени для её созревания было предостаточно!». Жена австрийского посла гораздо лучше многих могла видеть, какие тучи заволакивают политический горизонт.

В России польское восстание рассматривали как внутреннюю проблему. Здесь было редкое единодушие. Правительственные верхи и ссыльные декабристы говорили одним языком. Правда, декабристы и раньше не одобряли благожелательного отношения Александра I к Польше. Происходящее рассматривалась как всего лишь очередная вспышка шляхетского буйства. Разжалованный в рядовые А.А. Бестужев-Марлинский писал матери с Кавказа, что, пока в Польше существует неугомонная шляхта, не знающая предела самоуправству, там не будет порядка. Только под русским правлением Польша наконец-то обрела спокойствие. Из-под его пера само собой вылились старые слова «времен 1812 года» относительно «варшавской измены».

Другой декабрист М.С. Лунин, несмотря на своё искреннее полонофильство, был убеждён, что ставить в современных условиях вопрос о независимости Польши от России всё равно, что ратовать за отделение Шотландии от Англии; короче говоря — совершенно бессмысленно. С другой стороны, близкий к официозу историк М.П. Погодин выражал примерно ту же мысль в опубликованной в московском журнале «Телескоп» статье «Исторические размышления об отношении Польши к России»: «Независимость народов священна... Но что значит независимость, и где эти независимые народы? Чем состояние Ирландии, Ломбардии... Венгрии... отличается в этом смысле от Польши? Все славяне между собой братья; а англичанин с ирландцем, а австриец с венгром... — разве только в сватовстве. Ещё более; государства плачутся из разных частей, как минералы, они нарастают по большей части снару-

жи. Разделить химически сии части, желая возвратить им независимость, — предприятие, говоря вообще, суетное, невозможное, безуспешное. Вся Европа надобно будет поставить вверх дном, погрузить в бездну междоусобий, разъединить гражданские общества, чтобы возвратить народам... их прежнюю независимость вкупе с варварством». В своём дневнике Погодин записал 5 апреля, что Пушкин от его статьи пришёл в восторг. Уже упомянутый редактор «Русского Архива» П.И. Бартенев приводит в одной из своих публикаций любопытный факт: «В 1831 г. один знакомый [гр. Е.Е. Комаровский] встретил [Пушкина] в Петербурге на улице задумчивого и озбоченного. «Что с вами?» — «Всё читаю газеты», — «Так что же?», — «Да разве вы не понимаете, что теперешние обстоятельства чуть ли не так же важны, как и в 1812 году?», — ответил Пушкин».

Поэт предчувствовал неизбежность нового столкновения России и Европы. К счастью, оно было отсрочено на почти четверть века и вылилось в территориально ограниченный конфликт на южной оконечности Крыма. Повторить «русский поход» своего дяди Наполеон III не решился. Но в 1831 году от этого было ещё очень далеко, а, наоборот, о бедствиях европейской интервенции вспоминалось повсеместно. В частности, подтверждением является большое количество мемуаров о 1812 годе, появившихся на протяжении десятилетия, начавшегося с польского восстания и закончившегося празднествами на Бородинском поле летом 1839 года, что особенно бросается в глаза на фоне спада интереса к «наполеоновской эпопее» в предыдущие 1820-е годы, когда такие публикации не считывались единицами.

В незаконченной статье «О ничтожности литературы русской» (1834 г.) Пушкин как бы подводит итог своим размышлениям об исторической миссии России, волею судьбы оказавшейся пограничем двух континентов: «Россия определено было высокое предназначение... Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...». К данному абзацу Пушкин делает сноску животрепещущего политического характера: «А не Польшею, как ещё недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».

Знаменитое стихотворение «Клеветникам России» написано на злобу дня. Оно прямо соотносится с воспоминаниями о 1812 годе и представляет собой ответ «народным витиям» из национального собрания Франции, грозившим России анафемой. Пушкин спрашивает: почему? И отвечает вопросом на

вопрос: не за то ли:

*Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*

Большинство современников одобрили пушкинский демарш. Чаадаев писал ему: «Вот, наконец, вы — национальный поэт».

Пушкин ушёл из жизни, не сказав своего последнего слова. Но известно, что к числу его неосуществленных замыслов относится «История Александра», к которой он намеревался приступить сразу же после окончания «Истории Петра», а ей он собирался посвятить годы и годы, ибо Пётр Великий был его любимым героем. «Историю Александра» же должно писать «пером Курбского» — так он говорил А.Н. Вульф ещё в 1827 году. Апологетом этого царя Пушкин никогда бы не стал; но был готов простить Александру I «неправое гоненье». Ведь «он взял Париж, он основал Лицей». Наверняка, центральное место в этом историческом труде занял бы «незабываемый 1812 год». Как никто другой из современников великий поэт был подготовлен решить задачу всестороннего освещения одного из самых ярких эпизодов русской истории; он, конечно, избежал бы односторонности и А.И. Михайловского-Данилевского и К. Клаузевица, внимание которых было сосредоточено исключительно на военных действиях. Правда, необходимо отметить, что в запальчивости Пушкин иногда переходил пределы и истинного и разумного. Так в набросках статьи о 2-м томе «Истории русского народа» Н.А. Полевого он писал: «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европою». Впрочем, здесь Пушкин был далеко не одинок. Достаточно вспомнить слова В.В. Розанова, что в 1812 году боролись две разные цивилизации, а вовсе не две армии.

Непосредственно «наполеоновской эпопее» Пушкин посвятил немного: маленькую новеллу «Метель» и незаконченную повесть «Рославлев», которую пронизательный Н.Н. Страхов назвал первоначальным наброском толстовской эпопеи «Война и мир». Читателю запомнятся слова Жермены де Сталь: «Народ, который тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наши дни свою голову». Трудно сказать, действительно ли де Сталь произнесла эту фразу. Возможно, она была передана Пушкину одним из тех, кто слышал её из уст гонимой Наполеоном писательницы (хотя бы П.А. Вяземским). Но пророчество запомнилось уже потому, что де Сталь ярко и лаконично определило характер войны, которая неизбежно станет национальной и общенародной.

На вопрос: чем был для Пушкина 1812 год? — вполне можно ответить его же крылатыми строками:

*Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?*

Россия для Пушкина не только «родное пепелище» (как Москва в 1812 году), не только «отеческие гроба». Ему в высшей степени было присуще имперское сознание (об этом писал Г.П. Федотов в хрестоматийной статье «Певец империи и свободы»). Он призывал недавно взошедшего на престол Николая I быть во всём подобным пращуру Петру I. Прекрасно видя негативные стороны и его правления и правления Екатерины II, Пушкин прежде всего подчёркивал, что эти монархи явились творцами величия России. Воспетый поэтом Кутузов был последним «из стаи славной екатерининских орлов». Равными им были и другие «люди двенадцатого года», с кем Пушкина сводила судьба или о которых он оставил восторженные строки: Барклай де Толи, Ермолов, Раевский, Милорадович. Великий художник, он глядел на всё, чему довелось быть свидетелем, «глазами Шекспира». Именно поэтому он нашёл бессмертные слова для выражения пафоса «наполеоновской эпопеи».

Геннадий КОВАЛЕВ, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии Воронежского Государственного Университета.

БАСТАРДИАДА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Некогда литературоведом В.Н. Турбиным были брошены слова о «безымянности» вокруг Татьяны Лариной¹. Что же об этом говорило? Только пушкинское: «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой»? А «безымянность»? Так ведь у Пушкина в романе четко названы и отец (*Дмитрий* — покойный бригадир), и мать (*Паиетт* — то бишь Прасковья)². Правда, они почему-то поданы без отчества, что не характерно для русской традиции. Тем более, если это касается фиксации имен на надгробиях. Ведь Пушкин «пропустил» отчества на двух надгробиях хозяев поместий: *Дмитрия Ларина* и *Владимира Ленского*.

Таким образом, «безымянность» вокруг Татьяны лишь видимая (в конце концов, названы имена и отца и матери!), эта «безымянность» скорее вокруг Онегина, как и вокруг Ленского. П.М. Тамаев справедливо пишет: «Онегин, добрый мой приятель, / Родился на брегах Невы». Перед нами строка, вмести-

вшая в себя громадное содержание. Ведь не невольная волна выплеснула его на берег, а родила мать, о которой ни слова в романе — значит, умерла <..>³. Но ведь и о его отце тоже ни единого слова! Единственный близкий родственник Онегина — дядя, на наследство которого и были все надежды юного денди. Говоря о выборе наименования Евгения Онегина, Э.Б. Магазиник утверждал: «Когда Пушкин нарекал своего героя, он заботился, по-видимому, только о благозвучии и, так сказать, аристократическом тоне фамилии. Введенный же затем в роман Ленский получил уже по необходимости «речную» фамилию, ею Пушкин как бы ставит в известном отношении «на одну доску» своих героев, противопоставляя их окружению — Петушковым, Свистуновым, Пустяковым. «Речные» фамилии их в то же время и разделяют: «очень далека Лена от Онеги». Это соответствует психологической полярности героев. Лермонтов заметил игру на «речных» фамилиях в «Евгении Онегине, и, создавая своего Печорина, он подбирает ему фамилию, которая должна демонстрировать близость к Онегину. Белинский писал: «Несходство их между собой гораздо меньше расстояния между Онегой и Печорой»⁴. На наш взгляд «речной» взгляд на фамилии героев мог бы еще сойти в XVIII, но никак не в XX веке.

Фамилия Евгения Онегина скорее всего была найдена А.С. Пушкиным в Торжке, который он часто посещал. Помните его строки: «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке»? В гостинице Пожарских, трактир которых славился особыми котлетами, Пушкин останавливался более 20 раз. В то время в Торжке проживало разветвленное семейство Онегиных. Это были и портные, булочных и обувных дел мастера и мастерицы. То есть это отнюдь не дворянская фамилия. Она была связана с городком на берегу Онежского озера — *Онега*, известным как город Архангельской губернии с 1780 г.

В целом же нужно отметить, что фамилия Онегин не такая уж редкая в России. Хорошая знакомая А.С. Пушкина А.О. Смирнова-Россет писала: «Я узнала, что Онегин — тоже истинная фамилия»⁵.

Поэтому крайне непонятны поиски того, что не терялось, в работе В.Н. Турбина: «О том, как он назовет героя романа, Пушкин думал тогда же, когда он писал «Песнь о вещем Олеге». Олег и Онегин в его творческом сознании явились одновременно. Разделенные в исторической реальности почти тысячу лет, теперь они странно сблизились (Согласен — весьма странно. — Г.К.): *О-л-е-г* фонически созвучен *О-н-е-г-ину*, а имя «Евгений» по-гречески, — «родовитый», «знатный». Настаивая на очевидном, на заведомой идентичности *принципов* построения фабулы и сюжета баллады «Песнь о вещем Олеге» и романа «Евгений Онегин», не приходится, разумеется, настаивать

на том, что идентичность фоники (Онег... — Олег) и семантики («знатный» — «князь») для Пушкина была столь же заведома⁶. Нет нужды даже доказывать искусственность таких литературоведческо-ономастических сближений.

Если уж речь вести о фонетическом облике фамилии *Онегин*, то скорее более прав А.М. Зотов, сближавший, с одной стороны, звучание *Евгений* и *Онегин*, с другой, сопоставляя их с нарицательными существительными: «Имя **Евгений** легко рифмуется в пушкинском романе со словом **гений**:

*Всего, что знал Евгений,
Пересказать мне недосуг,
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук...
Была наука страсти нежной...*

В данном контексте сближены, соотнесены различные составляющие метафорического имени героя: **Евгений** — «*гений*»; **Онегин** — «*нежной*»...»⁷.

Если говорить о Владимире Ленском, то его биография в некотором смысле близка онегинской. Мы знаем, что воспитывался он в поместье Красные Горки. Оттуда попал в Геттингенский университет, а по завершении обучения снова возвращается в деревню. Казалось бы, европейски образованному юноше место, конечно же, в Петербурге, Москве или, по крайней мере, в губернском городе. Но... кто ж его ждет там? Опять-таки в романе нет никаких упоминаний ни об отце, ни о матери Ленского. И это тоже наводит на мысль о том, что и он бастард. Об этом красноречиво говорит и его фамилия. Она какая-то странная (хотя и вполне узаконенная!): более характерный для польских фамилий формант *-ский*, странный корень фамилии *лен-*. Анализ Памятных книг, издававшихся дореволюционными губернскими центрами России, показал, что люди с фамилией *Ленский* в них встретились 34 (!) раза, в основном в польских и белорусских губерниях тогдашней России.

Но, скорее всего фамилия *Ленский* является специфической русской фамилией из разряда сокращенных. У российского дворянства было принято детям-бастардам, рожденным от внебрачных отношений дворян с недворянами, давать вымышленные фамилии, например, Кипренский, Жуковский и т.д. Но чаще дворянская фамилия сохранялась, только в сокращенном виде, например, фамилия известного русского художника-графика, блестящего иллюстратора произведений Н.В. Гоголя — Александра Алексеевича *Агина* — внебрачного сына помещика А.П. *Елагина* и крепостной крестьянки. Поэтому, как фамилия *Пнин* происходила из *Репнин*, *Беукой* (и *Бецкий*) из *Трубецкой*, так и фамилия *Ленский* произошла из *Оболенский*. А уж Оболенские не уступят многим дворянским фамилиям в известности и древности. В.В. Набоков писал о роде Оболенских, кото-

рые относятся к Рюриковичам и древнее Романовых: «В генеалогии русского дворянства, составленной Долгоруковым, записаны только 60 семейств, происходящих от Рюрика и существовавших до 1855 г. Среди них есть Оболенские. Вероятно, Толстой несколько небрежно переделал эту фамилию в Оболенских»⁸. Просто *Ленский* — незаконнорожденный сын, бастард, которого благополучно и отправил родитель в Германию, в Геттинген, подальше от суровых, обвиняющих глаз. Да и из университета *Ленский* возвращается не в Петербург или Москву, а в родовую деревню.

К сожалению, большинство литературоведов, да нет-нет и лингвисты относят фамилию *Ленский* к «речным», то есть производными от названий рек. Начало этому явлению, видимо, положил анонимный рецензент комедии А.С. Грибоедова и А.А. Жандра «Притворная неверность». Он, в частности, писал: «Переводчики «Притворной неверности», по примеру некоторых других новейших писателей, дали почти всем действующим лицам своим имена русские, заимствованные от собственных имен русских городов, рек (курсив наш. — Г.К.) и пр. (напр., Рославлев, Ленский и т.п.)»⁹. В.В. Набоков в своем комментарии к «Евгению Онегину» определил фамилию *Ленский* как: «производная от названия реки в восточной Сибири». Вторя ему, Э.Б. Магазаник настаивал на «переключке-эстафете» фамилий *Онегин* — *Печорин* — *Волгин*: «Речной» характер этих фамилий в первопричине своей — дело случайное. Но не случайна взаимная корреляция их. Если бы *Онегин* носил другую фамилию, то и *Печорин* и *Волгин* не носили бы «речных» фамилий»¹⁰.

Однако Ю.М. Лотман по тому же поводу вполне справедливо высказал свое сомнение: «Оттенок «поэтичности» таких фамилий, как *Онегин* или *Ленский*, возникает за счет того, что в корне их повторяются названия больших русских рек, а это решительно невозможно в реальных русских фамилиях пушкинской поры. Среди русских дворянских фамилий начала XIX века имелась определенная группа, производная от географических наименований. Это были, в первую очередь, княжеские фамилии, производные от названий городов и уделов. В XVIII веке возможно было образование реальных фамилий от названий поместий. Однако большие реки в России никогда не составляли собственности отдельных лиц или семей, и естественное возникновение фамилий от гидронимов было невозможно»¹¹.

И, тем не менее, литературоведы предлагают все новые и новые «речные» этимоны для этих фамилий. Так, В.Н. Турбин пишет: «...Онега — на севере, от фамилии *Онегина* должно веять холодом, льдом»¹². И он же вполне серьезно полагает: «... возможно, что «*Ленский*» фамилия не без грустного каламбура:

не Лена, а Лета, о которой упоминает бедняжка поэт в предсмертной элегии»¹³. Кстати, река Лена в Якутии, на которую ссылаются многие литературоведы, лишь случайно совпала с вариантом имени Елена. Сами якуты не знали когда-то этого названия. *Лена* — это русифицированная форма эвенкийского слова Елюёнэ — «река»¹⁴.

Откуда же у поэта такая тяга к бастардам? Отчасти это шло из семьи. Родители Пушкина не очень-то любили Александра в его детстве: они любили Ольгу (потому, что девочка) и Льва (потому, что младшенький). Кроме того, скарденость Сергея Львовича доходила до крайностей, что приводило его к серьёзным конфликтам уже со взрослым поэтом. Эта биографическая черта отда отразилась в цикле «Маленькие трагедии» («Скупой рыцарь»). А вот в Кишиневе А.С. Пушкин попал под начальство генерала Ивана Никитича Инзова. Генерал относился к опальному поэту воистину по-отечески. Интересно, что об И.Н. Инзове сообщил Ф.Ф. Вигель: «Глубокая тайна покрывает его рождение. Приемышем вырос он в доме Трубецких, которые дали ему наречение Иной Зов или Инзов»¹⁵. Сам Пушкин так охарактеризовал И.Н. Инзова в своем наброске «Воображаемый разговор с Александром I» (декабрь 1824 — февраль 1825): «Скажите, как это вы могли ужиться с Инз<овым>, а не ужились с г<графом> Вор.<онцовской>? “ — В<аше> в<еличество>, генерал Инзов добрый и почтенный [старик], он русский в душе, он не предпочитает первого английского шалопаю всем <известным> и неизв<естным> своим соотеч<ественникам>. Он уже не волочитя, ему не 18 лет от роду: страсти, если и были в нем, то уж давно погасли. <Он> доверяет благородству чувств, потому что сам имеет ч.<увства> благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив, не опрометчив, не верит враже<ским> <?> паскв<илиям>». Более того, И.Н. Инзов прекрасно понимал, что Пушкин — гений. Он относился к нему чисто по-отцовски, везде, где мог, спасал его от неприятностей и дуэлей, сажая его под домашний арест. Пушкин из Одессы писал об этом А.И. Тургеневу (14 июля 1824 г.): «Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз, как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною о гишпанской революции». Кстати, переехав в Одессу 10 августа 1823 г., поэт все же приезжал на две недели на следующий год (с 12 по 27 марта 1824 г.) к «старичку Инзову». Это говорит о многом, в частности, возможно впервые, молодой поэт, чувствовавший свое сиротство в родном доме (сравните впечатления от этого в «Скупом рыцаре»), ощутил по-настоящему отеческую заботу о себе в доме генерала И.Н. Инзова.

1 Турбин В.Н. *Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*. М., 1996, с. 96.

2 Ковалев Г.Ф. *Пушкин и имя*. Воронеж, 2009, с. 56-57, 60-61.

3 Тамаев П.М. *От имени героя к сюжету героя // Современное прочтение Пушкина*. Иваново, 1999, с. 61.

4 Магазаник Э.Б. *Ономапоэтика, или «говорящие имена в литературе»*. Ташкент, 1978, с. 75.

5 Из «записок А.О. Смирновой» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985, т. 2, с.172-173.

6 Турбин В.Н. *Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*. М., 1996, с. 106.

7 Зотов А.М. *Герой в зеркале имени // Литература в школе*, 2004, № 10, с. 18.

8 Набоков В.В. *Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*. СПб., 1998, с. 286.

9 *Сын отечества*, 1818, ч. 46, № 19, с. 263.

10 Магазаник Э.Б. *Эстафета имен и творческая преемственность в литературе (переключки: ОНЕГИН—АРБЕНИН и АРБЕНИН—КАРЕНИН) // Труды самаркандского ун-та*, 1976, вып.284, с.118.

11 Лотман Ю.М. *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий*. Л., 1980, с.114.

12 Турбин В. *Онегин и Снегина. К проблеме традиции в поэзии // Октябрь*, 1983, № 4, с. 187.

13 Турбин В.Н. *Роман прогнозов (к проблеме строения сюжета «Евгения Онегина»)* // *Болдинские чтения*. Горький, 1988, с. 152.

14 Никонов В.А. *Краткий топонимический словарь*. М., 1966, с. 231.

15 Вигель Ф.Ф. *Записки*. М., 2000, с.483.

Валентин КУКЛЕВ

«НЕВЫНОСИМО ГОРЯТ НА СИНЕМ ТВОИ ПРОЩАЛЬНЫЕ АПЕЛЬСИНЫ...»

Давний вечер в библиотеке им. А.С. Пушкина

Это был 1964 год. Звонили колокола на Елоховке. Мне было 16 лет, я жил тогда в Доброслободском переулке на Разгуляе, в двух шагах от пушкинской библиотеки. Однажды, проходя мимо, я увидел, что около входа толпились ребята-студенты из Бауманки. Я спросил: «Что будет?». Кто-то ответил, что обсуждение книги стихов Андрея Вознесенского «Треугольная груша». Перед началом вечера я обратил внимание на мужчину лет 50-ти, в костюме, круглых очках, он явно выделялся. Необычный незнакомец курил сигарету за сигаретой. Рядом с ним стояла импозантная дама, кто-то шепнул, что это Симона де Бовуар, его подруга жизни. Конечно, я не знал тогда, кто же такая Жан Поль Сартр и кто такая Симона. Позднее, когда я прочёл книгу Сартра «Слова», то понял, как же мне повезло в

тот вечер в Елохове. А ещё я узнал, как Сартр отказался от Нобелевской премии по «личным мотивам», но впоследствии изменил свое решение, заявив, что премия нужна ему ради денег. Это был момент, когда слова берутся обратно...

В библиотеку пришла в основном молодая аудитория, отчаянно спорившая. Помню какую-то женщину, по виду учительницу, она ругала стихи Андрея Вознесенского за непонятные ей слова «транзистор», «акваланг», «стихарь». Студенты Бауманки тихонько посмеивались над ней. Уже позднее, когда я сам стал писать стихи, Леонид Губанов, с которым я в то время плотно общался, предложил пойти к Вознесенскому, я уже купил его сборник «Ахиллесово сердце» и читал его: «Невыносимо горят на синем твои прощальные апельсины...», но сходить в гости так и не получилось...

В 2002 г. я видел Вознесенского в русском пен-центре на Неглинной, где Константин Кедров проводил свой авторский вечер. Вознесенский тогда сказал в своём выступлении: «Я очень люблю стихи Кедрова. Это абсолютно лишённые пошлости вещи. Сейчас в нашей литературе самое страшное — пошлость, все эти сентиментальности, все эти кубики-квадратики стихов».

А я почему-то вспомнил ту детскую «картинку» в Пушкинской библиотеке, где настоящей жемчужиной был Жан Поль Сартр. Как он тогда разглядывал меня, так сейчас, сквозь время, я разглядываю его «Слова»: «забавляли дамы, скользившие от полки к полке в тщетных поисках автора, который насытил бы их голод; они и не могли его найти, ведь им был я — мальчик, путавшийся у них под ногами, а они не смотрели в мою сторону».

«...ПУШКИН ЕСТЬ ПРОРОЧЕСТВО И УКАЗАНИЕ».*

Союз литераторов в библиотеке Пушкина

100 лет назад, в 1912 г., в Елохово переезжает библиотека им А.С. Пушкина. Она и сейчас здесь находится, в старинной усадьбе, что рядом с Богоявленским храмом, а в нём, как вы помните, Пушкин был крещён. Конечно, интересно зайти в библиотеку, познакомиться с сотрудниками. И нам, поэтам, прозаикам, литературоведам, членам Союза литераторов России, повезло не только провести литературный вечер в Пушкинском зале, посвящённый 20-летию Союза литераторов, но и снять небольшой фильм (режиссёр Артём Каверин, ЖИВОЕ ТВ) и представить его на YouTube:

<http://youtu.be/C6RXq8inDfw>. «Пушкин есть пророчество и указание», писал Ф.М. Достоевский, и это гениальное определение ЯВЛЕНИЯ ПУШКИН мы взяли в название нашего вечера. Выступлений было много, и они были разнообразны: Олег Чилап познакомил собравшихся со своей публикацией в альманахе «Как я придумал национальный праздник», известный исследователь истории дворянских усадеб и мASONства Владимир Новиков представил свои книги «Усадьба Вязёмы и окрестности», «Под сенью Русского Парнаса» и др.

В библиотечный фонд мы подарили 5 книг альманаха «Словесность» за 2007–2011 гг., а также первый фильм нашего нового видеопроекта: Дмитрий Цесельчук «Непрерывный фотомонтаж».

А ещё было проведено поэтическое состязание, темой его стали пушкинские строки: «Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв». Участвовали все желающие, но победителей в этом состязании не было: жюри посчитало всех участников достойными, и бокалы (пластиковые стаканчики) поэтов наполнились шампанским.

Путеводительницей по библиотеке стала для нас Татьяна Фёдоровна Королёва, зав. сектором по общественным связям и культурным программам, она же прислала нам для альманаха фотографии потомков Пушкина — гостей библиотеки и фотографии этой интереснейшей усадьбы в разные годы её существования. По нашей просьбе сотрудницей библиотеки была написана статья об истории дома на Спартаковской, 9 (таков современный адрес библиотеки им. А.С. Пушкина).

* Ф.М. Достоевский

Елена НИКИТИНА

ДОМ НА СПАРТАКОВСКОЙ

Пожары Отечественной войны 1812 года, вихри Октябрьской революции, Великая Отечественная война, бурные 90-е — ничто не смогло его изменить. История этого Дома, как и жизнь любого человека, не исчерпывается сухими фактами и датами... Долгие годы здесь жили люди, которые несли в Дом свои радости и невзгоды, мечты и чаяния, надежды и разочарования... История Дома — это, прежде всего, история людей, живших здесь, история людей, передавших Дому тепло своей души. И именно об этих людях здесь и пойдет речь.

История Дома насчитывает более 230 лет, начиная с момента первого документального свидетельства его существования.

Человеком, благодаря которому Дом появился на свет, был коллежский советник Тимофей Иванович Чонжин — первый владелец Дома, в 1782 г. в возрасте 60 лет, уже в чине статского советника, Т.И. Чонжин назначается на должность вице-губернатора Москвы, в коей и пробыл до 1785 г.

Судя по плану застройки района в 1774 г., здесь был построен деревянный дом с двумя ризалитами, располагавшийся по красной линии улицы. Сбоку за ним находились хозяйственные постройки, тоже деревянные. В глубине участка был сад.

Отечественная война... 1812 год... По одним источникам деревянный дом сгорел, по другим сохранился, о чем свидетельствует «Список оставшихся не сгоревшими соборов, монастырей, церквей, казенных зданий и обывательских домов, составленный в 1813 г. московским обер-полицмейстером Ивашкиным». По некоторым данным уже накануне войны главное здание было каменным, что в немалой степени и явилось причиной его сохранности.

С 1814 г. особняк находится в купеческих руках. В промежутке с 1813 по 1816 гг. новый владелец перестраивает Дом. Точная дата возведения главного здания в его нынешнем виде неизвестна: на плане 1804 г. его еще нет, а на плане застройки района от 1816 г. он уже показан как двухэтажный каменный дом с двумя флигелями. В 1819 г. флигели соединяются с главным домом арками, что создает единый ансамбль. На дворе в фасаде, как и в деревянном прототипе, выступают ризалиты. Усадьба окружена тянущейся вдоль улицы каменной оградой с чугунными решетками и воротами. В глубине сада, по задней границе, расположена оранжерея.

В 1854 г. Дом приобретает для своей большой семьи Николай Федорович Мамонтов и с этого времени начинается один из самых замечательных периодов в жизни Дома на Спартановской. Николай и брат его Иван прибыли в Москву, будучи очень богатыми по тем временам людьми. Разбогатели они благодаря «винному откупничеству», которым занимались вместе со своим компаньоном Василием Александровичем Коревым.

Уклад жизни братьев существенно отличался от общепринятого в то время в предпринимательской среде. Литература, музыка, театр занимали важное место в жизни многочисленной мамонтовской родни.

В 1856-1857 гг. при Н.Ф. Мамонтове перестраиваются западный и восточный корпуса, ограничивающие парадный двор, изменяется декоративное оформление интерьеров. Дом приобретает внешне тот самый вид, которым можно любоваться и поныне: особняк, оформленный в стиле русского псевдобарокко с портиком, колоннами и двумя флигелями, соединенными арками в единый архитектурный ансамбль. Довольно

много сохранилось и до нашего времени: искусственный мрамор стен, фигурные филенки, лепные украшения, мраморные каминные. Тогда же появились и украшенные чугуном балконы, фонари, прекрасная трехмаршевая чугунная лестница, ведущая из вестибюля на второй этаж. По воспоминаниям Веры Павловны Третьяковой (в замужестве Зилоти) — внучки Николая Федоровича — это был «...барский особняк с колоннами, стоявший во дворе, за чугунной решеткой и с большим садом в глубине. Парадная белая (мраморная?) лестница вела в бельэтаж, сначала в угловую залу. Там стояли концертный рояль и тропические растения. За залой по фасаду, шла гостиная, а за нею спальня; по другой стороне лестницы, окнами в сад была громадная столовая. Против окон во всю стену между двумя дверьми висел семейный портрет: Николай Федорович, Вера Степановна с массой детей разного возраста — мальчики с круглыми белыми воротничками, а девочки в розовых шелковых платьицах... Внизу, под столовой, был кабинет с окнами и дверью прямо в сад и другие комнаты. Наверху, над столовой были детские... Во дворе по ограде росли деревья, в них в тенистом саду пели весной птицы, а из окон неслись с ранних пор звуки Баха, Бетховена, Шопена и Листа».

У Николая Федоровича было 17 детей — 13 мальчиков и 4 девочки. Мамонтов старался дать детям хорошее образование. Трое старших сыновей окончили университет. Талантливые к наукам, общественной деятельности и искусствам, дети Николая Федоровича Мамонтова не унаследовали отцовской купеческой хватки и предприимчивости. Все начатые отцом дела рано или поздно переходили от одного сына к другому, но удача не улыбнулась ни одному из них. Раздробленное наследство не приумножалось. Дело кончилось тем, что к 80-м годам XIX века содержание столь любимой всеми детьми и внуками усадьбы на Разгуляе стало обременительным. Дом решено было продать.

В 1882 г. Дом переходит в руки новых хозяев. Ими стала семья Дмитрия Федоровича и Анны Павловны Мухиных, переехавших на Разгуляй из Лаврушинского переулка, где они были соседями и, по-видимому, знакомыми семейства П.М. Третьякова. Знакомство это сыграло не последнюю роль в том, что именно Мухины купили усадьбу.

Сын Мухиных Дмитрий, женившись на представительнице многочисленного купеческого семейства Абрикосовых, не чувствовал в себе готовности заниматься предпринимательством, служил директором Банка Взаимного кредита, после революции работал бухгалтером.

В начале XX века семейное дело стало приносить все меньше и меньше дохода, а содержание усадьбы в должном порядке обходилось очень дорого, и в 1910 г. последний владелец Дома,

Д.Ф. Мухин, принимает решение продать его.

А теперь вернемся на 10 лет назад. 27 июля 1899 г на заседании Московской Городской Думы было принято решение: «С целью увековечить день столетия со времени рождения А.С. Пушкина и с целью доставить возможность пользоваться книгами тем слоям городского населения, которым по состоянию их средств, существующие библиотеки недоступны, Московская Городская Дума учреждает библиотеку-читальню в память А.С. Пушкина»

По предложению Городского Головы князя В.М. Голицына для заведования читальней была избрана старшая дочь Пушкина — Мария Александровна Гартунг. И как свидетельствует запись в журнале Московской Городской Думы, «в течение десяти лет дочь Пушкина с чувством гордости и ответственности исполняла эту роль».

2 (15) мая 1900 г. в присутствии родственников поэта состоялось торжественное открытие библиотеки. Сначала нанимались помещения на Немецкой улице, но они мало удовлетворяли нуждам библиотеки-читальни и 1 ноября 1911 года «городом приобретено владение наследников Ф.Д. Мухина Басманной части 1 уч., под № 127-99 на Елоховской площади за 180.000 рублей». С осени 1912 года библиотека располагается в этой усадьбе.

В 1913 году в библиотеке работало четыре человека: библиотекарь и три помощника. Попечителем в это время был князь А.И. Сумбатов. В 1913-1914 годах все служащие библиотеки учились за счет Городского Управления на библиотечных курсах при Университете им. А.А. Шанявского (сейчас это РГГУ). К 1940 г. в штате библиотеки числилось 38 человек.

В разное время на читательских конференциях и встречах выступали Мстислав Цявловский, Викентий Вересаев, Григорий Винокур, Василий Гроссман, Илья Эренбург, Александр Бек, Иракий Андроников, Расул Гамзатов, Андрей Вознесенский, Эдуардас Межелайтис, Михаил Козаков...

В 1975 году был организован клуб «Пушкинист», тесно сотрудничающий с Государственным музеем Пушкина, Музеем-квартирой Пушкина на Арбате, Всероссийским пушкинским обществом. Ежегодно отмечаются дни рождения и памяти поэта, день имени Н.Н. Гончаровой, проводятся многочисленные литературные и литературно-музыкальные вечера. Заседания клуба проводятся в Пушкинском зале, открытом в 1998 году. Друзьями библиотеки стали вице-президент Народного Пушкинского фонда Д.А. Вульф; исследователи жизни и творчества А.С. Пушкина В.М. Фридкин, Н.Я. Эйдельман, В.С. Непомнящий. С 1996 года при библиотеке работает клуб потомков Пушкина.

В 1972 — 1973 годах библиотеке были переданы флигели, до

того времени отведенные под жилые помещения. Сейчас она занимает все пять строений, которые исторически входили в состав одной городской усадьбы.

Реставрационные работы 1970-1980-х годов вернули Дому тот вид, который он, согласно описаниям, имел при Мамонтовых. При восстановительных работах начала нынешнего века открылись полы на первом этаже, выложенные розовым песчаником. Впрочем, реставрационные и ремонтные работы до сих пор продолжаются, и кто знает, какие нас ждут еще открытия. Библиотека имени А.С. Пушкина стала одной из самых красивых библиотек Москвы.

К 120-летию со дня рождения Марины Цветаевой

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

ЗАИМКА

Посвящается Марине Цветаевой

*Идешь на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.*

.....

*Я тоже была, прохожий,
Прохожий, остановись!*

.....

*Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет...*

Марина Цветаева

— Кладбищенских грибов не надо брать, —
Об этом ли мой стих о землянике?..
Нетронута среди крестов их рать,
будто пришла под Новгород Великий.

А в церковке звонят колокола,
И Дух Грибной среди могил маячит...
Под ними в три ряда лежат тела —
и павших только вьюга и оплачет.

Прохожий, — я молю, — остановись,
свой взор обороти от шляпок к небу,
и в синеву пронзительно взглядысь —
туда, где ты еще ни разу не был!

Болярней новопреставленной
я тут себе местечко приглядела...
Лежит под безымянной сосной
мое покинутое в одночасье тело.

Возможно, что его давно уж нет,
но над Окою в бронзе я отлита...
И вот тебе последний мой ответ, —
не будь, как я — печально знаменитой.

И только, если на меня похож, —
ведь я тогда Тебя ввиду имела, —
будь в эти вышние чертоги вхож,
когда черед придет — шагни в них смело...

У ягодника ли, у грибника,
Есть на погосте тайная заимка...
Кладбищенская ягода сладка —
Узнаешь лишь к исходу поединка.

Нина ДАВЫДОВА

ТАРУСА 2011. ПЕРВАЯ СУББОТА ОКТЯБРЯ

В первую субботу октября в Тарусу съезжаются отовсюду не только почитатели поэзии Марины Цветаевой, но и исследователи её творчества и блистательно-трагической эпохи Серебряного века.

Осенью 2011 г. у памятника Ивану Владимировичу Цветаеву протоиерей собора Петра и Павла священник отец Леонид (Л.П. Гвоздев, выпускник философского факультета МГУ) отслужил литию, после которой выступил глава администрации Тарусского района Е.М. Мальцев, представивший замминистра культуры Калужской области В.Ф. Терёхина, госсоветника А.В. Щипкова, на средства которого был установлен памятник создателю музея на Волхонке и профессора МГИМО А.В. Шестопала, подчеркнувшего значимость семьи Цветаевых для всей русской культуры.

Потом, несмотря на почти не прекращавшийся дождь, пришли на крутой берег Оки к знаменитому камню, на котором начертано: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Читали стихи М. Цветаевой и посвящения ей. В поэтических чтениях на высоком берегу Оки принял участие и Дмитрий Цесельчук, прочитавший своё стихотворение «Заимка», посвящённое М. Цветаевой и написанное накануне.

Ближе к вечеру собрались в музее на цветаевские научные чтения, организованные директором Музея Семьи Цветае-

вых Еленой Михайловной Климовой. С докладами и сообщениями в течение двух дней Цветаевских чтений в музее выступили профессора, зав. кафедрами МГУ им. М.В. Ломоносова О.А. Клинг «Особенности цветаевской поэтики», Е.И. Орлова «Цветаевские мотивы и образы в поэзии Татьяны Бек», МГИМО — В.И. Уколова «Свет звёзд или последний русский розенкрейцер. Борис Михайлович Зубакин (1894-1938)»; научные сотрудники цветаевских музеев: из Москвы Л.М. Шейн «Обзор литературы цветаевской тематики», из Александрова Э.Б. Калашникова «Переписка Анастасии Цветаевой с Софьей Лубинской». Из Еревана с докладом «Об одной лейтмотивной рифме в книге М. Цветаевой «После России»» приехала известный исследователь творчества М. Цветаевой Т.М. Геворкян. Впервые в цветаевских чтениях принял участие Союз литераторов России: собравшимся были представлены и подарены в фонд музея альманахи «Словесность» за 2007-2011 гг., а также газета «Литературные известия» со статьёй «И умерли в один год... 70 лет со дня смерти Марины Цветаевой и Сергея Эфрона». Эта статья предлагается и читателям альманаха:

И УМЕРЛИ В ОДИН ГОД..

*В 1941 году ушла из жизни Марина Цветаева
и был расстрелян в застенках НКВД её муж,
Сергей Эфрон*

15 лет назад в Болшеве, в музее М. Цветаевой, мне посчастливилось познакомиться с научным сотрудником музея Софьей Николаевной Клепининой. Красивая и в немолодые уже годы, как принято говорить — статная, очень живая в общении, абсолютно соответствовавшая своему имени — мудрая. Рассказчица от Бога, склонная к точным оценкам: всё, что произошло, было выстраданным, не случайным. Временами могла быть и резкой, если считала необходимым отстаивать свою точку зрения, не совпадавшую с общепринятой. Порода проглядывала во всём, как и неистребимая интеллигентность, а истребить, уничтожить, как уничтожили её родителей в адских сталинских жерновах, могли.

От наших общений сохранилась в архиве аудиокассета с записью двухчасового разговора с Софьей Николаевной, сделанной в студии на радио «Ракурс», где в 1995-98 гг. я была автором и ведущей программ.

С особой теплотой, с любовью вспоминала Софья Николаевна Сергея Эфрона, с которым она, тогда 12-летняя девочка, общалась на злойшей болшевской даче. Помнила и приезд из эмиграции Марины Цветаевой. Мне кажется, читателю будет интересен фрагмент нашей беседы.

С.К. Я родилась в 1927-м, родители мои встретились в 25-м. А пути их сошлись в Париже, постольку, поскольку в те поры после революции, после Гражданской войны в Париже сошлись пути очень очень-очень многих российских родовитых, неродовитых — всяких людей. Отец был белым офицером, он прошел путь от Дона до Константинополя. Весь Перекоп и Крым, потом печально знаменитый Галлиполийский лагерь. Потом Югославия, где в городе Боры уже жил дед, поскольку они уехали из Одессы немного ранее. А мама уехала из России через Финляндию. Так они добирались — один с юга, другая с севера. Оказывается, не все дороги ведут в Рим. Некоторые и очень многие, ведут в Париж. Отец стал литератором. До гражданской войны литературой, в общем-то, не собирався заниматься. Он увлекся Евразийским движением. И таким образом пути его сошлись с путями С.Я. Эфрона, мужа Марины Цветаевой.

...А к тому времени, когда я уже помню, мама, уже, видимо, была вместе с Сергеем Яковлевичем Эфроном и с отцом. Они уже, видимо, работали в той организации, которую тогда они называли советской разведкой. Как они в нее попали, — дело, в общем-то, достаточно темное, поскольку в следственных делах, которые я прочла, речь идет о том, что они шпионы — сначала французские, потом английские, потом немецкие, потом американские и т.д. Я просто реконструирую события, я понимаю, что они очень хотели вернуться на Родину, безумно хотели вернуться в Россию, не зная и не понимая, что, как говорила Марина Цветаева, «той страны на карте нет, в пространстве нет». А им казалось, что, из какой страны они уехали, та страна их и ждет. И пошли-то они в советское посольство. Это мы с вами теперь знаем, что в те поры, а, может быть, и в наши поры 99 % сотрудников любого советского посольства на Западе были сотрудниками НКВД.

...По-видимому, было так: они пошли в советское посольство, и с ними там очень много говорили, и объяснили им, даже не столько им, сколько отцу, что он виноват перед этой страной, что он воевал против нее в Белой армии. Что он, белый офицер, пусть не думает, что так легко и просто вернуться в эту страну, — он должен искупить вину. Не знаю, что еще ему объясняли, не знаю, заслужил ли он, но искупить-то точно искупил. Поэтому что приехал, прожил здесь 2 года, затем 2 года был в заключении, затем был расстрелян, так же, как и мать, так что, искупить-то искупил. Он никогда не соглашался работать на НКВД. Я сужу по С.Я. Эфрому, он в 1937 году или в 36 году занимался тем, что отправлял добровольцев в Испанию. Это мы тут немцев кормили — снабжали чем угодно, кричали, что они наши лучшие друзья, а на Западе что такое фашизм, знали все, от мала до велика. И Эфрон занимался вполне почтен-

ной и уважаемой деятельностью. Чем занимались мои родители, я не знаю.

Н.Д. Вот сейчас многие из наших радиослушателей задали бы такой вопрос: Эфрон участвовал в терактах, об этом множество публикаций шло, что Вы знаете об этом?

С.К. Во-первых, должна я вам сказать, как эти книги пишутся. Несколько лет назад вышла книга Василия Яновского «Поля Елисейские». У меня есть привычка читать книгу с алфавитного указателя. Увидела фамилию: Клепинины, нашла нужную страницу, и читаю, значит, такой пассаж: «В 37-м году убили троцкиста Рейсса». Ну, Игнатий Рейсс никогда не был троцкистом, работал в ВЧК, был в командировке в Швейцарии и отказался вернуться в СССР. В это же время из Парижа неожиданно исчезли супруги Клепинины. Ну, значит, если они не пожелали отдать себя в руки французского правосудия, значит, это они убили, они виноваты. Вот более аргументированных, простите, высказываний мне не попадалось. В том числе и об Эфроне. Недавно в Лондоне вышла книга потрясающего мерзавца Павла Судоплатова, бывшего шефа нашей контрразведки. В ней есть абзац, что долгие годы и десятилетия почему-то считалось, что муж поэта Марины Цветаевой С. Эфрон имел отношение к убийству Рейсса. Это неверно. И далее следует список лиц, которые действительно имели отношение к убийству. Кто-то где-то написал. И писалось это, видимо, небескорыстно, как я теперь понимаю. Надо было действительно отвести внимание французской полиции от истинных виновников убийства, которые в это время находились именно в Париже. И было очень выгодно так спихнуть быстренько из Парижа Клепининых и Эфрона и потом черт-те что писать. А раз уж было известно, что убил Рейсса Эфрон, зачем искать кого-то еще. А поскольку Эфрон рвался на родину, наверняка здесь было еще одно, более существенное: ведь если бы его допросили, он бы объяснил, с кем он имеет дело. За ним ведь никаких грязных дел — у него не было оснований что-то скрывать.

Н.Д. Вы вместе с родителями переехали в Россию?

С.К. Отец ехал вместе с Эфроном через Марсель или через Гавр. Мы с матерью и средним братом приехали поездом чуть-чуть позднее, в октябре 37-го года. Старший брат уже жил в России. Он вернулся, как и Ариадна Эфрон, по линии Союза возвращенных на Родину. Был такой в Париже. Кстати, организовал его С. Эфрон. А Марина Цветаева вернулась значительно позднее, почти два года спустя вместе с сыном.

Н.Д. А вы приехали в Москву? Или сразу в Болшево?

С.К. В Москву, к деду. В Болшево мы попали только через год. К этому времени родители так плотно в этой паутине засели, что они не решали — возвращаться или не возвращаться, они должны были делать то, что им прикажут. У них на беду были

дети. Мы хорошо живем сейчас, нам мозги отшибло, ничего не помним, а в записях Марины Цветаевой есть такая: «Время идет, Муру надо в школу, а в какую, не определено...». Значит, ОНО не определило еще, в какую школу ему идти.

Н.Д. Значит, ОНО определило Вам жить в Болшево?

С.К. Да, ОНО определило, причем, не случайно. Дача эта была построена в 33-м году для некоего Крайского, который на этой же даче был арестован. После него там еще кто-то прожил недолго.

Н.Д. Так же транзитом?

С.К. Точно так же. Мама моя, женщина язвительная, этот дом именовала ДПЗ, что означало дом предварительного заключения.

Н.Д. Вы помните приезд Марины Цветаевой?

С.К. Помню. День был жаркий-жаркий. Это было 19 июня 39-го года. Прежде хочу обратить ваше внимание, что Сергей Яковлевич Эфрон был человеком потрясающе открытым, контактным и добрым. Поэтому все молодые, жившие в этом доме, привыкли висеть на нем гроздьями. Он что-то там, какие-то шарады с нами разыгрывал, какие-то спортивные игры. И поэтому перед приездом Марины Ивановны мама моя собрала нас всех и сказала категорически: «Значит так. Приезжает Марина Ивановна Цветаева. Марина Ивановна очень талантливый, гениальный человек, писатель. Так что запомните, пожалуйста, раз и навсегда: с вопросами не приставайте, под ноги не соваться, на глаза старайтесь попадаться поменьше». Так что наблюдали мы за этим приездом уже, естественно, из углов. Помню, что я была очень удивлена, потому что в моем понимании писатель — это нечто очень уважаемое, такое величественное в те годы. Я еще не была знакома с Союзом советских писателей, слава Богу, это знакомство произошло значительно позднее. Ну вот, приехала женщина, в моем понимании — глубокая старуха, на мои 12 лет. А ей было всего 47. Совсем седая. С таким очень нездоровым, каким-то без румянца, — такое лицо сероватое, немножко землистое. Стройная. Худая. Среднего, чуть, может, даже ниже роста. Молчаливая. Замкнутая. Очень легкой походкой, неслышной вошла на крыльцо, сказала «здравствуйте», прошла в свою комнату и закрыла дверь. Я видела Марину Ивановну в то время, когда она была уже не такой, как раньше. Она-то, вероятно, уже многое знала и подозревала. А уж предчувствовала-то точно. Она писала, что сюда ехать нельзя ни в коем случае, одна из причин ее отъезда в Россию — нельзя же бросать человека в беде. То есть, когда Сергей Яковлевич оказался здесь, для нее это было равносильно беде. Правда, у нее, по сравнению со всеми, было некое преимущество. Она прожила около 4-х лет при этой власти, и была достаточно пронизательным и умным че-

ловеком, чтобы представить себе, что в конечном итоге вырастет из этого зародыша.

Н.Д. А как Вы оказались в музее? Как о Вас узнали?

С.К. Это фантастическая история. Все, что связано с Цветаевой, всегда детектив и всегда фантастика. До 80-х годов о Болшевском периоде почти ничего не было известно. Жила в Болшево на даче — это все. Однажды в Калининград, — Калининград сейчас включает в себя Болшево, — приехала директор Музея Марины Цветаевой в Москве Надежда Ивановна Катаева-Лыткина, читать лекцию о Цветаевой и проронила: «Вот здесь, в Болшево, жила Цветаева». Есть в Болшево такой настырный мужик Юрий Александрович Кошель, которого заело — как это так, а он не знает?! Пошел прочесывать Болшево и, в конце концов, набрел на 3 бывшие дачи НКВД. А в это время издаются воспоминания А.И. Цветаевой в журнале «Москва», попадают мне в руки, и я нахожу в них некие несоответствия с реальностью. И написала я Анастасии Ивановне письмо на адрес редакции журнала. Мы потом много с ней говорили о ее мемуарах, особенно о том, как она написала о Муре, сыне Марины Ивановны. Нельзя так. Он уже не может оправдаться, некому его защитить. Не был он виновен в смерти матери, не надо вешать на парня то, чего не было и в помине. Я говорила Анастасии Ивановне: «Вы же сестра Марины, Вы же придали этому силу документа для читающих». Мур не имел ни малейшего отношения к смерти матери.

А ее, опять же, ОНО самое вело очень аккуратно от самого Парижа до Елабуги и загнало ОНО ее в этот самый последний угол. И оставили ей только одно действие, которое она и совершила...

Написала я письмо, а попало оно к Н.И. Катаевой-Лыткиной. Я вдруг получаю от Надежды Ивановны огромное восторженное письмо: «Вы, оказывается, та самая девочка Софочка!»...

Так я приехала сюда. Повезли меня на эту дачу в Болшево, путешествие было не из приятных. Потом я стала там бывать, потом все как-то так странно закрутилось-завертелось, потом подошел 92-й год, объявленный ЮНЕСКО годом Марины Цветаевой. Горсовет Калининграда, — там попадались милые люди, — в один год открыл сразу три музея. И в моем-то возрасте я вдруг, — мне было неудобно, — переехала в Болшево.

* * *

За 7 лет до своей гибели — еще не в России — Марина Цветаева написала с горечью — может быть, и к нам это обращение!?:

А Бог с вами! Будьте овцами!

Ходите стадами, стаями

Без мечты, без мысли собственной

Вслед Гитлеру или Сталину.

ПОЭТЫ-ПРОРОКИ XX ВЕКА

О пророческих (пророческих) свойствах поэзии было известно ещё в Древней Греции. Аристотель отмечал: «...задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости»[1]. На вопрос: как поэты предвидят будущее? смогут ответить только специалисты — нейрофизиологи, текстологи, футурологи и др. Не ясно: поэты обладают медиумными способностями или само слово (как сакральный элемент) воздействует на будущее? Тактовая частота мозга Homo Sapiens ниже, чем у процессора — она измеряется килогерцами, а у компьютера — гигагерцами и терагерцами. Но при этом мозг работает эффективнее любого пентиума[2]. Почему? Какие сигналы извне он получает? Русская поэзия, в отличие от сомнительной с пророческой точки зрения поэзии Мишеля Нострадамуса доказывает ряд бесспорных, с моей точки зрения, фактов. Поэты предвидят: общественно-политические явления (смену экономических формаций, революции, войны, стихийные катаклизмы и т. д.); судьбы других людей и свои собственные — прежде всего время своего ухода из земной жизни.

Мнение о том, что поэт не просто стихослагатель, но пророк, призванный «глаголом жець сердца людей», бытовало в России ещё в XIX веке. В пользу этого говорили стихи К.И. Рыльева, Ф.И. Глинки, М.Ю. Лермонтова и многих других[3]. И, безусловно, самого А.С. Пушкина, кто первым возвёл в абсолют мнение о том, что поэт является пророком: в стихотворном цикле «Подражание Корану» сформулированы его представления о пророческом даре художника. Поэт-пророк, согласно Пушкину, одарён «могучей властью над умами». Как пишет Л.И. Соболева: «Поэту-пророку внятно всё — «неба содроганье» и «дольной лозы прозябанье», «гром небес» и «жужжанье пчёл над розой алой»; «Пророк воплощает власть духовную — и противопоставлен власти земной»[4]. Определение Л.И. Соболевой можно расширить. Поэт-пророк не только «воплощает власть духовную», не только способен к конкретному приоритетному в личной и общественной жизни, он также имеет особое предназначение быть выразителем духовных чаяний народа, обладая способностью выразить своим творчеством время. В XX веке представление в обществе о пророческих функциях поэта сохранилось. Более того — минувшее столетие явило миру удивительных поэтов-провидцев — В.В. (Велимира) Хлебникова, М.И. Цветаеву, М.А. Волошину, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонта, А.Е. Кручёных, С.А. Есенина[5] и других.

В той или иной мере любой подлинный поэт обладает пророческими возможностями. Начавшийся XXI век — нет сомнений — это подтвердит в полной мере ещё не раз. Мистифицировать (демонизировать) пророчество поэтов не стоит, его следует изучать. Следует хотя бы привлечь к нему внимание, что мы и попытаемся сделать в этой небольшой статье... Одна из основных функций поэзии (и литературы) — коммуникативная. Поэт посылает вербальный мессидж современникам, своему кругу (направлению, течению). Об этом впервые заметил ещё Л.Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?»[6]. Коммуникативную функцию поэзии считали важнейшей В.В. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин и другие выдающиеся учёные, зачастую полемизирующие друг с другом по иным вопросам. М.М. Бахтин подчёркивал: «При высокой художественной культуре и само общество, сама читательская масса естественно и легко совершает перевод своих социальных требований и нужд на имманентный язык поэтического мастерства»[7].

Передача (разными версификационными методами) информации (глобальной или локальной) — магистральная цель поэзии. И эта цель предполагает наличие читателя как со-автора, т. е. сам по себе автор (как творческая единица) не самодостаточен. Профессор В.И. Тюпа писал: «В отечественной культуре первых десятилетий мысль о коммуникативной природе художественного творчества неоднократно развивалась как писателями (О.Э. Мандельштам, Н.С. Гумилёв и др.), так и учёными (М.М. Бахтин, А.И. Белецкий и др.). В настоящее время её можно признать аксиомой современного теоретического знания о литературе, вытекающей из внутренне диалогической природы эстетического переживания как эмоциональной рефлексии.

Следует подчеркнуть при этом, что коммуникативный подход к изучению искусства предполагает не столько возможность общения посредством его произведений (такая возможность была очевидной всегда), сколько неизбежность такого общения. Акту художественного письма изначально присуща неустранимая адресованность»[8]. С поэтами-пророками ситуация в этом смысле особенная. Они посылают мессидж не только современникам, они обращаются к грядущим поколениям, возможно, к иным субстанциям высшего порядка (вопрос о происхождении и природе человека, его постземной жизни до сих пор открыт), как бы информируя космос (ноосферу) о том, что знают. Или — наоборот — «переводя» полученную из ноосферы информацию на общедоступный человеческий язык.

Не случайны в этом смысле слова, например, В.В. Маяковского — «Я к вам приду в коммунистическое далеко»[9]. Невероятным может показаться пророчество К.Д. Бальмонта, написанное о Николае II: «Кто начал царствовать Ходынккой, / Тот кон-

чит, встав на эшафот»[10]. Между тем подобный профетизм, безусловно, в традициях русской классической поэзии. Достаточно вспомнить знаменитые строчки М.Ю. Лермонтова, написанные в 1830 году: «Настанет год, России чёрный год, / Когда царей корона упадёт»[11].

В связи с вышесказанным можно предположить, что поэзии поэтов-пророков свойственна не просто коммуникативная функция, а метакоммуникативная, т. е. всеобъемлющая, рассчитанная на максимально широкую аудиторию, в том числе из будущих (прошедших?) поколений. Метакоммуникация (этот термин мы предлагаем, опираясь во многом на «Философию общего дела» Н.Ф. Федорова[12] и теорию метаметафоры[13] К.А. Кедрова) становится квинтэссенцией стихотворного дискурса, определяет основные векторы письма поэтов-пророков. В этой статье мы расскажем о двух поэтах-пророках, творивших в XX веке, — Велимире Хлебникове и Марине Цветаевой.

К 90-летию со дня смерти В. Хлебникова

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Особняком в ряду поэтов-пророков стоит имя Велимира Хлебникова. И стихи, и статьи, и проза, и драматургия «председателя земного шара» были направлены в будущее, недаром поэт принадлежал к литературному течению футуристов, или будетлян. В стихотворении, датированном 1921 годом, чётко видна позиция автора.

*Люди! Над нашим окном
В завтрашний день
Повесим ковёр кумачовый,
Где были бы имена Платона и Пугачёва.
Пророки, певичы и провидицы!
Глазами великих озёр
Будем смотреть на ковёр,
Чтоб большинству не ошибиться!* [14].

Хлебников точно предсказал дату революции[15] (Маяковский, кстати, ошибся на год), описал архитектуру города будущего — «дворцы-страницы, дворцы-книги, стеклянные развёрнутые книги», архитектуру «стеклянных гладких хат»[16].

Хлебникова неоднозначно воспринимали современники. Его поэзию поняли и приняли ведущие поэты — причём поэты различных направлений: и футуризма, и акмеизма, что само по себе достаточно неожиданно. Положительные отзывы о поэте оставили Д.Д. Бурлюк и В.В. Маяковский, Н.Н. Асеев и А.Е. Кручёных, В.В. Каменский и М.А. Кузьмин, Н.С. Гумилёв и О.Э. Мандельштам. О нём писали восторженные статьи лучшие ли-

тературоведы и критики XX века — Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов...

Однако философские трактаты Хлебникова, как правило, вызвали недоумение. Как писал профессор М.Б. Крепс, «все его теории почти всегда отвергались специалистами как псевдонаучные, однако убедить самого Хлебникова в этом было невозможно, свои утопические взгляды он отстаивал с удивительной твёрдостью...»[17].

Время показало, что во многом он оказался прозорлив. Заслуживает особого внимания работа Хлебникова «Радио будущего»[18]. В ней поэт в деталях — немыслимых для двадцатых годов прошлого столетия! — предвидел появление Интернета, революционное технологическое значение которого трудно переоценить. Поэт писал: «Радио будущего — главное дерево сознания — откроет ведение бесконечных задач и объединит человечество... <..> Вообразим себе главный стан Радио: в воздухе паутина путей, туча молний, то погасающих, то зажигающихся вновь, переносящихся с одного конца здания на другой. <..> Из этой точки земного шара ежесуточно, похожие на весенний пролёт птиц, разносятся стаи вестей из жизни духа... Задача приобщения к единой душе человечества, к единой ежесуточной духовной волне, проносимой над страной каждый день, вполне орошающей страну дождём научных и художественных новостей, — эта задача решена Радио с помощью молнии. На громадных теневых книгах деревень Радио отпечатало сегодня повесть любимого писателя, статью о дробных степенях пространства, описание полётов и новости соседних стран. Каждый читает, что ему любо[19]. <..> игра в шахматы двух людей, находящихся на противоположных точках земного шара, оживлённая беседа человека в Америке с человеком в Европе...»[20]. Очевидно, что Хлебников описывает Интернет, только называет его другим словом, хотя второе название Сети — всемирная паутина, — поэтом названо точно. В своей теории чисел Хлебников вывел магическое число 365. В статье «Наша основа» (глава «Математическое понимание истории. Гамма будетлянина»)[21] поэт писал: «...есть закон рождений подобных (великих. — Е.С.) людей. Он гласит, что луч, гребни волн которого отмечены годом рождения великих людей с одинаковой судьбой, совершает одно своё колебание в 365 лет». И далее Хлебников, изучая биографии выдающихся личностей, выводит законы их появления на Божий свет. Эти законы, пишет поэт-учёный, «дают предвидение будущего не с пеной на устах, как у древних пророков, а при помощи холодного умственного расчёта. Сейчас благодаря находке волны луча рождения не шутя можно сказать, что в таком-то году родится некоторый человек, скажем «некто» с судьбой, похожей на судьбу родившегося за 365 лет до него. Таким образом ме-

няется и наше отношение к смерти: мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия». Хлебников выводит некие временные закономерности, которые во многом определяют судьбу человечества. Он сам себя считал провидцем («Ок! Ок! Я пророк»[22]), его и при жизни, например, в Персии величали «Урус-дервиш».

Его устремления в будущее, вербальная коммуникация с грядущими поколениями путём закодированных и прямых дискурсивных практик дошли до нашего времени. И самое удивительное — поэт в своей палиндромической поэме «Разин» живописал словесную картину своего ухода из жизни.

Горддох, ход дрог.

И лежу. Ужели?[23].

Теперь в деталях известно, как умирал поэт в Нижегородской губернии[24]. И нам остаётся только скорбеть и удивляться пророческому дару поэта.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Вербальная коммуникация с будущим — одна из магистральных поэтических стратегий XX века. Творчество здесь идёт в ногу с шаманскими практиками, спиритическими экзерсисами, наукой (теории о ноосфере и лептоноосфере) и т. д. Футуристичность, таким образом, в какой-то мере приобретает черты поэтического тропа и придаёт тексту особую выразительность и суггестию.

Марина Ивановна Цветаева была подлинным поэтом-пророком. И людей, и события она видела, что называется, насквозь. Всегда интересовалась «запредельными», мистическими явлениями. Анна Саакянц в статье «Поэт и мир» писала: «Она (М.И. Цветаева. — Е.С.) любила гадалок, верила им. Это не было суеверием: это было прозорливостью в самом умном и современном смысле слова. Сегодня «ведьм» (ясновидцев, «экстрасенсов») обоего пола не преследуют, а внемлют им, и наука тшится постичь их дар...»

Поскольку Цветаева знала, что сама несёт в себе это медиумическое начало, знала о своей причастности к мировому непознанному «Нечто», она тянулась постичь это Нечто, прикоснуться к тому, что скрыто «за горизонтом времени и пространства», «там, в поднебесье»[25].

Можно предположить: Цветаева многое (если не всё) *знала* наперёд о своей судьбе. Она с ранних лет, например, была уверена, что станет матерью, родит (в том числе) мальчика. В 1920 году, за пять лет до рождения Георгия Эфрона, она создала провидческий стихотворный шедевр «Сын».

*Так, левою рукой упершись в талью
И ногу выставив вперёд,*

*Стоишь. Глаза блистают сталью,
Не улыбается твой рот.*

Краснее губы и чернее брови

Встречаются, но эта масть!

Светлее солнца! Час не пробил

Руну — под ножницами пасть.

Все женщины тебе целуют руки

И забывают сынобей.

Весь как струна! Славянской скуки

Ни тени — в красоте твоей.

Остолбеневши от такого света,

Я знаю: мой последний час!

И как не умереть поэту,

Когда поэма удалась!

Так, выступив из черноты бессонной

Кремлёвских башенных вершин,

Предстал мне в предрассветном сонме

Тот, кто ещё придет — м о й с ы н.

Пасха. 1920 г.[26].

Одним словом, фразой, стихотворением Цветаева могла определять судьбу человека. Марина Ивановна предвидела в 1916 году трагическую участь поэта О.Э. Мандельштама («Гольми руками возьмут — / ретив! упрямя! — / Криком твоим всю ночь будет край звонок! / Растреплют крылья твои по всем четырём ветрам, / Серафим! — Орлёнок!»), [27] гибель мужа С.Я. Эфрона («Такие — в роковые времена — / Слагают стансы и идут на плаху»)[28]. Мандельштама действительно «взяли гольми руками» и погубили в лагере. Пошел «на плаху» С.Я. Эфрон — его расстреляли как иностранного шпиона в 1941 году. Она предвидела судьбу сына А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилёва — Льва. В цикле «Ахматовой» Цветаева в 1916 году писала: «Рыжий львёныш / С зелёными глазами / Страшное наследье тебе нести!»[29]. Теперь хорошо известно, как сложилась судьба выдающегося учёного Льва Николаевича Гумилёва. Он прошёл фронт, тюрьмы, лагеря... Нёс всю свою жизнь «страшное наследье»... Удивительно и то, что Цветаева сумела дать адекватную оценку собственному творчеству (что у литераторов встречается крайне редко — они либо переоценивают себя, либо, наоборот, недооценивают!).

Цветаева отдавала себе отчёт в масштабе собственного дарования. Свою посмертную славу она предсказала точно и недвусмысленно в стихотворении, написанном в Коктебеле и датированном 1913 годом.

Моим стихам, написанным так рано,

Что и не знала я, что я — поэт,

Сорвавшись, как брызги из фонтана,
 Как искры из ракет,
 Ворвавшись, как маленькие черти,
 В святилище, где сон и фимиам,
 Моим стихам о юности и смерти, —
 Нечитанным стихам! —
 Разбросанным в пыли по магазинам
 (Где их никто не брал и не берёт!),
 Моим стихам, как драгоценным винам,
 Настанет свой черёд [30].

Поразительно написанные в 1932 году «Стихи к сыну», где Марина Ивановна не только предвидела судьбу Георгия Эфрона («Я — с чернозёмным грузом! / Не быть тебе французом»; «Я, что в тебя — всю Русь / Вкачала — как насосом! / Бог видит — побожусь! — / Не будешь ты отбросом / Страны своей»), но и фактически предсказала грандиозные успехи России, в частности, в освоении космоса.

<...> Нас родина не позовет!
 Езжай, мой сын, домой — вперёд —
 В свой край, в свой век, в свой час, — от нас
 В Россию — вас, в Россию — масс,
 В наш-час — страну! в сей-час — страну!
 В на-Марс — страну! в без-нас — страну! [31].

Цветаева была, как это ни удивительно, весьма прозорлива в политике, её оценки происходящего накануне и во время Второй мировой войны не могут не удивлять. Например, в стихотворении «Март» она поэтическими средствами дала решительный отпор немецкому фашизму, захватившему Вену и Прагу. Ещё в 1939 году она предвидела неизбежную битву гитлеровской Германии с советской Россией. Сомнений в том, что оккупанты будут наказаны за совершенное «злое дело» и «Пражскую обиду», у неё не возникало.

<...> Злое дело не нашло
 Пули: дули пражской.
 Прага — что! и Вена — что!
 На Москву — отважся!
 Отольются — чешский дождь,
 Пражская обида.
 — Вспомни, вспомни, вспомни, вождь. —
 Мартовские Иды! [32].

Цветаева до нюансов предсказала свою собственную трагическую судьбу — «Так вдвоём и канем в ночь: / Одноколыбельники» [33]. Это стихотворение посвящено ее мужу С.Я. Эфрону. Они оба погибли в 1941 году... В смерти Марины Ивановны много загадок. Например, известный цветаевед Генрих Горчаков [34] не исключает, что ее убийство организовал НКВД. Трагическая фигура Марины Цветаевой, её пронзительные стихи

ещё раз напоминают нам о пророческих функциях поэтов. Каким образом они получают сакральные знания — наука пока ответить не может. Но то, что эти знания поэтам доступны, — факт очевидный. XX век дал русской литературе немало поэтов-пророков. В этой небольшой статье мы рассказали только о двух из них.

[1] Аристотель. Т. 4. Поэтика. Пер. М.Л. Гаспарова, с. 655.

[2] См. об этом, в частности, в интервью директора Института мозга человека Святослава Медведева, «Гениальность — поломка мозга», АиФ, № 46 (1463) 12-18 ноября 2008, с. 67.

[3] См. об этом, например, в: Евгений Степанов. «Поэты-пророки», «Футурум АРТ», № 1, 2001, с. 57-64.

[4] Соболева Л.И. Цит. по предисловию к книге: Александр Сергеевич Пушкин, Избранные сочинения, М., «Художественная литература», 1990, С. 11.

[5] Подробнее об этом в: Евгений Степанов, «Есенин и Рубцов: жгучая, смертная связь» (рукопись).

[6] Толстой Л.Н. Что такое искусство.: [Статьи, письма, дневники] [Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Основина]; М., «Современник», 1985, С. 355.

[7] Бахтин М.М. «Формальный метод в литературоведении», изд-во «Серебряный век», Нью-Йорк, 1982. С. 53.

[8] Тюпа В.И. «Художественный дискурс: (Введение в теорию литературы)». — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 53.

[9] Маяковский В.В. Поэма «Во весь голос», сайт <http://www.litera.ru/stixiya/authors/mayakovskij/uvazhaemye-tovarischi-potomki.html>.

[10] Бальмонт К.Д. Сайт поэтот Московского университета, <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/balmont/verses.htm>.

[11] Лермонтов М.Ю. «Предсказание», сайт <http://www.stibi-rus.ru/1/Lermontov/95.htm>.

[12] См: Федоров Николай. «Философия общего дела», М., «Эксмо», 2008.

[13] См. книги Кедрова К.А.: Константин Кедров. «Метакод и метаметафора», «ДООС», Издание Елены Пахомовой, М., 1999; Константин Кедров. «Ангельская поэтика», Учебное пособие Академии поэтов и философов Университета Наталии Нестеровой, М., Университет Наталии Нестеровой, 2002.

[14] Хлебников Велимир. «Творения». — М.: «Сов. писатель», 1986. С. 132.

[15] См., в частности, воспоминания Виктора Шкловского: Шкловский В.Б. «Гамбургский счёт». Лимбус Пресс. С. 437.

[16] Хлебников В. «Творения». — М.: «Сов. писатель», 1986. С. 120.

[17] Крепс М. «Поэзия Велимира Хлебникова» (рукопись).

[18] Хлебников В. «Творения». — М.: Сов. пис. 1986. С. 637-640.

- [19] Там же. С. 637.
 [20] Там же. С. 638.
 [21] Там же. С. 629.
 [22] Там же. С. 148.
 [23] Впервые на эти пророческие строки Велимира Хлебникова обратил внимание Сергей Бирюков. См.: Бирюков С.Е., «РОКУ УКОР. Поэтические начала»; М., РГГУ; 2003, С. 164.
 [24] Описание последних дней В. Хлебникова см., в частности, в: Эдвард Радзинский. «Пророки и безумцы», М., «Вагриус», 1999. С. 236-238.
 [25] Саакянц А. «Поэт. мир», сайт «Комсомольской правды» <http://www.km.ru>.
 [26] Цветаева М.И., сайт <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/stibi/all/stib-618.htm>.
 [27] Цветаева Марина Ивановна, сайт <http://lib.udm.ru/lib/ROEZIQ/CWETAEWA/wersty.txt>.
 [28] Цветаева М.И., сайт <http://www.klassika.ru/stibi/cvetaeva/ya-s-vuzovom.html>.
 [29] Цветаева М. Стихотворения. Татар.. кн. Изд-во, 1984. С. 62.
 [30] Там же. С. 8.
 [31] Там же. С. 208-211.
 [32] Там же. С. 256, 257
 [33] Цветаева М.И. Сайт <http://bookz.ru/authors/cvetaeva-marina/zvetaevamar01/page-27-zvetaevamar01.html>.
 [34] Горчаков Генрих. Неизвестная Цветаева. Сайт <http://prstr.narod.ru/texts/num0803/gor0803.bt>

Наталья РУБИНСКАЯ, заслуженный работник культуры
Российской Федерации

ЛЮБОВЬ ОТКРЫВАЕТ СУЩНОСТЬ

«Будьте к себе безжалостны, как Марина —
и тогда вырастает настоящим поэтом и человеком».

Анастасия Цветаева

Кто из нас не плакал над судьбами пророков, земные нити коих были прерваны несправедным судом, побиванием камнями, заключением в темницы? Столько живоносных книг спалено инквизицией всех времен! И самих проповедников — на медленном огне: так жгли русского протопопа, неистового Аввакума, и римскую патрицианку именем Воскресшая. (Resurrecta: воскресшая из мертвых. Она, подобно галилейскому провозвестнику любви, останавливала бурю; столь же нерушимо служила Сущему на небесах, поработая себя ближним). Подвиг Аввакума Петрова — наш церковный рас-

кол, XVII век. Подвиг Анастасии — пик гонений на христиан, конец IV века. На исходе же века девятнадцатого в проявленный мир пришла другая Анастасия, а может, все та же — Воскресшая.

«Любовь открывает человека», —

скажет она. Разгадка замыслов Творца. — Не этим ли шеле-стенным крыл в сквозных полетах духа творящего вызвалась к жизни Анастасия? В царевом, на сей раз, бедом каменном граде, в искушенной и наивной Москве ампирных особняков. Все сюжеты Анастасии Цветаевой — от сказочного детства до христианского универсума — как отпечатанный с ходу беловик. Весь антураж ее бытия — и прихотливая многозначная витальность, и парадоксальность восприятий, оценок, и вечный контрапункт их с Мариной натур — как стройный свод законов, некий формобразующий эдикт. Недаром кумиры разных ее периодов — Бюффон и Ибсен, Тициан и Гёте, Веронезе и Соломон Ван Рейсдаль, Лермонтов и Ван Гог...

Обе Цветаевы чужды земным мерам, как и меркам людским. Их ключевая черта — непомерность, бескрайность. А формула экзистенции: любовь. Они были неразлучимые «полублизнецы». Два безумно похожих и безупречно различных моду-са творения Господня.

Просочившаяся в провинцию околотитературная байка гласит: «Анастасия завидовала сестре и всю жизнь с ней соревновалась». В доказательство приводится такая, скажем *fabula*: некто от театра пришел к А. И. в гости, перекрестился на иконы, а потом на Маринин портрет. А. И. его выругала и выгнала. Дивное вранье! Случайные деятели если и попадали на Б. Спасскую, то вели себя соразмерно, т. е. согласно духу дома. Втершиеся еретики тоже старались мимикрировать. Описанный адепт, алчущий пира духа, если и поерничал, то, безусловно, был препровожден в этическую норму, напоен чаем и с благословением отпущен. Вернее же всего, что никакой эстэ-дэшник, даже бы и попавший в заветную квартиру, икон не увидел. Ибо вся Асина иконография помещалась не снаружи, а внутри — в интимном пространстве алькова, в строгой отгородке молящейся далеко за полночь праведницы от мира широких масс в искусстве (в комнатке на Горького, до 1979 года, это был шкаф, спина которого, повернута к кровати, служила иконостасом, а в последней квартире до 1993 года все иконы помещались за ширмой. На твой же глупый вопрос — почему так? — она отвечала: «Чтобы не дразнить гусей»). Хотя выходы из масс-культуры и могли знать о безбожном поступке юной Марины, когда она вставила в киот образ своего кумира и чузь ли не замахнулась на возразившего отца. Как и о

прочих грешных чувствах, опусах и проступках М. Ц., из чего может вывестись демонское искушение помолиться не туда. Но, поскольку Анастасия Марине не завидовала, а горячо и с болью любила, молилась об упокоении ее души (и помогла спасению оной!), хлопотала — единственная из всех — об установлении памятника — памяти на земле, как и о прочих Марининых делах, то ей легко было простить такому гостю — твердоию безверия, фальшивый жест: за — Марину — против — Бога.

Будучи и двойником, и alter ego сестры, она всегда осуществляла духовную поддержку Марины. В детстве они часто одновременно произносили одни и те же слова. В юности везде читали Цветаеву-старшую вдвоем, в унисон, при полном согласии тембров, фразировки, динамики. Оказавшись же без Марины, Анастасия с ревностью о Поэте вслушивалась в чтение других и часто входила в чужое исполнение, выправляя интонацию. Воистину младшая, оставшись одна, все вторые свои полвека посвятила прославлению старшей, доказав с ней свою неразлучность, по слову самой Марины.

«Я скромный летописец, — говорит Ася. — Описываю, что вижу. Маринина проза — горный водопад, а моя — равнинная речка». Вспомним «Сжатую прозу»:

«У Марины — острый ум. У меня — восторженный. Марина — гений. А я просто талантливый человек, каких много». И, в виде сноски: «Но мой восторженный тоже тяжел моему организму, как гений — Марине...».

«Год перевалился с одного бока на другой», — говорила она. «Память пребывает вовек», говорила она. «Моя старость парит над всеми нами», говорила она.

«...А вообще надо давать любовь, а не брать ее из людей, как молоко из коровы», — так говорила наша Асенька. Но и этот пассаж тоже из-под ее пера: «Самая большая фантазмагория — это жизнь. Надо успеть ухватить ее за хвост».

В натуре этого превосходного мемуариста, глубокого психолога, было много игры. Ведь метафоричность стала как условием ее бытия, так и принципом творчества. Ее герои, будучи почти стихиями, зовутся то Леди Макбет, то Дамой Пик, то Коломбиной, то Далай-Ламой; Кай и Герда, Адам и Ева, Дафнис и Хлоя, Гюльбрандт и Ундина живут в ее стихах. Как и у старшей — Коринна, Психея, Кармен. И надо всеми лейтмотив: «Фата-моргана»...

Драмы своих героинь она не примеряет. Просто пребывает в них. Это в стихах. Она писала их только в лагерные годы, и они сильно трансмутировали: из романтизма к такому, например, образу 43 года:

*Недолго нам от вечности таиться,
Запятав голову под смертное крыло, —*

*Настанет час души! И вещей птицей —
Бессмертия живой воды напиться:*

Из мрака тела — в дух, где тихо и светло!

Позже, во времена ее поселения «навечно», лежащие «в памяти не темной, а светлой глыбой», насобирались роскошные и трагические были о странных людях, чудесных зверях и детях. Там голоса стада звучали «сельским вечерним оркестром». Там жили, «прижимаясь к людской жизни» и стыдясь своей «робкой инвалидности», гадкий гусенок и бабка, «похожая на корешок женьшеня». Две сироты в жестокой поднебесной жизни, не успели мы ими налюбоваться, их пожалеть, уже сражены: казнен очеловеченный волею автора Тега, гонима из зятёва дома бабушка. Но нет в тоне писательницы осуждения. Даже для вероломных и живодеров не находится у нее ненависти. Она их прощает. Ибо дальше — суд не-наш. Анастасии ждут милости, а не жертвы.

«Любовь открывает сущность»

О фамильной самовзыскательности Цветаевых известно. Анастасия в требованиях к себе и самоукорениии (особенно это видно по сибирским рассказам: почти в каждом — беспощадные разоблачения в себе малейших проявления слабости, лени, невнимания к существу) доходит до самобичевания. Непрерывное покаяние, смирение освобождало ее от власти зла, потому она всегда пребывала в радости и чистом покое. Марина — другая. Святой Дух многого не мог ей подарить. Хотя и ей пригodiлось аскетическое самоограничение их детства, когда сестры приучались довольствоваться малым. «Будьте к себе безжалостны, как Марина — и тогда вырастете настоящим поэтом и человеком», не устаёт повторять нам в письмах Анастасия Ивановна.

Рискую быть плохо понятой, но: многие страсти бледнеют перед иными коллизиями «Непостижимых» и «Сибири»!...Одинаковый мастер формы и нюанса, Анастасия Цветаева своими творениями опрокидывает всякую константность. Здесь ее владение разнотембровой интонацией безупречно. Порой философски одарённое перо её, забыв себя, становится простым художником. Бутоны роз? — «Вспыхнули, как белые мотыльки, на ветки присевшие, - белые крылышки, в отваге и спешке — раскрыться». Сирени, шиповник, жасмины, пион? — их «расцветание неостановимо». А потом — редуют кусты «с тем же правом на доцветание, праздничное, блаженное, как когда создавался мир». Малинник? — «Мелкокудрявые зелёные волны, игралище ветра». Но это уже — Кясму, её «личная Эстония», 80-е годы. Стиль Анастасии перечёркивает шаблоны, матрицы. Её текстуальные, как, впрочем (и даже

в особенности!), разговорные модуляции свидетельствуют о редкой филологической одарённости. Оттого там, где Маруся Волошина, пережившая своего поэта на полвека, «уютно и пагубно вслушивалась в усталость», Ася «стояла, статуя послушания». Ведь ей самой редко приходилось праздновать «царственное старческое одиночество»... Никаких привычных категорий! Всё под знаком струения, обновления. Всё в развитии, а если в структуре, то — игры. Темпоритм этой, равной лишь Прусту и — частью Шмелеву, прозы, как и самые заветные тембры, окликаются тончайшими мерцаниями души. Лютой зимой, чтоб не заснуть — не сгореть в чужой избушке, она устно переводит на русский своих английских «Близнецов» о Дж. Конраде и Ал. Грине. А весной, когда страх пожара минует, она вторую — новую — часть поэмы переводит уже на английский. Недаром известный любовью к неподдельному Горький оценил этот дар, страстно ожидая продолжения её творчества. Ведь «чувство дружества ко всем явлениям, с которыми сшибает день» (А. И.), было у них общим. И уж не от него ли, говаривавшего: «Столько на свете замечательного, и вдруг я, Алексей Максимов, чего — то знать не буду», это вечное детское любопытство у (в разные годы общения нашей семьи с ней) 69 — 79 — 89 — 99 — летней Цветаевой — младшей!

Её простодушные, но часто провидческие вопросы завораживали своей глубиной. Её равно интересовали и лингвистические дебри знаменитого философа, и светоносная лексика поэта — младенца. Это было примерно то же, как кормить друг друга Пастернака одной похлёбкой с безродным нищим. Безмерное любознание, острый интерес к явлениям текущего, как и бывшего, времени роднит её со столь же яркой и противоречивой в чертах характера знаменитостью XVIII века Дашковой, первым президентом Российской академии наук. Те же талант, сиротство, вдовство, немилость, ссылки... Тот же мощный творческий темперамент, вырастивший «русскую женскую личность», по Герцену. Ни налёта бомондности, ни пристрастия к патриархальности — один голый творческий дух. Волю к созиданию, мощный реалистический дар несёт Цветаева — младшая от первых романов — «Королевские размышления», «Дым, дым и дым», — изданных в ранней юности, через ставшие бестселлером «Воспоминания», «Апог» — до последних эссе книги «Неисчерпаемое». Это портреты «давно прошедших людей» и наших современников — Мариэтты Шагинян, Марии Юдиной, Анны Герман, Мариан Андерсон... Собственно, вся ее так называемая проза есть одна бесконечно разворачивающаяся сквозная метафора. Таким образом, ее мирознание, да и творческий метод, можно отнести к разряду поэтического. «Цар-

ством метаморфоз», переключаясь с ней самой, назовем мы творчество Анастасии Цветаевой. Не забудем при этом, что ее собеседниками из вечности были и Вордсворд, и Карлейль (кстати, она очень красиво транспонировала имена своих любимцев, произнося их так: Карлайль, или Рюисдаль, или Чюрлянис). А друзьями и духовными опекунами — «священные чудовища» вроде Николая Бердяева, Василия Розанова или Льва Шестова.

И вот, почти в свои сто лет, писательница создает шедевр о «Грандиозном дивертисменте». С одной стороны, это притча. С другой — воспоминания о смене власти на юге России в гражданскую войну. Лаконичная скупая проза, с рефреном-лейтмотивом в духе Гамсуна: «Разве кто-нибудь знает будущее? Будущего не знает никто». Непривычная для автора форма повествования от третьего лица объясняется тем, что Анастасия всегда совершала характерные для нее подвиги духа, рискуя жизнью «во имя». Вот так же точно неполитичная Марина идет к Луначарскому и добывается помощи Кремля для голодающих писателей Крыма.

А в постреволюционной Феодосии под щедрым пером Цветаевой-живописца «жерло пожара зажжено заходящим солнцем, и море полыхает разбившимся зеркалом, расплескивая до горизонта закат».

«Насыщенная электричеством памяти» — отзывалась об этой прозе Павел Антокольский. В отдельном ряду стоят особого накала эзотерические рассказы. Книга 1991 года носит название «О чудесах и чудесном». Тут нужно сказать, что мистика чисел, знаков и совпадений была её обыденностью. Чудеса она сама для себя заказывала, вплоть до даты. И Божья милость являлась ей, проникнутой верой в благодать: чудо происходило. Такими случаями прямо таки усыпаны ее книги — сверхнормальными явлениями, щедро одобрявшими их с Мариной и ближайшей родни путь. Часто упоминала о своем интересе в юности к Каббале, тайнознанию древних.

Обо многих вещах она высказывалась в духе фаблю. О своих же тюрьмах — лагерях в доперестроечные годы говорила «там», «среди моих приключений», «в годы моего исчезновения»... Позже стала называть все своими именами. Помню рассказ о «зэчках», чьи разработки с драками она прекращала, порою вставая между, яростных, них. Под табурет, например, подставляя, свою светлую голову. Подвиги бесстрашия, как и подвиги обета воздержания, плотской аскезы, неедения животной пищи, она несла со своих двадцати восьми — семь десятков лет, до конца жизни. Ее духовник, протоиерей, отец Александр, считает, что это уже настоящее монашество, хотя и без пострига.

«Только в мире, где возможно страдание, человеческие суще-

ства познают глубину и высоту любви, и познают смысл жизни», — пишет он в одном из трудов, и слова эти по праву можно отнести к его духовной дочери Анастасии.

«Возлюбим свет, чтобы стать детьми света».

*На воск румянец весь переведен
и золото волос — на серебристый
источник света; детский рот сведен
и в линзах —
две рождественские искры.*

(Стихи автора. — Н. Р.)

Мудрость небожителей, тихое торжество богопросвещенности сияли на ее челе, обрамленном шелковыми, всегда вразлет, седыми прядками. Сила духа вывела ее из тюремных, ссыльных лет победительницей. Из камер, где на 40 мест приходилось 170 заключенных женщин. Из схватки насмерть уголовниц, разнимаемой ее словом. С допросов, откуда выходила как эллинская мученица от жреца, игемона и кесаря — несокрушенной. Ибо всю жизнь руководствовались обе Анастасии верою да надеждою. И любили: Бога и человека.

«Любовь открывает человека»

Эти слова Анастасии Ивановны подтверждены ее житием. Ведь все, что окружало ее, ее друзей, а часто также посторонних, входило в круг ее любования и сочувствия — любви. Большая часть земного ее времени шла на поиски врачей, лекарств, устройство консультаций, укладки в больницы, помощь в питании для родных душ и для едва знакомых. Может быть, из-за своей нужности людям Анастасия так и не ушла в монахини, в места своей любимой блаженной Евфросиньи, старицы, прожившей 120 лет и чудесным образом помогавшей Цветаевой в ее мытарствах. Явно схожи их жизни. Обе их ждала блестящая женская карьера, высокое образование, светская жизнь. Обе затем, пройдя жесткую школу лишений, мужественно несли мученическое бытие, творя свой идеал. Одна в подаренной избе посеяла корову, а сама ушла в худую хижину. Другая жила «в построенной из конюшенки избушке». Одна в уже 100 лет своими руками вырыла колодезь с лечебной водой. Вторая близко к 100 годам ездила в Пюхтицкий монастырь, на райский остров, где в XVI веке видели Богородицу, окуналась в ледяную святую воду и — простите за сей троп — сама становилась святым источником. Обе были сокрушительно нежны ко всему живому, творили чудеса и... несли подвиг юродства. То есть с радостью принимали на себя скорби и бесчестья, скрывали величие своего духа, любили всех и с кротостью каждому служили. Вот она называет себя Молодой старухой 70-ти лет, а вот уже

и Старой старухой 95-ти. В лагерях же, бывало, звали ее то «нашей игуменьей», то «Марфой — Посадницей». А ведь там, в Москве, разокрали, разметали по ветру целый сундучок ее рукописей-романов, сказок, повестей. Так сгнули книги о Горьком, о Звонаре, блестяще переведенный «непереводимый» Томас Карлейль. И ведь, возможно, даже не за поездку в Сорренто к М. Горькому она арестована, а за этого самого певца героев — Т. Карлейля, столь не современного для сталинской эпохи массовости, что даже и очень опасного? Она на мои раздумья тихо смеется и, указывая на чей-то натюр-морт, трансформирует его в «морг натур».

...А жилища одной из всех Цветаевых выжившей — Анастасии — были и гнездом, и бердужкой одновременно. Как сама она была и птицей, и Паркой, «следящей за нитью дней».

Лёгкое, стремительное — то, что звала в других «грацией старости», было в её облике главным до конца. Вот она, закончив перевод текста о святой Бернадетте, вспархивает к окошку и зовёт своих голубей ласковой песенкой. А вот уже надписывает конверт. Наш тон и переписка вне комплиментарности, она мне часто выговаривает, но уже даёт уроки ремесла моему сыну («Вы с ним — одна душа») и по-прежнему делится горем и радостью о своих внучках, правнучках, сыне Андреюшке. И письма ее всегда много больше обычного содержания — житейского, литературного, исторического. В них, при мощном поле любви, некий иной модус оптимизма, не нашего, сфера не ее — Божьих наказов и упований.

Перо А. И. фокусирует главное: «Никогда» — «навек». Какие слова нам были даны в жизни — разве это не есть разминовение с Жизнью? встреча с Вечностью?». И уж, конечно, твой новый адрес в момент отзывается в ней формулой: «17? 17 — понятием древним — счастливое число. Вы и будете счастливы!». Посему, для нее произвольно, а у проведения закономерно, ее житейское (поступки), равное жизненному (принципы), становились уроками.

Учительство Цветаевых — отдельная большая тема. Могу свидетельствовать, что ушибленных магией их присутствие на земле, их творений, абсолюта личности — легион.

...Когда наш общий друг Глебушка сделал ставший последним снимок вдовы Максимилиана Волошина, Асенька заметила, что в ее 90-летней улыбке есть негa и есть отвага, трудно сходящиеся «в улыбке прощания и прощения». Сама Асенька улыбалась всем в жизни и всей жизни. Приласкала, обогрела, накормила за свои 100 лет — столько! Потому-то в Рождество, как и при ней, все собираются у ее елочки на Большой Спасской, и она улыбается нам с портрета и с небес. Мы счастливы.

«А метель все метет по земле и замечает путь...».

К 120-летию Михаила Булгакова

Анатолий ГОЛУБЕВ

ПОЕДИНОК. «ДУЭЛЬ М. БУЛГАКОВ И СТАЛИНА

(Окончание, начало в «Словесности 2011»)

Иосиф Сталин был, конечно, мастером. Непревзойденным мастером политической интриги и игры судьбами людей. Понять психологическую подоплеку его поступков не так-то легко. Можно только делать предположения. И в данном случае ситуация может быть интерпретирована следующим образом. Имеется писатель и драматург, которого вождь определенно ценит. Конечно, пишет он не так, как другие, не восхваляет коммунистическую власть. Конечно, можно подвергнуть его репрессиям или даже «изгнать» из страны, как он просит. Но тогда уже невозможно будет ставить его пьесы, в том числе и «Дни Турбиных», которая просто магически действовала на Сталина (он однажды сказал Хмелеву, исполнявшему роль Алексея Турбина: «Я даже видел вас во сне, с подбритыми усиками...»). Нет, здесь более уместен не кнут, а пряник. Сталин прекрасно знал, в каком состоянии сейчас Булгаков. Но решил выждать. Посмотрим, как он поведет себя дальше, какой сделает ход.

Поединок начался.

...Прождав более полугодя и не получив ответа, Булгаков решается на отчаянный и рискованный шаг. В конце марта 1930 года он пишет письмо, известное как «Письмо Правительству СССР». Точнее говоря, было написано три одинаковых письма, разосланных по трем адресам: Сталину, в ОГПУ и в Главискусство (Феликсу Кону). Текст начинается следующим образом: «После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет. Сочинить “коммунистическую пьесу”, а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом. <...> Этому совету я не послушался».

Далее писатель обосновывает свою невозможность служить коммунистическому режиму. И кульминация, написанная главными буквами: «Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ».

Видимо, понимая, что эта фраза звучит чрезмерно резко и требовательно, автор в следующей же строчке снижает тон до просительного: «Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу».

Казалось бы, все сказано, и можно поставить точку. Но Булгаков подсознательно чувствует, что написанное вызовет только ярость и раздражение у властей, и никуда его не выпустят. Предвидя такой вариант, он добавляет к тексту заключительную часть, которая, в сущности, перечеркивает все письмо. Он как бы идет на попятную, чтобы спасти себя от гибели в случае отказа. А именно, он пишет: «Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера. <...>».

Если меня не назначат режиссером, я прошу на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошу на должность рабочего сцены.

Какова же была реакция на этот пронзительный документ?

Три адресата отреагировали совершенно по-разному. Ф.Кон (Главискусство) наложил убийственную резолюцию: «Ввиду недопустимого тона оставить письмо без рассмотрения». Резолюция Г.Ягоды (ОГПУ), датированная 12-м апреля, была абсолютно неожиданной: «Надо дать ему возможность работать, где он хочет». В чем причина такой благосклонности человека, внесшего когда-то Булгакова в черный список? Трудно предположить, что он написал это, не посоветовавшись предварительно со Сталиным, которого смертельно боялся. Но самое интересное, конечно, — это реакция самого Сталина.

В ответ на письмо Булгакова вождь делает сногсшибательный и точно рассчитанный ход. 18 апреля 1930 года он собственноручно звонит Булгакову домой.

Этот эпизод многократно описан в литературе с некоторыми несущественными разночтениями. Большинство повторов приводят его по дневнику Е.С.Булгаковой. В нашем повествовании он открывает вторую картину второго действия.

...Итак, 18 апреля. В квартире Булгакова раздается телефонный звонок. Писатель берет трубку.

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, это я.

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

— Что? Сталин? Сталин?

Нет, это мистификация, розыгрыш, подумал Булгаков. (В некоторых источниках утверждается, что он даже повесил трубку, но через минуту ему опять позвонили: «С вами будет говорить товарищ Сталин. Не вешайте трубку»).

Через минуту Булгаков услышал голос с явным грузинским акцентом:

— Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков.

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете

по нему благоприятный ответ иметь. А может быть, правда — отпустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?

Булгаков растерялся. Он совершенно не ожидал подобного вопроса, да еще так сформулированного. После небольшой паузы он сказал: — Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами...

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить.

— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю вам всего хорошего.

...Булгаков потрясен. Сам Сталин отнесся к нему тепло и благожелательно, вернул ему работу (нечего и говорить, что Булгакова тут же приняли в Художественный театр на должность ассистента режиссера), обещал встретиться... Этой встречи Булгаков будет ждать всю жизнь, но так и не дожидается. Однако сейчас Михаил Афанасьевич этого не знает. Он окрылен беседой с вождем, всем о ней рассказывает, надеется, что Сталин будет его «первым читателем», единственным цензором... Напрашивается явная параллель с ситуацией «Пушкин и Николай I». Булгаков пишет несколько писем Сталину. Материальное положение писателя все еще крайне тяжелое, и через две с половиной недели после телефонного звонка, 5 мая 1930 года, Булгаков отправляет вождю первое письмо.

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Я не позволил бы себе беспокоить Вас письмом, если бы меня не заставляла сделать это бедность. Я прошу Вас, если это возможно, принять меня в первой половине мая. Средств к спасению у меня не имеется.

Уважающий Вас Михаил Булгаков».

Но Сталин ему не отвечает. Напрасно Булгаков напоминает ему в одном из писем: «...хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам... Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти». Сталин не отвечает. Булгаков в недоумении. Как же так, ведь он обещал... Литературно-театральные дела Булгакова постепенно налаживаются; разрешаются к постановке (видимо, по звонку сверху) инсценированные Булгаковым «Мертвые души» Гоголя, на сцене МХАТ возобновляется пьеса «Дни Турбиных» — по прямому указанию Сталина. Но после того звонка Иосиф Виссарионович упорно не отвечает на письма Булгакова. Почему?

Некоторые авторы высказывают такую версию: сталинского звонка могло и не быть, если бы 14 апреля 1930 года не закончил с собой Маяковский. И Сталину могла придти в голову мысль: а что, если и Булгаков?.. Поэтому он и позвонил. Эта версия кажется нам довольно искусственной. Сталин понимал, что Булгаков мог быть опасным, но мог стать и полезным, и следует его поддержать, дать ему надежду, что и было сделано. А дальше... В планы вождя не входило *приблизить к себе* писателя. Но Булгаков просил просто о встрече, причем, если верить записи в дневнике Е.С. Булгаковой, Сталин *первым* предложил встретиться и поговорить. Из того же дневника: «Но встречи не было. И всю жизнь М.А. задавал мне один и тот же вопрос: почему Сталин раздумал? И всегда я отвечала одно и то же: а о чем он мог бы с тобой говорить? Ведь он прекрасно понимал, что разговор будет не о квартире, не о деньгах, - разговор пойдет о свободе слова, о цензуре, о возможности художника писать о том, что его интересует. А что он будет отвечать на это?» Это был поединок двух «демиургов», и Сталин, позвонив Булгакову и затем уклоняясь от контактов, сделал свой единственный и психологически точный «выстрел».

...Не получая ответа, Булгаков сосредотачивается на другой мысли. Он просит Сталина отпустить его за границу — ненадолго, в командировку. «Мне нужно видеть свет, — пишет он, — и, увидев его, вернуться... Я не возможен ни на какой другой земле, кроме своей...». Тем временем происходит изменение в его личной жизни: в октябре 1932 года он разводится с Л.Е. Белозерской и регистрирует брак с Еленой Сергеевной Шиловской, работавшей некоторое время его секретаршей. При этом Елена Сергеевна оставляет мужа и двух сыновей.

...Последняя, третья картина второго действия. Москва, первая половина 30-х годов. Бравурная, ликующая музыка. Песни о Сталине, об ударных комсомольских стройках. Нескончаемые лозунги и призывы. «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина»... «Пятилетку — в четыре года»... Чугунно-стальная поступь социализма напоминает тяжелые шаги Командора — Каменного гостя, пришедшего на одну шестую часть света.

А в стране происходит что-то необъяснимое. Нескончаемой чередой идут аресты, судебные процессы. Сносят храм Христа-Спасителя. Страх расплозается по Москве. Булгаков сжигает часть романа о дьяволе (будущий «Мастер и Маргарита»). Наступает 1934 год. Булгакова охватывает тоска, он уже не ждет ничего хорошего. И вдруг...

Он получает известие о разрешении поездки за границу. Ему с женой предлагают явиться в иностранный отдел Моссовета — заполнить необходимые бумаги. И хандру снимает как рукой. «Значит, я не узник! — ликующе восклицает он. — Значит, уви-

жу свет!» Счастливые супруги заполняют анкеты, перебрасываясь веселыми репликами.

Чиновник, перед которым лежат их паспорта, смотрит на часы. «Извините, рабочий день закончился. Приходите завтра». Ну что ж, завтра так завтра. На следующий день им говорят, что все будет готово через день. Через день: паспорта получите завтра. Но проходит завтра и еще завтра, и еще... Каждый день они слышат это слово: завтра. И Булгаков понимает, что их просто дурачат. «Мы перестали ходить», — вспоминает Елена Сергеевна. А через несколько дней курьер привез во МХАТ кучу загранпаспортов. Раздал их артистам, а Булгаковы получили бумажки с отказом.

Это был подлый удар по появившимся надеждам, удар жестокий и издевательский. И опять он пишет Сталину. Рассказывает о том, как с ним поступили, просит защиты. И опять не получает ответа. Можно с большой долей вероятности предположить, что вождь был против выезда Булгакова. Возможно, опасался его невозвращения. Но возможно и другое. Булгаков, получив весть о разрешении, уже строил планы, как он по возвращении напишет книгу путевых очерков о поездке в Париж, о путешествии по Европе. И Сталин не без основания полагал, что вряд ли в этой книге будет показан «зверинный оскал капитализма».

...И тут Булгакова пронзает мысль: в том единственном разговоре со Сталиным он, Булгаков, совершил непоправимую ошибку. «А может быть, правда — отпустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?». Эти слова жгут Булгакова, как огонь. Да, он тогда просто струсил. Надо было использовать этот шанс. Недаром он впоследствии скажет устами Воланда, что трусость — самый тяжкий порок.

Надо, однако, сказать, что если бы он не «струсил» и вежливо, но решительно и твердо попросил Сталина отпустить его, то вовсе не факт, что это произошло бы. Ведь когда Булгаков уже после разговора, в письмах, просил о выезде (с возвращением), Сталин вообще не отвечал. Искусством лицедейства отец народов владел виртуозно.

Отметим еще одно обстоятельство. Все это верно, но при условии, что разговор со Сталиным описан Е.С. Булгаковой *совершенно точно*. Однако она не присутствовала при разговоре, записав его со слов взволнованно рассказывавшего об этом Булгакова. А присутствовала Л.Е. Белозерская, и ее изложение (в мемуарах «О, мед воспоминаний», 1969) несколько отличается от записанного Е.С. В частности, она пишет: «На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явным грузинским акцентом и себя называл в третьем лице. “Сталин получил, Сталин прочел...” Он предложил Булгакову: “Может быть, вы хотите уехать за границу?”. Но Михаил Афанасьевич пред-

почел остаться в Союзе».

Как видим, здесь нет ни слова о прямо высказанном желании Сталина встретиться с писателем для беседы. Ничего не говорится об этом и в мемуарах американского дипломата Чарльза Боолена (работавшего в 30-е годы в посольстве США в Москве), с которым Булгаков подружился и рассказал ему о сталинском звонке.

Эти разночтения говорят о том, что действительное содержание беседы установить практически невозможно. Вот если бы она записывалась на магнитофон (которого в те времена еще не было)...

Но вернемся к реальным событиям. Итак, Булгакову отказано в выезде. Летом 1935 года он делает еще одну попытку, подавая заявление на загранпоездку. И ему опять отказывают. Больше он не обращался к властям по этому поводу. Драматург понял, что это бесполезно — его не желал выпускать тот, с которым он так мечтал встретиться. И в душе Булгакова что-то переворачивается. Он начинает постигать дьявольскую сущность кремлевского диктатора. Но жизнь продолжается, надо что-то делать. Приближается 1939 год — год 60-летия Сталина. Страна готовится широко отпраздновать юбилей вождя. И Булгаков, после долгих размышлений и сомнений, приходит к мысли использовать это обстоятельство. Он сделает, как ему кажется, беспроигрышный ход в затянувшемся поединке, ход, который все же может вызвать Сталина на разговор. Михаил Афанасьевич задумывает пьесу «Батум» — о молодом Иосифе Джугашвили. С этого момента начинается третья и последнее действие драмы его жизни. В этом действии две картины. Первая сопровождается светлой, жизнерадостной музыкой, иллюстрирующей атмосферу всеобщего восхищения новой пьесой Булгакова.

Со страниц «Батума» перед нами встает образ молодого привлекательного юноши-революционера, защитника народа, покинувшего Тифлисскую духовную семинарию (исключенного из нее за вольнодумство) и отдавшего все силы борьбе за справедливость, делу революции. Пьеса читается, обсуждается. Телефон в квартире Булгаковых не умолкает, все поздравляют автора, восхищение и ликование достигает невиданных размеров. Все театры горят желанием поставить пьесу о молодом Сталине, МХАТ готов подписать договор, звонят из Ленинграда, Ростова, Воронежа. После читки «Батума» во МХАТе, на которой присутствовали и партийные деятели — бурные аплодисменты, цветы, поздравления... Никаких сомнений в грандиозном успехе спектакля, премьеры которого приурочена к 21 декабря 1939 года — дню рождения товарища Сталина. Главную роль прочат Н.П. Хмелеву.

Пьесу отсылают в секретариат Сталина.

...Бригада МХАТа выезжает в Батум — для сбора и изучения ар-

живных материалов и знакомства с местами, где происходят описанные в пьесе события. С ними едет и «бригадир» — Михаил Афанасьевич Бугаков. Участники поездки располагаются в двух купе комфортабельного вагона.

Поезд трогается, и Елена Сергеевна тут же устраивает в «бригадирском» купе «отъездной» банкет — с вином, ананасами, пирожками и прочей снедью. Поднимаются тосты за успех. Поезд прибывает на первую станцию — Серпухов. И вдруг...

В вагон входит женщина-почтальон с телеграфным бланком в руке и, войдя в бугаковское купе, спрашивает:

— Кто тут Бухгалтер? (так она произносит фамилию Бугакова из-за неразборчивости на бланке). — Ему телеграмма.

Бугаков читает: «Надобность поездке отпала возвращайтесь Москву». Немая сцена. Все понимают: Сталин прочел пьесу, и она ему не понравилась.

На лице Бугакова проступает мертвенная бледность. Сталин нанес ему последний нокаутирующий удар. «Люся, — скажет Бугаков жене, — он подписал мне смертный приговор».

Почему же Сталин так поступил? Никаких достоверных свидетельств на этот счет нет. Известна лишь фраза, которую вождь сказал В.И. Немировичу-Данченко: «Пьеса хорошая, но ставить не стоит». Что кроется за этим парадоксальным высказыванием?

Одни считают, что Сталин хотел бы увидеть себя на сцене в другом образе — не молодым начинающим революционером, а тем, кем он стал, — человеком власти, фигурой, избранной судьбой для больших дел. Таким его и видел Бугаков, но, желая «человечить» тирана, заставил себя изобразить его романтическим героем. Другие полагают, что Сталин расценил пьесу как очередную попытку Бугакова к сближению. Впрочем, все это лишь предположения...

Глухие удары колокола в музыкальном сопровождении завершают картину.

...Вторая, последняя картина третьего действия. Снова мы слышим звук фагота. Скорбная мелодия на фоне тревожных аккордов оркестра. За окном солнечный день, но шторы в комнате Бугакова задернуты. Свет его раздражает, вызывает резь в глазах. Он начинает слепнуть. Стали болеть почки, появились сильные головные боли. Приходится прибегать к морфию. Под действием морфина начинается бред, в котором смешивается всё: гражданская война, театр, его мистический роман, Тася, Люба, Сталин. «Мне не удастся поговорить со Сталиным», — часто слышит не отходящая от него Елена Сергеевна. Он проиграл поединок в жизни, но пытается выиграть его в бредовых фантазиях: «Я ответил, ответил, пусть все об этом знают!»...

10 марта 1940 года его не стало. Мастер обрел покой, как и в

его романе. «Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя»...

На следующий день в Художественном театре раздался телефонный звонок. Звонили из секретариата Сталина.

— Правда ли, что товарищ Бугаков умер?

— Да, он умер.

На другом конце провода положили трубку.

...Спектакль закончился. Трагические аккорды оркестра приобретают странное, неземное, мистическое звучание, и тут вступает многоголосный хор и орган. Звуки прощального хора устремляются все выше, выше и выше — и обрываются звенящей тишиной, в которой вдруг отчетливо раздается звук лопнувшей струны первой скрипки и короткий вскрик фагота.

Александр ЛИСИН

ВЕРСИЯ ДИЛЕТАНТА: АНТИХРИСТОВА ДЬЯВОЛИАДА (БУГАКОВ)

(Окончание, начало в «Словесности» 2011)

Попробуем разобраться, но для начала приведу пример из собственной моей биографии. Мой отец в свое время был ведущим крымским поэтом. Мое детство, мое отрочество прошли в доме, где стихи звучали перманентно и круглосуточно, где весь уклад жизни был подчинен стихам и где вся жизнь вращалась единственно вокруг стихов. В конечном итоге, количество стихов зашкалило, и в пору естественной максималистской своей юности я всеми фибрами души возненавидел любую поэзию, а любая рифмованная строчка вызывала во мне чуть ли не физическое отвращение. Искоренять юношеский максимализм — бессмысленно. Через него, как через период, определенный природой, должно пройти каждому. Недаром же Черчилль говорил, что тот, кто в юности не был революционером — тот не имеет сердца, а кто к старости не стал консерватором — не имеет головы.

Бугаков был сыном преподавателя духовной академии, и я уверен, что вся жизнь в доме его отца вращалась только и исключительно вокруг вопросов веры и круглосуточно все разговоры шли здесь только о Боге. Так стоит ли удивляться, что в пору максимализма Бугаков объявил себя атеистом? (Слава Богу, что не начал рубить топором иконы и не додумался под храмы подкладывать динамит!).

Поэзию я с годами опять возлюбил и всю свою жизнь читаю и слушаю стихи с обязательной и величайшей радостью. И (из собственного опыта исходя) я вполне допускаю, что Бугаков, преодолев естественным образом свою юношескую естествен-

ную ересь, мог от яркого атеизма обернуться к столь же яркому богоискательству и метания души своей умиротворить прогниковенным православием.

По поводу же погребения без отпевания напомним, что скончался он в 40-м году, а в ту эпоху не только большинство мирян, но и многих-многих священнослужителей не отпевали ни в коем случае.

Вот если бы Бугаков незадолго перед кончиной выступил публично и публично потребовал, чтоб его схоронили без отпеваний, без попов, без кадил и прочих всякоостей (или оставил хотя бы соответствующее завещание) — вот это явилось бы неоспоримым доказательством его закостенелого атеизма.

А в юности кто угодно волен себя объявлять хоть атеистом, хоть папой римским, хоть кем угодно. На то она и юность...

И вот еще о чем хочу здесь добавить (и пусть я опять вступаю на тропу бездоказательных догадок, но я неколебимо уверен, что): если бы некий исследователь расположил бы черновые варианты «Мастера и Маргариты» в хронологическом порядке их написания и именно в этом порядке проанализировал бы их все, то пред ним предстал бы тернистый, неровный, но упорный путь Михаила Афанасьевича Бугакова к вере и к Богу.

(Кстати, а как вы — хочу вас спросить — понимаете, собственно, процедуру перехода от атеизма к какому-либо вероисповеданию? Каким образом Бугаков должен был объявить себя православным христианином? Второй раз креститься? Написать открытое письмо в газету «Известия»? А последствия подобной выходки вы себе представляете? Да это ж был бы не геройский поступок, а случай из ведения психиатрии! А всего вернее — безапелляционное самоубийство).

Вопрос верования является вопросом настолько личным, внутренним и потаенным, что ни у кого не может быть в том никаких сторонних свидетелей. Тем более, что искренне раскаяться и истинно уверовать никогда не поздно, и никто никакими определенными границами нас в том не ограничивает и ни в какие временные рамки не заключает.

И ярчайший (и — именно истинный) тому пример — судьба разбойника, распятого рядом с Христом. Разбойник этот именно на кресте раскаялся окончательно и именно на кресте окончательно уверовал, и был прощен, и взошел в Царствие Небесное. (Кстати, погребен он был также без православного отпевания, поскольку православия еще попросту не существовало. Но только не вздумайте воспринять слова мои так, будто писателя я уподобляю разбойнику. Упаси вас Господь от подобных сентенций)...

Православная церковь осудила роман «Мастер и Маргарита» за искажение образа и событий земной жизни Спасителя. Но

был ли именно Христос прототипом Га-Ноцри? (Литературное словечко «прототип» невозможно прилаживать ко Христу. Это богомерзко и богопротивно. Однако уж коль миллионы и миллионы читателей разглядели в Иешуа именно Иисуса, то я здесь прямо-таки обязан это словечко употребить).

Бугаков, будучи сыном преподавателя духовной академии не мог не знать, что никому из нас с нашим человеческим разумением и неистребимыми страстишками не дозволено перекраивать жизнь Иисуса и Его слова по нашему хотению и на наш человеческий манер.

Но в сознании Бугакова созданный им Иешуа никогда не был и не мог никогда стать Иисусом. И на это указывают три неоспоримых (т.е. прямо в лоб) момента в романе:

1) Иешуа был распят, но не вознесся. Значит, он — не Спаситель и Спасителем не должен был стать никогда;

2) Главным рецензентом романа об Иешуа назначен Волац, но любому читателю без всяких подсказок должно быть понятно, что Сатана никогда бы не был назначен рецензентом какого-либо произведения об Иисусе;

3) Господь, решавший как Высший Судья дальнейшую судьбу Мастера, не принял ни его сочинения, ни его самого, и даровал Мастеру лишь покой, т.е. Господь не признал в Иешуа — Иисуса, а Мастера уподобил Понтию Пилату, вечно пребывающему в покойном нигде (последние страницы романа).

Св. Апостол Павел писал (передаю своими словами), что грядущий Антихрист будет как две капли воды похож на Спасителя и будет говорить Его же словами.

Иешуа — Антихрист.

Господь не мог принять сочинение Мастера, поскольку оно было по сути своей — неправильным, было неправильно написано и живописало сплошную неправильность. Бугаковский Мастер слишком увлекся внешними красотами стиля и не донес до читателя и читателю не раскрыл бугаковскую главную мысль.

(И ведь что интересно: я в юности, читая впервые «Мастера и Маргариту», преодолевал палестинские главы с огромным трудом, с огромным усилием над собой, а подчас — их просто пролистывал. Видимо, уже тогда неправильность эту я пусть не осознал, но — почувствовал инстинктивно).

Москва двадцатых, Москва тридцатых превращалась все больше в царство шариковых и швондеров и, как никогда раньше, приближалась к царству Антихриста.

Именно об этом Бугаков своим «Мастером и Маргаритой» хотел нас предупредить и именно об этом Михаил Афанасьевич писал весь свой роман.

Душа наша всегда должна быть открыта к познанию Бога и к постижению веры, поэтому каждый верующий — всегда пут-

ник, всегда богоискатель. Умам пытливым и доскональным, тем, кто верует трепетно и скрупулезно, вера всегда открывается постепенно и как бы пластами, ибо путь к Богу — есть путь длиной во всю нашу жизнь, и иного никому из нас не дано. Булгаков, в этом смысле, не мог быть никаким исключением.

По мере осознания веры, по мере приближения к Богу, Булгаков раз за разом переделывал, переписывал свой роман. Но, видимо, в XX веке не пришло еще время познать нам Антихриста, но видимо, не определено было писателю воплотить на бумаге антихристову суть. Отсюда в палестинских главах столь много непрописанностей. Отсюда читательские непонимания и кривотолки, отсюда разновариантность восприятий, разночтение одних и тех же фраз и бесконечные споры вокруг да около. Отсюда же (как мне представляется) и происходит бытовашнее в 60-е годы мнение о недописанности и неоконченности романа.

Уж не было ли это мнение — булгаковским? И не вдова ли писателя донесла его до нас?..

Лев Николаевич Толстой, когда собирал свое «Изложение Евангелия» имел перед собой совершенно конкретную и ясную цель: через евангельские стихи, через слова Иисуса Христа, через Его поступки оправдаться самолично и оправдать собственные свои религиозные и философские взгляды. В толстовском «Евангелии» нет ни одного слова отсебятины. Толстовский мих на темы «Евангелий» — это тенденциозный цитатник, где каждая цитата, каждая фраза стоят строго на своем месте и совершенно определенную смысловую нагрузку несут в себе. Преподанный в данном ракурсе Христос представляется Толстому как бы адвокатом, а евангельские строчки как бы естественным образом складываются у него в речь защитника на суде.

Иное дело булгаковский «роман в романе». (Кстати, уже объемом, отведенный палестинским главам в общем объеме повествования, говорит об искренности в их написании и о значении их для автора). Здесь, в этих главах, нет ни одной переписанной точно евангельской фразы. Здесь все и сплошь отсебятина и вульгарная переделка.

Но при этом Булгаков не мог в Га-Ноцри видеть Христа, не мог ими Иисуса поверкать в русском языке на Иешуа, потому что не мог не понимать, что называть Спасителя не Его именем — есть кощунство, приписывать Спасителю не Его речения и не Его поступки — есть святотатство, а переиначивать под себя текст и состав Священного Писания — есть исключительный и преступный грех.

Булгаков, будучи православным по вероисповеданию, будучи воспитанным в религиозной семье и в православной традиции, являясь одним из острейших умников своего времени, Булга-

ков обо всем этом не мог не знать. И никогда не стал бы он писать целый «роман в романе» только ради финальной сцены, где распятый Иешуа остается навеки земным, т.е. получилось нечто вроде разоблачения и соответственно единая линия протянулась от театра Варьете (где разоблачения требовала административная) через бал у сатаны и — к Лысой Горе (где разоблачение случилось). И чтобы здесь быть однозначно и конкретно понятым, я — повторю: единая линия от сатаны к антихристу. Иное толкование превращает «роман в романе» в бессмысленную малость, ради которой не стоило тратить столько бесценного писательского времени.

(Известно, что тот, кто узрит Господа, тот лишится зрения. Булгаков пред отходом мучился глазами. Быть может, ему открылось нечто такое, что от всех прочих было пока что сокрыто?)... Булгаковский Иешуа Га-Ноцри не мог стать Иисусом Христом, поскольку «Иисусами» не становятся. Булгаковский Иешуа Га-Ноцри не мог оказаться Антихристом, поскольку осознание Антихриста было Булгакову не дано. У каждого из нас своя миссия, и каждый жизнь свою проживает в границах между «дано» и «не дано», между открыто и сокрыто. На мой взгляд, миссия Булгакова состояла в познании и открытии для всех нас истинного облика Сатаны.

Писатель по-писательски блистательно с этой своей миссией справился. А вот Иешуа получился у него всего-то блаженнейшим «исусиком». И сколько Булгаков ни бился над изложением антихристовой сути, сколько ни переписывал свой «роман в романе», но «исусик» остался навсегда «исусиком», а роман «Мастер и Маргарита» навсегда вошел в мировую литературу — неоконченным и недописанным...

Сталин в булгаковское творчество всматривался непрестанно, всматривался участливо, пристально и на всем его протяжении. Сталин в биографии писателя — фигура вообще знаковая. (Не даром высокопоставленный функционер в фильме В. Бортко «Собачье сердце» уж настолько похож на вождя всех народов). Булгаковский гуманизм, булгаковский дух, булгаковская вера были искренне близки бывшему семинаристу Джугашвили. Не знаю, понял ли и принял ли сын сапожника предупреждения и откровения сына преподавателя духовной академии, но Генсек Сталин (пусть по-своему, по-сталински) писателю Булгакову симпатизировал всегда. К примеру, «Дни Турбинных» во МХАТе Сталин посетил более пятнадцати раз, а когда спектакль все-таки вывели за репертуар (и по причинам отнюдь не политическим, а просто — время пришло), Сталин лично распорядился постановку возобновить. Сталин убежденно считал, что страна не доросла еще до булгаковских романов и поэтому десятилетиями не печатал Булгакова-романиста, зато в трудоустройстве Булгакова-драматурга поспособствовал персональ-

но. Сталин ничем никогда Булгакова не награждал, но и не посадил ни разу.

Ни о какой дружбе между Генсеком и писателем речь не идет вообще, но их взаимоотношения, на мой взгляд, загадочны и символичны. (Чем вам не загадка эти более пятнадцати посещений первым лицом государства какого-то спектакля в каком-то театре? Да по тем временам, да в Советском Союзе, да для любого драматурга подобный фейерверк посещений был поглавнее, чем любая Нобелевская премия).

Думаю, что взаимоотношения Сталина и Булгакова должны рано или поздно, но обязательно стать темой серьезного и взвешанного исследования, каковое — непременно (!) — выявит новые детали в биографии погребенного без отпевания писателя и высветит новые аспекты в характере Генсека, которого отпевали во всех православных храмах СССР.

Наталья ГАБРИЭЛЯН

АЛЕКСАНДР МЕНЬ (Воспоминания)

Как давно это было! Целая эпоха отделяет меня от той весны, весны 1951 года. Совсем недавно кончилась война, серые платки и телогрейки сменились пальто, появилось понятие «идем в гости», на столе в праздничные дни уже был салат из картофеля, а приторное «американское суфле» заменил «довоенный» компот из сухофруктов. Четыре года уже не было карточек, и мама давно отмыла окна от «маскировки». Москва оживала.

Конец «сталинской эпохи» для нас, школьников, ознаменовался очередной педагогической реформой, которая разделила школы на мужские и женские. Эти школы напоминали закрытые учебные заведения до революции. Мои тетки были очень довольны, что мне сшили, напоминающую гимназическую, строгую школьную форму. Мальчики появлялись в школе только на праздничных вечерах и под присмотром учителей. Даже в инсценировке «Молодой гвардии» мужские роли исполняли переодетые девочки. На переменах мы чинно ходили парами по коридору вдоль огромных кадок с фикусами. На уроках по литературе наша замечательная учительница была вынуждена скучным голосом диктовать нам, что «писатели — инженеры человеческих душ», а «эта штука сильнее «Фауста» Гёте». В учебниках по биологии мы читали о принципах некоей отдельно взятой в нашей стране «мичуринской биологии», а из уроков географии в 6-7 классах я до сих пор помню только одну крылатую фразу: «хотя Югос-

лавия и больше Албании, но Албания ее передовее». Вопреки всем строгостям и ограничениям, были люди, которые дали нашему поколению знания, привили любовь к литературе, научили понимать и беречь природу. Одним из таких необыкновенных людей был Петр Петрович Смолин или ППС, как мы его называли. Этот «зубр» того времени руководил юношеской секцией Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Мы попадали в это общество разными путями. Меня привела туда моя подруга, Алла Кричевская, которая была старше меня, и у которой на дне рождения я впервые увидела ППС и его «старших» учеников — Алексея Яблокова и старосту кружка Лёню Калмыкова. Меня поразили их необычные «умные» разговоры, их юмор и свобода общения, а первые занятия в Дарвиновском музее были для меня просто открытием. ППС рассказывал нам о жизни московского воробья, о его повадках, хитростях, уникальной выживаемости и его отличиях от деревенского, живущего более спокойной жизнью.

В те годы такая живая речь, такое естественное общение с нами было необычным и завораживающим. Ведь нельзя забывать, что мы, школьники начала 50-х, учились в эпоху «лысенковщины». Наш учебник украшали фотографии сухонького старичка в соломенной шляпе и худощавого мужчины с неприятным, по ассоциации, клочком волос на лбу и злыми глазами. И вдруг ППС! Веселый, озорной, всё знающий и не прощающий нам инертности, невежества в биологии. Был яркий весенний день, середина мая 1951 года. Впервые я шла на серьезное мероприятие, на первую в моей жизни научную конференцию. Долго думала, что надеть, и решила идти не в форме, а в «штатском» — синяя юбка и синий с серыми и белыми полосками свитер. Перед самым уходом решила приколоть маленькую пластмассовую брошечку: два цыпленка, бегущие друг за другом. Мне захотелось как-то обозначить участие в конференции, основной темой которой были птицы, но значков участника с изображением птицы у нас в те времена еще не было. Началась конференция. Один за другим выходили юные докладчики, я старалась внимательно слушать, и была просто сражена серьезностью работ. Особое впечатление оставил доклад о жизни ночных птиц, наблюдать за которыми очень нелегко. В перерыве между заседаниями мы вышли из зала и уселись на скамейку, весело обсуждая доклады и докладчиков. Вот тогда-то к нам и подошел Алик Василевский с младшим братишкой Пашей. Оба темноволосые, кудрявые, с большими черными глазами и оба улыбающиеся. У толстенького братишки был такой вид, что он вот-вот расхохочется. Нас познакомили, и я сказала, что училась раньше в одном классе с Леной Семьиной, вашей соседкой по даче в Отдыхе.

«С Леной? Вот здорово, мир-то как тесен!». Я пояснила, что теперь учусь уже в другой школе и Лену вижу гораздо реже, к сожалению. Алик явно заметил моих приколотых к свитеру цыплят и, улыбаясь, сказал: «Мне кажется, у меня есть книжка, которая вам будет интересна!» «О цыплятах?» — спросила я со смехом. «Не совсем, но близко!». По сей день в моем письменном столе лежит эта книжка, оказавшаяся журналом из серии «Знание для всѣх» №12 за 1914 год. На обложке, чуть ниже названия журнала, написано: «Забота о потомстве в царстве животных», и приклеена цветная фотография с надписью «Птенцы кукушки в гнезде садовой горихвостки». Журнал этот он принес мне осенью того же года. После конца заседаний мы разъехались по домам.

В те годы мы все жили недалеко друг от друга, нас еще не разбросали по «хрущобам» окраин. Вот так мы и познакомились в этот весенний, ласковый майский день 1951 года. Много позже мы слышали от отца Александра: «Бог создал две книги: Библию и книгу Природы». Вот в те, послевоенные годы, мы учились читать эту книгу Природы, учились у замечательного Петра Петровича Смолина, и я счастлива, что хоть немного, но знала его учеников, возрождавших в 60-е годы поприщную отечественную биологию. Память моя сохранила еще две встречи с ним в тот ранний период нашего знакомства. Помнится, что журнал из серии «Знание для всѣх» он принес мне домой, глубокой осенью, в первые осенние каникулы. По тем временам мы жили в «роскошных» условиях. У нас была отдельная двухкомнатная квартира в надстройке пятиэтажного дома на улице Горького, окна этой квартиры выходили на 2-ю Тверскую-Ямскую, где поселил свою героиню, Катю Татаринovu, Вениамин Каверин. Мое поколение зачитывалось тогда его «Двумя капитанами». Именно этой осенью отец купил мне в букинистическом магазине «Жизнь животных» Брэма (Санкт-Петербург, «Просвещение») в трех томах, с прекрасными иллюстрациями. Я заранее радовалась, что смогу показать гостю Брэма. В этот вечер за столом сидели мама и ее подруга, наша соседка, которую мы, по детской ещё привычке, называли уменьшительным ласковым именем Габочка (Габриэль Максимова). По профессии она, как и мама, тоже была преподавателем. Когда в тот далёкий ноябрьский вечер пришёл к нам Алик Василевский, мама встретила его словами: «Много слышала о вас и о вашем легендарном ППС хорошего; садитесь с нами чай пить!». Но мы сначала зашли ко мне в комнату, Алик положил на мой столик журнал «Знание для всѣх». «Читайте, здесь всё написано очень просто, но очень интересно и познавательно!». Я тоже решила показать Брэма. И мы листали книги, когда мама позвала нас к столу. Удивительно, как легко и непринужденно дер-

жал себя наш юный гость. Зашла речь о Третьяковской галерее, мама любила водить туда старшеклассников. Алик живо откликнулся на затронутую мамой тему: «Я, Нина Петровна, вам сейчас расскажу, как я на днях водил по Третьяковке своих кузин, приехавших в Москву на каникулы. Вот это была задача!» И дальше последовал рассказ о том, что, обнаружив весьма слабые познания сестер в области русской живописи, да еще имея мало времени, он решил применить свой любимый, тогда, возможно, еще не осознанный, прием сведения к «простому». Он спрашивал сестер: «Вы любите конфеты “Мишка косопалый”? Любите! Ну, тогда пошли посмотреть картину Шишкина — это с нее картинку на обертку сделали. Ну, а папиросы “Три богатыря” видели? Пошли посмотреть, это художник Васнецов нарисовал». Затем, по этому же принципу, они смотрели «Садко — веселого гостя», «Аленушку», «Боярыню Морозову» и т. д. Мама сквозь смех только успела спросить: «Алик, сколько успел показать?». «Много, потом уже без аналогий, гладко пошло!». Уже прощаясь в прихожей, они с мамой обсуждали её любимые литературные темы, а когда мы вернулись к столу после его ухода, она сказала: «Какой блестящий ум!».

Много лег спустя, когда я, наконец, решила поехать к отцу Александру, я спросила его в самом начале нашего долгого разговора на скамье возле церкви Сретения Господня, помнит ли он мою мать, он улыбнулся и сказал: «Ещё бы! Её нельзя забыть!». Вторая встреча в нашей, кажущейся мне теперь далекой, юности, произошла в день его рождения, 22 января 1952 года, у него дома. Тогда в квартирах московской интеллигенции можно было увидеть старинные фотографии и гравюры, остатки милых фарфоровых вещей на полочках диванов или на крышке старого рояля, ряды поблескивающих старинными переплетами книг в застекленных шкафах, а иной раз и иконы в углу, со стеклянной, мерцающей синим или рубиновым, лампадой. Были семьи, где бережно сохраняли золотую детскую библиотеку, и девочки моего возраста читали, как это ни странно, романы Лидии Чарской и «Сонечкины проказы» мадам де-Сегюр. Уселись за стол, взрослые нас угощали, особенно запомнился папа Алика, он много шутил и после чая затеял всякие «круговые» игры. Помню, что играли в «щеточку» на фанты, но я никого не угадала. Я не помню никаких особенно умных, биологических разговоров, было просто весело, уютно и очень по-родственному просто, раскованно, как теперь говорят... После этого дня рождения мы встречались еще на занятиях ППС, но пришло уже много новых ребят, стало слишком многолюдно, и я постепенно перестала там бывать. В старших классах у нас был очень знающий и серьезный педагог по биологии Вера Владимировна

Братина, и я начала готовиться к поступлению в университет. Алик Василевский закончил школу раньше на год и поступил в Институт охотоведения и звероводства, который вскоре перевели в город Красноярск. Я потеряла его из вида, и услышала о нем вновь, как о проповеднике слова Божьего, много лет спустя. Причем не сразу поняла, что отец Александр Мень и Алик Василевский — это один и тот же человек. Но это было уже совсем в другую эпоху...

Сказать, что я ничего не знала и не слышала о судьбе моего старого знакомого Алика Василевского, было бы неверно. Как-то я встретила свою школьную подругу Лену Семину, которая много лет подряд жила на даче по соседству с семьей Алика. Она рассказала, что Алик стал священником и церковь, в которой он служит, находится где-то под Москвой. «Он с детства был верующим и носил крестик, мы даже одно время приставали к нему с этим, но он не обращал на нас внимания, а потом его тетя побеседовала с нами, очень серьезно и строго разъяснила, что их семья верующая, а сейчас свобода вероисповедания и многие люди веруют в Бога. Мы перестали после этого приставать к нему со всякими вопросами и продолжали дружить». Говорят, что он мало изменился и остался таким же общительным и остроумным человеком. Мне было немного жаль, что Алик не стал биологом, и я подумала, что, наверное, что-то случилось, раз он так круто изменил свою деятельность и в наше время встал на такой нелегкий путь.

Я в это время уже работала в научно-исследовательском институте и занималась проблемой, связанной с клеточной биологией. В конце 60-х биология освободилась от «лысенковщины», помог этому А.Д. Сахаров. Именно он выступил на президиуме Академии наук против Т.Д. Лысенко, и его поддержали М.В. Келдыш и В.А. Энгельгардт. Обстановка резко изменилась. После этого заседания президиума были приняты новые решения о развитии генетики. Биология в нашей стране начала оживать, пришли молодые знающие люди. Среди моих коллег было много очень интересных и широко образованных ученых. И вот кто-то из моих друзей, в доме которого мы часто собирались, стал рассказывать, что под Москвой, в Тарасовке, служит молодой священник отец Александр Мень, что он читает замечательные проповеди. Рассказывали, что этот священник по светскому образованию биолог, и что в своих проповедях он приводит примеры из своих собственных научных наблюдений.

В Тарасовку потянулись многие, в ком тлела жажда познания вечных истин. И вот я услышала, что среди моих ближайших друзей есть люди, решившие принять крещение у отца Александра. Но я не знала, что отец Александр — мой старый зна-

комый по ВООПу. Узнала я об этом значительно позже, когда пришла в гости на день рождения моего коллеги и встретила там выпускницу Института звероводства и охотоведения. Она рассказывала об одном совершенно необыкновенном студенте, который учился с ней, он написал диплом, получил уже рецензии на него, но из-за своих религиозных убеждений не был допущен к экзамену по научному коммунизму.

Он ушел из института и закончил в Ленинграде экстерном семинарию, а потом Духовную академию в Троице-Сергиевой лавре, стал кандидатом богословских наук и теперь служит в церкви под Москвой. Имя этого священника отец Александр Мень, но кто знал его в детстве, те помнят его по фамилии его тетки — Василевский. Так вот кто стал знаменитым проповедником, вот к кому едут и идут самые разные, но жаждущие духовной истины люди! О, как мне захотелось поехать к отцу Александру в Новую Деревню, где он тогда служил! Однако путь туда на долгие годы был закрыт для меня, надо было измениться самой и изменить свою жизнь, чтобы прийти к нему. Понадобились годы, прежде чем я решилась и вошла в калитку церковной ограды у храма Сретенья Господня в Новой Деревне. Авторитет отца Александра в конце 60-х — начале 70-х был так велик, что я не могла к нему приехать просто так, как старая знакомая. Что я могу ему сказать, когда он видит человека насквозь. Разве я живу так, как подобает христианке? Но самое главное: я не была крещена.

В раннем детстве в моем воспитании принимала участие моя няня, женщина верующая. Няня Маша посадила меня читать «Житие Параскевы Пятницы», едва я научилась читать, она научила меня основным молитвам. Однако мои родные хотели крестить меня в Армяно-Григорианской церкви, а церковь наша открылась только после войны. Чем старше я становилась, тем труднее было решиться. Только после очень тяжелого периода моей жизни, после того, как я похоронила своих родителей, мое душевное состояние потребовало от меня таких усилий, которые могли быть совершены только после крещения и начала новой жизни. Пройдя исповедь, я крестилась в Армянской церкви у отца Тирана, который отнёсся ко мне с искренним участием и помог вступить на христианский путь. Теперь я могла ехать в Новую Деревню, но не знала, как подойти к отцу Александру и что ему сказать, как обратиться, с какими словами.

(Продолжение в следующем альманахе)

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

Владимир ПРИБЫТКОВ
(1923 — 2011)

31 мая 2011 года от нас ушел Владимир Прибытков — фронтовик, известный прозаик, поэт, человек, который нам особенно дорог, так как именно он (вместе со своим другом верлибристом Владимиром Буричем) стоял у истоков Союза литераторов России. Стихи Владимира Сергеевича опубликованы в газете «МОЛ» в статье «Тот давний, самый длинный день в году...», проза — в «Словесности 2007» (рассказ «Охотничек») и «Словесности 2011» («Обреченные», отрывок из романа). В «Кратком курсе истории Союза литераторов России» («Словесность 2010») рассказывается о том, как он «вовлек», нас, «молодых литераторов» в осуществление идеи творческого Союза нового времени. И мы его создали.

РАЗНОЛЕТЬЕ

22-ое июня 1941 года

Вобрал в себя всю прошлую беду
И ту, что неминуемо случится,
Тот давний, самый длинный день в году...
Мне кажется, что до сих пор он длится.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Мы здесь не можем долго жить,
Не жечь костров, ходить с опаской
Здесь можно солнце разлюбить,
Когда высвечивает каски,
Не видеть, как луга цветут,
Когда в боях проходит лето,
И можно позабыть листву:
Деревья голы, как скелеты!
Здесь, от бомбёжки ошалев,
Трясутся испуганной дрожью,
Но мы не можем жить в земле!
Отречься от себя не можем!
А что за брустверами смерть,
Так мы не забываем это:
Ведь, нам в глаза её смотреть,
Когда, шипя, взлетит ракета.

ПОСЛЕ БОЯ

Ещё убитых не считали,
Ещё раскалены стволы,
Но каски стали тяжелы
И узкими траншеи стали.
Всё.
Кончено.
И поднимаясь в рост,
Как будто смерти нету после боя,
Впервые вижу небо голубое...
Приду с войны,
Расскажут ли слова,
Чего нам стоит эта синева?

ПУТИ

Телячьих вагонов
Бессрочный парад,
В Сибирь заключённых,
На Запад солдат,
Щелястые стены,
Досчатый паркет...
Вагонам ни смены,
Ни отдыха нет,
Не оси рыдают,
Не рельсы гудут:
Одни проклинают,
Другие поют!
А русские бабы
У края платформ
Глаза утирают
Худым рукавом.

УНЖА

1

*Ах, ты, Унжа, Унжа речка,
Ты куда бежишь-течешь,
То завьёшь струю в колечко,
То обратно разовьёшь?»
Из записной книжки*

Если выберу неделю —
Брошу всё, махну сюда...
В Унже светлую куделью
Завивается вода!

То ли шука, то ли стерлядь,
То ли обе заодно
Закрутили, завертели
Пережат-веретено,
И, разглядывая там их,
(Чуть чего — ищи-свищи!),
Берегутся в тайных ямах
Губошлёпые лещи!
А живая льётся пряжа
И вплетаются в узор
Куличок на светлом пляже,
Великан сосновый бор,
Перевернутый дощаник,
Кологривские плоты
И бездонное сиянье
Утонувшей высоты!
Сядет солнце за веретье —
Встанет месяц над тайгой,
Широко раскинет сети
Из мережи голубой,
И сомлеет в одночасье
Всё окрест... Но до утра
Будет биться в этой снасти
Свет рыбацкого костра.
Непокорен, солнцу родствен,
Сил не станет он беречь,
И на воду беглый ответ
Алой кровью будет течь.
Но сквозь дым трескучих веток
(Побеждай или умри!)
Полыхнёт он напоследок
Чистым пламенем зари!
Полыхнет, и навьи чары
Ночи спинут без следа...
Унжа, Унжа! Я недаром
Всей душою рвусь сюда!
В чёрном мороке столетья,
Претерпевшего позор,
Дай увидеть мне, что светит,
Рвет опутавшие сети
Красоты твоей костёр!

2

Кольшется в стремнине тень обрыва,
На корточки присели ивняки,
Всю ночь идут плоты из Кологрива,
Всю ночь всплывают с плеском топляки,

Друг друга окликают плотогоны
И чавкают лещи: летит мотыль...
Здесь часто тонут. Люди, овцы тонут,
Зверьё лесное, но не тонет быль...
Угрюмы, бородаты и отпеты,
В сермягах и растоптанных лаптях
Сюда ташились бездорожьем деды
И западали по тайге в скитах.
Не душу, тело бренное спасали
От пытошных, от батагов и дыб,
И не святых в молитвах поминали,
А Стеньку, и опять за ним пошли б!
Опять пошли б! С косой ли, кистенем ли,
Подняли бы опять за весью весь!
Прислушивались к бурям: — Не о нём ли?
И чаяли: — А, может, он воскрес?
Но затихали к утру буреломы,
Нигде не объявлялся атаман,
А нищий люд тащил от дома к дому
Слух непотребный про никониан:
Мол, веру нашу праведную рушат,
Лоб крестят кукишем на радость сатане!
И светлые, измученные души
Охватывал неодолимый гнев:
— Отняли правду у людей мирскую,
Теперь взялись за божескую-ста?! —
И двоили на службах алилаю,
И клятвенно вздымали два перста!
А если воеводы со стрельцами
Сквозь дебри добирались до скитов,
Царёвых слуг опахивало пламя
Занявшихся молитвенных домов!..
Прошли столетья. Здешнего покоя
Не нарушает пращуров набат,
Но клюква тут, что кровь, и над рекою
Сосновые боры (стена-стеною!)
Свечами поминальными стоят.

* * *

Мерзавцы нас учили, как могли,
Не сокрушаться о доходах скромных,
Поклоны бухать в красные углы,
В упор не видя, что творится в тёмных,
За правду выдавали клевету,
И вдоволь насмотрелись на веку мы,
Как возвеличивают Малют
И гонят в Пустозёрски Аввакумов!

Что ж? Выжидай теперь нам «ВОР» на лбу,
Исполосуй шпицрутенами кожу,
Привязывай к позорному столбу —
Нас вразумить уже ничто не может!
Валять, как прежде, будем дурака:
Двумя перстами на кострах креститься,
Стреляться у подножья Машука
И на Катюшах Масловых жениться!
Но внуки вспомнят пращуров своих,
Не потерявших мужества и чести,
И под асфальтом ваших мостовых
Отыщется булыжник Красной Пресни!

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

Его оград чугунное литье
Такая неприступная преграда,
что шум трамваев взять не мог её,
Он только продолжает даться рядом.
А здесь беспечность листьев и травы,
И дремлют старики, склонясь на трости,
Весенним солнцем прогревая кости,
Роняя часом шляпу с головы.
Здесь няньки вяжут,
сжав в коленях круглых
Ленивых ниток толстые мотки,
И медленно текут к земле из рук их
Широкие узорные платки.
Здесь девочки бегут вперегонки,
Размахивая прыгалками часто,
Какой-то карапуз пищит, распластан,
И лают добродушные щенки.
Такой покой, что словно не на месте
Поставили её на этот раз,
Витрину застеклённую «Известий»
С угрюмым текстом
«Заявления ТАСС».

* * *

День по лужам зарю разлил,
По-над бором облачко вывесил
И повсюду — вдали, вблизи
Поднимаются с писком чибисы.
Окрай луга, распутье кланя,
Пробираюсь в деревню с тока,

А у чибисов из-за меня
Боевая тревога:
То взлетают, то камнем вниз,
То с крыла на крыло в облёт они...
О, печальная птичья жизнь,
Зоркий глаз, на беду намётанный!
О, сомненья высший закон,
Страх смертного первая заповедь —
Отлететь и упасть комком,
Затаиться с испуга на поле...
Не прошу у судьбы щедрот,
Об одном попрошу, не скрою,
Чтобы мудрость такая вот
Обошла меня стороною.
Коль на то пошел разговор,
Лучше в драке из силы выбиться,
Лучше полный заряд в упор,
Чем метаться подобно чибису.

* * *

Цветёт трава. Она идёт в атаку,
С ночной земли вставая в полный рост,
Оставив право еле слышно плакать
Дождям и каплям серебристых рос.
Трава встаёт... Ей не вернуться с битвы,
По ней коса пройдёт во все концы.
Трава падёт.
Но под её защитой
В лугах успеют вырасти птенцы.

* * *

Вновь купиной неопалимой
Всю осень березняк стоит,
А лист увядший пахнет дымом,
Как будто роща впрямь горит,

И взгляд невольно ищет, где же
Плывет невидимый дымок?
Октябрь. Рябчики всё реже
Выпархивают из-под ног,

Пора начаться перелёту
И вальдшнеп высыпет вот-вот,
А березняк всё ждет чего-то,
Не опадая, ждёт и ждёт...

ВНУШАЮТ НАМ ВРАЧИ...

Виктору Федотову

Военное, седое поколение...
Внушают нам врачи наперебой,
Что вредно делать резкие движенья,
Что главное — лекарства и покой.

Ну, как им объяснить, не обижая,
Что жить, смиряясь, — значит жить за зря,
Что в старости как на переднем крае
Робеть бессмысленно, а отступать нельзя!

* * *

Хоть жизнь вытягивает жилы.
Не суесловь и не ропщи,
Терпи, не трата даром силы,
И слово точное ищи!

Найдёшь — подавленные чувства
И потаённых дум накал
Взорвутся словно тол, искусством,
Чтоб мир таким, как есть, предстал.

НАПУТСТВИЕ

Помни, что добровольцу
Даются вместо наград
Картошка на хлопковом масле,
Вне очереди наряд,
Юмор старшин сверхсрочный,
Сортиров паскудный слог,
«Даль-не-восточная!» под гром сапог,
«Р-РР-авнение на средину!»,
«Смир-р-рно! На-пра!»
Обмотки длины былинной,
Чёрные, как дратва,
Руки в кровавых ципках,
Вшивые швы рубях,
Политруки, не шибко
С грамотою в ладах,
Уколов противотифозных
Внезапный озноб и жар,
И спертые, словно воздух,
Душные сны казарм...

Но если выдержать это
Ты не сломавшись мог,
Значит, тебя заметил
Жестокий армейский бог.

* * *

День близкой кончины не страшен,
Но плохо ночами я сплю:
Всё снится мне молодость наша,
Убитая в первом бою..

* * *

Я — космоса частица,
Связь времён,
Я — бесконечность,
Слитая в мгновенье,
Расстрелянное поколение
Мной издаёт
Предсмертный хрип и стон.

И ЖИВЫ ВСЕ...

В том городе,
Как зелье
Приворотном,
Нетронутым
Глумленьем и войной,
Сметая ночь
В углы и подворотни
Наш переулок
Шаркает метлой,
И голуби разбуженные стонут,
И, размеряя трудные шаги,
Под стук копыт
И блавест бидонов
Зарю развозят людям
Битюги,
И живы все,
И молоды, кто дорог,
И ход времён
Ещё не слышен мне,
Как не слышны
Ни трепет летней шторы,
Ни зыбь её узора на стене.

* * *

Судьба, ни славы, ни таланта
Я не прошу и не просил,
Но дай остаться лейтенантом,
Каким я в сорок первом был.

СТАРОСТЬ

По вечерам я засыпаю в кресле,
А поутру не хочется вставать,
И всё не устаю перебирать
Минувшее,
И думаю: — О, если б!..
(...Но пусть хотя б на миг из мрака
Передо мной возникнут вдруг
Рассвет, прохлада, мокрый луг
И верный, бескорыстный друг —
Моя легавая собака!)

* * *

Не ждите слёз и покаяний!
За то, что грешен, а не свят,
Я на кресте воспоминаний
Уже давным-давно распят!

ЗАВЕЩАНИЕ

Глупость видели мы — крепко зубы сжимали,
Подлость видели мы — водкой ум заливали:
Не от нас, мол, пошло, утвердилось веками —
Ничего и никто не исправит словами!..
На необработанном поле, в осклизлой траншее,
С пулей в сердце, с осколком в разорванной шее,
Постепенно слабей, мы всё понимали,
Не рыдали, а поздние слёзы глотали,
И тускнела земля, и орудья стихали,
И уже навсегда мы тогда умолкали.
Не несли санитары венков и регалий,
Без гробов нас в могилы друзья опускали,
И предельно был краток фанерный некролог солдата:
Только дата рожденья да смерти безвременной дата...
Дорогие мои!
Если счастья хотите,
Не молчите, как мы!
Не молчите!

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Александр ВОРОБЬЕВ

ИВАН БАНДИТ

Разгулялась весна, раздобрилась, за пару дней зеленым ковриком прикрыла следы январской стужи, мартовской грязи. И солнце, ошалело растопырив лучи, бьет прямой наводкой в больничные окна.

А в палате веселье, смех, шутки. Пятеро мужиков гогочут так, что испуганные медсестры заглядывают в дверь и укоризненно качают головами.

— Мальчишки, все-таки больница, ведь рядом люди тяжелые лежат. Потихе.

— А вы их к нам приносите, сразу поднимутся, — первым откликается самый старый пациент.

В палате для ветеранов ВОВ лежат еще двое чернобыльцев, двое афганцев. Боль и болезнь уравнили в правах. И молодые, и старый одинаково хлебнули лиха.

Старого все зовут просто Иван Бандит. Он никому не открывает своего отчества — просто Иван, просто Бандит.

— Вань, а Бандит — это фамилия или кликуха.

— Я те дам кликуха! Я блатным никогда не был. Прозвище мне такое на войне дали. Молодой, рискованный в ту мясорубку попал. Сразу для себя решил, что живым выбраться не удастся, вот и пер на рожон, не остановишь. Опять же, характер у меня вредный, на одном месте усидеть не могу. Шустрый был, спасу нет. Где что достать, куда сбегать. А особый нюх у меня на счет поест и выпить. Мои разведчики всегда лучше всех харчились.

— Да, ты и сейчас шустрый, всегда лишнюю порцию урвешь, — не зло, а одобрительно отозвался с кровати бледный, изможденный парень-ликвидатор, один из тех, кого погнали в Чернобыльский ад.

— О, милый, ты меня молодым не видел! Самому совестно, что второй день знакомы, а за встречу не выпили. Никак не могу достать, хоть убей. Видно, сноровку на старости лет растерял. Старик замолчал и сразу в палате стало тихо. Молодые смотрели на него, ждали новых историй.

— А хотите расскажу, как я немца на спирт сменял?

— Как это? Неужто правда?

— Правда, милый, правда! Я тебе не мемуары военачальника читаю, а про жизнь фронтовую рассказываю, солдатскую.

Старик потрянул седым чубом, прищурил и без того маленькие глаза, поправил поудобнее подушку и начал:

— Бросили нас тогда десантом под озеро Балатон. Перед разведкой поставили задачу: добыть языка. Я первым вызвался, со мной еще четверо. Впятером ночью и поползли. И надо так пофартить, что взяли ни одного, а двух! Здоровые немцы, упитанные, видно из недавнего призыва. Упаковали мы их и потащили. Вдруг навстречу еще группа поазет. Чуть сдуру огонь не открыли, а это — наши соседи, тоже разведка, и тоже за языком намылились.

А что, братишки, — говорю, — может пожалеть вас, отдать одного фрица? Нам-то приказа двух тащить не было, а вы за просто после нашего посещения можете на неприятность нарваться. Там ведь не магазин, по штукам фашистов не отпускают. Давайте так: мы вам немца, а вы нам спирта. На том и договорились. Выбрал я того, что похуже выглядел и им отдал. А своего честь по чести до командира доставили.

Развязали фашиста, кляп вынули, а тут он, гад, по-русски шпрехать начинает:

— Солдаты моего друга на шнапс сменяли.

— Не на шнапс, — говорю, — а на спирт, разницу улавливаешь.

Ну, а командир разведбата мне кулак к носу:

— Разницу у командира полка скоро узнаешь!

Деваться некуда. Почистились, помылись и к начальству побрели, вроде тех немцев, только что без конвоя.

Выходим, а у командира соседнего полка командир уже сидит.

— Все знаю, — говорит, — интересуюсь только, за сколько литров спирта вы немца продали?

— Да цена-то известная, — отвечаю, — Два с половиной литра, чтобы каждому по пол-литра досталось.

— А немного будет? Ну-ка тащите сюда, видишь, сосед в гости пришел.

Рады были, что так закончилось. Только ребята на меня уж очень обижались: — Кто тебя за язык дергал, не мог сказать, что за бутылку немца продали. Тоже купец хренов!

И снова в палате веселье, смех... Молоденькая медсестра, завидев врача, рванулась к двери.

— Не надо, пусть смеются, жизни радуются, — остановил он. — Уж очень Иван Бандит плох. Хоть бы до Дня Победы дожил.

Олег СОЛДАТОВ

УЧЕБНЫЙ БОЙ

Под Ростовом, на учебной базе, куда собирали офицеров из разных подразделений, чтобы худо-бедно подготовить их к службе на Кавказе, случалось всякое.

После теоретических занятий, на которых царил Морфей, от-

важные вояки толпой валили в тир, а после пили немилосердно. Когда на круг шло второе ведро, мир сужался до тесного кольца сидящих за столом героев, а земля качалась, словно палуба в бурю.

— Мы тут всякие лекции слушаем, ерундой разной набираемся, а проку нет... — сетовал дорожный инспектор из Подмосковья лейтенант Дзюбак. Краснощекий и наглый, с круглой, как шар, коротко стриженной головой, он ходил вразвалочку, по-хозяйски всюду совал нос и в первый же день стащил из общей столовой электрический чайник. Товарищи звали его Гиббоном, по принадлежности к ведомству.

Напротив него сидел капитан Людвиг из отдела ревизии и контроля, за что и получил прозвище Орк. Худое верблужье лицо, тонкие губы и большие серые глаза отличали его от остальных. В давние времена его предки перебрались в Россию из Европы и обрусели, оправославились, прижились на берегах Волги... Хотя Орк и Гиббон жили на равных, между ними сразу зародилась неприязнь, какую можно объяснить только чутьем: словно схлестнулись узник и вертухай, перепелелись на одной болотной кочке ствол к стволу сосна и береза, или заспорили вдруг баалайка и орган, словно какая-то неведомая вражда разделяла их веками... И внешне и характерами они различались. Орк — высокий и сухопарый, Гиббон — среднего роста и полноват; Орк всегда подтянут, выбрит и чист, Гиббон же в пику ему — расхлябан и неопрятен, Орк на занятиях старательно помечал что-то в блокноте, Гиббон ничего не помечал, а слушал в полуха и, явно страдая, косился затуманенным взглядом в окно...

Дни в лагере тянулись однообразно. В ожидании отправки храбрились немногие. Кроме водки особых развлечений не было. Поэтому, когда командированным показали трофейные видеозаписи, о них только и говорили.

— Мы вот тут все спирт хлещем, а они дух тренируют... — продолжал сокрушаться Гиббон. — На войне дух — первое дело... Без духа и танк не стрельнет...

На кассетах, захваченных при ликвидации банды под Аргунем, оказались фильмы о подготовке боевиков в горном районе Чечни. Полсотни раздетых по пояс абреков, стоя на коленях друг перед другом, сцепленные ремнями, намотанными на скрепленные руки, грызлись, как дикие звери...

— Так же хочешь? — спросил Орк, усмехаясь. — Мы ж не волки, а люди... Это пострашней...

Гиббон поднял отяжелевшую голову и уставился на Орка.

— На войне кто больше зверем окажется, тот и победит! — сказал он, коротко ударив кулаком по столу. — Есть возможность убить — убивай! В спину — так в спину, хитростью — так хитростью... Детей, женщин, стариков — всех под корень!.. Тогда и бандиту конец — лишишь его глаз, ушей и хлеба...

Орк опять усмехнулся.

— С народом воевать... — проговорил он спокойно, — многие пробовали...

Гиббон, казалось, не слышал.

— Чтобы победить дикарей, кровь надо лить потоком... На зверя зверь нужен... За одного нашего десять ченов... Заложников расстреливать...

— Эх ты... — все так же спокойно проговорил Орк. — Они же, как и мы, — россияне...

— Видимость одна!.. — огрызнулся Гиббон. — Понимаем, что к чему... Гнем ченов уже двести лет, а они не гнутся. Потому что — волки, а волка к цепи не приучишь... А мы все возимся с ними, все уговариваем: живите, мол, по-человечески... Хотите заводики вам построим, фабрики разные, чего захотите — все будет, только работайте, вкальвайте, суки, на благо родины... А они чихать хотели на наши заботы!.. У них свое на уме... Мы в космос летаем, а они в каменном веке живут! Так какие ж они нам россияне?..

Водка была допита, закуска съедена, оставалось разбредаться по койкам.

— Мочить их надо, — кипятился Гиббон. — Не то завтра придут америкосы и повтыкают нам ракеты...

— Вам дай волю, вы всех замочите... немцев, чехов, дагов... — Орк снова усмехнулся, — а потом и друг друга... Проходили...

— Тебе то что?! — взорвался Гиббон. — Тебе вообще Россия по хер!.. В тебе и кровь не наша!.. Я сразу учуял: ты — Фриц!.. И фамилия у тебя фашистская: Люд-виг, — процедил он по слогам. — Да таких, как ты, наши деды...

Орк резко встал, так что стул, на котором он сидел, с грохотом покатился к стене. Гиббон ринулся ему навстречу, опрокидывая посуду. Спирт кипел в жилах.

— Ну, давай, как они! Что, слабо?! — свирепо кричал Гиббон.

— Давай! — багровея, прорычал Орк.

Все повалили наружу.

Широкое ночное небо разлилось над Доном. На горизонте потухали последние отблески заката. Пахло спелыми яблоками. Пиликали цикады. Орк и Гиббон опустились в сырую траву на колени лицом к лицу, товарищи стянули им руки ремнями крест-накрест и отошли в стороны.

Несколько мгновений оба, тяжело дыша, жгли друг друга яростными взглядами. Наконец Гиббон оскалится и рыкнул, но известно: не бойся собаки, которая лает... Орк, не издав ни звука, сделал выпад, которому позавидует иная кобра, и впился зубами Гиббону в пухлую щеку. Словно на собачьих боях, где дерутся двое бульдогов, посылались вокруг одобрительные выкрики. Гиббон взвыл от нестерпимой боли и, отчаян-

но рванувшись, двинул плечом Орку под кадык. Тот отпрянул, оставив на щеке Гиббона багровые отметины. Набухли вишневым соком и побежали по морде инспектора кровавые ленты. Орк тронул языком пошатнувшиеся зубы и брезгливо сплюнул — ему показалось, что он укусил за бок свинью. Хмель слетел с него тотчас, и ему вдруг стало нестерпимо стыдно оттого, что он, взрослый образованный человек, превратился в зверя, уподобился дикарю и теперь опозорен самым дурацким образом... А если все это дойдет до начальства... Орк поднял взгляд, намереваясь прекратить поединок, но в этот миг Гиббон с нечеловеческим воем ринулся на него, боднул головой в грудь и повалил навзничь. Со стороны казалось будто грызутся двое вурдалаков. Гиббон рычал и, суча ногами, подбирался все ближе и ближе к горлу Орка... И лежать бы капитану с разорванной глоткой, и полетела бы родным в Нижний весть о том, что пал их геройский сын в роковой схватке с врагом... Но последним усилием Орк высвободил из пут левую руку и только это спасло ему жизнь... Их растащили. У обоих морды были в крови, как у сытых львов.

Утром их отправили в госпиталь. Голова Дзюбака с прокушенной щекой и рваным ухом была похожа на распухшую обмазанную йодом тыкву. Людвиг поплатился перегрызенным в запястье сухожилием.

По дороге, глядя из окна санитарной машины, они впервые ясно увидели величественный и спокойный Дон, серебряною лентой скользящий по бескрайней степи, и высокое удивительно прекрасное небо, громадами ажурных облаков сокрывающее землю от сурового лика творца.

Алексей ГРАВИЦКИЙ

ДОРОГОЙ ИВАН АНДРЕЕВИЧ!

— Дорогой Иван Андреевич!

Гость шел на него широко раскинув руки. Невысокий, в коротком сюртучке. Иван Андреевич радушно обнял, провел в кабинет. По дороге задержался в коридоре, попросил подать чаю. В кабинете сел против гостя с хмурой миной. Радоваться было особенно нечему. Утром пришел к выводу, что до смерти надоел свой жанр, что пора переключиться на прозу, стать серьезнее. Он только-только начал обдумывать роман, только набросал на бумаге опорные точки. Готов был с головой уже кувырнуться в работу. И тут на тебе! Принесла нелегкая посетителя. — Что-то вы не в духе сегодня, — жизнерадостно прощбетал гость.

— Я работал, — поддержал разговор Иван Андреевич. — Роман затеял писать. Надоели знаете ли все эти рифмы.

— А о чем роман? — заинтересовался гость.

А может и не так бесполезен этот посетитель, подумал Иван Андреевич и ухватился за листы, на которых набросал основные пункты будущей книги для памяти.

— История про дворянскую семью. Отставной офицер берет в жены скромную девушку, и она распускается, как бутон. Как Золушка. Они живут счастливо. Балы, кутерьма, веселье. Но есть маленькое но.

— Что же? — подался вперед гость.

— Деньги, — благоговейно произнес Иван Андреевич. — Его дела не так хороши, как кажется. Вскоре он разоряется и пускает себе пулю в лоб.

— Естественно. Он же офицер. Ну-ну, — подбодрил гость. — А что же девушка?

— Она возвращается к тому, с чего начинала. К простой сельской жизни. Но после балов, приемов и французских платьев она не может принять прежнюю жизнь.

Постучали. Иван Андреевич разрешил войти, и Дуняша внесла поднос. Накрыла чай и тихонько вышла. Гость проводил взглядом округлые бедра служанки.

— А может наоборот? — предположил гость, подвигая фаянсовую чашечку.

— Что наоборот? — не понял Иван Андреевич, размешивая сахар.

— Ее не приняла старая жизнь. Вы подумайте, такая фифа из грязи в князи выпрыгивает. Это же зависть. Вы представляете как к ней должны относиться после этого?

— Может и так, может и так.

Иван Андреевич сел к столу и сделал пометку. Нет, гость все-таки очень даже кстати. И вообще роман это слишком. Можно сделать повесть. Если это уместить в повесть, то будет ярче и насыщенной.

— Как вам в целом? — повернулся Иван Андреевич к гостю.

— В целом интересно. Но...

— Говорите, говорите, — подбодрил Иван Андреевич.

— Чего-то не хватает. Может быть, она не селянка?

— А кто?

— Певичка. Может же офицер полюбить певичку? И пусть он разорится из-за нее.

— Это как? — оторвался от пометок Иван Андреевич.

— Ну, из-за ее балов и приемов. И французских туалетов. Она живет не по средствам.

Иван Андреевич потер руки. Позабыв приличия одним глотком заглонул чай и с азартом посмотрел на гостя.

— Так-так-так. А он?

— Офицер?

— Полковник. Пусть он будет полковник. Так ярче. А то офицер как-то безлико.

— А он стреляется, потому что готов ради нее на все. Но не может расплатиться с кредиторами.

— И она снова становится певичкой, — решительно взмахнул пером Иван Андреевич. — Нет. Не так. Представьте. Она идет по дороге, кутается в полушубок. Ветер, мокрый снег. Экипаж сломался. Она идет к ближайшей деревне, чтобы попроситься на ночлег.

— Откуда идет? — заинтересовался гость.

— Ну как... А она возвращалась с похорон мужа, — не растерялся Иван Андреевич. — Он завещал похоронить себя в фамильном имении. Кстати оно уже давно заложено. Так вот она идет и встречает крестьянина, а он...

— Стоп, — подскочил гость. — Не так. Она знала этого крестьянина и пришла к нему специально.

— Как знала? — раскрыл рот Иван Андреевич.

— Она изменяла с ним мужу! — гордо возвестил гость.

— Какой конфуз! Полковнику?

— Да!

— С крестьянином?

— Да! В его имении.

Иван Андреевич вскочил и принялся мерить комнату шагами.

— Смело. Ново. Неожиданно. Но тогда он не разорялся и не стрелялся. Он их застукал, вот что.

— И застрелил из охотничьего ружья, — подытожил гость.

— Нет! — азартно выпалил Иван Андреевич. — Он ее выгнал. И она пришла к крестьянину. Приходит, просит помощи. А он не может ее содержать. И спрашивает, чем она может заниматься. Чем может заработать на жизнь.

— А она что же?

— А она говорит, что она прежде пела.

— Ах да, — шлепнул себя по лбу ладонью гость. — Она же певичка.

— Нет, пусть она не будет певичкой. Просто брала уроки пения. И вот она приходит к нему и говорит, что прежде пела. А он радуется, одобряет. Это дело, говорит, пойдешь петь и плясать. В варьете.

— Варьете в деревне? — усомнился гость.

— Нет, в городе. Ведь после всего этого они не смогут остаться в имении. Они бегут в город. А крестьянин в городе двоих не прокормит. И она идет в варьете.

— И изменяет своему крестьянину с местным директором.

— Нет, это уж слишком, — покачал головой Иван Андреевич и грузно опустился на стул. — Вообще это надо показать по-другому. Надо дать две встречи с крестьянином. До и после.

Сперва она блистает. Французские наряды, духи, украшения. А в конце кутается в полушубок и дрожит от навалившегося кошмара. А впереди неизвестность.

— Гениально! — похвалил гость и встал. — Дорогой Иван Андреевич, не стану вам мешать, творите. И разрешите откланяться. Иван Андреевич проводил гостя и полный сил вернулся к столу. История полилась на чистый лист, но слова были какие-то не такие. Не о том. Иван Андреевич скомкал страничку и бросил на пол. Нет, не так не так рисовалась ему эта история. И не рассказ это вовсе, и не роман.

И вообще ну ее к черту эту прозу, решил Иван Андреевич. Вернусь-ка я к родным рифмам. Прийдя к такому выводу, он улыбнулся и, взяв чистый лист, написал:

«Попрыгунья стрекоза лето красное пропела».

Татьяна ГРАУЗ

Из цикла ДЕТСКИЙ САД

ЯНВАРЬ

ФЕВРАЛЬ

И РЫЖАЯ СОБАКА

январь закончился
лазурь и позолота — распятые хрупкое зимы
а жизнь давно не выход
а смерть давно уж не исход

а где-то там
в больнице
в волжских даях
отец
он от кровати

МАРТ

ВЛЕТЕТЬ

до подоконника недавно одолел те шесть шагов
откуда виден снег труба котельной серенькое небо
собака бегущая
и рыжая собака

в бессмертное детство влететь
и не разбиться
и встретиться как бы случайно у чаши с хлебами
где рябь терракоты и плотное мёртвое море
и смальта-мозаика рыб веками плывущих

АПРЕЛЬ

ГОРОДА

а время привстало на цыпочки
и перешептывается с тем лёгким светом где только
блаженная тишина

нет не то и не так

мы блажью уходим в речь
где обереги — ива багульник и прочая дивная
растительность жизни
а слово точь-в-точь обугленная бумага
жгли жгут и будут и будут жечь чужую свою невыдуманную
ненадуманную нашу речь
скручивать в жгуты в целлулоидном сериале

но мы входим в неяркий осенний

в-наш-сад

голосом проточным блуждаем
в иных совсем городах
в невидимой их архитектуре

МАЙ

ПТИЧЬЯ ПЕЧАЛЬ

скри
пичная птичка склёвывает у ног моих семечки
такая приручаемая
такая птичья пе
чаль в её глазах

ГИПНОТИЧЕСКИЙ ГОРОД

газетные загазованные
скошенные как каблуки
обнажённые до био-логичности
слова во рту

не язык не речь
а соса-сола вперемешку с музыкой techno

вчера были солнцем на палочке
карамельным клубничным
а сегодня повышенной температурой

но она с удовольствием ходила бы и без них
с тёмно-синим tatu-иероглифом-на-бедре
скручивалась бы в асаны учила китайский
и плавала в море

и маячила бы на поверхности
красная-синяя-крашенная её голова

ИЮНЬ

НЕ СКОРО ЕЩЁ

не скоро

не скоро ещё возвращение

в смирительный свет этого поля

мы за оградой ещё постоим

в шелестящем и здешнем

где голоса и шиповник

где в час благодатный очнулась и оживает душа

ИЮЛЬ

ДОМОТКАННОЕ

кто-то выткал

бликами домоткаными

это утреннюю речную и лёструю воду

и птиц

и их тени летящие

и небо над выгоревшим покоем августа

и душу

спрятавшуюся в загорелых телах

твоё-домотканное-завтра

АВГУСТ

НЕДЕЛИМОЕ

день строго говоря как день

и ночь нестрогая

и сумерками выструганные из темноты деревья

и неделимое дождя дождит

и утро серое печаль на сердце

а где-то там другой наверно день

там берега

без имени

в тумане

и мы там были

мы там будем

СЕНТЯБРЬ

ОЧЁМТЫМОЛЧИШЬ

день облачного бытия

день солнечного чистотела

какэтогде воздух июньский молчание крыш

и пригороды далёкой природы

запахи

едва уловимые

ливня и липы

и ахнувшее «очёмтымолчишь»

и тихая сторона леса

когда по ступеням в «нашевчера» легко перепрыгнуть

туда где не гаснем

где лепет тепла

где мы почти невесомые

мы существуем

и мы существует без нас

ЛАНДЫШИ

ничьё

одушевлённое осенним светом

на нас ступающее

здесь

асфальт так чист

в подземке гул

и голоса так утренне-прохладны

а девочка пятьлетпятьлет

так утешительно так долго

так смотрит

как мы живём

живём-бытуем

как ландыши

как души уже несуществующие здесь

ОКТАБРЬ

ЗАПАХИ СОЛНЦА

бегут бегут ослики

навьюченные неучёные

сеном пахнут их спины

под солнцем

солнцем пахнут их спины

под сеном

улыбаются ослики шурятся

и бегут

ушуренные

в золотистый

в осенний

в наш-сегодняшний-день

НОЯБРЬ ДЕКАБРЬ

Олеся БРУКС

МАНУАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ

Прошло пять лет, но я его не забывала. Я просто боялась увидеть его снова. Наконец, я дозвонилась в Центр мануальной терапии и записалась к нему на прием. Это было совсем не страшно. Встреча будет только через 3 недели. 14 декабря, вторая половина дня. Доктор принимает с 2-х.

Тогда, в первый раз, когда я увидела его, меня заштормило второй раз в жизни, и вообще, он мне жутко напоминал того первого, его прототип. Я не знаю, что приводит меня в это невменяемое состояние. Тембр голоса. Жесты, взгляд, руки, в нем просто было все так, как мне надо.

Тогда я промучилась все 10 сеансов и исчезла. Чтобы не выдать свою неуместную страсть.

— У меня молодая жена, — сказал он, словно отвечая на мой немой вопрос. Меня хватило на пять лет. Я влюблялась в кого-то, даже не помню, в кого... Короче, все это было несерьезно.

И, вот, я вхожу в кабинет и вижу его. Он в зеленом, как одеваются хирурги, и от этого он был еще дальше и недоступней. Смотрит на меня, пытаюсь вспомнить. Он не играл в серьезного врача, его взгляд был искренен, и в нем читалось желание вспомнить. Я молча протянула карту, и он вспомнил. А дальше снова повалил жесткий официоз, через который было невозможно пробиться. Я и не пыталась, я с ужасом осознавала, что за эти пять лет так ничего и не изменилось. Я также млела перед ним, как кролик перед удавом. Времени не существует.

— Раздеваемся и идем ко мне!

Господи, какой ужас... Как я хочу услышать эти слова совсем в другом контексте. Нет, еще хуже — я и сейчас из его уст слышу их в другом контексте. Мы всегда слышим то, что хотим услышать. А я очень хочу, это просто невозможно скрыть, мне кажется, что он видит меня насквозь. Иду к нему. Дальше — больше.

— Встаем ровненько. Носочки вместе, — прямо детский сад какой-то, — ко мне спиной и медленно наклоняемся... Я чувствую его дыхание, он стоит очень близко, я ощущаю его всем телом, хотя между нами есть несколько сантиметров.

Ну, ладно, куда деваться, сейчас я ему продемонстрирую свои гимнастические способности — легко достаю руками до пола.

— Достаточно! Наконец-то и до него дошло, что такие эксперименты могут плохо закончиться.

Дальше — еще хуже.

— Садимся на кушетку, — привычно командует он, и опять оказывается у меня за спиной.

— Глубокий вдох... И — выдох!

Может, хоть это мне поможет. И тут я чувствую, как он прилоняется ко мне всем телом, дышать и правда приходится глубоко, чтобы не потерять сознание. Я падаю назад, что-то хрустит, он очень доволен.

— Теперь ложимся на спинку!

Он стоит снова у меня за спиной и массирует мне шею, с ума можно сойти. Я вся ватная, с трудом стараюсь расслышать его команды, потому что у меня в голове шумит прибой, я под анестезией, я вся в его власти. Только он не должен этого почувствовать. Теперь на живот. Он трогает меня за плечи, мнет лопатки, даже нажимает мне беспардонно рукой на попу!

— Надо расслабиться, — говорит он. Блин, с тобой это нереально — хочется мне крикнуть во все горло. Это возможно только в одном случае — сам знаешь, в каком...

Легко сказать! Я закрываю глаза и пытаюсь довериться его рукам.

— Голова не кружится?

Не кружится ли у меня голова? Да у меня все кружится... У меня весь мир плывет... Я сама плыву куда-то... Я вообще его почти не слышу. Звуки доносятся глухо с какой-то другой планеты, а я парю в открытом космосе.

— Кружится, но это так классно! Хочется добавить, что у меня всегда от него кружится голова, даже, если он не прикасается ко мне.

Замедленное кино.

— Ложимся на бок. Какое разнообразие! А то всю жизнь в одной позе...

Сгибаем ножку... Он распинаят меня, как на кресте. Боли нет, я только чувствую его сильные руки и стараюсь стать пластилиновой, чтобы он мог делать со мной все, что захочет.

Но он не хочет. Мне так кажется. Он делает со мной все то же самое, что и со всеми. Это немного задевает. Но сейчас я не думаю об этом, я вообще, ни о чем не думаю. Я просто стараюсь не подавать виду, что я умираю, прямо здесь, на его руках. И мне так хорошо. Как не было уже много лет.

Опять садимся, и экзекуция с падением назад повторяется, части нашего тела, наверное, процентов на 40, сливаются. Это просто невыносимо. Господи! Дай мне силы не прыгнуть к нему на колени! Мне кажется, что если он заглянет в мои глаза, он все в них прочтает. То, что я чувствую, невозможно скрыть. Мне кажется, что это видит весь мир, у меня горит лицо, зрачки на полвосьмого, может быть, у меня даже температура... В голове — сладкая вата. И все-таки я с трудом слышу его слова:

— Сгибаем ногу в колене. Боже, какую ногу сгибать, как бы не опозориться? Ну да, конечно. Все равно, какую... Он ложится на меня всем телом, проверяет мою растяжку, с этим у нас нет проблем!

— Я до сих пор сажусь на шпагат, — гордо говорю я. Дальше что-то несу про художественную гимнастику, мастера спорта и загубленное детство.

Не помню, как оказываюсь снова на стуле, как одеваюсь, как солдат, и вылетаю из кабинета.

Спасение — это туалет. Захлопываю дверь, закрываюсь, как преступник и закрываю лицо руками. Он тоже просил меня закрыть лицо руками, потом подошел сзади и поднял меня над землей, так легко, как бабочку, я до сих пор вишу где-то там, за облаками и никак не могу вернуться на землю. Не могу и не хочу. Вылезаю из кабинки, пытливо заглядываю в зеркало. Морда красная, на щеках следы от дырки в кушетке. Глаза, как у бешеной кошки на охоте. Ужас.

Силы покидают меня, и я медленно бреду по коридору. Вешалка, какие-то люди, дверь и первый глоток холодного, отрезвляющего воздуха. Ничего себе влипла!!! Я бреду, как пьяная, по ледяной тропинке к Универмагу на Юго-Западной, в котором не была тысячу лет, брожу по разным отделам и даже пытаюсь вступать в разговор с продавщицами, скорее всего, для того, чтобы убедиться в том, что я жива. Тихонечко, где-то в глубине моего существа, начинает звучать музыка, это моя мелодия счастья, она наполняет меня теплом и светом. Я узнаю эту мелодию, я уже слышала ее когда-то. Я мурлычу ее себе под нос, и мне ужасно хочется сохранить ее как можно дольше.

Я набредаю на отдел белья и выбираю что-то не очень агрессивное. Несчастливая тетушка, видимо, озверев от одиночества, бросается мне помогать, и привлекает еще кучу белья, на которое я бы никогда в жизни не обратила внимание.

Иду в примерочную и, как школьница, послушно меряю все десять лифчиков. И, — о чудо! Один из них (не мой выбор) подходит мне идеально, даже не просто идеально, он превращает мою грудь в пышный бюст, о котором может мечтать любая женщина! А я — тем более. При этом оказывается, что это комплект и еще существуют чудесные трусики, практически прозрачные. — На выход, — поясняет продавщица. Охренеть... Трусики «на выход!» Беру. Как бы мне хотелось, чтобы они когда-нибудь пригодились!

Теперь вся моя жизнь расписана по графику — утро-вечер. Я хожу к нему каждый день. Он все время держит жесткую офисную линию. Я млею, но держусь. Становлюсь нервной, меня не интересует ничто, не связанное с этими визитами. Мне все время нужно оставаться одной. Мне никто не нужен, кроме него. Я живу этими краткими свиданиями, каждое из которых приносит что-то новое. Я уже в состоянии поддерживать легкий разговор, всего пара ничего не значащих фраз, которыми мы обмениваемся, словно для того, чтобы не циклиться на тех ощущениях, которые взрывают мой мозг. Это непре-

сто, когда теряешь сознание, отвечать на вопросы так, чтобы он этого не заметил.

Сегодня я чувствую даже легкий азарт. Я нашла его в Одноклассниках, теперь я кое-что о нем знаю — жены там нет, по крайней мере, на фотографиях, зато есть он — в Австрии и в Испании, кстати, в городке Санта-Сусанна, где я тоже была. Он стоит в шортах, загорелый, совсем другой, даже немного неуклюжий. Все-таки зеленая форма хирургов придает ему пафоса, серьезности и отстраненности. А тут он — совсем мальчишка, смешной, загорелый, улыбающийся, более близкий, что ли.

Речь заходит о предстоящих праздниках — сегодня 20 декабря, Новый год на носу.

— Но Вы-то уж точно куда-нибудь едете! — говорю я.

— Да нет, — задумчиво отвечает он, — буду ремонт доделывать в квартире, жена скоро рожает...

И тут я понимаю, что мои руки в этот момент расстегивают мои джинсы, предательская молния уже сползла в самый низ. Мой мозг плавится, мои руки неуправляемы. Здесь не нужно снимать джинсы, это не тот врач. Слава Богу, это секундное умопомрачение, я отворачиваюсь и судорожно застегиваю ширинку. Только бы он не заметил! Совсем сошла с ума! Не помню, что было дальше, не помню, как очутилась на улице, как брела домой, ничего не соображая, как валил Рождественский снег, как хлестал по щекам ледяной ветер. Мир обрушился. Пипец. Тогда я остановилась, потому что он сказал, что у него молодая жена, я все поняла — отношения свежие, как утренняя роса, мне не до тебя. И вот надо же было ждать пять лет, чтобы теперь она, пусть уже не такая новая и не такая желанная забеременела! Во мне бурлила злость, я ненавидела себя за свою сдержанность, за неумение добиваться того, кого хочу, особенно, учитывая, что хочу я кого-то раз в пять лет! И при этом, даже умудряюсь повторяться! И все это — мои иллюзии! Реальность жестока и никак не совпадает с моими мечтами.

Я перестрадала, перемучилась, пережила. Взяла себя в руки и стала ходить к нему «для здоровья». Если не вышло со всем телом, пусть уж хотя бы поставит мне позвонки на место — вправить мне мозги, пожалуйста, ему не под силу.

Я стала смиренной, послушной, я ни на что уже не надеялась, я знала, что еще три, два, один раз и все повторится. Как пять лет назад, я уйду отсюда в последний раз и никогда больше не увижу его. Еще через пять лет я буду старухой и уже не пойду сюда.

Я смирилась, я приняла условия игры. Я знала, что ничего не будет никогда. Это обессилило меня и расслабило. Мне стало почти все равно. Я ходила к нему, как узник, который ждет казни. И вот он наступил — последний раз. Мой позвоночник преда-

тельски все меньше и меньше скрипел в его сильных руках, которые иногда даже гладили меня, как ребенка или делали массаж. Он хвалил меня. Или себя? Но все шло к тому, что грядет конец. И снова наступит мрак, холод и меня снова засосет болото, где нет рассветов, росы, птичьего щебета, тепла, зелени, цветов, где нет жизни. Вряд ли я долго протяну на этих воспоминаниях, ведь у меня не осталось главного, что греет — надежды. Когда его ребенок вырастет или он сам разведется, я стану Божьим одуванчиком.

Сегодня я была у него в последний раз. Еще накануне я запаслась Henessy, по дороге купила красивый новогодний пакет и отправилась прощаться со своим доктором. Честно говоря, моя израненная психика порядком подустала от этих американских горок, ей гораздо спокойней в том самом болоте. Я провела все утро дома, выспалась, повалялась в джакузи, вымыла голову, накрашилась очень удачно — хороша была. Это придает мне уверенности. Но не для него — вечером у меня была новогодняя вечеринка на работе! Не стала готовить никаких прощальных слов, не ставила перед собой никаких задач. Решила — пусть идет, как идет! Ну, не судьба. Только бы знать, что он тоже что-то чувствует в ответ. И все. И можно жить дальше. Значит, шанс еще есть. Значит, надежда умирает последней.

Он встретил меня улыбкой, и мне показалось, что он ждал меня. И обрадовался. Я лежу на животе, а он меня с наступающими поздравляет. А я возьми и скажи, что желаю ему в новом году стать папой. Кстати, — в первый раз? — спрашиваю. И тут вышла заминочка. Почему-то он не стал мне врать и говорит: «Ну, между нами, не в первый». Ничего себе степень доверия! И говорит со мной, как будто мы давно вместе. Никакого официоза.

Опять — то на спинку, то на бочок — я ржу, говорю — с чего это сегодня такое разнообразие? Он говорит — всегда надо что-то новенькое добавлять, подтекст прямо конкретный так и прет. Я перестала быть оловянной, расслабилась. Как жаль, говорю, что это последний раз...

И вдруг он отвечает: «Почему? Мы можем и дальше видеться!». То ли видеться... То ли общаться... То ли встречаться... В общем, спасибо автопилоту, который меня продолжал в этот момент одевать. Потому что все остальное впало в ступор.

И тут я выдаю, практически не дав ему договорить: «Я хочу!». В этом «ХОЧУ!» было все — я думаю, это скрыть было невозможно. Я всего хочу. Тебя хочу, с тобой хочу. Все хочу. А что будет дальше — я не знаю...

Александра КРЮЧКОВА

ЗА ВЕРСТУ ДО КОНЦА ДОРОГИ...

Художник

Не жалея, художник, ярких красок
Девочке с душою пилигрима! —
В галерее карнавальных масок
Нарисуй меня,
Пожалуйста,
Без...
Грима.

С криком в Небо! С лучиком Надежды!
В Вечность распротёршую объятия!
Человека красят не одежды —
Нарисуй меня,
Пожалуйста,
Без...
Платья.

На огромный Океан похожей! —
Жаждою Любви! — Я так хотела
Жить!!! ... А ты однажды тоже...
Нарисуй меня,
Пожалуйста,
Без...
Тела...

Птица

Я — птица, залетевшая в твой сад,
Ты в жизни не встречал подобных раньше,
Пронзающий насквозь глубокий взгляд,
И в пении моём — ни ноты фальши.

Я прилетела ненадолго — на чуть-чуть,
Чтоб спеть тебе о тех далёких странах,
Где побывала я, куда когда-нибудь
Ты попадёшь иль поздно или рано.

Там нет часов, там вечный солнца свет,
У врат золотых — два белокрылых стража,
И сколько прожил — на земле — ты лет,
И сколько нажил — на земле — неважно.

Запомни же, чтоб не вернуться вновь:
Ступени лестницы небесной слишком хрупки!
Там проверяют душу на любовь,
Там взвешивают мысли и поступки.

Меня прислали с просьбою о том,
Чтоб донести тебе слова Небесной Стражи:
Любовь — божественна. Впусти её в свой дом,
Когда она придёт к тебе однажды.

Христос Воскрес!

Взгляд влюблённых порой безумен,
Их прописка — Страна Чудес...
Он сказал мне, что Бог наш умер...
Я сказала: Христос Воскрес!

Возвращаться нельзя — приметя,
Сколько всяких примет — не счастье!
Он сказал мне: Надежды нет, а...
Я сказала: Надежда есть!

Размечая в судьбе маршруты,
Чья-то дрогнула вдруг рука...
Он сказал мне: Любовь — минуты...
Я сказала: Любовь — века!

Он сказал мне, что Вера — повод...
Я сказала, что Вера — Путь!
Он был тоже когда-то молод...
Я хотела его вернуть...

На мостике

Взмах календарным хвостиком —
Вдаль убегает век...
Я прогибалась мостиком
В бурном потоке рек.

Не суждено мне, видимо,
Суженой стать тебе.
Многих людей я видела —
Шли по моей судьбе

Мимо! — из тёмного прошлого
Новую жизнь начинать...

Свай давно изношены —
Сколько ещё стоять?

Взмах календарным хвостиком —
Вдаль убегает век...
Прохожий!
Постой на мостике!
Боже, как нежен...
Снег...

Я люблю Вас

Молчаливым, как Мудрость, горцем,
Не прошу я и крошки хлеба,
Я люблю Вас, как любят... Солнце,
Я люблю Вас, как любят... Небо.

Вы — одно из чудес на свете!
Вы — прекрасны, как своды Храма!
Я люблю Вас, как любят... дети,
Я люблю Вас, как любит... мама.

Ревность сердце моё не губит —
Я люблю Вас, как любят... Боги,
Я люблю Вас, как любят... люди
За версту до конца дороги...

Всё будет так же

Когда оставляю суету-сует,
Сливаясь с тем, что называют Богом,
Там, где, возможно, пустота, и нет
Того, что ждут от неба за порогом,
Всё будет так же — после, как и до,
И не изменится ничто на свете:
Здесь будут возводить за домом дом,
И будут подрастать чужие дети,

И будут пролетать опять года,
Слагая век за веком неустанно,
А от меня — ни тени, ни следа...
Как ни звучит сегодня это странно,

Не вздрогнет от потери шар земной,
За мною закрывая в полночь двери...
И ты, как прежде, будешь не со мной
Мечтать, любить, надеяться и верить.

Что такое счастье?

Писать безголовые строчки,
Стучать в Небеса осторожно
И не получать ответа...
Но это не повод для точки,
Знаешь, счастье — это возможность
Знать, что ты есть где-то...

Рисовать на асфальте мемом,
Быть собой до конца и... дольше,
И с тобой — иногда — рядом...
Я сказать тебе только хотела:
Знаешь, счастье — это когда больше
Говорить ничего не надо...

Любить... А любовь — безусловность,
Отчего же тогда ты горюешь?
Любимый мой, ты меня слышишь?
Знаешь, счастье — это возможность
Дышать, потому что — любишь,
И жить, потому что — дышишь...

Не просить для врагов наказания,
Босиком по траве и лужам,
Лишь помнить — душа нетленна...
Знаешь, счастье — это сознание
Того, что ты всё-таки нужен
Огромной такой Вселенной...

Отдавать без остатка, без «если»,
Ведь за что-то — отдать несложно!
И в других разжигать пламя...
Знаешь, я пишу стихи и сочиняю песни,
А счастье — это когда ты можешь
Оставить свой след на память...

Поверить, что жизнь — это чудо,
Божественное творенье,
Подарком принять многогранным...
Знаешь, не думай о том, что будет,
Ведь счастье — это умение
Быть каждый миг благодарным...

Татьяна ГОРОХОВА

ЛИСИ ЯЗВИНЫ ИМУТ (главы из романа «Встреча»)

мужу

Знакомство

*Роман с романтикой — хворь или сон,
жизнь, как цитата, взятая в кавычки...
Дмитрий Цесельчук*

Превратности любви часто состоят в том, что люди не знают, что им на самом деле надо, они не умеют посмотреть в глаза своим желаниям и не понимают, что они делают в данный момент. Искусство любви очень просто: делать то, что хочешь, с тем, кто этого хочет, быть адекватным своей воле, если это только не вредит и не причиняет боль другим. Если бы кто-то сказал Вере час назад, что вся ее жизнь изменится после этой встречи в саду, она рассмеялась бы этому человеку в лицо. Если бы Палыч знал, что одним своим звонком он взял на себя роковую роль «вершителя» судеб, он бы, может, и не поехал звонить. Если бы, наконец, Сергей мог предположить невероятное, он бы, почувствовав запах судьбы, перестал тормозить и рефлексировать. На самом деле назрел именно тот момент, когда желания совпали с возможностями и неизбежность встречи стала очевидной. Вера поднялась с полотенца, на котором лежала на песке и попросила Палыча отвезти ее в «райский» сад...

— Вы одна? — Да. А что, одной нельзя было приходиться?

— Нет, почему. Смотрите, пожалуйста. Это «Натюрморт с тыквой», «Антоновские яблоки», «Лето заканчивается». У меня на ней яблони хорошо прорисованы... Мужчина медленно ставил картины по кругу, чтобы лучше было смотреть.

— А вот на этой — сосны от ветра падают. Называется «Сосны в снегу». Это все прошлой зимой — «Открытое пространство», «Заснеженный поселок», «Старые сараи»...

— Как настоящие... И вот этот домик, я его знаю. И женщина такая странная, ах, да это же художница Лариса с улицы Радио, верно?

— Да, это она.

Мужчина помрачнел. Вера почувствовала себя неудобно и перела разговор на другую тему. Она умела сыграть, когда надо, когда надо промолчать, а когда и перескочить с темы на тему не в ущерб разговору. С незнакомыми людьми Вера вела себя как разведчик, стараясь больше слушать, чем говорить. Запоминать сказанное и задавать вопросы только о том, что инте-

ресует собеседника.

Вера умело манипулировала словами и подчас совсем не замечала, как слова уводят ее в особый мир, где нет места живым людям. Но сегодня вечером рядом с ней сидел живой человек, и от него просто било энергией так, что женщина почувствовала себя женщиной. Вере никак не удавалось нащупать ту единственную нужную нитку, потянув за которую можно всю жизнь разматывать клубочек счастья, ведущий по лабиринтам действительности, превращающий каждый момент бытия в сказку и дающий почувствовать ту невероятную легкость общения, которая случается только после того, как люди становятся близки.

— А Вы где работаете?

— В Центральной Фотолаборатории. На Киевской. — Знаете, если от вокзала перейти на другую сторону.

— А я вот без работы сижу уже полгода.

Мужчина опустил руки на колени. Руки у него были красивые с длинными пальцами.

— Вы-вы... Вера широко открыла глаза. Да у вас же картины!!! Им же цены нет!

— К сожалению, есть. И не такие высокие цены, как Вам кажется. По крайней мере, у нас в Союзе. Да и имени у меня пока нет. На персоналку набрал, а с коллективными выставками, сами знаете что творится... Так что я просто иду работу. И был бы рад сотрудничать в любой фотолаборатории, выполнять даже черную работу, я ведь это тоже умею.

— Вы знаете, я могу поговорить со своим шефом. По-моему, у нас есть место. А почему Вы у Палыча-то не спросили раньше?

— Не смог.

— Короче, я поговорю, хорошо? А в следующий вторник Вы мне позвоните, вот мой телефон.

— Я позвоню. Обязательно. Спасибо Вам. А знаете что, приезжайте в следующие выходные в «Заветы». Ко мне. У нас две комнаты. Я с мамой живу.

Мама

Она хорошо знала, что «лиси язины имут», что по-старославянски означает «лисы норы имеют, и поэтому с самого детства стремилась в свой собственный Дом, представления о котором у нее складывались из принесенных бабушкой с факультета славистики книг и кинофильмов 30-х годов, которые она любила больше мороженого. Винегрет в голове был полный, в своих фантастических снах она разгуливала по хрустальным дворцам и воображала себя Снежной королевой, а рука продолжала болеть и предательски выставляться даже из самых длинных рукавов старых платьев, которые она стыди-

лась надевать на улицу. Анна была домоседкой. Вероятно потому, что родилась калекой. А что лишней раз людям глаза мозолить скрюченной, безжизненно висевшей и повернутой назад за спину левой рукой. Стройная ладная фигурка, открытое лицо и увечная рука. Она избегала зеркал. Она и так про себя все знала. Невероятная твердость ее характера пугала даже мальчишек во дворе. У Анны Петровой было прозвище «железная леди». Внешне женственная, но внутри неподдающаяся ни на какие уловки и провокации, она шла по жизни, сжав зубы и считала себя способной на все. Страха не было. Вот только одиночество сосать стало сразу после школы. Анна как-то вмиг почувствовала свободу, желание своего дома обострилось, глаза наполнились синевой и за спиной выросли крылья. Вот только взлететь не удавалось. До поры, до времени.

А время подкралось как всегда незаметно. Это только кажется, что мы что-то планируем и точно знаем, что произойдет завтра. Мы ожидаем исполнения планов с упорством идиотов и не прощаем, когда что-то не складывается так, как нам хотелось бы. Нам чудится, что мы знаем себя, наши реакции, просчитываем варианты поведения в различных ситуациях, и даже выдумываем порой эти ситуации, мечтаем поймать за хвост ускользающий миг, и не терять время даром. А жизнь наступает нам на пятки, приводя к непредсказуемым результатам и меняя планы.

В «Заветах Ильича» стоял полк 152-й мотострелковой дивизии. Солдаты проходили учения на дальних карьерах, а в магазин за водкой в увольнительные бегали в ближайший поселок. Анна с Николаем познакомились в булочной. Вместе хлеб купали, а потом пошли купаться и не вернулись ночью домой, а остались ночевать в шалаше, предусмотрительно построенном местными рыбаками для ночных походов, ведь известно, что ночью лучше клюет. Анна поняла сразу, что ей не уйти, не отвертеться, что будет трудно потом, и что локти кусать придется ей одной. Но решение было принято: она хотела хоть раз в жизни познать любовь до конца. Она хотела обмануть себя и поверить в то, что нашла мужа. Анна знала, что ей женщине малопривлекательной, да к тому же калеке нужно быть очень умной, очень сильной и очень практичной, чтобы удержать такой подарок. Ей было хорошо с Николаем — высоким, стройным и красивым. Она бегала на свидания тайком от родителей и мечтала, что они летом поженятся. Но судьба распорядилась иначе. Через 3 месяца полк перевели на Украину, а Анна почувствовала такой токсикоз, что не могла ничего есть вообще и стала терять вес. Она таяла на глазах и все не понимала, почему Коленка (ее Коля) уехал, не простившись. И почему он вообще уехал, ведь пошло бы все по-другому, подай они в июле заявку в ЗАГС. Внутренний червь жжирал «железную Анну». Ро-

дители пилили, беременность все больше давала о себе знать, нервы были на пределе и тогда она решила ехать. На Украину. И все узнать самой. Купила билет и поехала.

Село «Боровици» расположилось высоко на песчаной горе. К нему вели две дороги: одна из города, другая по направлению к Кременчугскому водохранилищу, которое щедро отделяло левобережную Украину от правобережной. Оно вообще было похоже на море, чистое, зеленое, спокойное под лучами солнца. Воды было так много, и особенно весной в половодье, что два года назад произошло страшное. Вода поднялась и вышла из берегов. Вода стала так высока, что достала до кладбища и стояла так неделю. Она вымыла гробы из своих ячеек, и гробы поплыли по водохранилищу как разноцветные деревянные лодки, наталкиваясь друг на друга и унося из земляного приюта в вечность своих обитателей. С того самого времени в отвесной песчаной стене так и остались дырки-окошки, и если идти вдоль берега к селу, можно видеть их на протяжении целого километра. Анна Петрова шла вдоль берега. Она сняла туфли и шла босиком. Так было легче. Она думала о том, что идеальной любви на земле не бывает, что она не первая и не последняя в длинной череде страдающих женщин, что ребенка одной растить трудно и надо, по крайней мере, договориться о деньгах, если... но дальше не хотелось рассчитывать и она с хорошим чувством вспомнила темные теплые ночи в «Заветах Ильича», сильные руки Николая и свою решимость. Нет. Анна ни о чем не жалела. В конце концов, она в выигрыше: ее ребенок бьется под сердцем. Но только как же он мог?.. В районном отделении милиции ей сказали, что семья товарища Романовского проживает на улице Виноградской, 45.

— Или она ослышалась. Девушка-милиционер сказала четко: «семья». Но переспрашивать не решилась и, узнав у первого прохожего, как найти нужную ей улицу, смело шла дальше. Живот, слава Богу, еще не был заметен, но чувствовала она себя отвратительно.

На Виноградской стояло два дома: Из 46-го тотчас выглянула старуха в грязном желтом платке и пристально в упор посмотрела на Анну. А во дворе 45-го было шумно. Слишком шумно. Забора не было, только небольшие деревянные колышки огораживали дом. В песочнице играли дети: трое голопузиков, светловолосые и кареглазые с упорством строили дом. Анна внимательно посмотрела сначала на детей, потом на номер дома на калитке, потом на маленький песочный домик и повернула обратно.

Всю обратную дорогу в поезде она ревела. Она не могла смириться с мыслью, что не имеет права ни на что: ни на мужа, ни на материальное обеспечение. В милиции ей ясно объяснили, что у товарища Романовского жена и трое детей, к тому

же товарищ Романовский периодически закладывает, а молодая обивает пороги той же милиции и каждый месяц берет из кассы взаимопомощи. А Анне такая касса не полагается, потому что она товарищу Романовскому никто, несмотря на то, что в ее животе его ребенок.

Анна размазывала горячие слезы по тонким бледным щекам и пила валерьянку. С каждым глотком приходило успокоение. С каждой новой мыслью — ясность. Наконец, Анна поняла, что разлюбила Коленку именно в тот момент, когда пошла к калитке. И нет в ней больше этой любви. Только обугленные головешки торчат. Такие она видела прошлой зимой у Саврасовых. Незадачливые жильцы в один «прекрасный» день случайно спалили собственную дачу. Вот и Аннушка сожгла свою любовь, точнее утопила ее в горячих слезах. Дальше нужно было действовать и делать что-то конкретное. Первое и главное — сказать родителям. Это — кошмар, но перетерплю. Авьось, обойдется, ведь дома-то другого нет, кроме родительского. Второе — выносить и родить здорового ребенка, только обязательно полноценного, не как она. На соседей — плевать. Дуракам всегда захочется языки почесать. Подруга у нее Людка одна — верная, не продаст. Что еще? Ах, да. — Отца у ребенка нет. Нет и не было. Я буду ему и за мать, и за отца, так решила Аня, полагаясь на свою двужилкость и затаив сильную обиду на весь пол мужской.

Отец

Сергей пришел с физкультуры голодный как волк. Голодный и злой. Вчера он пережил первый облом в своей жизни. Он даже не мог думать о ней без омерзения. Неужели все бабы такие? А ведь он из-за нее поругался с матерью, ушел из дома, перестал ходить в школу, а выпускные уже на носу, и вообще начал новую жизнь. И такой облом. И ладно бы кто: а то стыдно сказать, этот старый пердун, отец Мотьки Разина — этого типичного отличника с комсомольским значком на белой рубашке. Тьфу... Хотя впрочем, это ее личное дело. Серега мудрел с каждой минутой. Не по дням, а по часам вырастали его мозги, так же как за последние два года выросли руки и ноги. Уже мамой перешитые дядины брюки были малы, да и куртка износилась. А обувь просто на нем горела.

— Серезж, поедем вместе в субботу на рынок. Да ты ешь, ешь, нечего рот-то воротить. Мать поставила чашку с картошками на стол.

— А то на тебя смотреть больно. Пообносился весь. Да и грязный как чушка. Сходи в баню-то...

— Схожу, — пробурчал Сережа с набитым ртом.

Мать смотрела на него пристально и укоризненно, но ничего

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана АРТЕМОВА

КСЕНИЯ

1.
Беззащитный и теплый комочек
На моих неумелых руках.
Крепко спит долгожданная дочка,
А я чувствую радость и страх,
Да и гордость, наверно, отчасти,
Что доверено нам двоим —
Три кило абсолютного счастья,
Три кило абсолютной любви.
И в тугом переплете пеленок
Дремлет смысл моей жизни грешной,
Величайшее чудо — ребенок —
Искупление, прощение, надежда.

2.
Маленькая Ксюшка,
Ты пока — игрушка,
Мамина игрушка,
Маленькая Ксюшка.
Вырастешь ты, Ксюшка,
И уже подружкой,
Маминой подружкой,
Будешь, дочка Ксюшка!

Людмила СЕРОВА

СТИХИ ДЛЯ ПЕТИ

* * *

У меня игрушек много:
Кот, железная дорога,
Мишка, заяц, пистолет,
Даже бабушкин браслет...
Но бегу я вечерами,
Как стрела, навстречу маме
И гремлю, как погремушка:
«В сумке — новая игрушка?»

не спрашивала, и сын был ей за это благодарен. Мать никогда его не понимала: ни в детстве, когда болели гланды и хотелось сливочного мороженого позарез, а у нее не нашлось 19 копеек и она покупала ему глазированные сырки — «это — твое мороженое», ни в переходном возрасте, когда надо было есть мясо, а на стол ставилась манная каша, ни сейчас, когда ему наплевать на свой внешний вид и даже лучше, что он такой, какой есть, больше соответствует ситуации, а мать хотела его видеть всегда чистым и аккуратным. Он тоже не против чистоты. Но не сейчас, когда в душе помойка.

— Ладно, мам, спасибо, я пошел.

— Придешь домой-то?

Мать нахмурилась.

— Да, — и Сережа захлопнул за собой дверь. Но не успел он дойти до калитки, как мать открыла окно и крикнула:

— Сереж, вечером, к 5-ти будь, пожалуйста. У нас гости....

И по твердому тону ее голоса, Сережа понял, что гости серьезные.

Он накопался в озере, зашел к соседу Веньке, посмотрел его коллекцию бабочек, особенно запомнилась одна с изумрудными треугольниками на желтых крыльях, договорился поиграть в футбол сегодня вечером, и без 10 минут 5 поплелся домой. Сердце его как-то нехорошо сжималось. А может просто перекупался, подумал он и широко распахнул дверь. За столом сидел незнакомый высокий и седой мужчина. Он вздрогнул, когда вошел Сережа и резко обернулся. Потом встал, протянул руку и громко сказал:

— Ну, здравствуй, сын.

Сергей почувствовал дурноту. На него сильно пахло водкой и табаком. Вышла мать в новом платье, строгая и белая. С огурцами.

— Я вот вам закусочки принесла. Садись, Сереж, покушай, проголодался уже, знаю...

Сережка сел. Мужик подвинул к себе пустой стакан, налил полный и передвинул к Сергею.

— Выпьешь?

Сережа выпил, встал из-за стола и, не простившись, вышел. Он все понял. Мать выбежала за ним на крыльцо.

— Сереж, ты что? Нельзя так отца родного встречать. Я и сама не хотела пускать, да вот приехал. Не ожидала.

— У меня нет отца, — резко и отчетливо выговорил Сережа и пошел прочь из дома. Мать только грустно посмотрела ему вслед. Встреча, о которой она нет-нет, да и думала, не состоялась.

Все прошло...

Как я кормлю птиц

По утрам о подоконник
Воробей стучит разбойник,
Крылышками машет,
Просит манной каши.

Я бы всю ее отдал,
Но получится скандал...
Лучше зерен отыщу
И за фортку опущу.

Зерна по ветру летят,
Голубей к себе манят.
Слаще нет приманки
Для любой овсянки.—

Красногрудым снегирям
И задорным воробьям
Сыплю я на лавку
Хлебную добавку.

С угощением моим
И мороз не страшен им.

Снеговик

Дети лепят снеговик.
Я им помогаю.
Грудью, высунув язык,
Снежный ком толкаю.
Ком большой, как грузовик,
Одному не сдвинуть.
Снег летит за воротник,
Падает на спину.
Весь в снегу я до зубов.
Слышу голос: «Дети,
Снеговик — то наш готов:
Гляньте-ка на Петю».

У моря

Я лежу на берегу,
Я купаться не бегу —
Жду, когда своей волной
Море приползет за мной.

Солнечный зайчик

Спрашиваю взрослых:
Есть у солнца дети?»
«Ты опять с вопросом?
Выдумщик ты, Петя».
Зеркальце стальное
Выну из кармана,
Солнышко смешное
Наведу на маму.
«Нет покоя мальчику», —
Мама засмеется...
Почему же зайчиком
Солнышко зовется?

Пушок

Я с Пушком делю еду,
Игры и игрушки.
Вечерами спать кладу
На свою подушку.
Сказку на ухо шепчу,
Пледом укрываю,
И как только замолчу,
Сразу засыпаю.
Я пою его, лечу,
С ним в саду играю,
Но никак не научу
Глупенького лаю.

Наталья РОЖКОВА

СЁСТРЫ КЛИЧКО

Мои кошки Дымка и Люся — подруги, нам бы поучиться таким трогательным взаимоотношениям. Шубки у обеих всегда чистенькие, словно выкупали только что: лижут друг другу спинку или галстучек. Одна умывает, а вторая аж глаза закрывает, мордочка умильная... А иногда начинаются игры: гоняются по комнате, распушив хвосты, взлетая по шкафам, столам и спящим хозяевам, почему-то всегда ближе к полуночи. Ночные снайперы. Или: привстав на здание лапы, начинают быстро размахивать передними, боксируя. Без когтей, конечно — о, спорт — ты мир. Сёстры Кличко. А когда морозы приходят, лежат рядышком на моей кровати.

НЯНЯ

Я закрыла дверь ванной. Сегодня ребёнок долго не мог успокоиться, пришлось укачивать. Спела все колыбельные песни, которые знала, а когда они кончились, принялась за стихи, почему-то Гумилёва. Крохотная дочка, видимо, сообразила, что читаю не ей, а себе, и затихла.

Я погрузилась в ванну, наполненную ароматной пушистой пеной. Какое блаженство! И вдруг — хлопок в дверь. «В чём дело?» — громко спросила я. Молчание. Послышались странные звуки, будто задумали перепилить дверную задвижку. Вымазанная мылом, в досаде открыла дверь. На пороге стояла кошка Катя. Подняв пышный хвост-лопату, быстро перебирая чернильно-чёрными лапами в белых, как сметана, носках, она понеслась в комнату. Оказывается, малышка проснулась и заплакала, а я не услышала из-за шума воды. Круглые зелёные глаза возмущённо сверкали: «Что такое! Детёныш плачет, а ты прохлаждаешься!» Когда девочка заснула, довольная кошка тихо замурлыкала.

Юрий ШАПКА

ПРО ПЕТУХА

Каждое утро меня будил Чук. Солнце уже висело над забором, и Чук, взобравшись на крыльцо, гремел цепью и скулил. Он звал меня. Ибо только я освобождал его от цепи. Почувяв свободу, пёс носился мимо крыльца, где восседал я, крича ему: — Чук! Чук! На-на-на!

Чук прижимал уши и, высунув язык, метеором мелькал мимо меня взад и вперёд. Потом я шёл умываться, а Чук, если не было рядом деда, с удовольствием гонял кур. Наверное, он им мстил за то, что они не сидели на цепи и даже не нюхали, что это такое.

Когда дед рано утром уходил по делам, а бабка на кухне занималась стряпнёй, мы с Чуком успевали разгромить противника и отбросить его на другую сторону Днепра. Мы врзались в куриную толпу. Чук первым делом налетал на ненавистного петуха и загонял его на забор. Там, на привычном столбике, задоренная птица смиренно сидела до прихода деда. Я же тем временем проводил артобстрел неприятеля. В ход шли любые предметы, попавшиеся под руку. Случался порой и дедов инструмент. Особенно мне нравилось запускать в петуха молотком, который дед потом долго не мог отыскать и бывал рад, если случайно находил его где-нибудь на грядках. Труднее было обнаружить пропажу в кустах. Разве что осенью, когда деревья

стоят голые, а птички улетают на юг. Тогда сквозь опавшую листву из кустов выглядывали несчастные и поржавевшие пастухи, отвёртки, клещи и множество других полезных вещей. Дед брал корзину и шёл снимать богатый урожай. При этом он одновременно и радовался, и сердито ворчал.

Иногда мне удавалось сбить петуха, и тот падал в сад. На шум выбежала бабка и прогоняла его со своих грядок. Петух опять оказывался в палисаднике. Ну, а тут мы с Чуком давали ему прикурить. Дед смастерил мне копьё, точно как у васнецовского Добрыни Никитича, и оно не залёживалось без дела.

Закончив свои дела в городе, дед возвращался всегда скорым шагом. Ещё издали он вытягивал шею и, как полководец Суворов, оценивал обстановку.

— Главное, — радовался он, — дом не сторел и бабка цела! Дед быстро громил мою армию и брал нас с Чуком в плен. Меня он сажал в комнату под домашний арест, а Чука опять на цепь. И шёл оценивать нанесённый утренней битвой ущерб. Однажды я проиграл сражение. Я не успел даже его начать, как был атакован противником с тыла. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Чук сидел на цепи, а я спустился в палисадник. Я услышал, что курочка снесла яичко, и полез за ним в курятник. Разогнав кур, я подошел к сараю, как вдруг сзади на меня налетел петух. Он опрокинул меня на землю и стал клевать в спину. Я был весь в крови, лежал и вопил. Чук рычал и рвался на цепи, но она отбрасывала его назад. Наконец выскочила бабка, быстро спустила пса, и тот в мгновение ока загнал петуха на столб, где, по мнению Чука, он и должен был сидеть. Бабка намазала меня йодом, отчего я еще пуще завопил, и пофронтному забинтовала. Когда пришёл дед, бабка грозно нахмурила брови:

— Отрубить ему голову! — она показала на петуха, сидящего на столбе. Тому деваться было некуда: его зорко стерёг Чук, изредка подпрыгивая и пытаясь ухватить за хвост. Дед любил своего петуха и наотрез отказался лишать его головы. Тогда бабка вынесла карабин и лихо клацнула затвором.

— Коли так, я его сама как врага народа пристрелю! — привычным движением она вскинула винтовку.

И так от нас с бабкой было много шума! И дед, утирая скучную слезу, тянул топором по пеньку. Петушиная голова покати-лась, но её подхватил Чук и быстро проглотил. Я даже моргнуть не успел. На обед был суп из петуха. Жирный такой. Но есть его я не смог, сколько дед не стучал кулаком по столу.

— Ешь Ваську, паршивец!

Когда я поправился, дед отловил меня в саду и от души высек. Я тогда очень на деда обиделся. Ведь именно в этот день я ничего такого и не сделал, не натворил, не набедакурил.

Аким КВАРТИН, ученик 2 «б» Салтыковской гимназии

ТРЕХЦВЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

Трехцветная кошка
В дом счастье приносит.
Сидит у окошка
И Вискаса просит.

Свое счастье кто-то бросил,
Я его домой забрал.
Покормил, погладил, вымыл,
Даже Пусею назвал.

Теперь эта кошка пушистая
Приносит в подарок мышей.
Не брошу её никогда я,
Ведь счастье уйдет вместе с ней.

Алла КОЗЫРЕВА

ПУСТЬ Я БУДУ НЯНЮШКА АРИНА...

Осень

Осень свет роняет зыбко
На замерзшее окно,
За хрустальную улыбку
Холод прячется давно.

Мы без листьев сухи, голы,
Так и ждем, нагрянет тьма,
Принесет тоски уколы
Настоящая зима.

Если тяжко нынче очень
Всем, кто духом обнищал, —
Вспомним, люди, что про осень
Светлый Пушкин завещал.

Детство

Цветы поют, и птицы расцветают.
Меня целует Пушкин. Мир широк.

Узоры, что закрыли солнце, тают.
И так серьёзен сказочный урок.

Забавно солнцем быть и ясным деревом,
Раскрашивать цветы в своем окне.
Все, кто живёт направо и налево,
Приходят в гости светлые ко мне.

И я расту — и я могу учиться,
И строить поднебесья пирамид,
Я маленькая бабочка, я птица,
Мне кот у древа сказки говорит...

Даниил ГЕДЫМИН

ИЗ НЕШИРОКО ИЗВЕСТНОГО

«Страна Муми-троллей»

В Финляндии, в курортном городе Наантали, на маленьком, но очень красивом островке Кайло, есть парк, который называется «Страна Муми-троллей». Там можно увидеть настоящий Муми-дом, «говорящие деревья», лабиринт и другие волшебные места.

Мурчание кошек

Мурчание кошек волшебно. Оно не только поднимает настроение, но, оказывается, может лечить некоторые болезни, укреплять и даже восстанавливать кости у пожилых людей.

Самое мелкое в мире

Азовское море — самое мелкое море в мире. Его наибольшая глубина — всего 15 метров. Это примерно высота семиэтажного дома или длина взрослого кита. По сравнению с глубиной остальных морей это просто мелочь!

Чуть больше апельсина

Самая крупная градина упала на город Коффейвилль (штат Канзас, США). Весила она почти 750 граммов, а размером была чуть больше апельсина.

Укоритель Биг Бена

Знаменитый экстрасенс и иллюзионист Урри Геллер, известный тем, что может силой своей мысли сгибать ложки, несколько лет назад 31 декабря остановил Биг Бен — главные часы Лондона, которые до этого много лет не ломались.

Сон на лету

Аистам тоже нужно спать. И если они не могут остановиться для сна, то засыпают на 10–15 минут прямо в полете.

Перекрась друга

В Китае очень популярно одно хобби: перекрашивать домашних собак в панд (китайцы их очень любят) и тигров (в Китае они считаются священными животными).

Словом и жестом

Существуют люди, которые разговаривают во сне. Также есть немые люди, разговаривающие во сне на языке жестов.

Крысы, обезьяны и человек

Не только люди обладают чувством юмора. Крысы и обезьяны — единственные млекопитающие, кроме человека, которые умеют смеяться.

Москва — Нью-Йорк

Для того чтобы сфотографироваться на первый фотоаппарат, приходилось сидеть неподвижно около 8 часов. Это целый световой день! А также за это время можно прилететь из Москвы в Нью-Йорк.

Мед вечен

Мед — единственный продукт питания, который не портится. Он был обнаружен в гробнице египетского фараона. Эксперты признали древний мед съедобным и не ошиблись.

Бритая колибри?

В Южной Америке, на реке Амазонке, водится прозрачная бабочка.

Хамелеоны

Оказывается, хамелеоны меняют свой цвет по настроению и мимикрия тут не при чем! Если окраска вдруг совпадет с окружающей местностью, это чистая случайность.

Если за рулем теннисийка...

В штате Теннеси (США) есть закон, запрещающий женщинам водить машину, кроме случаев, когда перед автомобилем идет или бежит мужчина и размахивает красным флажком, чтобы предупредить пешеходов и других водителей об опасности.

Симптомы доверия

Если кот храпит во сне или поворачивается животом кверху, это значит, что он абсолютно вам доверяет.

MEMORIA

Владимир ПРИБЫТКОВ

(1923 — 2011)

ТОТ ДАВНИЙ, САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ В ГОДУ...

22-ое июня 1941-го года

*Вобрал в себя всю прошлую беду
И ту, что неминуемо случится,
Тот давний, самый длинный день в году...
Мне кажется, что до сих пор он длится.*

31 мая не стало Владимира Прибыткова. Владимир Сергеевич родился в Москве. Учился в ИФЛИ. 14 июля 1941 года был направлен в Златоустовское военное училище, через 6 месяцев — на фронт командиром отдельного саперного взвода, потом — роты. Первые публикации в газете 2-й стрелковой дивизии 59 армии, в 1944 году — в «Комсомольской правде». По окончании войны — студент, затем аспирант Литературного института им. А.М. Горького. Основные произведения: роман «Тверской гость», историческая повесть «Иван Федоров», «Сквозь жар души» — очерки о художниках А.Рублеве, Дионисии и С. Ушакове; повести «Потерянный экипаж», «Завещаю вам жизнь». С 18.12.1990 года, с первых дней официального существования Союза, член Союза литераторов. Был постоянным автором наших газет и альманахов. В «Словесности 2012» публикуется его книга в альманахе, название для которой РАЗНОЛЕТЬЕ он придумал сам незадолго до своего ухода.

Аркадий ПАХОМОВ

(1944 — 2011)

«...И ПРОДЛЕВАТЬ, И ПЕСТОВАТЬ МГНОВЕНЬЯ»

В историю литературы вошел, как один из основателей СМО-Га — Самого Молодого Общества Гениев. С 1989 года член Экспериментального творческого объединения «Комитет литераторов», правопреемником которого стал Союз литераторов России. Летом 1996 года на выступлении Союза литераторов в

Орле Аркадий прочел отрывок из поэмы «Пугачев» с посвящением Л. Губанову в прямом эфире по центральному телевидению в самый разгар предвыборной борьбы второго тура президентских выборов, где были такие четыре строки:

*...А где то в дикой буре,
воткнув в пургу итьики,
толкались в Оренбурге
промерзшие полки...*

Все в телевизионной студии замерли. Не иначе как вспомнили декабристов и Сенатскую площадь...

Аркадий часто приходил на наши литературские посиделки, потому что его любили, его поэзию ценили, с ним было интересно. В нашем архиве сохранились фотографии Пахомова, видеозаписи его выступлений на наших вечерах, например, на презентации «Словесности 2010» в музее Маяковского. В «Словесности 2011», до выхода которой в свет Аркадий не дождался всего один день (он ушел от нас 29 мая), Лев Алабин опубликовал свою аналитическую работу о творчестве А. Пахомова «Застенчивый шторм». Он и был таким штормом, ни на кого не похожий поэт-смогист.

* * *

Допоздна не уснуть, до звезды,
До блуждающей балерины,
Что справляет свои именины
На площадке озерной воды,
До звезды.

Допоздна не уснуть, допоздна
может, утро возьмет на поруки
мои странно чужие руки
на пустынной бутылке вина.
Допоздна.

* * *

Осенним листьям следует кружить,
И расправлять морщинистое небо,
Ложиться навзничь бережно и немо.
Затем им должно затвердить урок
о сущности продуктов эфемерных,
с осадками смешаться равномерно
и набираться силы тихо, мирно,
чтобы из них произошел росток.
Так поступить пристало им судьбой,

однако же резонно их стремление
откладывать прекрасное паренье
и продлевать, и пестовать мгновенья
ушедшей жизни, начатой весной.

Александр КАРПОВ

(1971 — 2002)

«МОЙ ПУТЬ ОКОНЧЕН, МОЙ СРОК ОТМЕРЕН»

Вечер

Как-то не давно, недавно, давеча-давеча
Из оврагов-буераков поднимался вечер.
Темным лоскутом небесным звезды протирая,
На дуде болотной выпи жалобно играя...

По деревням, по подворьям ставни закрывались,
В тихих заводях русалки в ил позарывались.
Черти месяц залепили облачную ватой,
В конурах дрожа скулили псы, хвосты поджаты!..

В дуплах лешие проснулись, сучьями скрипели...
По печным трубопроводам ведьмы полетели.
Два медведя выходили из лесной чащобы,
Даже мыши в избах стихли — боязно, еще бы!..

Два медведя выносили ношу. Ноша тяжка.
Не хватило малость силы. Не допел, бедняжка...
Под горою яму рыли у Кривого Лоха...
В яме той и схоронили в полночь скомороха...

То-то нечисти веселье! Сладкая добыча!
С веток листья облетели от лихого клича!
Под зарю росой прибило светляковы свечи...
Отдыхай покуда, милый!.. Завтра снова — вечер!..

...НОРД-ОСТ. 10 лет назад погиб Александр Карпов. «Два медведя-спецназовца» не сразу смогли вынести его, тяжелого, из зала, куда они с женой пришли посмотреть мюзикл Норд-Ост, чтобы сравнить его с только что переведенным Сашей мюзиклом «Чикаго».

1996 г., 25 января. Жюри Конкурса авторов песен памяти Владимира Высоцкого называет среди лауреатов и участника группы «32 августа» Александра Карпова, ему вручается членский

билет Союза литераторов России.

2002 г., 25 сентября. А. Карпов — делегат 5-го Съезда Союза литераторов, он сразу наполнил зал эпикурейской атмосферой, до начала заседания поговорили о верблюдах и о мюзикле Чикаго, Саша говорил о планах на будущее, их было много.

Кто бы мог подумать тогда, что через месяц его не станет.

Через 4 года по нашей просьбе Светлана Карпова написала воспоминания о Дубровке, они полностью были опубликованы в нашем альманахе «Вектор творчества — жизнь как контрапункт», М., 2006. Мы помещаем здесь небольшой отрывок оттуда:

«...Шли к исходу вторые сутки ожиданий. Мужской и женской половинам разрешили воссоединиться.

Саша, шагая прямо по креслам, быстро прибежал ко мне. У него была мысль попросить чеченцев пригласить батюшку, но, подумав, что они «не опустятся до этого», отказался от нее. Тогда он стал молиться и призывать всех делать то же самое.

Рядом оказались некрещенные люди, тогда он сообщил, что в особенных случаях, может окрестить любой крещеный человек, сказав: «Благословляю тебя».

Саша тряс меня за плечи и приговаривал:

«Прости, я давно не говорил тебе этого. Я люблю тебя. Ты самая хорошая! Слышишь? Люблю!».

«Саша, перестань! Ведь не все так плохо?! Пока мы есть, смерти нет, когда она придет, нас уже не будет!» — успокаивала я. Когда принесли сок, мы с жадностью выпили его, и Саша произнес:

«Неужели последний раз я пью сок? Как вкусно».

Потом, когда мы, измученные, стали засыпать, послышались странные хлопки снаружи. Это пустили газ.

Мы проснулись и увидели его клубы, я не могла понять — штурм это или действия чеченцев.

Я почувствовала расслабление, глаза стали закрываться. «Я куда-то улетаю», — сказала я Саше.

«Я тоже. Но я не хочу засыпать!» — закричал он. Это были его последние слова...

Два медведя выносили ношу. Ноша тяжка.

Не хватило малость силы. Не допел, бедняжка...

Очнулась я в больнице в палате самых тяжелых больных, меня били по щекам. Потом был поддник. А я никак не могла вспомнить телефоны наших друзей, чтобы узнать судьбу Карпова.

Сашу опознали друзья в Боткинском морге, похороны были в Кельтский Новый год. Шел снег...

Стол накрыт, да гость не придет

Падай, падай, снег на глаза!..»

НЕШУТОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

Федор ФИЛИППОВ

СТИХИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

* * *

Она степенно вышла из реки.
Вода с нее стекала ручейками.
Прошла на расстоянии руки.
Но я стоял, не двигая руками.
Я каменную статуюй застыл,
Немой восторг изображая взглядом.
Она прошла. Ее изящный тыл
Не уступал переднему фасаду.
Хотел рвануться вслед, но — как прирос,
И это помешало мне рвануться.
Такие формы, габариты, рост —
И не моё!. Могла б и оглянуться.
Но — нет... И я подумал: так судьба
Порой сама идет к тебе навстречу.
А ты стоишь подобием столба,
Утратив дар движения и речи.
Проходит. Ты зрираешь на нее,
Любуешься походкой и фигурой,
И тешишь самолюбие свое:
— Не оглянулась. Очевидно, дура...

* * *

Я вас, ребята, жизни не учу.
Я сам-то в ней не много понимаю.
И только иногда сказать хочу
Я вслух о ней то малое, что знаю.
Не для каких-то целей, просто так,
Всего лишь от владенья даром речи.
Так соловей заводит песнь в кустах,
Едва к полуночи подкатит вечер.
Нет, с соловьем пример не очень чист:
Он не для проведения досуга
Поет: имеет соловьиный свист
Прямую цель — привлечь свою подругу.
А мне — есть слушатель иль нет его —
Без разницы. И я от спетых песен
Отнюдь не ожидаю ничего:
Мне сам процесс сугубо интересен.

И если вы в моих простых словах
Находите не только децибелы,
То значит что-то в ваших головах
Дотоле в ожидании сидело.
И колебанье воздуха слегка
Качнуло мысли маятник застылый,
И показалась вам моя строка
Умнее, чем задуманное было.

* * *

Брожу по кладбищу ума.
Здесь столько мыслей обитает:
И — знаменитые всема,
И те — которых мир не знает.
Одни других в былые дни
Не устаивали взглядом,
И вот теперь лежат они
Под сенью лет, как ровня, рядом.
И дела нету никому
До бывшей мудрости, забытой
Иль до смерти в словах избитой,
И ставшей тормозом уму.
Лишь, опадая, желтый лист
Их позолотой покрывает,
Да, заблудившись, забредает
Историк или афорист.

* * *

*Прими сей череп, Дельвиг, он...
А. С. Пушкин*

Когда окончу бранный путь земной
И лягу в землю под оркестра звуки,
Какой-нибудь прямой адепт науки,
Лет сто спустя, отыщет череп мой,
Отполирует в виде винной чаши
И станет пить из емкости, ничуть
Не помышляя, каковая суть
Ее доселе наполняла... Страшен
Исход такой?
Да, страшен, но не с той
Позиции, что мне бы не хотелось,
Чтоб голова моя распалась с телом,
А тем, что он, используя объем
Для утоленья жажды или пьянства,

Воспользуется только лишь пространством,
И не желая знать, что было в нем!
К чему тогда мой путь, работа мысли,
Извилин мозга спутанная нить,
Коль так легко их могут заменить
«Портвейн» или, к примеру, «Рислинг»?

* * *

В позиции своей упорен,
Порою — непоколебим,
Я и с царем бы взялся спорить,
Коль был бы не согласен с ним.
Потом, в сибирском удаленье
На звездный глядя небосклон,
Я при своем остался б мненье,
Хоть при своем остался б он.
И в этом — ничего такого,
Что не вмещала б голова:
Поэт имеет право слова,
А царь — имеет все права.

* * *

Пусть с виду я высокомерен,
Непререкаем и сердит,
Но я на практике проверен:
Кто в курсе дела — подтвердит.
Порою выражаюсь резко,
И даже посылаю «на.»
Но так рубанок и стамеска
Снимают лишнее с бревна.
Ложится стружкой древесина,
Находит на полу покой,
И оживает Буратино
У Папы Карло под рукой.

* * *

Ограничиваясь мыслью,
Не вдаваясь в область чувств,
Я порой не много смыслю
В сфере творческих искусств.
Но и этого довольно,
А когда — и через край,
Чтобы чисто добровольно,
Даже как бы незначай,

Сделать вывод резким словом,
Не вникая в ипостась:
— Под Луной ничто не ново,
Как по новому ни крась...
И творцы мастей различных,
Хоть судачат за спиной
И меня не любят лично,
Но не ссорятся со мной.

* * *

*Старик Державин нас заметил,
И в гроб сходя, благословил.*

А. С. Пушкин

Старик Державин слишком рано помер,
Не дотянул до нынешнего дня:
А если б он не Пушкина, меня
Благословил? — вот это был бы номер.
Везде мелькал бы четкий профиль мой,
Цитаты б из моих стихов тащили,
В граните я стоял бы на Тверской,
И речи в честь меня произносили.
Я был бы нашим всем, а Пушкин — нет,
Хоть в текстах сам себе остался б равен:
Считалось бы — он неплохой поэт,
Однако ж — не благословил Державин!
Но я не подгадал родиться в срок,
Меня старик Державин не дождался.
Тут под рукою Шурик оказался...
Наглядный исторический урок.

* * *

Суровой поступью педанта
Он к книжной полке подошел,
И сняв с нее поэму Данта,
Сказал: вот это — хорошо!
Всё прочее — пардон, игрушки,
Забавы легкого ума,
И даже ваш любимый Пушкин
В сравненьи с Дантом — не весьма...
Я выслушал его покорно,
Но лишь он кончил, возразил:
Всё прочее — игра, беспорно,
Но с Пушкиным уж ты хватил!
Не трожь Сергеича! В кумирах
Не зря он призван состоять,

И звук его чудесной лиры
Позвонче дантовой раз в пять.
И я не против флорентийца, —
Он тоже парень ничего, —
Но если перейти на лица —
Я пасть порву за своего!...
С него слетела спесь педанта,
Он проще и доступней стал:
Убрал на место томик Данта,
И томик Пушкина достал..

* * *

Когда гармония в природе,
Когда душевно бодр народ,
Когда Парнас и музы в моде —
Тут каждый песню пропоет,
И в восприимчивом эфире
Сама собой звучит струна.
А ты, поэт, сыграй на лире,
Когда она едва слышна.
Когда ты лавром не увенчан,
Пегасу лень копытом бить,
И очень редкие из женщин
Готовы за талант любить.
Сыграй, и звуки извлекая,
Доверь их чистому листу.
И я тебя зауважаю.
И даже, может быть, прочту.

* * *

Его не брали ни микробы,
Ни водка, вечный русский бич,
Но как-то он, в припадке злобы,
Себе накликал паралич.

Мораль проста, как рубль с полтиной:
Как ты ни злись — судьба сильней,
И лучше к ней прийти с повинной,
Чем бесполезно спорить с ней.

Сергей ВОРОНИН

* * *

Народ наш верит в чудеса:
То в Кашпировского, то в Чумака,
То в Пояс Богоматери,
С надеждой смотрит в небеса
И посылает всех по матери.

Иосиф РАБИНОВИЧ

МЫ НАЧИНАЛИ КВН ИЛИ ПОЛЁТ СНЕЖНОЙ БАБЫ

«Мы начинаем КВН» — этой песенкой начиналась издавна известная всем передача. Было это полвека назад. В отличие от многих калек с западных шоу — это был чисто отечественный телепродукт, придуманный тремя весёлыми молодыми людьми: доктором Аликом Аксельродом, инженером Мишей Яковлевым и журналистом Сергеем Муратовым. Их идею сразу же поддержала редактор молодёжной редакции ТВ Лена Гальперина. И пошло, поехало. Мы узнали про КВН случайно, просто у меня выключили воду, и я вынужденно вместо ванны смотрел в ящик. Стало любопытно — позвонил другу Игорю Вателю. Включи первую, говорю. Поглядели, перезвонились, отметили, что приглашают ВУЗы поучаствовать. Решили, что стоит позвонить — телефон был на экране.

Позвонил, попал, по-моему, прямо на Лену Гальперину. Представился, мне было сказано, что, пожалуйста, только надо принести бумагу из институтского комитета комсомола, что нам доверено представлять Физтех. С этим проблем не было и, вооружённые означенной бумажкой, мы заявили на Шаболовку (Останкино с 500-метровой башней тогда только строилось). Было это где-то 10 октября. Нас встретили тепло, рассказали о правилах и порядках и... уведомили, что 28 октября мы встречаемся с командой педагогов (МГПИ), и что в ближайшие дни нам выдадут домашнее задание и всю информацию, которую допускают правила. Признаться, мы с Игорем были ошарашены, но сработала фирменная физтеховская самоуверенность и, сделав, что называется, «морду кирпичом», сказали — да, конечно, будем выступать. Сказал-то, собственно, я, Игорь согласительно промолчал, но уже в коридоре спросил, как теперь выпутываться будем? Я отпарировал Наполеоновским «Главное — вязаться в битву». Но действовать надо было быстро. И тем же вечером затрещали телефоны: «всех наверх!» Собрали всех, кого можно: и из редакции «СТРЕЛЫ», и самодель-

ность, вытащили даже недавно закончивших Физтех «зубров». Конечно, ругнули нас за то, что не посоветовались, но решили — будем! И сделали 28 октября соперников педагогов, причём с разгромным счётом. И пошло, поехало...

Под новый год нам предстояла игра с медиками — Первым Медицинским. Они выиграли у кого-то в ноябре, и теперь в финальном поединке нужно было выявить чемпиона Москвы. К поединку мы готовились уже спокойно и уверенно. Встреча должна была быть необычной — после разминки капитаны улетали с ассистентами в Ленинград, чтоб успеть на тамошний Новогодний огонёк, где и планировался завершавший встречу поединок капитанов. Аэрофлот, предоставивший один салон Ту-104 под конкурс, рекламировал свою оперативность и быстроту доставки пассажиров. Задание для капитанов было известно — репортаж о полёте с иллюстрациями. Все взвесив, я стал капитаном на эту одну игру, а в помощники мне дали Юру Пухначёва, способного нарисовать что угодно, причём «стоя, лёжа и с колена».

Продуман был и подарок Огоньку — снежная баба из московского снега. Встал вопрос — а как довести. Кто-то из наших добровольных помощников посоветовал поручить это некому Гене Ноткину, человеку сообразительному и обязательному. Так и сделали. Уже на Шаболовке подходит ко мне крепьш небольшого роста и спрашивает ненавязчиво: «Так баба-то нужна?». «Да, — спохватываюсь, — а где она?». «Вот», — отвечает парень». У ног его стоит небольшой фанерный ящик, исписанный всякой всячиной: «Москва — Ленинград», «Не кантовать» и прочее... «А долетит, не растает?». «Не растает, — хитро улыбается Нокин. Я поблагодарил и поволок ящик к команде. Итак, летим. В салоне с нами бутафорский экипаж, то есть экипаж самый настоящий, даже победитель соцсоревнования, но ведут самолёт не они — два симпатичных парня и парочка шикарных стюардесс просто сопровождают нас. Девушки — загляденье, блондинки с божественными формами и невероятными фамилиями: Боголепова и Богаутдинова. А у нас незадача — вскрыли конверты с ватманом и грифелем для рисования, но в нашем — грифеля не оказалось. Соперники не спешат поделиться — наоборот: вытаскивают из своего бумагу с пунктирными набросками и начинают обводить. Пытаемся (Юра, конечно) рисовать шариковой ручкой, но это явно не то...

Ура! Грифель нашёлся на полу — просто вылетел, когда распаковывали конверт. Юра берётся за дело — и вот на ватмане наши пилоты и девушки стюардессы — шаржи классные, узнаваемые, не то, что обведенные — у соперников, где сходство обеспечивается лишь округлостью бёдер и размерами бюстов. А тут и посадка. Нас встречает сам Пётр Алексеевич, слезши с коня, древнего как Санкт-Петербург. От царя веет гримом

и водкой — ждал на морозе в Преображенском мундире... На полукрытых таратайках (были такие — сразу несколько вагончиков, почти детских) едем к зданию аэровокзала. Портфель с документами, лёгкими полуботинками и кое-какой мелочью забываю в таратайке, но выяснится это уже на студии. Приехали — свет, тепло, полон зал гостей Огонька. Вижу Райкина и Смоктуновского, да, составчик будь здоров! А у Юры заложило уши после полёта, он слегка простужен и теперь почти ничего не слышит. Ну, да ладно, он своё дело сделал, теперь мой черёд, тем более текст почти готов. Ведущий, тогда ещё не великий Олег Борисов (напарницу не помню), объявляет нас — гостей от московского КВН. И вот я в ботинках на меху, а жара от софитов страшная, и полуглухой Юра тащим ящик с бабой к ведущим. Со страшным треском вскрываем его и начинаем выбрасывать на сверкающий пол опилки, которыми укутана наша «снегурочка». Выполнена она в стиле хайтек — вместо носа-морковки — радиолампа, вместо ведра на голове динамик от проигрывателя. Вынимаю её из ящика и чувствую, что руки мгновенно примёрзли. Скрипя зубами, говорю, что баба из московского снега — наш новогодний подарок Огоньку и буквально сую её в руки улыбающегося Борисова. Видели бы вы его глаза! Но профессиональный артист, не выдавая своих ощущений, говорит: «Мы никогда не забудем вашего подарка!» и быстро ставит снежную бабу на пол.

Ох, Гена, Гена Ноткин, поистине весельчак и находчивый человек. Основу бабы составлял брус сухого льда — того, на котором хранят мороженое. Брус облепили настоящим снегом, декорировали радиодетальями и упаковали в опилки. Генину улыбку уверенность можно было понять так: думаю, баба долетела бы и до Владивостока.

А теперь немного об управляемом термояде — им занимаются во всём мире и в нашем Курчатовском центре тоже. И мне почему-то думается, что у курчатовцев всё получится. Ещё бы — главным инженером в отделении, занятом этой проблемой, работает Геннадий Евсеевич Ноткин...

Выступили мы хорошо. Там в Москве наши товарищи уже вели в счете, а мы с Юрой закрепили успех. Отдам должное соперникам — они поняли, что мы их переиграли чисто и не «затаили зла». Потом мы смотрели огонёк и сидели за одним столом с театральным критиком Свободным (он в качестве наблюдателя летел с нами из Москвы) и самим Смоктуновским, обросшим редкой бородёнкой — он готовился играть князя Мышкина и отпустил бороду. Мы, мальчишки, конечно, раздувались от гордости, тем более что и Райкин тоже похвалил нас. Но всё кончается и праздник не исключение. Закончился и Огонёк. И тут выяснилось, что погода нелётная и полетим мы обычным рейсом утром. Ночевали в аэрофлотской гостинице,

портфель мой нашелся, но проку от него уже не было, тем более выяснилось, что полетели мы без денег. Пришлось занять на завтрак у Свободина. Потом в Шереметьево мы взяли такси и, приехав ко мне домой, расплатились с водителем. Жена встретила нас радушно, накормила завтраком, выпила с нами по рюмочке за успех нашей миссии, и Юра поехала домой готовиться к встрече Нового года — на календаре остался один листок, 31 декабря 1962 года. Но чудеса на этом не закончились — позже выяснилось, что накануне поздним вечером женский голос позвонил дежурному по центральному телевидению, дама представилась женой Рабиновича и потребовала вернуть её мужа, отосланного в Ленинград. Кто пошутил так, не знаем до сих пор ни я, ни Лена Гальперина, которой потом сделали замечание за выходку неизвестной дамы. А жили мы с женой тогда в коммуналке без телефона, и раздобыть нужный номер половиная моя не смогла бы даже под страхом смерти. Так мы встретили новый 1963-й, в котором мне предстояло кончить Физтех и стать отцом. Тогда всё ещё было впереди.

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

ЗАЛЕЗТЬ НА ПЕГАСА

* * *

Уходит жизнь за годом год,
Спешешь за ней, как за красоткой, —
И все равно она пройдет,
Но, главное, какой походкой!

* * *

В преддверье шестьдесят второй весны
Мне снятся эротические сны,
Пора уговорить меня, пора бы,
Но в сновиденья так и лезут бабы!
И я дрожу, пылаю, весь в огне, —
Как после этого смотреть в глаза жене?
Когда ж я бодрствую, то тих я и спокоен,
Во сне же прямо как Аника-воин,
Притом не помню, чтоб я молодым
Ужасным был развратником таким.
Такое в тех кошмарах вытворяю,
Что облик человеческий теряю,
Во сне я просто зверь, а не мужик,
Но как проснусь — не более, чем пшик.

...Эх, впасть бы мне навечно в летаргию,
Тогда б я превзошёл соседа Гию,
Я-то во сне, а Гия наяву
Устраивает дома рандеву!
Я через стенку слышу эти стоны,
Вот почему и снятся мне пистоны.

* * *

Уж лучше б женщины носили паранджу!
Брожу меж ними, как сапер — меж минами,
Смотря на них, я вот что вам скажу:
Жена — прожиточный (не более чем!) минимум.

* * *

Явление вполне нормальное:
Пытаюсь убедить жену,
Что на любовницу одну
Имею право аморальное!

* * *

Крепите брак, любовь лелея, —
Сей труд достоин похвалы,
Лишь только б цепи Гименея
Не превращались в кандалы!

* * *

Вам сказать, что такое нирвана?
— Это гостеприимство дивана,
Никого дома нет,
Пиво, шелест газет
И мерцание телеэкрана.

* * *

Что здоровье ваше — высший класс,
Говорят анализы и пробы,
Так порадитесь, больной: у вас
Самые здоровые микробы

* * *

Все женщины обманывают нас
Нарядами, косметикой, духами.
И мы их тоже, приводя в экстаз
Подарками, набором льстивых фраз,
Жениться обещающими, стихами!

* * *

Н. Я.

Стихи в подарок рад я был принять,
Мне книга ваша просто как награда:
Я раньше знал, как надо сочинять,
Теперь я точно знаю, как не надо.

* * *

Любовь — пожар, и в мыслях помешательство.
Однако я не верю в эту муть:
Любовь — одно сплошное надувательство,
Лишь стоит на беременных взглянуть!

О самоутверждении

Я знаю способ немудреный
Как вывих мозга оправдать:
Себя не «белую вороной» —
А «светлой личностью» считать!

* * *

Не Каином, не Авелем —
Хотел я жить по правилам,
Но жизнь такая штука,
Не позволяет, сука!

* * *

Товарищ, в ухо не бубни:
Пришло, мол, время беспредела,
Товарищу, знай, что в наши дни
Мораль морально устарела,
Кури свой «Беломор-канал»,
Не хмурься, не бранись, не сетуй,
Канай туда, куда канал,
Советы внукам не советуй!
Товарища немного жаль,
Хоть он порядочный мудила, —
Везде сует свою мораль,
Пока не съест его могила,
Он ко всему, как в страшном сне,
Трясущиеся тянет грабли,
К тому же он сидит во мне,
Хоть я даваю его по капле...

Непродажная душа

*«Пора подумать о душе» —
сказал он, и продал её дьяволу*

Я жизнь свою почти что прожил,
Все накопленья подытожил —
Их было мало, стало ноль,
А остальное съела моль.

Пожить в достатке напоследок
Неплохо бы, лет десять эдак,
Жаль, за душою ни шиша,
В загашнике — одна душа.

Её, простите за циничность,
Решил перевести в наличность.
Узнать душа теперь почём
Пошёл я к чёрту на приём,

Так и спросил: почём душонка?
Лукавый усмехнулся тонко,
Мол, покажи товар лицом.
Ну что ж, гляди: быть образцом,

Как пионер, всю жизнь старался,
Не воровал, не пил, не дрался,
Жене почти не изменял,
И тещу я не убивал,

Пусть я не сеял и не веял,
Но душу холил и ледеял.
Ты посмотри, как хороша,
Моя прекрасная душа!

Чуть не забыл сказать про это —
Она к тому ж душа поэта,
Души добротней не найдёшь, —
За сколько ты её возьмёшь?

...Пробормотал, зевая, чёрт:
— Душа твоя не первый сорт,
Не верю я пустой рекламе,

Гуляй, пока ещё не в яме.
А за стихов твоих бурду
И так я жду тебя в аду!

Александр ОЛЕЙНИКОВ

МОЙ СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

В Серебряном бору мы поселились с женой и двухлетним сыном Алёшей в 1965-м, а, возможно, и 1966-м году. Мы снимали поддомика в кооперативе старых большевиков у семьи Николая Подвойского. Как известно, Н. Подвойский, один из очень немногих представителей «ленинской гвардии», скончавшийся в своей постели аж в послевоенном 1948-м. Кооператив старых большевиков был организован в 1924-м на месте сожжённого крестьянами во время революции имения. Мне всегда казалось симптоматичной эта дата — не успел вождь мировой революции скончаться, как тут же его соратники создали свой кооператив. Выходит правильно писал философ Эрнест Радлов ещё в 1912-м о том, что построить общество на коммунистических началах невозможно!

На месте барского дома соорудили большой двухэтажный дом типа «вороньей слободки», а в уцелевшем домике садовника поселились две семьи, одна из которых и была семьёй Подвойского. Жизнь этого доблестного кооператива частично описана в романе Ю. Трифонова «Старик».

Я же застал в живых двух дочерей Подвойского, типичных белотельных попoven, недаром их батюшка родился в семье сельского священника-учителя и, получив начальное образование в духовном училище, затем завершил его в духовной семинарии. Одна из дочерей была замужем за Андреем Яковлевичем Свердловым, в те годы сотрудником Института Маркса-Энгельса, а до дела Берии — следователем по особо важным делам МГБ.

После ареста Берии А. Свердлова тоже посадили, но через полгода выпустили. После отсидки у него родился ещё и сын, естественно, Яша, был лет на 15 моложе своей сестры. Было прелюбопытно наблюдать за этой семейкой.

Кооператив целиком был обнесён зелёным забором, а внутри поделён какими-то заборчиками на участки странной формы и непонятных размеров. К нашему домику прилегал самый большой из них, соток, пожалуй, в 10.

Изначально внутренних заборчиков не было, но оказалось, что Н. Подвойский, кроме всех прочих дарований, был ещё и нудистом, и когда он вылезал из малинника в чём мать родила, большевички разбегались с визгом, больше готовые к мировой революции, чем к такому невиданному зрелищу.

Вопрос о непотребном поведении товарища Н. Подвойского был поставлен на общем собрании кооператива. Но, не желая себя ущемлять, тот взял да и огородил весь прилегающий к домику участок и продолжил прогулки нагишом. Такое поведение

ние ещё больше возмутило остальное население кооператива, и общее собрание (ответным шагом) потребовало от Подвойского снести забор.

Но переупрямить его не смогли, всё-таки, он был среди них одной из самых крупных фигур, как гласят энциклопедии — «одним из организаторов Октябрьской революции, членом Военно-революционного комитета, его бюро и оперативной тройки по руководству Октябрьским вооружённым восстанием, а в дни восстания — заместителем председателя военно-революционного комитета и одним из руководителей штурма Зимнего дворца»...

И тогда дачники бросились делить остальную землю. Кому досталась грядка, кому — полклубы, отсюда и странные формы участков.

Но некоторые пункты Устава кооператива семья Подвойского соблюдала свято, согласно Уставу, сдавать помещение посторонним лицам, таким как я, было запрещено. Но было одно исключение. В домике садовника находился водомер, который измерял расход воды во всём кооперативе. И поэтому, на зимний период семье Подвойского разрешалось пускать посторонних, но бесплатно, точнее лишь за оплату коммунальных услуг. Это я себе мог позволить, даже будучи младшим научным сотрудником. Жильцы должны были приглаживать за водомером и вовремя снимать показания расхода воды.

Жизнь в Серебряном Бору не в дачный сезон была сущим раем: дом с котельным отоплением, холодильник, газовая плита, телефон, сад. О чём ещё можно мечтать? На работу я ездил на троллейбусе №20, который и сейчас ходит от «круга» в Серебряном Бору до гостиницы «Националь». Единственное — троллейбус шёл около часа, зимой, бывало, промёрзнешь, и мама, пожалев меня, купила мне шофёрский полушубок на белой овчине с брезентовым покрытием.

Всё давно уже кануло в лету, старые большевики давно уже поумирали, строй сменился, а этот полушубок, весьма потрёпанный, до сих пор живёт в моём деревенском доме. Порой я даже хочу от него навсегда избавиться, но что тогда так явно напоминает мне о моей молодости, о Серебряном боре, и несгибаемом нудисте-большевике, герое октябрьского переворота товарище Н. Подвойском.

Константин КЕДРОВ

* * *

Опять Россия на распутье
Справа Путин и слева Путин.

Катя РУБИНА

В конце 2011 года у Кати Рубиной в серии «Визитная карточка литератора» (приложение к альманаху «Словесность») вышла книга рассказов «Рассказики». Катя Рубина сама оформляла эту небольшую раритетную и при прежнем оформлении книжицу, ставшую раритетом в квадрате, т.к. Катя — художник от Бога, в чем некоторые счастливицы могли убедиться, читая и разглядывая одну из предыдущих книжек серии «Поэму новогоднюю мою» Максима Жукова, илл. Кати Рубиной.

Предлагаем познакомиться с новым жанром, созданным Катей Рубиной, это **панна* сонники** — сливочные сны, небольшие рассказы на ночь, благоприятно влияющие на организм, успокаивают нервную систему, расслабляюще воздействуют на все слои коры головного мозга. В ближайшем будущем панна сонники смогут заменить снотворные препараты слабого и среднего поля воздействия. Проверьте на себе.

ПАННА СОННИК ОБ ПОЛИТИКЕ (сказка)

Давно это было. Одну большую-пребольшую страну с большими-пребольшими проблемами возглавил Царь Тикипуп. Вот возглавил Тикипуп большую-пребольшую страну с большими-пребольшими проблемами и начал ею всею править. Правит, правит — никак не справится. Опять правит, правит. Не тут-то было. Напрочь не получается и все тут. Тикипуп большие — пребольшие проблемы уменьшает, уменьшает, а с ними, с проблемами-то большая-прибольшая страна тоже уменьшается и уменьшается. Начинает Тикипуп снова большую-пребольшую страну вытягивать, вытягивать, а большие-пребольшие проблемы тут как тут, обратно растут и растут. Тикипуп большие-пребольшие проблемы чик-пук тра ля-ля, и тут же большая-пребольшая страна тоже чик пук тра ля-ля. Устал Тикипуп, уморился напрочь. Плюнул, да и отдал большую-пребольшую страну с большими-пребольшими проблемами Путикупу.

— Бери, Путикуп — говорит, — правь, сколько влезет!

Взял Путикуп большую-пребольшую страну с большими-пребольшими проблемами и начал проверять сколько влезет. А в большой-пребольшой стране с большими-пребольшими проблемами все лезет и лезет, лезет и лезет. Путикуп правит, а всё вокруг лезет и лезет. Некоторые нетерпеливые Путикупа спрашивать начали:

— Ну как там?

А он говорит: — Лезет!

А нетерпеливые опять не унимаются: — А проблемы-то?

Путикуп говорит: — Проблемы хорошо растут, как на дрожжах. Нетерпеливые: — Уменьшать будете, или что?

Путикуп им: — Страна у нас большая-пребольшая и проблемы должны соответствовать. Чего тут париться-то?

И начал Путикуп большие-пребольшие проблемы растить, растить. Каждый день растит, растит, растит. Большие-пребольшие проблемы растут, растут, растут, в большую-пребольшую страну растягивать. А как растянешь — лопнуть ведь может. Путикуп так себе думает: «Вот лопнет — ошметками и шелухой меня всего засыплет. А из-под них из-под ошметок из-под шелухи-то не вылезешь. Задохнешься напрочь. Без воздуха дышать трудно. Надо отойти в сторонку и оттуда посмотреть, как лопаться будет: сильно или слегка по швам. Пока можно в уголку отсидеться». Хороший выход получился. Устроил Путикуп очень хороший выход. Выходит и говорит:

— Вот сейчас у нас большая-пребольшая страна с большими-пребольшими проблемами приподнимается, привстает и скоро, скоро... а сейчас подтолкнуть чуток надо. У нас для этого Пукикуп есть. Пусть покамест потолкает легонько. А я никуда не ухожу, я тут в уголку посижу, пока у меня насморк.

Пукикуп приступил к толканию. Толкает, толкает, толкает. Не идет. Ну не идет и все. Пукикуп выход начал искать. Искал, искал, искал и нашел. Очень хороший выход получился. Выходит Пукикуп и говорит:

—Вон у нас Путикуп в уголку сидит. У него насморк уже закончился. Пусть он теперь поправит.

Так и повелось. Большая-пребольшая страна от больших-пребольших проблем скрипит, трещит, а Путикуп с Пукикупом правят и тянут. Она хрипит, они правят. Они тянут — она трещит. Тянет-тянет Пукикуп, правит-правит Путикуп, тянет, тянет Пукикуп, правит, правит Пукикуп, а потом в другом порядке: Путикуп и Пукикуп. Так они и жили в большой-пребольшой стране с большими-пребольшими проблемами. Жили долго и счастливо, а умерли... в один день.

* — От латинского «*rapna*» — сливки.

Константин НИКИТЕНКО

ПРИВИВКА ОТ СОВЕСТИ

* * *

Не знаю, по какому праву,
Но, ненавидя и любя,
Мне стыдно, братцы, за Державу,
И очень стыдно за себя.
Я в жизни не оставил следа,
Здесь чувствую свою вину;
Мне часто стыдно за соседа,
И стыдно за свою жену.
Меня изложет совесть, видно,
И душу не спасет елей;
Мне за родителей обидно,
Мне также стыдно за детей.
Не надо гладить по загривку
Меня на склоне мрачных дней,
Прошу Вас, сделайте прививку,
От глупой совести моей.

Потап МОГУТОВ

ВЫБОР'А

(песня жертвы предвыборной агитации)

На автовокзале у касс
В окне прочитал я указ,

Что будто родная страна
Надеется лишь на меня.

Так что же случилось со мной?
Я вовсе совсем не герой —

С плаката смотрел из-под век
Знакомый всем человек.

Он перст направляя на меня,
Сурово, с надеждой, смотря:

«На выборы надо идти
И нет другого пути!

ГОД ИСТОРИИ РОССИИ

О новой рубрике в альманахе

И голос твой, только лишь твой
Поможет Отчизне родной!

А если его не отдашь —
То Родину ты продашь!».

Я понял, что выполняю долг!
Хотя похмелиться не смог...

Метнулся скорее на пункт,
Где голос решающий ждут.

Но там, прямо на проходной,
Мне путь преградил постовой,

Сказав, что: «Закрyto здесь всё —
До выборов месяц ещё».

Враг думал, что всех обхитрил,
Надев полицейский мундир;

Прикинулся другом шпион —
За это поплатится он!

Я ринулся в праведный бой!
За нашу Россию с тобой!

Отвёртку из куртки достав
И вспомнив армейский устав...

...На автовокзале у касс
Портрет мой и в профиль и в фас...

Написано, будто злодей
И режу отвёрткой людей!

Всё врут, всё клеветают они!
Готовят погибель страны...

Но прячась в дремучем лесу
Я совести вахту несусь!

Свой голос в лесах сберегу —
Его не отдам я врагу!

Настанет для них судный день —
Когда вброшу я бюллетень!...

В 2012 г. в России отмечается несколько знаменательных дат, прежде всего — 200-летие Отечественной войны 1812 года. Наступивший год объявлен Президентом Годом российской истории: «в целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе». У нас почему-то принято несколько снисходительное, мягко говоря, отношение к собственной истории. И подчас это связано с незнанием или поверхностным знанием истории своего государства, своего города и края, своей улицы и своей семьи, поэтому и появляется желание не заглянуть «внутрь» многовекового процесса, а позаимствовать что-нибудь хорошее, но чужое, которое на нашей земле не сможет прижиться. И это не вчера произошло: вспомните у Грибоедова: «Чтоб истребил господь нечистый этот дух/ Пустого, рабского, слепого подражанья». У Блока в «Возмездии» звучит та же тема, но уже как предостережение не только для России: «Тот знал, что делал, насылая / Гуманистический туман: / Там, в сером и гнилом тумане, / Увяла плоть, и дух погас, / И ангел сам священной брани, / Казалось, отлетел от нас...». Тоска по «ангелу священной брани», иначе говоря, по стремлению к возрождению нравственных основ в общежитии, назрела как никогда, иначе может быть поздно.

Поэтому, поддерживая необходимость обращения к истории, мы и создаём в нашем альманахе новую рубрику. И предлагаем читателям несколько материалов, придерживаясь того мнения, что люди читающие, а уж тем более литераторы и журналисты, не могут создавать значительных произведений, теле- и радио проектов, серьёзных публикаций, без исторических знаний.

Наш первый материал обращён, конечно же, в 1812 год и предваряем его строчками о России героя Отечественной войны, поэта-партизана Дениса Давыдова (из «Современной песни», 1836):

*...Но назло врагам она
Всё живёт и дышит,
И могуча, и грозна,
И здоробьем пышет.
Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет».*

К 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года

Нина ДАВЫДОВА

«БЕЙ, БАРАБАН, И ВОЕННАЯ ФЛЕЙТА ГРОМКО СВИСТИ НА МАНЕР СНЕГИРЯ...»*

Несколько штрихов к портрету полководца
М.И. Кутузова

(Из книги Н Давыдовой «Москва 2000», изд-во Питер»)

«Маститый страж страны державной, / Смиритель всех ее врагов... — писал А. С. Пушкин о Кутузове.

Михаил Илларионович Кутузов провел в военных походах и сражениях более пятидесяти лет. Не раз был ранен, едва не лишился зрения, принимал участие во всех войнах своего беспокойного времени. Впервые имя Кутузова с оценкой его офицерских достоинств упоминается в годы турецкой кампании. Генерал-фельдмаршал князь Г.А. Потемкин-Таврический направляет молодого офицера в ставку А. В. Суворова.

— Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость, — пишет Потемкин Суворову. — Поспеши, мой милостивый друг!.. Рибас будет Вам на пользу. Будешь доволен и Кутузовым.

— Получа повеление Вашей Светлости, — отвечает А. В. Суворов, — отправился я к стороне Измаила.

А через несколько дней отпразднуют невиданную победу: взятие доселе неприступной крепости Измаил. При штурме отличился генерал-майор М. И. Кутузов. Он был назначен Суворовым комендантом крепости еще до начала боя. У Потемкина чиновником по особым поручениям числился действительный тайный советник Василий Степанович Попов, оставивший воспоминания о времени турецких баталий. В его записках не единожды упоминается Кутузов: «Генерал Голенищев-Кутузов есть муж предостойнейший и благоразумный и заслуженный. В обеих войнах с турками и в Польше подал он доводы отличной своей храбрости и присутствия духа. Он получил примечания достойную рану в голову: пуля прошла насквозь позади глаз, и он остался со зрением. По окончанию второй войны с турками был он послом в Константинополе. В Италии и других местах доказал свои воинские способности противу французов и состоял в великом уважении у князя Суворова, которого победам он много содействовал».

Не всегда полководцу сопутствовала победа. Одно из самых тяжких потрясений в жизни М. И. Кутузова — битва под Аустерлицем. В 1805 году, в сентябре, образует-

ся третья антинаполеоновская коалиция. В состав коалиции вошла и Россия, причем по договоренности должна была предоставить в распоряжение антинаполеоновских сил армию численностью в 115 тысяч человек. Командование русскими войсками было доверено Кутузову. Взгляды полководца имели несчастье разойтись со взглядами на военные действия императора Александра I. Кутузов считал, что ввязываться в военные действия преждевременно, следует дожидаться вступления в коалицию Пруссии. Но Александр жаждал славы, скорых побед, предостережения командующего его просто раздражали. По требованию императора войска с барабанным боем торжественно двинулись в многокилометровый марш на место битвы, «офицеры были все под пудрою». Русско-австрийская армия под Аустерлицем фактически была разгромлена, а сам Кутузов чудом избежал плена. Последствия необдуманных действий императора для России были тяжелы: ухудшаются отношения с Турцией, и в декабре 1806 года начинается новая русско-турецкая война. Весной 1811 года М. И. Кутузов назначается командующим Дунайской армией. Действия его столь продуманны, что почти через год, накануне вторжения армии Наполеона в Россию, удается заключить мирный договор с Турцией. Турция была вынуждена сохранять нейтралитет в период Отечественной войны 1812 года.

К военному походу в Россию Наполеон готовился тщательно, направлял шпионов для сбора информации. Сохранился интересный документ — характеристика русской армии, в том числе — наиболее популярных генералов и офицеров. Начинаются разведанные именем Кутузова: «Генерал Кутузов-Голенищев. Главнокомандующий Молдавской армией, 65 лет, хороший генерал, весьма уважаемый в России, хороший тактик, очень храбрый перед лицом неприятеля. Очень богат». Июнь не простой месяц для России: Наполеон, как потом и Гитлер, именно в июне начинают свои губительные во всех отношениях походы на Россию. Интересно привести свидетельства известного историка А.Ф. Малиновского о том, как был встречен неприятель на русской земле: «Открывшиеся в ночь на 12 июня (ст.стиля, прим. автора) 1812 года военные действия нарушили мирную жизнь. 6 и 18 июля в правительственных манифестах был объявлен набор в народное ополчение по 16 губерниям. Наибольшее количество ополченцев выставила Москва и московская губерния, где на 100 душ мужского населения приходилось 10 ополченцев. Патриотический подъем охватил все слои населения. В числе первых ратников были В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, С.Н.

Глинка».

20 августа на заседании Чрезвычайного комитета на пост Главнокомандующего русской армии назначается М.И. Кутузов. С этим назначением пришлось согласиться Александру I, знающие люди передавали слова императора: «Общество желало его назначения, я его назначил; что до меня, я в этом умываю руки». 29 августа М. И. Кутузов прибыл в ставку и сразу же отменил назначенное сражение с французами. Недаром любила армия Кутузова, любила прежде всего за то, что он никогда не подвергал жизни солдат и офицеров напрасной опасности. Близкие ему люди назовут главной чертой Кутузова стремление к миру, полководец пытался предотвращать войну искусством политических переговоров: «Ты руководишь бестрепетными русскими солдатами не для завоеваний и разорений, но во имя защиты человечества, освобождения Европы, установления ее мирного процветания». И в этом, думается, суть противостояния Кутузова и Наполеона.

После двенадцатичасовой битвы на Бородинском поле Кутузов продолжал отступление к Москве: «Резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо генерал, который сохранит резерв, не побежден». 1 сентября принимается решение об оставлении Москвы. Это решение Кутузов принимает без согласования с Александром I. Армия уходит, москвичи покидают город. Пустая Москва предстает перед завоевателями. И впервые в жизни чувствует Наполеон не радость победителя, а ужас при виде непонятного города непонятной России. «Пустота многолюдного и вдруг опустевшего города, вымерших улиц, страшнее самой страшной пустыни. Пустота, тишина бесконечная — бесконечная тайна, Россия — Рок, — писал Д.С. Мережковский в романе-биографии «Наполеон».

Не только жуткой пустотой встретила Москва вторгшихся в ее пределы, но и зловещими пожарами, предвестниками гибели тех, кто поднял меч. Через 36 дней французская армия бежала из Москвы. Россия, Европа будут спасены. Кутузов выполнит свое предназначение.

В начале 1813 года русская армия перешла Неман, закончилась Отечественная война. В апреле этого же года закончился земной путь великого полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Скончался полководец в силезском городе Бунцлау, похоронен в Казанском соборе в Санкт-Петербурге.

* — Иосиф Бродский, из стихотворения «На смерть маршала Жукова».

Наталья НИКОЛАЕВА

МОЙ ДЕД, УЧАСТНИК «ЛЕДЯНОГО» ПОХОДА* И СТРОИТЕЛЬ ДОМА ИМЕНИ ПУШКИНА В КЭССВИЛЕ

*Мы служу России, мы дети народа,
Мы верные рыцари Белой Мечты...*

Николай Николаев

Дед. Я никогда не задумывалась, какое это чудесное слово. И как это здорово — обращаться так к близкому человеку. Я, конечно, знала, что у меня был дед (а как же иначе). Помню, как в детстве мне говорили, что он уехал за границу перед самой революцией с двумя старшими сыновьями, а бабушка с двумя младшими осталась в России. Она, вроде, тоже уехала бы, но почему-то оказались не оформлены выездные документы на гувернантку детей, жившую у них в доме, и моя бабушка, очень решительная дама в свои 32 года, якобы, развернулась и ушла с парохода. Как они жили, две молодые, совершенно к быту не приспособленные женщины, с двумя маленькими (10 и 6 лет) детьми, в то ужасное время, и подумать страшно. Но выжили. Подняли и выучили мальчишек. Но какая-то связь с мужем у бабушки все-таки была. Мне рассказывала моя мама, что бабушка получала помощь из Америки (как говорилось, от дальней родственницы) вплоть до самой войны. А потом эвакуация из Керчи. Когда вернулись, то не наши своего дома, вот тут-то связь с бабушкой оборвалась окончательно. Вот и все, что знали мы — внуки. Вся история про Деда (вот только так — с большой буквы) тщательно скрывалась. Причина понятна — страх за наших родителей и за нас. Мой дядя — морской офицер на Северном флоте, мой отец — директор судоремонтных заводов на юге.

Наверно, если бы мы более настойчиво расспрашивали бабушку, что-то и узнали, хотя вряд ли много: слишком глубоко после сталинских лет сидел в людях страх навредить себе и своим родным. Да и мы, дети, жили своей жизнью. Как и сейчас, дети мало интересуются своей родословной, а напрасно. Вот спохватились — а спросить уже не у кого.

Инициатором поисков каких-либо сведений о наших предках стала моя двоюродная сестра Берсуцкая (Николаева) Галина Львовна. Она пыталась посылать запросы в Краснодарский архив, даже получала ответы, но информации никакой не было. Мы точно знали, что семья до революции жила в Екатеринодаре, что прадед был земским врачом, дед — юристом, присяжным поверенным. А ещё, в семье бытовала ле-

генда совершенно удивительная: якобы мой прадед, Николаев Николай Николаевич, был внебрачным сыном анархиста Михаила Бакунина и француженки-танцовщицы. Поэтому, по легенде, фамилия и отчество даны по крестному. Или это все же легенда?

Сейчас, благодаря Интернету, возможности обращаться к электронным архивам, переписываться по электронной почте с людьми, занятыми генеалогическим поиском, на нас обрушилась информация, в том числе и о Деде. Оказалось, бабушке было что скрывать.

Из статьи в словаре Александрова Е.А.

«Русские в Северной Америке»:

Николаев Николай Николаевич родился 2 декабря 1872 г., в Москве, скончался — 31 июля 1957, в Кэссвиле, штат Нью-Джерси. Участник Белого движения на Юге России, присяжный поверенный, общественно-политический деятель. Окончил Кубанскую войсковую классическую гимназию в Екатеринодаре. Учился на медицинском факультете Московского университета, но через год перевёлся на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. По окончании (1896) служил по судебному ведомству, 20 лет был присяжным поверенным. Депутат IV Государственной Думы (1912-1917) от Черноморской губернии, казачьего населения Кубани и Терека. Во время Первой мировой войны — был уполномоченным Государственной думы, заведовал госпиталями Кавказского фронта. В гражданскую войну — был участником 1-го Кубанского («Ледяного») похода 1918 г. Доброволец в пулемётной команде 1-го Кубанского стрелкового полка, первопоходник. Член Кубанской Рады (1919). В 1920 с детьми эвакуировался из Новороссийска. С 1920 — в эмиграции в Бизерте и Константинополе. С 1922 — в США. Зарабатывал на жизнь физическим трудом. Затем открыл в Нью-Йорке школу русского языка и литературы. Участвовал в общественной работе, в предвыборных кампаниях Демократической партии. Был редактором журнала «Русский вестник», корреспондентом русских газет, состоял в Союзе Русских присяжных поверенных**, председателем которого избирался многие годы. С 1923 член Русского православного общества взаимопомощи, затем — главный секретарь. Автор устава РООВА [Русское объединённое общество взаимопомощи в Америке]***, зарегистрированного в столице Олбани (штат Нью-Йорк) и принятому в октябре 1926 на Филадельфийском съезде. Состоял членом I отдела РООВА, председателем Ревизионной комиссии фармы РООВА в Кэссвиле и членом Комитета по постройке Дома имени А.С. Пушкина для престарелых близ памятника поэту, установленному в

1941. Родственники: дети Борис и Вадим. Похоронен 2 августа 1957 в Кэссвиле на Свято-Владимирском кладбище****.

* «Ледяной поход» (9 (22) февраля — 30 апреля (13 мая) 1918 года) — первый поход Добровольческой армии на Кубань во время Гражданской войны. Этот поход стал первым армейским манёвром находящейся в стадии формирования Добровольческой армии под командованием генералов Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, а после гибели первого — А. И. Деникина. Основной целью похода было соединение Добровольческой армии с кубанскими белыми отрядами, которые, как выяснилось уже после начала похода, оставили Екатеринодар.

В марте 1918 года неожиданно резко испортилась погода: дождь, сменявшийся заморозками, вызывал оледенение шинелей. Ослабленная в многочисленных боях и измученная ежедневными переходами по размякшему кубанскому чернозёму, армия стала изнемогать под ударами стихии. Затем резко похолодало, в горах выпал глубокий снег, температура упала до 20 градусов ниже нуля. По свидетельствам современников, доходило до того, что раненых, лежавших на телегах, вечером приходилось освобождать от ледяной коры штыками. В это время произошло жестокое боестолкновение, известное как бой у ст. Ново-Дмитриевской 15 (28) марта 1918 года. Бойцы отличившегося здесь Офицерского полка бой у Новодмитровской называли «Марковским». Генерал Деникин впоследствии запишет: «15 марта — Ледяной поход — слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях. Этот бой у Ново-Дмитриевской, предшествующие и последовавшие за ним ряд переходов по покрытой ледяной коркой степи, Армия стала называть «Ледяным походом».

** Союз русской присяжной адвокатуры в США.

В течение 1923 г. из Константинополя в Нью-Йорк переехала значительная группа беженцев (около 3000 человек), среди которых были и русские адвокаты. Они обратились через местную газету «Новое русское слово» к коллегам по сословию с призывом приступить к учреждению Союза и явиться на его учредительное собрание. Собрание состоялось 6 декабря 1923 г.; к этому дню вступить в Союз изъявили желание 19 человек.

Уже в 1925 г. Союз русской присяжной адвокатуры в Соединенных Штатах добился значительных результатов. Газета «Новое русское слово», издававшаяся в Нью-Йорке, сообщала об успешном взаимодействии Союза с американской адвокатурой, создании смешанного адвокатского комитета, в

который входило одинаковое число адвокатов с той и с другой стороны, а также о работе комиссии по содействию русским страхователям в их борьбе против американских страховых обществ. Комиссия с успехом решила вопрос о подсудности дел между русскими страхователями и американскими компаниями, доказав, что дела могут рассматриваться и в США (американские страховщики настаивали на рассмотрении дел в Петрограде).

К 1926 г. количество членов Союза возросло до 30 человек (присяжных поверенных и их помощников). Союз работал во взаимодействии с американской адвокатурой, «Американ Бар Ассосиэйшен», которая даже поддерживала Союз материально.

Возникновение русской профессиональной ассоциации было с сочувствием встречено Американской Юридической Ассоциацией. Вхождение в местную профессиональную среду протекало медленно. Большинство вновь прибывших зарабатывало на жизнь физическим трудом, иногда дополненным преподаванием в русских школах. Наиболее тяжелым было положение пожилых эмигрантов, не владевших языком и не имевших специальности, потребной в Америке. Союз ставил целью восстановление для своих членов в новой среде привычного уровня жизни, круга общения, интересов, схожих с представителями местной адвокатуры, участие в общественной жизни. Союз выступал против любых действий американского правительства, ведущих к развитию экономических и торговых связей с Советским государством.

К концу 30-х гг. деятельность Союза русской присяжной адвокатуры в США медленно замирает, что было характерным для многих начинаний постреволюционной эмиграции. Однако задачу всесторонней поддержки членов и сохранения островка русской культуры профессиональные объединения стремились поддерживать до конца.

(Юлия ЮРЬЕВА, газета «Бизнес-адвокат» № 2, 2006 г.).

***РООВА. Характерной чертой общественной жизни русскоязычной диаспоры в Северной Америке стало соединение благотворительных и культурно-просветительных функций в руках одной организации в рамках города, штата, провинции или церковного прихода. Активную роль в устройстве таких организаций в первой трети XX века играли эмигранты левых направлений, создававшие беспартийные общества взаимопомощи и просвещения, в названии которых часто присутствовало определение «прогрессивный». Значительная часть культурно-просветительной работы в русской колонии в 1920-1940-е гг. осуществлялась в рамках подобных организаций, которые внесли значительный вклад в

культурно-просветительное движение российской эмиграции в США и Канаде, в том числе, через содействие созданию и деятельности русских школ, просветительных обществ, музеев, исторических архивов, творческих объединений и т.п.

В просветительном движении российской эмиграции в США участвовали известные представители искусства и культуры. Так, почетным попечителем школы при 1-м отделе РООВА в Нью-Йорке являлся авиаконструктор И.И. Си-корский, неоднократно оказывавший финансовую и личную помощь школе.

Бывший присяжный поверенный и общественный деятель, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода 1918 г. и член Кубанской рады Н.Н. Николаев (1872-1957), прибывший в США в начале 1920-х гг., открыл в Нью-Йорке школу русского языка и литературы. Он являлся активным деятелем РООВА и автором Устава данной организации, принятого в 1926 г. РООВА активно действовало и расширялось в течение 1930-1940-х гг. и пользовалось авторитетом в широких слоях русско-американской общественности.

В 1940-е годы при РООВА действовал Комитет молодежи, различные кружки и клубы. На ферме РООВА в Нью-Джерси был организован детский лагерь. В этот период РООВА воспринималась русско-американской общественностью как белоэмигрантская неполитическая организация. Информация о деятельности общества регулярно печаталась как в либеральной прессе, так и в консервативной газете «Россия». На средства РООВА было куплено 1440 акров земли в местечке Кэсвил (штат Нью-Джерси), где была образована «Фарма РОВА», быстро превратившаяся в «главный культурный центр русской эмиграции в США».

По инициативе РООВА 31 августа 1941 г. в Пушкинском парке в Кэсвиле был воздвигнут первый на Североамериканском континенте памятник А.С. Пушкину по проекту скульптора Николая Димитриева.

Вблизи памятника поэту Обществом впоследствии был устроен Дом для престарелых имени А.С. Пушкина. В 1940-х гг. в центрах российских колоний в США и Канаде регулярно проводились балы, концерты, собрания, летние пикники, спектакли, елки, святки и т.п. Активными деятелями РООВА в 1950-1960-е гг. стали многие эмигранты второй волны, однако в последующий период общество постепенно прекратило свою деятельность. В то же время Русский центр в Кэсвиле действует до сих пор и его документы могут быть интересны для историков.

(ВОРОБЬЕВА О.В. кан. ист. наук, доцент РГУ туризма и сервиса г. Москва НПЖ «Московское научное обозрение» № 6, 2011 г.).

**** Русское православное Свято-Владимирское кладбище основано в 1939 году на окраине Кэсвила. Архиепископ Виталий (Максименко) основал в Кэсвиле в ознаменование 950-летия крещения Руси храм — памятник Святого равноапостольного князя Владимира. Храм начал строиться по проекту архитектора Верховского, но его строительство закончил церковный зодчий Сергей Падюков. Храм построен в новгородско-владими́ро-суздальском стиле XI-го века. Его позолоченный купол возвышается на 90 футов. Мозаичные иконы Святого равноапостольного князя Владимира над входом в храм и мозаики Святых Бориса и Глеба по обе стороны дверей украшают его фасад. Внутри храма воздвигнут четырех ярусный иконостас, стены расписаны фресками, включая самую большую, изображающую крещение Киевской Руси в днепровских водах. Ежегодно, в день Св. Владимира, со всей Северной Америки сюда съезжаются паломники. Кладбище открыто для погребений независимо от церковных юрисдикций. На кладбище возведена часовня в память русских казаков, украинцев и белорусов, высланных в Сибирь в 1945 году, имеется участок с памятником «Казаки — казакам», памятник жертвам Лиенца (Австрия), где в 1945 году английским командованием на расправу Сталину были предательски выданы казаки-антикоммунисты с семьями. Часть кладбища была отведена для калмыков-буддистов. Свято-Владимирское кладбище являлось местом упокоения генерала А.И. Деникина, главнокомандующего вооруженными силами юга России во время гражданской войны против большевиков. Здесь похоронен композитор А. Гречанинов, генералы и атаманы донского и кубанского войск, люди всех званий.

А еще мой Дед писал стихи, но пока удалось найти только поэму «Кубань» и «Гимн Белых», посвященный генералу Л.Г. Корнилову, с этими произведениями мне и хотелось бы познакомить читателей альманаха.

Николай НИКОЛАЕВ

КУБАНЬ

Москвою я рожден, но вырос на Кубани.
 Ее родных берегов всю жизнь не покидал.
 Мне мил ее курган — свидетель прежней брани,
 Злотых полей простор и зубья диких скал.
 И город, где я рос, в тени садов цветущих,
 И вышки Казаков на берегу крутом
 И цепь ленивых барж, вниз по реке ползущих,
 С дарами тучных нив — сверкающих зерном.

И бьялю старины мне дорог стон бандуры.
 Средь праздничной толпы базарных площадей
 Слезой блестящий взор, склоненные фигуры
 Над кобзарем слепым — певцом минувших дней.
 Цветущий мощный край!!
 Край зубров и джейранов,
 Где в недрах золота, где нефть течет рекой,
 Где кедр растет в горах над пальмой Индостана,
 Где розы в январе.
 Что сделали с тобой!!

ГИМН БЕЛЫХ

Посвящается генералу Л.Г. Корнилову

Мы слуги России, мы дети народа,
 Мы верные рыцари Белой Мечты.
 Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
 Державная воля родимой страны.
 Отвергли мы иго кровавого строя:
 Под красное знамя служить не пошли.
 Под стягом трехцветным*, по зову героя,
 Распятой Отчизны мы честь сберегли,
 Под небом свинцовым, не зная лазури,
 По морю житейскому яростных вод
 Плыл смерти навстречу, сквозь грозы и бури,
 Под парусом белым отважный наш челн
 Испытанный кормчий отважной рукою
 Тот челн направлял сквозь туманы и мрак,
 И ярко горел лучезарной звездой
 На стенах Кремля путеводный маяк
 Но Бог ниспослал испытанье России,
 Победы нам не дал безжалостный рок.
 Слепыми волнами безумной стихии
 Смыт Вождь незабвенный, разбит наш челнок...
 Кружимся по свету мы пылью земною,
 Страдаем и гибнем по лику земли,
 Но свято храним мы своею душою
 Наш клич боевой: «Все — для счастья Руси!»
 Мы слуги России, мы дети народа,
 Мы верные рыцари Белой Мечты.
 Наш лозунг: Отчизна, Закон и Свобода,
 Державная воля Великой Страны.

* Добавлю еще, что трехцветный стяг вновь стал Государственным флагом России.

Лилия ВОЛОХОНСКАЯ

«ПОД СОБОЮ НЕ ЧУЯ СТРАНЫ...»

11 марта 1937 года арестовали моего дядю Толю, Анатолия Ефимовича Горелова, убеждённого коммуниста, критика и литературоведа, члена Союза писателей СССР. В тот день ему исполнилось 33 года. А мне, пятилетней, говорили, что дядю Толю послали в длительную командировку на Север выпускать там газету, большую и красивую. И его жена, тётя Роза, поехала с ним. А на самом деле в НКВД ей предложили отказаться от мужа, пообещав оставить на свободе. Она не отказалась. Её арестовали как жену врага народа. Когда началась война, обманывать меня стало ещё легче: дядя Толя пошёл на фронт и тётя Роза с ним. Я очень завидовала ей. Будь я повзрослей, я бы тоже пошла на фронт — санитаркой.

Мой отец в эти годы был главным инженером Гознака. Когда начались бомбёжки Москвы, мы с мамой и бабушкой эвакуировались на Урал в город Краснокамск. Мама ждала ещё одного ребёнка. Отец подавал заявление на фронт, но его не отпускали с работы как крупного специалиста. В Краснокамске поселили нас в коммунальной квартире. В классе меня попрекали: «Твой отец не на фронте». Но я сказала: «Зато мой дядя Толя на фронте и ещё четверо двоюродных дядей воюют». Такое количество фронтовиков произвело на ребят впечатление. От меня отстали.

В комнате холодина, есть почти нечего, бывают дни, когда карточки даже не отоваривают. У нашей соседки Груши, уборщицы, и троих её ребятишек с едой было получше, родители её жили неподалёку в деревне. Дверь квартиры никогда не запиралась. Внизу на морозе работали вечно голодные стройбатовцы. Выйдешь днём на кухню, а там у ещё не остывшей плиты сидит человек, оборванный, грязный, и ест сырые картофельные очистки из Грушиного помойного ведра.

Зимой 1942 года однажды приходит к нам Вера Григорьевна, которая вместе с нами эвакуировалась из Москвы, и прямо с порога сообщает: «Киселевского арестовали!» Мама делает ей какие-то знаки, но она, не замечая их, продолжает: «Наталья с ума сходит!». «Его посадят в тюрьму?!» — ужасаюсь я. «Произошла ошибка, разберутся, — объясняет мама. — Сейчас война, много всяких сложностей. Разберутся и отпустят». Марк Киселевский был одним из руководителей Гознака. Прошло, наверное, недели три и вдруг заявляется к нам его жена Наталья Александровна. В нарядном пальто с модным воротником — пушистой рыжей лисой. Губы

накрашены. Я сидела за колченогим казённым столом, уроки делала. «Марку дали 8 лет! — говорит она маме. — Я интересная женщина, но мне уже 36! Разве могу я ждать его так долго?!». «Это ошибка! Он хороший! — крикнула я. — Разберутся и отпустят. Советская власть самая справедливая в мире!». Забегая вперёд, скажу, в лагере Киселевский подал заявление на фронт. Его послали в штрафбат. Киселевскому повезло, в первом же бою он был ранен. После госпиталя к Наталье Александровне он не вернулся. Дядя Толя тоже просился на фронт, но его не пустили.

Потом я начала болеть, кашлять, школу пришлось бросить. У меня обнаружили туберкулёз. «Не будете кормить девочку, она умрёт», — сказал доктор маме. А чем кормить? И мы уехали к маминой младшей сестре Майе, она была замужем за военным специалистом и жила в г. Сталинск (ныне Новокузнецк), а там весь город работал на военную промышленность, и продукты по карточкам выдавались регулярно. У тёти Майи был огород и мы не голодали. Каша, чай с сахарином, хлеб, иногда даже картошка — разве это не роскошь? Я стала поправляться, поступила в школу на проспекте Молотова (теперь проспект Металлургов). Меня приняли в пионеры, чем я очень гордилась. И вдруг — письмо от дяди Толи, он пишет, что приедет в отпуск на несколько дней. Я ничего не понимала: обратный адрес на конверте — не полевая почта, а какая-то деревня!

Прошло, наверное, недели две, раздался стук в дверь, бабушка побежала открывать, и я увидела старого бородатого человека в серых ватных штанах, в заплатанных валенках. Бабушка плакала, прижимаясь к его телогрейке, а он говорил дядитолиным голосом: «Я грязный, мама, на полу в теплушках валялся». Он снял шапку, сшитую из каких-то тряпок. «Лилёнок, ты, что ли? — улыбнулся, взглянув на меня. — Выросла, не узнаешь». «Я уже пионерка, — сообщила я ему. — В красной армии разве так одеваются?». «Нет, конечно, но у нас старшина строгий, дорога дальняя, форму пожалел».

В тот вечер я долго не могла заснуть. Взрослые сидели на кухне, разговаривали. И вдруг слышу голос дяди Толи: «Отсижусь в своей дыре, будь она проклята!». «В какой дыре? Он же на фронте!» — подумала я. И вдруг потемнело у меня в глазах и так страшно стало! Я догадалась: мой дядя Толя... дезертир! Уткнулась я лицом в подушку и заплакала. А завтра — все на работе, сидим втроём: бабушка, я и дядя Толя. «Что с тобой? Заболела?» — спрашивает бабушка. «Не буду я есть вместе с дезертиром», — вскочила я. «Спятила, что ли?!» — крикнула бабушка. Дядя Толя побледнел, встал и, оторвав кусочек газеты, покрывавшей стол, начал сворачи-

вать «козью ножку». «Сейчас я тебе всё расскажу. До войны меня в тюрьму посадили». «В тюрьму?! — закричала я. — За что?!». «Ни за что». «Но так не бывает! В советской стране в тюрьме сидят только воры, бандиты...».

«Бандитов там хватает, — горько улыбнулся он. — И таких, как я, тоже много». «Но я ничего не понимаю!» — схватила я его за руку. «Никто ничего не понимает! — перебил он меня. — После тюрьмы попал я в лагерь, теперь в ссылке, это не очень далеко отсюда. Начальство сказало: «Езжай, чёрт с тобой! А попадётся, скажем: сбежал!». Ну, чего ты ревёшь?» — наклонился он ко мне. Мир, окружавший меня, рушился... А в конце 1943 года мы вернулись в Москву. Шло время... И зимой 1947 года вдруг приезжает дядя Толя. Мы жили на Мытной улице. В те времена она считалась правительственной трассой. У нас действовала двойная прописка. В ссылке дядя Толя написал книгу «Подвиг русской литературы». До сих пор не понимаю, на что он надеялся, собираясь её издать? Помню только, как я возила толстую рукопись в издательство Петру Чагину, известному литератору 1920-30-х гг., другу Есенина.

Дядя Толя старался поменьше ездить по городу, но один раз в метро на станции «Комсомольская» он попал в облаву. Сейчас мало кто помнит, что в первые послевоенные годы в Москве бывало такое — неожиданная проверка документов. У дяди Толи был старый членский билет Союза писателей СССР за подписью Горького. Все эти годы он хранился у нас. Этот билет дядя Толя и показал. Сошло.

Вечер. Дядя Толя сидит в большой комнате за столом, читает книгу. Звонок. Мама пошла открывать, и вдруг слышу её встревоженный голос: «Я не могу вас впустить! Дома неубрано, беспорядок!». «Нас это не касается, — и, отстранив маму, вошли два милиционера. — Кто здесь проживает без прописки?». Они распахнули дверь в комнату дяди Толи — нет там его! А книга лежит на столе. Они обошли всю квартиру. «Девочка! — подошёл ко мне лейтенант с грубым голосом. — Говори правду — проживает у вас кто посторонний? За ложные показания ответишь, ты уже не маленькая!». «Никого у нас нет!» — сказала я, а у самой всё внутри дрожало от страха. «Смотри!» — погрозил он мне пальцем. Этого милиционера я бы и сейчас узнала, даже если ему уже 80 лет исполнилось. Они ушли, а дядя Толя, оказывается, спрятался в стенной шкаф. Больше он у нас не появлялся. Ведь кто-то донёс. А в 1949 году его опять арестовали. И снова начались тюрьмы, допросы, пересыльные лагеря.

Анатолия Ефимовича Горелова освободили поздней осенью 1954-го, когда ему было 50 лет. И новый 1955 год мы встречали на Мытной, встречали весело. Дядя Толя привёл двух

своих друзей по несчастью, и эти трое «эзков» на радостях так отплясывали, что внизу у соседей посыпалась штукатурка. Врач Марк Соломонович Ржевников рассказал, как один пожилой конюх, которого в ссылке он спас от смерти, сделав ему сложную операцию, сказал на колхозном собрании: «Спасибо товарищу Сталину за то, что он присылает к нам сюда таких хороших людей». А тётя Роза, жена дяди Толи, вспомнила, как в 37-м году в её в камеру, где сидели в основном интеллигентные женщины по 58-й статье, вдруг привели новенькую, совсем простую. «А вас за что?» — спросили её с некоторым удивлением. Оказывается, вышла утром на кухню и рассказала соседкам, какой сон видела. Будто переспала с Калининим! Да ещё добавила: «Уж лучше бы с кем помоложе, с Ворошиловым, что ли». Через два дня её арестовали с формулировкой: «За похабные сны о вождах». Это не анекдот, это тогдaшняя жизнь.

Борис ЯКУБОВИЧ

А К О С Т А — Ш У Т И М П Е Р А Т О Р О В

ИНСТИТУТ ШУТОВСТВА

Институт шутовства возник на достаточно раннем этапе человеческой цивилизации, в качестве некоей сублимации тяжелой и безрадостной жизни, которая настоятельно требовала эмоциональной разрядки.

В качестве шутов могли представлять акробаты, уличные певцы, жонглеры, канатоходцы и даже укротители зверей. Но, если выступавшие на площадях странствующие скомоходы и клоуны демонстрировали свое искусство на радость невзыскательной толпе, не принося никакого морального ущерба, то гораздо более опасными представлялись шуты иного рода. Некоторые из этих субъектов, сделавшись любимцами своих хозяев, не чаявших в них души, быстро обрели в доме значительную власть и становились форменными мучителями и извергами для прочего домашнего персонала.

Немалый ужас, естественно, внушали шуты коронованных особ, от жестоких нравов которых порой страдали очень многие люди. Но, конечно, самую большую опасность представляли собой шуты на троне, от чьей непредсказуемости и абсолютной алогичности порой зависели судьбы целых государств. С разной степенью справедливости, к подобным историческим персонажам можно отнести вавилонского царя Навуходоносора, римских императоров Калигулу и

Нерона, русского самодержца Ивана Грозного и ряд других властителей.

Одним словом, понятие «шут» включало в себя многообразие таких качеств, которые позволяли их носителям, в зависимости от занимаемого положения, являться объектами развлечения или внушать страх, но неизменно находиться в центре всеобщего внимания.

ГОЛЛАНДСКИЙ «СУВЕНИР»

В начале 1716 года Петр I, еще не оправившись от какой-то тяжелой желудочной хвори, вместе с супругой и племянницей отправился за границу. Конечной целью его поездки являлось лечение в маленьком курортном городке Пирмонте, однако, наряду с этим, царя ожидали и другие, более приятные хлопоты. Хотя война с Карлом Шведским была уже победоносно завершена, Петр дальновидно стремился к тому, чтобы получить контроль над Северной Германией, откуда, при случае, можно было легко пригрозить пальцем разбитому, но еще огрызающемуся противнику. Для решения этой задачи более всего подходил немецкий город Мекленбург, где государь намеревался разместить несколько хорошо вооруженных полков. Соответственно, в сфере интересов царя оказался мекленбургский герцог Карл-Леопольд, ради особы которого, в своем царском обозе Петр вез невесту — родную племянницу Екатерину Ивановну, старшую дочь давно почившего, слабоумного брата по отцовской линии, Ивана Алексеевича.

Порадовавшись яркому свадебному фейерверку, до которого он был большой охотник, монарх собрался было к отъезду, но легкая простуда задержала его еще на несколько дней. Во всяком случае, наутро, стоя на молебне в местной лютеранской церкви, Петр ощутил неприятный озноб в непокрытой голове. Оглянувшись, царь рывком стянул пышный парик с головы стоявшего рядом, совершенно ошеломленного бургомистра и водрузил на себя. Теперь стало явно теплее.

Через несколько дней государь благополучно отбыл в Пирмонт, где, как писали местные газеты, «изволил идти к колодезю и кушать воду». Судя по всему, именно здесь, на водах курортного Пирмонта, своим цепким, наметанным оком, будущий император российский узрел некоего интересного субъекта, который показался избалованному яркими личностями Петру чрезвычайно любопытным.

Человека, сумевшего привлечь внимание самого российского самодержца, звали Ян д'Акоста. Предки Акосты, принадлежавшие к вынужденно крещеным евреям (марранам), в

конце 15-го века покинули Португалию, где даже в отсутствие на тот момент института инквизиции, жизнь становилась совершенно невыносимой. Наряду с многими другими несчастными беженцами, им удалось найти приют в Амстердаме и постепенно добиться в этой интернациональной голландской столице определенного благополучия. Хотя фамилия Акоста являлась довольно распространенной в среде португальских марранов, можно предполагать о наличии родства этой семьи со знаменитым голландским мыслителем Уриэлем Акостой, также выходцем из Португалии.

Ян Акоста получил прекрасное образование и уже с ранних лет оказался фактически предоставлен самому себе. Настойчиво стремясь обзавестись каким-нибудь прибыльным делом, молодой человек отправился в длительное странствование по Европе. Около 1711 года он поселился в Гамбурге — морском порте и крупном центре северогерманской торговли, где не без труда открыл маклерскую контору. В течение нескольких последующих лет Акоста добросовестно пытался наладить работу, но все его потуги оказались тщетными. То ли конкуренция оказалась слишком большой, то ли в его душе не обозначилось достаточной склонности к этому занятию, но, так или иначе, маклерская контора оказалась на грани разорения. И в эту трудную минуту жизни, на помощь пришла благоволившая к нему фортуна. Оправившись на последние средства отдохнуть и подлечиться на курортных водах, Акоста неожиданно удостоился благосклонного внимания самого могущественного, на тот момент, европейского монарха.

Чем же мог так обворожить Петра сорокалетний голландский еврей? Обладая хорошими внешними данными и незаурядными природными способностями, Акоста умел говорить почти на всех европейских языках, превосходно знал Священное Писание, отлично разбирался в вопросах философии и истории, был тонким гурманом и, при этом, обладал редким остроумием, исключительной находчивостью и жизненными навыками бывалого человека.

Все эти качества, в сочетании с удивительным везением, в одночасье коренным образом изменили судьбу свободолюбивого «гражданина мира», получившего приглашение сопровождать его царское величество в новую российскую столицу Санкт-Петербург.

ШУТ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Обостренное чувство юмора и склонность к умпомрачительным, порой жестоким забавам были свойственны Пе-

тру с детства. Из сохранившихся архивных документов можно узнать, что игривого ребенка постоянно окружали карлики и карлицы, большим любителем которых являлся его дядька-наставник, думный дьяк Никита Зотов, по совместительству обучавший мальчика еще и грамоте.

Как и другие учителя, Зотов не обладал особой образованностью и эрудицией и, если бы не уникальная природная одаренность Петра, будущий царь так бы и остался недоучкой. Между тем, склонности Петра к постижению окружающего мира, через игры и забавы: «шутейные» водные баталии на Яузе, «потешные» полки, впоследствии оказали молодому царю неоценимую помощь в многотрудном деле строительства русской армии и флота.

Получив единоличную власть, Петр не забыл старого воспитателя Никиту Зотова, придумав для своего любимца пышный шутовской титул «князя-папы», «всешутейного отца», главы, так называемого «Всепьянейшего собора». Резиденцией этого «собора» сделалось укрепленное место близ села Преображенское, где нередко устраивались многодневные пьяные гульбища. Во время подобных увеселений, разношерстная пьяная компания во главе с молодым царем носилась по улицам Москвы в санях, запряженных свиньями, козами и даже медведями.

К тому времени, когда в Петербург прибыл Акоста, государь, слава богу, уже несколько остепенился и сравнительно редко позволял себе буйные выходки молодости. Новоприбывший «голландец», как его окрестили во дворце, своей неизменной любезностью и общительностью довольно быстро приобрел расположение, чему в немалой степени способствовал специальный царский указ о назначении Акосты на «должность» придворного шута. На этом, совсем непривычном для него, новом поприще недавний хозяин мажорской конторы сумел быстро выделиться среди прочих потешников царской четы и занял достаточно видное место наряду с самым известным шутком при дворе, камер-лакеем Иваном Алексеевичем Балакиревым.

Только теперь, когда он почувствовал основательность своего положения, Акоста решил выписать в Петербург жену и дочь, которые до той поры оставались в Германии, в ожидании вестей от супруга и родителя.

Являясь европейски образованным человеком, Акоста даже в шутовстве проявлял удивительную точность и тонкость в суждениях и оценках. Известно немало случаев, когда именно с этим своим шутком Петр вел длительные богословские споры, касающиеся сравнительных характеристик христианства и иудаизма. Своей открытостью и смелостью в этих вопросах Акоста выгодно отличался от друго-

го «замаскированного» еврея, высокопоставленного дипломата Петра Павловича Шафировова, всегда тщательно избегавшего обсуждения еврейской тематики.

В 1719 году был отмечен серьезный конфликт, который имел место между Акостой и придворным лекарем Иоганном Лестоком. Суть его заключалась в следующем. Опытный придворный жуир Лесток сумел обольстить юную дочь «голландца» и был засечен разгневанным отцом на месте преступления. Скандальное дело дошло до Петра, который, хотя и высоко ценил врачебные достоинства Лестока, все же принял сторону своего «шута» и сослал лекаря в Казань, откуда тот был возвращен уже в период правления Екатерины I.

К тому времени, престарелый наперник царя, «всешутейший патриарх» Никита Зотов уже скончался, и государь заметно охладел к шутовским забавам. Все же, незадолго до своей кончины, последовавшей в январе 1725 года, российский император решил отметить многолетнюю, усердную службу Акосты и пожаловал ему шутовской титул «самоедского короля», присовокупив к нему, в качестве земельного надела, безлюдный песчаный остров Соммера в Финском заливе.

ШУТЫ И ВРЕМЕНЩИКИ

Последующие пять лет были для Акосты годами забвения и прозябания. Возможно, он так бы и канул в Лету истории среди бесчисленного количества второстепенных персонажей петровской эпохи, но о нем неожиданно вспомнили.

В 1730 году на российском престоле воцарилась младшая племянница Великого Реформатора, курляндская герцогиня Анна Иоанновна, при которой шутовское искусство вновь оказалось востребованным, правда в достаточно вульгарном и примитивном облици. Если Петр I держал при себе шутов не столько для забавы, сколько ради осмеивания грубых и смешных предрассудков российского общества, то в период правления новой императрицы шутовская традиция, в основном, оказалась построена на фокусах и скоморошничестве.

Весьма заслуживающим внимания представляется и другая особенность ее правления. В течение десяти лет, пока эта грубая, заурядная, малообразованная женщина пребывала на троне, положение евреев в российской империи заметно ухудшилось, в особенности по сравнению с толерантной эпохой Петра. Однако, в то же время, совершенно иная картина наблюдалась под сенью дворцовых палат. Обладая, разумеется, различной степенью влияния и мало сопоста-

вимыми возможностями, здесь вполне успешно процветали давно забытые свои истоки, но не забытые Богом, сыны Израиля. В этом списке, в первую очередь следует упомянуть разжалованного Петром, но обласканного новой императрицей президента коммерц-коллегии Шафирову, его племянника — куратора московского университета Федора Веселовского, ближайшего советника и фаворита монархини Бирона, крупного финансиста Исаака Липмана и, наконец, возвращенного к своим шутовским обязанностям Яна Акосту.

Обожавшая жестокие и грубые шутки, российская самодержица проводила серьезнейший отбор претендентов на «шутовской колпак», так как эта должность, несмотря на ее бесконечную унижительность, несла с собой определенный почет и влияние. В новом придворном балагане сохранил свои позиции Иван Балакирев, позабыв о благородных корнях, во всю юродствовал князь Михаил Голицын, по прозвищу «Квасник», чью шутовскую свадьбу душевная государыня повелела сыграть в знаменитом Ледяном Доме. Благодаря поддержке всесильного временщика Бирона, не оказался обойденным царскими милостями и Акоста, хотя его искусство явно выпадало из общепринятого во дворце кривляния и фиглярства.

К сожалению, в исторических источниках не сохранилось никаких сведений о последних годах жизни Акосты, чьи богатые, разносторонние дарования, к великому сожалению, не нашли иного применения, соответствующего этой яркой, достойной личности.

Нина ДАВЫДОВА

РАСКОЛ

*...Мне б лишь переплыть твои черные ночи,
Мозги бы отмыть от разора и срама.*

Дмитрий Цесельчук

Стоит произнести слово раскольников, как перед внутренним взором обязательно возникнет боярыня Морозова с картины Василия Сурикова — с двуперстным знаменем, вся иссохшая, истовая. По ассоциации возникнет и фигура протопопа Аввакума, тоже, как и боярыня, с двуперстием, протопоп, сгорающий на костре. Недавно в Сибири, в полном безлюдье нашли семью староверов, а в Канаде есть целые поселения старообрядцев, сохранивших и русский язык, и уклад жизни аж с 17 века. Да и не только в Кана-

де, по всему миру почти расселились староверы. За что же так разметало русских людей? Недавно по каналу Культура был показан фильм-фреска РАСКОЛ, двадцатисерийное повествование об одном из самых трагических событий русской истории — расколе, как мы привычно говорим, в русской православной церкви. А раскололась-то в результате вся Россия. К примеру, один только Соловецкий монастырь, северная твердыня, 8 лет оборонялся от царских войск, не желая принять новые, послереформенные богослужебные книги. А потом, после предательства одного из монахов, почти всех уничтожили. Кровь лилась рекой, костры самосожженцев страшным дымом нависли над Россией. Не из-за обрядов же шла жестокая схватка, с уходом — бегством из обжитых родных мест, с отказом молиться за царя... Сколько испытаний претерпели, за что и ради чего? Непримируемость схватки станет понятной, если мы попробуем взглянуть на мир глазами старовера: ну, как же, идёт борьба с дьяволом за истину, мир праведный перевернулся. А русскому человеку нужно всё или ничего, он срединного существования не приемлет. Так с 1666 года началась борьба с антихристом. Дьявола видели и на троне, начиная с Тишайшего царя, а уж тем более дьяволом на престоле увиден был Пётр I, именно он, «Россия поднявший на дыбы», а для старовера в этом определённо слышалась и виделась — дыба. Происходила утрата веры в высшую справедливость, в мессианство православной России. И надежда только на то, что, сохранив обряды, восстав против «никонианства», можно спасти свою душу и Русь, спасти истинный Третий Рим от антихриста. Став на эту позицию, под этим ракурсом взглянув на события тех дальних лет, понятными становятся и Аввакум, и боярыня Морозова, погубенная в страшной яме в Боровске, и многое-многое другое. И даже станет понятен выход в конце 18-начале 20 вв. на экономическую арену мощных старообрядческих капиталов в лице Шелапутинных, Морозовых, Содаатёновых, Рябушинских, Зиминных, Шукиных, Кузнецовых и много других всем известных фамилий можно было бы назвать.

Фильм «Раскол» вызвал бурю дискуссий, в основном среди историков, богословов, старообрядцев и тех, кто снимает кино. Обычный зритель мог оценивать только на уровне «понравилось — не понравилось». И это при том, что за последние почти 350 лет раскол так и не преодолен: только в Москве действует несколько старообрядческих храмов. Но попробуйте задать вопросы о староверах простым москвичам, и вы окажетесь в тупике: об этом «краеугольном» и в каком-то смысле определяющем нашу современную

жизнь в вопросе большинство, и даже много более большинства, имеют самые невероятные представления. Вам даже могут сказать, что староверы это люди неправославные и интересоваться этим вовсе незачем, так, сектанты какие-то.

Но потом и Достоевский вспомнится: как же, в «Преступлении и наказании» главный персонаж с фамилией Раскольников, а в «Идиоте» есть Рогожин. Вот с этой фамилии мы и продолжим знакомство со старообрядцами.

В конце 80-х гг. 20 века в России круто меняется жизнь, началась перестройка дотоле за 70 лет созданного, и экскурсоводам стало возможно говорить об истории Рюриковичей и Романовых на русском престоле, о дореволюционном укладе, монастырской жизни, о судьбах Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Александра Солженицына, о Белой армии и эмиграции. Обо всём стало можно говорить, писать, появились на прилавках запрещённые ещё недавно книги.

А вот можно ли поближе познакомиться со староверами? Существует такое распространённое мнение, что к ним лучше и не ездить, что злые они не к своим, просто выгонят и разговаривать не станут. Но всегда же хочется на себе проверить. И вот холодной осенью, надев длинное пальто и повязавшись большим павлопосадским платком, поехала я на Рогожское кладбище, что совсем недалеко от Таганки. Увидела сначала современные дома-башни, они как бы закрывали от шоссе несколько церквей, кладбище и небольшой домик, на котором было написано, что здесь находится представительство русской православной старообрядческой церкви. Ну, думаю, была — не была, вот звоночек. Открывает мне молодой мужчина, одетый во что-то очень простое, но явно старинного кроя, глаза весёлые, весь улыбочивый. Я растерялась, здравствуйте, говорю, вот занимаюсь историей выдающихся купцов-меценатов, среди них много старообрядцев, а про староверов знаю немного, поэтому и приехала сюда, узнать побольше, может быть, экскурсию подготовить, если можно...

«Вот и хорошо, проходите, как раз сейчас есть у нас человек один, лучше, чем он никто не расскажет, вот в эту комнату проходите, садитесь, знакомьтесь, поговорите». И, обращаясь к человеку в комнате: «Помоги, Александр Васильевич, расскажи нашу историю, прошу тебя». Как-то вот так это прозвучало. Комната небольшая, со старинными образами на стенах, особенным запахом ладана, восковых свечей, спокойно, как будто пришла я к своим близким в гости. И это чувство при соприкосновении со старообрядцами так и осталось с тех пор. Александр Васильевич представился:

— Антонов, главный редактор журнала «Церковь», окончил философский факультет МГУ. И, вдобавок, с некоторым удивлением: «Да, я не могу Вам не помочь, меня сам архиепископ попросил, глава Старообрядческой церкви Белокриницкого согласия, это он Вам дверь открыл». Ну, не чудеса ли! Так началось наше уже многолетнее знакомство с Антоновым, потом я его не единожды приглашала на свои радиопередачи, сохранились записи наших разговоров, а, скорее, блистательных монологов Александра Васильевича. Год назад одну из плёнок оцифровали и выложили в Интернете на сайте радио «Ракурс». Ещё придумался большой экскурсионный маршрут по старообрядческой Москве, эту тему заказывали даже сами старообрядцы во время конференций. За эти годы А.В. Антонову удалось, ценой беспримерных усилий восстановить старообрядческий храм Николы у Белорусского вокзала. А через год после нашего знакомства на Освященном Соборе Московскую архиепископию было решено именовать митрополией, а архиепископ Алимпий, который мне дверь открыл (в прямом и переносном смысле), стал именоваться «Митрополит Московский и всея Руси Алимпий (Гусев), предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви».

И что же — всё так елейно, да благостно, вот колокола вернули в храмы, вот несколько церквей отдали и там уже службы идут по древнему чину, с двуперстным сложением, с лестовками. Мужчины в кафтанах, женщины в сарафанах, большие платки укрывают плечи молящихся, они не повязаны, а заколоты под подбородком, молятся истово, с земными одновременными поклонами, женщины стоят отдельно от мужчин, по храму во время богослужения не ходят и чужих не пускают, потому что ничто не должно мешать общению с Богом. Древняя Русь возрождается?

В 1971 г. на Поместном Соборе Русской Православной Церкви были отменены все проклятия на старые обряды, более того, старые обряды признаются спасительными. Но старообрядцы к воссоединению не готовы, и много доводов против воссоединения церковью приведут вам, например, что это не мы, а вы ушли в раскол, а мы-то как раз и сохранили истинное, иногда ценою жизни. И увидите вы тот особый взгляд, как будто из 17 века, «аввакумовский», бескомпромиссный. И ещё вы увидите, что ситуация тупиковая, хотя общение между священнослужителями происходит, и отношения в некоторых конкретных случаях взаимоважительные. Вот такая она русская душа: или всё, или ничего. Так и увидела я староверов: и улыбочивые, и поговорить интересно, но крепче кремния, если вопрос касается обретения «Царства правды».

На Рогожском кладбище произошло у меня ещё одно интересное знакомство, уже в середине 90-х. Помню, был солнечный августовский день, не очень жарко. По небу, как ладьи, плыли сказочного вида облака. Мы сидим на лавочке с необычным ещё тогда для Москвы человеком. В месте, как будто не слишком расположенном для знакомства и беседы: на кладбище. Мой собеседник Анатолий Анатольевич Кондратьев, внук известного русского ученого и мецената Дмитрия Павловича Рябушинского. Потомок Рябушинских! Анатолий, хотя и Кондратьев, но внешнее сходство с Рябушинскими налицо: 2-х метровый, очень даже не худой, а, главное, «фирменная» рябушинская «бычья» шея. Пока он шёл по кладбищенской дорожке к лавочке, удивительно было видеть рядом с ним его жену-французенку: ему чуть выше пояса, худенькая, изящная, в руках, кроме маленькой сумочки, громадный пиджак мужа. Рядом с ними — тоже немаленький, в рост Кондратьеву, почти с такой же шеей Николай Львович Толоконников, видно, что тоже из Рябушинских, но живёт с рождения в России, он-то, мой давнишний уже знакомый, и представляет А. Кондратьева. Вот удача, и я включаю диктофон.

За последние три года он четвертый раз прилетает в Россию из Нью-Йорка, где живет и работает, занимается антиквариатом. Но на Рогожском кладбище впервые, очень волнуется: здесь были похоронены его предки.

— Да-да, первый раз приехал на Рогожское. Ведь здесь были похоронены первые Рябушинские, которые основали эту семью. Меня сейчас очень интересует история моей семьи, старюсь побольше разузнать. Хочу, чтобы о ее заслугах не забывали.

— Вы считаете, что это нужно для России?

— Да, это часть ее истории. Рябушинские не были обыкновенными людьми. Они начинали очень просто. Простые крестьяне. Начинали с ничего. Только работали. Они знали, как надо работать и как не тратить деньги впустую. Накопили капитал, стали богатейшими людьми. Очень много отдавали на больницы и школы.

— У Вас в Нью-Йорке сохранились какие-нибудь семейные реликвии?

— Да, у меня есть много документов, фотографий. Я хотел бы, чтобы все это было в России, в Москве, в городе, где жила наша семья. Я хотел бы устроить что-то вроде музея семьи Рябушинских.

— Семья Вашего деда вынуждена была после революции бежать из России. Родственники, кто остался, были расстреляны в 37-м. А Вы думаете о создании музея. Почему?

— Русский народ добрый.

— Разве добрый народ может так безоглядно все уничтожать?

— Видите ли, мы, русские, тяготеем к крайностям, все отсюда. Когда несколько лет назад начались перемены в России, мой отец захотел вернуться на родину, но ему было уже почти 90, ехать не мог, поздно.

— А в каком году умер Ваш дед, Дмитрий Павлович, смог ли он как учёный реализовать себя в эмиграции?

— Ну, он очень много работал, работал в аэродинамике, во время войны работал во Франции. Было очень тяжело жить, но я знаю, что здесь, в России, было гораздо тяжелее. Я не знаю, имел ли он отношение к французскому сопротивлению, но что у него с немцами не было никаких контактов, это точно. Умер он в 1962 году, ему было ровно 80 лет. Он всегда считал себя русским, во Франции создал общество русских культурных связей, хотел, чтобы русские всё время думали о России и сохраняли то, что им удалось создать в разных областях.

— Когда Вы первый раз приехали в Россию, Ваши первые впечатления?

— Первый раз я приехал в мае 1993. Помню, как решил разыскать Кучино: там была наша дача и аэродинамический институт. Знал, что это около Москвы, но где: на севере, на юге — не знал. Оказалось, на востоке. Но и там мне никто не мог сказать тогда, где же это место. И тогда я достал Спутник на английском языке, издание 1937 г., для иностранцев, которые приезжали в Советский Союз. И там был маленький план, где они показывали бывшие имения аристократов и богатых людей... В Кучино осталась от времени Дмитрия Павловича маленькая такая башня, дом был разрушен, остались бывшие конюшни, превращённые в жилища, там люди живут. Кажется, в 60-е гг. там построили Метеорологический институт на основе лаборатории. Я познакомился с сотрудниками, они меня очень хорошо приняли. О существовании деда они знали, но основателем аэродинамики в России считали Жуковского, в годы коммунизма об учёном-Рябушинском не было сказано ни слова, а в 1950 г. был сделан фильм о Кучино и дедушку моего показали как злодея. Дмитрий Павлович, когда увидел фильм, очень переживал. Он до этого собирался все свои работы отдать в Россию, он был очень расстроен. Это была глупая, злая и неточная история.

— Вы чувствуете связь со старообрядчеством?

— Живя в Нью-Йорке, это очень сложно, я очень мало об этом знаю, но я верующий человек, я православный, почти каждое воскресенье посещаю церковь. Здесь, на Рогожском, я хотел разыскать могилы предков, но никакого кам-

ня, никакого креста нету, никто не знает, где они были похоронены...

— Здесь говорят, что слишком красив был мрамор, и его использовали при облицовке станций метро. Казалось бы, жить в чистом, сверкающем Нью-Йорке или Париже спокойнее, чем в нашей непредсказуемой России. И потом, Вы же видите, мы, москвичи, улыбаемся не часто, Вы обратили внимание, сколько на улицах грустных лиц?

— По-моему, русские везде немножко грустные. Они могут жить в Америке, во Франции и везде их одолевает грусть. Вы не поверите, но я здесь чувствую себя, как дома. Мне тут хорошо. Хотя все противоречия вижу, но понимаю, что можно сделать гораздо лучше, все-таки Россия — это Россия. Как это объяснишь словами? Мы с Вами сидим сейчас на Рогожском кладбище — оно не похоже ни на одно из тех, что я видел. На Новодевичьем, например, чисто, порядок. А Рогожское — дикое кладбище. Но здесь можно сесть и плакать, и думать, и быть радостным. Здесь это легко, хотя мне трудно объяснить почему.

Мы долго ходим по кладбищу, Анатолий Анатольевич Кондратьев и потомки Рябушинских, живущие в России, — Ольга Александровна Князькова и Николай Львович Толконников. Рябушинские связаны кровными узами с одним из самых почитаемых священников Рогожского кладбища отцом Иоанном Матвеевичем Ястребовым. В 1812-м он уберег кладбище от разорения: создал несколько «могил», пустив слух, что они чумные, и ни один француз после этого на Рогожское не пришёл.

А в тот августовский день на Рогожской потомков Рябушинских принял митрополит Московский и Всея Руси Алимпий. Впрочем, слово «принял» в тех обстоятельствах весьма условно: на улице, рядом с маленьким зданием Митрополии, вынесли несколько стульев, и всё быстро решилось. Митрополит Алимпий обещал свою помощь в ходатайстве перед властями о выделении на Рогожском кладбище места, где можно было бы поставить памятный знак о бывших здесь некогда захоронениях.

Прошли годы и стараниями митрополита Алимпия, А. Кондратьева, Н. Толконникова и других, установлен памятный знак на кладбище, и потомкам Рябушинских есть теперь куда придти.

И есть Россия, куда можно приехать. Можно ли будет всегда? И опять «загадочная русская душа», без размышлений о расколе в 17 веке и в 17 году, не покаявшись, не взяв на себя ответственность за сталинские репрессии, за застойные бессмысленные годы, опять наивно рвётся на Манежную, Болотную и Поклонную. «История русского народа, —

писал философ Николай Бердяев, выдворенный из России на «Философском пароходе» — одна из самых мучительных историй: борьба с татарскими нашествиями и татарским иггом, всегдашняя гипертрофия государства, тоталитарный режим Московского царства, Смутная эпоха, раскол, насильственный характер петровской реформы, крепостное право, которое было самой страшной язвой русской жизни, гонения на интеллигенцию, казнь декабристов, жуткий режим прусского юнкера Николая I, безграмотность народной массы, которую держали во тьме из страха, неизбежность революции для разрешения конфликтов и противоречий и ее насильственный и кровавый характер, и, наконец, самая страшная в мировой истории война.

Наверно, самое трудное в России, это преодолеть раскол, раздвоенность в своей душе, и построить общий Дом, чтобы было куда придти и не захотелось уходить...

К 160-летию со дня рождения Н.Н. Неплюева

СЛУЖЕНИЕ БОГУ И ЧЕЛОВЕКУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О Неплюевском братстве

(продолжение, начало в «Словесности 2011»)

28 — 30 сентября 2011 г. в Москве Свято-Филаретовский православно-христианский институт; Преображенское содружество малых православных братств; Культурно-просветительский центр «Преображение»; Аналитический центр Юрия Левады к 160-летию со дня рождения Николая Николаевича Неплюева провели XXI международную конференцию «Служение Богу и человеку в современном мире».

В обращении подчёркивалось:

«Жизнь человека в ее высоком назначении не может быть понята вне идеи СЛУЖЕНИЯ. Сегодня слишком часто приходится сталкиваться с редукцией смысла этого ключевого понятия, причем как в светском, так и в церковном контексте. В современном секулярном обществе «служение», как правило, отождествляется со «службой». В связи с этим, помимо гипертрофированных представлений о значимости для жизни общества именно государственной службы, ставшей для большинства молодых россиян высшим социальным приоритетом, вспоминается историческое смешение служения Богу со службой отечеству и даже царю. В свою очередь, в церкви служение неред-

ко сводится или к храмовому богослужению, или к разным формам социально окрашенной активности, например, к столь востребованным делам милосердия и благотворительности.

В рамках очередной ежегодной конференции мы хотели бы говорить о служении как об особом качестве жизни, выражаемом в категориях свободы, творчества, призвания свыше.

При этом нам принципиально важно не противопоставлять служение Богу и человеку, а также служение церковное и служение общественное.

Конференция 2011 года посвящена 160-летию со дня рождения Николая Николаевича Неплюева, создателя Крестовоздвиженского православного трудового братства. Будучи потомственным русским аристократом, Н.Н. Неплюев рассматривал свою жизнь как целостный путь «служения делу любви», в котором соединяется служение Богу и человеку, церкви и обществу.

«Дело братства, — считал Н. Неплюев, — только и может быть делом Божиим, и членами братства могут быть только те, которые искренно желают духовно возвышаться до честного служения на дело Божие».

На конференцию была приглашена член Союза литераторов РФ, координатор Челябинского регионального отделения СЛ РФ, публицист, Людмила Сергеевна Федоренко, хранительница архива Н.Н. Неплюева.

Она выступила с докладом о своих исследованиях жизни и творчества Н.Н. Неплюева и основанного им Трудового братства, рассказала о имеющихся у неё документах и рукописях, в частности, о повести «Серебряные нити», написанную членом братства, её двоюродным дедом Павлом Константиновичем Федоренко, известным украинским учёным-историком, человеком с трагической судьбой, подвергшимся репрессиям в 30-е гг.

Выступление Л.С. Федоренко вызвало большой интерес, сопровождалось аплодисментами, она ответила на многочисленные вопросы журналистов.

В альманахе «Словесность 2011», вышедшем в июне 2011 года к юбилею Николая Николаевича Неплюева, опубликовано интереснейшее исследование Л.С. Федоренко «ДАЛЁКИЙ СВЕТ НЕПЛЮЕВСКОГО БРАТСТВА» с уникальными фотографиями, предоставленными Людмилой Сергеевной из своего архива.

Игорь ЧУБАЙС

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ

Игорь Чубайс только что закончил работу над новой книгой, которая будет называться «Российская идея». Работа в целом представляет собой попытку построения целостной теории Российской цивилизации. Введя и определив понятия Русская идея и Российская идентичность, автор, опираясь на них, анализирует генезис, трансформации и разрывы Российского пути, предлагает маршрут возрождения и реформирования Русской идеи, искусственно и насильственно прерванный после событий 17-го года.

Для нашего альманаха И. Чубайс представил небольшой фрагмент его философской публицистики, в котором кратко изложено авторское видение места России внутри западной, общеевропейской метацивилизации.

...Сравним две культурные традиции — западноевропейскую и восточноевропейскую, т.е., прежде всего, российскую. Изначально условимся, что сравнение не должно носить эмоционально-оценочный характер, его нельзя переводить в плоскость категорий «правильно — неправильно». Здесь полезно проявить максимум объективности и беспристрастности. Но начнем мы с ещё более глубокой контроверсии — с краткого сравнения культур Востока и Запада.

И российская, и западноевропейская культурные традиции отличаются от культур Востока, где исходным началом можно считать образное видение мира, противостоящее европейскому, преимущественно рационально-знаковому его осмыслению. Этот контраст выражается в специфике двух видов письменности. Китайский иероглиф, обозначающий понятие «человек», похож на самого человека «___», в иероглифе «лес» — «___» не трудно увидеть несколько деревьев, стоящих рядом. При чтении китаец буквально видит, просматривает значение письменного знака. На востоке очень ценится искусство каллиграфии, ведь слово — это картинка, рисунок отображаемого им предмета. Поэтому иероглиф надо написать красиво.

В отличие от китайского, западное мышление рационально-знаковое, в европейских языках слово — это не образ, а знак объекта. Русское написание слова «лес» или немецкое «der Wald», как и английское «The Wood» это знаки, но никак не образы самого леса. В европейском мышлении, будь то мышление россиянина, венгра или испанца особое звено

составляет дешифровка знака-слова. Чтобы понять и «увидеть» смысл слова, европейцу надо сначала его раскодировать. Западный, рациональный знак, выражающий, объект или идею, противостоит прозрачному восточному образу. Разведя западные и восточные — знаковые и образные — цивилизационные начала, мы продолжим анализ, подчеркнув, что внутри Европы сложилось своё собственное культурно-ценностное разделение. Когда мы говорим — Восток, мы понимаем, что он — не един, что существует Центральная Азия, есть Ближний, а есть Дальний Восток. Относительно Европы, в результате ряда факторов, в частности, глубоко затянувшегося российско-советского кризиса, много десятилетий утверждается иная, унитарная картина — есть Запад континента — это подлинное и настоящее, а есть что-то недоговорящее, не настоящее, то ли Евразия, то ли Азиопа...

На самом деле вопрос о цивилизационном месте России имеет иное, достаточно четкое и ясное решение, которое состоит в следующем. ...Когда в конце IV века распалась Великая Римская империя, возник закономерный вопрос — почему это произошло? Поиск ответа начинается в Средневековье и продолжается в Новое время. (Впрочем, он оставался актуальным и для основателей североамериканских соединенных штатов). Можно сказать, что народы, искавшие ответ на вопрос о причинах распада Великого Рима и называются европейскими. Было предложено два решения.

1) Причина распада — нарушение правовых норм, игнорирование законов, Рим изменил республиканским идеалам. Чтобы сохранить государство, необходимо сохранять его юридическую основу. На этой идее была построена Западная Римская империя.

2) Главные проблемы, порожденные и не решенные Древним Римом — проблемы не права, а морали. Рим пал от язычества и бездуховности, которые развратили граждан и власть. На возрождении этих начал формировалась Византия. Мораль сыграла важнейшую роль в образовании православия и интегрируемой им Восточной Римской империи. Противоядие Римской болезни — община на принципах не только права, но и морали. Что важнее — гражданское общество или духовная община? Жить по разуму или по совести — это, как справедливо замечает профессор В. Межуев, российское дополнение римской идеи. Российский культурно-цивилизационный ответ — из двух ключевых начал важнейшее — духовно-нравственное.

Из сказанного следует, что внутри Европы, внутри Запада существует две субкультуры — запад Запада и его восток

— российско-греко-славяноправославная субцивилизация. Эти обстоятельства по-своему выражены в формуле — Москва — Третий Рим. Действовавшие уже в XX веке большевики стремились поставить нашу страну выше всемирно-исторических процессов и закономерностей, но в действительности они вырвали Россию из мировой истории. И теперь нам предстоит возвращение из мифологического, коммунистического пространства домой, в Европу, нам необходимо вновь осознать себя ее фундаментальной, неотъемлемой восточной составляющей. Но и нашим соседям надо согласиться с тем, что создали они не Евросоюз, а Западно-европейский союз.

То, что две субкультуры единой западной цивилизации не одинаковы и обладают собственной спецификой, можно подтвердить разными аргументами. Ведь и сегодня западный мир делится, как уже отмечалось, на православный и католическо-протестантский. И сегодня запад — это единая латиница, а восток — это оригинальный алфавит каждого отдельного народа — это кириллица, это грузинский, армянский и другие письменности. На западе действуют интеллектуалы, на востоке — интеллигенты, т.е. люди, обладающие и знаниями, и отстаивающие моральные нормы. Все чаще звучит и такая формула — чем дальше люди живут на западе (запада), тем больше они в нем разочаровываются. Повторю, что для запада континента отправной стала прошедшая из Рима идея права, российский приоритет — это духовно-нравственная идея. Такое различие проявляется во многих социокультурных формах. А.И. Солженицын в одной из своих работ справедливо отмечал, что герои западной литературы отстаивают ценности власти, карьеры, денег, любви, у нас же положительные герои стоят за правду, за нравственность, справедливость и любовь. Русский герой, как правило, правдоборец и правдоискатель. Похожие наблюдения есть и у В.М. Шукшина, писавшего, что за свою историю русский народ отобрал, сохранил, возвел в степень уважения человеческие качества, но подлежащие пересмотру, — честность, совестливость, трудолюбие и доброту. Законно-правовая и духовно-нравственная — две оси координат, две имманентные традиции двух европейских субкультур.

Отчего так получилось, почему Европа разделилась именно таким образом? Понятно, что сложившееся деление не абсолютно жестко и не изначально предзадано, оно является результатом действия множества причин, взаимоперетекающих и сталкивающихся в многомерном историческом пространстве. И на Руси, как минимум со времен Ярослава Мудрого, действовал оригинальный свод юридических

законов под названием «Русская правда» (все же «право» происходит у нас от правды, т.е. моральное начало первично), и Запад знает немало мучеников за справедливость. И всё же... запад Европы с эпохи Возрождения, со времени великих географических открытий, утверждал приоритет капиталистических отношений. Испанские конкистадоры привезли в Старый Свет так много индейского золота, что это изменило все правила банковско-хозяйственной деятельности. Европейцы впервые стали давать деньги в долг и в кредит под процент. До этого христианство, а ислам и ныне, запрещали подобные действия, лишь иудаизм позволял кредитование клиента в рост.

В изначальном замысле, в исходных принципах суть капитализма ясна и понятна: главный жизненный приоритет — это деньги. Абсолютизация золотого тельца, несомненно, подстёгивает экономическое развитие. Но она ведёт и к тому, что всё вокруг — и время, и любовь, и власть — всё приобретает денежный эквивалент, все продается и покупается. А эта ситуация порождает, в свою очередь, огромное социальное напряжение, порождает страсти, острые межличностные и межгрупповые конфликты. Чтобы регулировать и эффективно управлять таким социумом, чтобы уменьшать количество возможных столкновений, необходим жёсткий регулятор. Именно эту роль и выполняет право.

Между тем, в России экономическая ситуация была иной и ещё гениальный Пушкин показал в «Пиковой даме» тупик, к которому ведёт неумная погоня за деньгами. Действия немца Гермманна, стремящегося во что бы то ни стало разбогатеть, доводят старую княжну до смерти, её служанку повергают в шок, а сам Гермманн, проиграв в карты, сходит с ума и заканчивает жизнь в психушке.

Столкнувшись с негативным влиянием законов рынка, Запад уже к началу прошлого столетия разработал механизм сдержек и противовесов, главным компонентом которого и стало право. Западные государства — это, прежде всего, государства правовые. Здесь юридически стремятся регулировать всё — от управления страной, до управления космическим кораблём и поведением влюблённых. А у нас, даже несмотря на все советские и постсоветские потери, особую роль по-прежнему играет мораль, что подтверждают различные аргументы, в частности, наш язык.

Спустя почти 70 лет после войны, пресса всё ещё употребляет идиому «я бы с ним в разведку пошёл» или, напротив, — «не пошёл». Как-то это выражение мне пришлось разъяснять голландскому журналисту. Но он никак не соглашался видеть здесь некую российскую специфику. «Я тоже, —

ворил собеседник, — могу найти в Амстердаме компаньона — разведчика. Мы с ним сходим к нотариусу, подпишем контракт, застрахуем риски... и вперёд! Он никак не мог понять, почему в России слово, которое дано, т.е. честь, остаётся более важным аргументом, чем бумажка с печатями. Характерно, что именно на Западе появились брачные контракты, не очень понятные и не прижившиеся в современной России.

На Западе Европы в память о значимом ушедшем человеке создаются денежные фонды и премии (Нобеля, Бея, Эберта, Аденауэра...), в России в таких случаях ставят храмы и часовни (в память погибших в Афганистане, храм Спас на крови — на месте гибели Александра П)..

Самая лучшая книга западного автора называется бестселлер (продаваемая лучше других), в России этот термин заимствован, но без сохранения его буквального смысла.

Итак, подытожим. Мы определили, где располагается историко-культурная территория России, в какое цивилизационное пространство она должна вернуться — это не транзит между континентами, это не связующее звено между Европой и Азией (т.е. ни то, ни сё), как пытаются заверить доморощенные, а точнее — вне-дома-рощенные, постсоветорожденные политологи. Действительное, обусловленное историей и культурой место России, как и Украины, Белоруссии, Греции, Грузии, Армении — это Восточноевропейское субцивилизационное пространство.

Фёдор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

МИР ВОКРУГ РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Введение

Глобализация выдвинула на первые роли в формировании будущего человеческий капитал, ценностные ориентации и оценки прогресса. Требуется уточнить, как актуализируются эти понятия.

Глобализацией была названа опирающаяся на невиданные ранее технические возможности ступень транснационализации культурных новаций. Транснационализация, постоянно возрастающая и расширяющаяся в течение многих тысячелетий, всегда была улицей с двусторонним движением. Глобализация поначалу мыслилась как исключение из данного правила. Закономерный культурный ответ на распространение по свету некоторых евроатлантических эко-

номических и политических моделей получился неожиданным для Запада. Попытки, взамен точного анализа сути вызова, спрятаться от него за надуманный «конфликт цивилизаций» контрпродуктивны.

Механические характеристики качества человеческого капитала: способность и мотивации к труду, склонность к адаптации и мобильности, наличие прикладных навыков и т.п. — значат всё меньше. Основным средством производства стал интеллект. Его показатели всё больше зависят от глубокого знания культуры, широкого образования, креативного мышления, способности предлагать не только технологические инновации, но и совершать фундаментальные, парадигмальные прорывы. Стремление же к социальной мобильности заложено во всех. А адаптируются к вновь открывшимся обстоятельствам все люди, общества и культуры. Вопрос не в том, делают они это или нет, а в том, как и зачем они это делают. И какой способ адаптации окажется в итоге наиболее продуктивным для глобализированного человечества в целом.

Следовать утилитарным ценностям — демократии, оптимизации прибыли, качества жизни, карьеры и т.д. — теперь остро недостаточно. Этика труда и достижительность одинаковы в разных традициях. А цивилизованное ведение бизнеса, поддержание солидарности, выправление демографических перекосов, предупреждение глобальных катастроф невозможны без верности базовым нравственным установкам. Традиционные/религиозные ценности всё чаще доказывают свою универсальную эффективность.

Долгое время материальный прогресс считался самодостаточным. Ныне Восток и Запад едины в том, что без параллельного духовного роста он стал опасен.

Текущая ситуация

Качество человеческого капитала, как оно описано выше, вырастает в определяющий фактор успеха: производство интеллектуального продукта в «промышленных» масштабах и экономика знаний в широком смысле слова активно захватывают рынок. Распределение человеческого капитала среди партнёров России показывает картину, во многом отличную от обычных показателей степени их развития.

Из стран т.н. «золотого миллиарда» лишь США ещё в состоянии самостоятельно поддерживать необходимый для стратегически позитивного тренда их движения уровень креативности человеческого капитала, постоянно производящего технологические инновации и открытия в фундаментальной сфере. Достигают они этого за счёт массированного импорта в свои научные центры специалистов со

всего света — от России до Индии и от Британии до Японии и Латинской Америки. Собственная образовательная система давно подвергается в самих Штатах квалифицированной критике за посредственность преподавания и выпускаемого продукта. В случае утраты Америкой финансовых возможностей вербовки талантов на внешнем рынке, она быстро утратит своё лидерство, поскольку мобильный интеллектуальный ресурс переместится туда, где ему будут предложены лучшие условия (что подтверждают куда более скромные результаты ведущей аналогичную политику Канады). Однако, пока такая судьба США не грозит.

Страны Западной Европы, реформировав за вторую половину XX века своё образование по-американски, даже общими стараниями уже не в силах автономно справиться с понижающей креативной тенденцией. Несмотря на вложения правительств, стимулирование бизнеса и субсидии Брюсселя, ЕС вынужден привлекать к реализации своих крупных фундаментальных научных и технологических проектов Россию, Китай, Индию, Японию, ЮАР и Корею. Культурный, творческий, образовательный, духовный потенциал, древние традиции целостного знания могли бы именно сейчас сослужить очень хорошую службу Индии. Впечатляют её технологические достижения в ядерной сфере, космосе, сельском хозяйстве, прорывы на рынке программных продуктов. Но её развитие тормозит низкая вертикальная мобильность, консервируемая варновой системой. Индия топчется на пороге великого будущего, оставаясь нетто-экспортёром мозгов в Европу и Америку.

Япония и Южная Корея специализируются на прикладных, хотя и высоких, технологиях. Собственная их база фундаментальных исследований не очень развита. Чтобы переломить ситуацию, им необходима концентрация огромных ресурсов и усилий, превышающих возможности, которыми они располагают. Кроме того, экономика потребления, частью которой они давно стали, парадоксальным образом угнетает креативное начало в человеке, заменяя индивидуальное творчество пассивным выбором из навязываемого личности извне заданного меню.

Несмотря на серьёзные успехи в некоторых секторах в Иране, Сингапуре, Турции, Бразилии, Индонезии, Пакистане, Вьетнаме, в Малайзии, Аргентине, Таиланде и Чили, большинство остальных игроков, включая СНГ, пока явные аутсайдеры в креативе.

На этом фоне выделяется Китай. Собственные его успехи в экономике знаний, на материке и Тайване, в отличие от китайцев, работающих в США, скромны. Но это не должно никого обманывать. Связь хуацяо с родиной намного

прочнее их лояльности стране, в которую они перебрались. Как только их потенциал будет затребован, Пекин его получит. Богатая культурная традиция, высокие требования к образованию, универсальности знаний, творческому началу в карьере, трудолюбие и установка на успех, тысячелетия высокой социальной мобильности — делают выход этой страны на передовые рубежи весьма вероятным уже в скором времени.

Моральный релятивизм, идущий в пакете с ценностями западной демократии, пришёл в острое противоречие с нравственностью мировых религий. А доминирующий в экономическом развитии предельно заземлённый прагматизм сформировал мощный запрос на высокие духовные идеалы. Силы, противостоящие вестернизации и глобализации по всему свету, борются и с сопровождающими их аморальностью и душевной нищетой, т.е. системой антиценностей, а не ценностей. Молодёжь парижских пригородов восстаёт не только против собственно принудительной ассимиляции, то есть дискриминации в рамках гражданской интеграции, а и против уподобления тому, что традиция считает абсолютным злом. И она находит поддержку в активизировавшихся массах в целом — от протестующих белых фермеров до католических организаций.

Пресловутые двойные стандарты в настоящее время суть следствие уже не столько самонадеянности западной безнаказанной и бесконтрольной силы, которая стремительно исчезает, сколько повсеместного торжества всё того же релятивизма.

Западное христианство находится на спаде. Политика компромиссов и снисхождения к изымам секулярного социума ради сохранения в нём формальных позиций привела его за полтора ста лет к значительной утрате нравственного авторитета в обществе. Ислам, наоборот, переживает возрождение. Отдельного внимания заслуживает особый пассионарный всплеск и громкая заявка на специальное влияние в мусульманском мире гонимого прежде меньшинства — шиитов. Которые теперь, благодаря позиции Ирана и активизации Хезболлы и Хамас, пользуются, если не считать Ирака, всё большей поддержкой и у суннитов. Недавно Папа ищет укрепления организационного и духовного ресурса христиан на путях сближения Рима с отколовшимися от него церквями Запада и Константинопольским патриархатом соответственно. Проповедь нравственности объединяет христиан как с иудеями, так и с мусульманами, которые в иных случаях часто занимают разные позиции. Усилился идущий более ста лет процесс заполнения духовного вакуума в номинально христианских странах распро-

странением ислама, а также буддизма, даосизма и прочих языческих верований (от течений индуизма до возрождения германских, кельтских, славянских и прочих культов), религиозно-философских учений вроде конфуцианства, антропософии и т.п., оккультных знаний, синкретических верований типа Вуду, новых течений и религиозных суррогатов. Восток здесь особенно активен и эффективен. Забрав рынок ширпотреба, ныне он завоёвывает души в рамках евроатлантической цивилизации, включая СНГ и Россию.

Отступление на этом направлении сопровождается негативным психологическим трендом Запада. Только США сохраняют активные психологические установки. Операции в Афганистане и Ираке показали, что ЕС и НАТО стремительно теряют позитивную энергетику. Экономика потребления вывела породу безвольных гедонистов, не желающих жертвовать собственным комфортом и удовольствиями даже ради собственного будущего.

Прямо противоположные процессы идут на Востоке. Внимание там фокусируют обычно на исламском мире. Это отчасти, т.к. Турция светская страна, верно в отношении перспектив вступления Анкары в Европейский союз. Турецкая политическая и экономическая элита рассматривает его как шаг к обретению в единой Европе лидирующих позиций. Она считает реванш возможным благодаря своему большому населению и рынку, темпам роста, турецким рабочим на Западе и численности своей армии. В остальном проект политического ислама никогда не был успешен. Намного серьёзнее выглядят в современном контексте традиционные мотивации Китая: только Поднебесная имеет высший мандат на управление миром. Уверенность же в том, что это по силам, а с нею национальная гордость и моральный дух китайцев постоянно возрастают обратно-пропорционально усталости Запада.

Чётким отражением качества психологических установок служит демография. Проблема низкой рождаемости в развитых странах — не в экономике, а в психике. Сто лет назад считалось, что в семье детей должно быть много, а карьера и доходы родителей обязаны обеспечить им достойную жизнь. Ныне служба и деньги поставлены превыше всего, дети считаются помехой, и их стало мало. Хотя гибкость рынка труда могла бы вызвать сейчас всплеск рождаемости скорее на Западе, чем в России. Китай же, где такого психологического надлома не произошло, и где в сельской местности, где живёт большинство граждан, детей по-прежнему много, может позволить себе контролировать рождаемость в городах.

Информация всегда имела в культуре базовое значение. 143

Создав информационное общество, западные демократии теперь необратимо утрачивают свои преимущества в информационной области. Туда всё активнее и искуснее внедряются технические возможности антизападников. Служит этому и стремление к прибыли, которое побеждает западный инстинкт самосохранения. Ярче всего это доказывают ситуация в Интернете, расширение формата вещания каналов Телесур и Аль Джазира, активная обработка мирового общественного мнения китайцами. Информационное противостояние превратилось в серьёзный вызов безопасности человечества.

Окружающее ныне Россию информационное поле в целом ей неблагоприятно. Запад мы убедили в своей «азиатчине», которую он традиционно воспринимает негативно. Вытекающая отсюда недоверчивость маскируется удобной химерой непредсказуемости. Для Востока, который мы освещали как типичные западные культуртрегеры, мы никогда, как бы кто нас ни пытался убедить, не были своими. Услужливое желание понравиться вызывает брезгливость у обеих сторон. Открытую у евроатлантистов, лукавую, использующую ситуацию для реализации своекорыстных интересов за наш счёт, у восточных партнёров. У Европы к этому примешивается ревность к стране, которой только одной из всех европейских наций до сих пор удаётся возродиться после любого падения. В последнее время возможность нашего превращения в серьёзный и разноплановый фактор на мировом рынке включил в отношении к нам и жёсткие правила конкурентной борьбы, не отличающейся корректностью.

Важнейшие разделительные линии в современной реальности имеют сложную конфигурацию. Чтобы их найти, недостаточно обнаружить эфемерный «цивилизационный разрыв», ответив на вопрос, кто, благодаря прикладным навыкам своего человеческого капитала приспособился к глобализации, а кто, из-за их отсутствия, нет. Тут важно понять, кем, почему и зачем был получен тот или иной результат. США и Китай оказываются в одной группе по креативному потенциалу, а адаптировавшиеся к глобализации европейцы и азиаты — в другой, заодно с исламским миром. Мощная психическая энергия сначала сводит вместе США (тут ЕС им не товарищ), мусульман и Китай, но потом делает их противниками. Нравственные ценности объединяет все религии, а жизнь сталкивает часть христиан и мусульман. Пекин же внимательно следит за их борьбой на взаимное уничтожение, сохраняя позицию «третьего радующегося» и не забывая при случае сыграть на амбициях каждой из сторон. Моральный релятивизм одинаков в Америке и

Европе, но он же противопоставляет их секулярные режимы их собственным духовным лидерам. Восток переваривает глобальную экономику потребления, Запад всё глубже покоряется восточной мистикой. И т.д.

Перспективы

К 2017 году основные тенденции сохраняются. Некоторые из них усугубятся, другие — модифицируются. Сложные переплетения на культурной и духовной «карте» мира, где одни и те же игроки будут не только по разным, но и одним основаниям то солидаризироваться, то конфликтовать, останутся.

Начинает сбываться предсказание Мальро: «Следующий век будет религиозным, или его не будет вовсе». На повестке — духовное сосредоточение, или «новое средневековье». Внутренний поиск за одно десятилетие не завершится, но его неоднозначное влияние на мировые процессы укрепит. Возможно более тесное сближение католиков, православных и некоторых протестантских конфессий, хотя их интеграции не произойдёт. Также реально углубление противоречий по этическим вопросам с другими протестантскими церквями и дальнейшее дробление протестантизма. Разногласия внутри христианства не будут изжиты, что продолжит ослаблять его перед вызовами ислама и (нео) язычества. Старания произвести революционную всеобъемлющую и всеобщую философско-этическую доктрину нерелигиозного характера вряд ли увенчаются успехом, как и попытки разными способами сконструировать новую единую мировую религию. Также в самом начале находится работа над общей и обязательной для адептов всех мировых религий этической хартией, и она сталкивается с огромными трудностями, которые не позволяют её завершить.

Конфликт между релятивистами, продвигающими секулярные права человека, и сторонниками традиционной нравственности будет обостряться. Больше внимание ко вторым укрепило бы дух Запада и сделало бы более плодотворным совместный поиск представителями авраамических религий путей снятия мировых угроз. Но доминирование секулярных ценностей и дальнейшая коммерциализация новых явленных «церквей» продолжит морально угнетать Западную Европу и Америку, рискует превратить диалог христиан, иудеев и мусульман в формальность, и заставить всё больше представителей «золотого миллиарда» переходить ради удовлетворения своих духовных запросов, как это уже было 2000 лет назад в Риме, к восточным практикам. Пассионарность и давление мусульман, из-за их тяжёлых социальных проблем и недостаточного политического веса

на международной арене, будет десять лет возрастать. Экспансия ислама, индуизма, даосизма и дзен-буддизма в пределы западных народов может ещё укрепиться. Альтернативу этому риску, при правильных межцерковных отношениях, может составить расширение православного прозелитизма. Дополнение крупных материальных противоречий острым духовным конфликтом как внутри наций, так и между ними, способно запустить механизм катастрофического сценария планетарного масштаба.

Нравственный релятивизм и его последствия — психологическая усталость и паралич ответственности — работают на углубление демографического спада в развитых экономиках и демократиях. И уже в обозримом будущем позволят Турции зримо нарастить давление на ЕС с целью навязать ему свои условия.

Без духовного возрождения Запад и его организации продолжат терять своё влияние и кураж, а с ними и контроль над содержанием информационных потоков. Чьё наполнение всё шире будет отражать исламские и китайские интересы, постепенно разлагая евроатлантическую цивилизацию и приучая её носителей к продуктивности капитуляции перед энергетически более мощными идеологическими системами и нациями. Параллельно будут слабнуть созданные европейцами механизмы регулирования международных проблем. Оставшийся после крушения роли СССР и США без присмотра мир будет ждать новой империи. Ответить на этот запрос в состоянии опять только Китай. Западное общество с его ослабленным иммунитетом к информационной обработке — идеальная жертва информационного века.

Широкие требования к культурному, интеллектуальному, творческому ресурсу, как главный двигатель развития в XXI веке, в состоянии уже в скором времени потеснить на обочину прогресса тех, кто пока приспособился к глобализации благодаря своим прикладным навыкам и инструментальному пониманию креатива. Это относится как к фарвардам, так и к идущим в их фарватере странам ЮВА, АТР и т.д. Особняком здесь опять стоит Китай с его могучей культурой и творческим потенциалом, которые позволяют ему в течение 10 лет постоянно повышать свой вес в экономике знаний.

Всё это, а также мощные психологические мотивации Пекина, ведут к тому, что Запад может постепенно лишиться своих постоянно тающих преимуществ и быть как бы незаметно поглощён Востоком. Великий полководец У-цзы писал: «Лучшая битва та, что выиграна до её начала». Залогом такого исхода является уже развёрнутая и правильно вы-

строенная пропаганда китайской притягательности. Данное поражение не случится в ближайшее десятилетие, но интенсивность его подготовки будет постоянно нарастать. Наша страна не явится тут исключением из общей участи Европы. Одним из инструментов политики ползучего заглывания Запада могут стать инфильтрация ислама и вступление Турции в Евросоюз. Используя, Китай затем обойдётся с ними так же жёстко, как теперь ведёт себя в отношении своих внутренних мусульманских регионов.

Задача ближайших лет — выработать усилиями России, Америки, СНГ, ЕС, возможно также Индии и Бразилии, единую стратегию преодоления общих угроз и найти, опираясь на экономику знаний, средний путь развития — между ведущей к безволию комфорта экономикой потребления и административно угнетённым рынком постсоветского пространства. Наша страна должна активнее обустроить собственную жизнь и конструктивнее работать с окружающим её информационным полем.

Фон движения России будет сам по себе оставаться сложным. Получит своё развитие и острая экономическая конкуренция. Некоторое увеличение позитива в восприятии страны к концу периода возможно, но до его преобладания будет ещё далеко.

Мы плохо умеем презентировать себя в информационном пространстве. Мечты же о «сверхдержаве» при высоком уровне бедности и нищеты, низком качестве жизни, гибели культурных объектов, диковатом бизнесе, социальной апатии, неразвитой инфраструктуре и т.п. усиливают недоверие к нам естественных союзников. Чтобы стать союзоспособным, надо умело пользоваться PR. Но прежде — обрести привлекательность в собственном обществе.

Шансы России

За последние сто лет Москве вторично выпала возможность вырваться в лидеры мирового развития. В начале XX века индустриальные и финансовые магнаты Европы перенесли в Российскую империю свои штаб-квартиры и основные производства. То же делает теперь западный IT-бизнес.

Ближайшее и последующие десятилетия вполне могут стать русскими. Для этого есть все основания: выстоявшая в борьбе с тоталитаризмом богатая и разнообразная многонациональная культурная традиция, широкое понимание творчества, универсальные знания и образование. Космизм культуры, как сознание ответственности за состояние мира, и производное отсюда представление о национальной миссии. Лучше, чем на Западе, сохранившийся духовный и нравственный ресурс. Натренированное историей

умение выходить из прорыва и основанный на этом запас позитивной психологической энергии. Всё то, что именно теперь необходимо для успешной экономики знаний.

Мы были созданы пограничным европейским народом. Подобно испанцам, итальянцам и грекам, с которыми мы относительно легко находим общий язык. Или англичанам, особый оттенок отношений с которыми имеет тысячелетнюю историю. Пограничная служба, как защитная функция, есть служение во спасение. Именно это качество искони одухотворяло русский характер и его православную веру. Его укоренённость в нашей культуре и менталитете доказывает нашу европейскую статью. Сейчас снова его время: европейская традиция на грани выживания. Следовать нашей миссии мы теперь можем без жертв во имя великой идеи. Построить передовую экономику знаний и дать в ней людям высокий уровень жизни — наш собственный интерес.

Евроатлантическая цивилизация нам не враждебна. Россия изначально её неотъемлемая часть. Наши противоречия стандартны для одного типа развития. Но тяжело подорванная духовная энергия Запада породила у него стойкую аллергию на любое идущее извне мессианство. Нам, русским, надо сосредоточиться не на обсуждении его трудностей, которое стоит вести исключительно со спокойным участием, а эффективно решать наши внутренние проблемы. Не реформировать науку и образование по американскому образцу. Сохранять их фундаментальный характер. Не заимствовать релятивизм. Соблюдать нравственную идентичность, воссоединять расколотое православие. Исполнять свою миссию, выходить в флагманы родной цивилизации, регенерировать её позитивный психологический заряд, заслужить не скепсис и опаску, а почёт и уважение партнёров предстоит кропотливым трудом на благо каждого своего гражданина. Ставить не на лозунги, а на свой успешный пример.

Обеспечение единства, равномерного развития и процветания страны и гражданского общества требует выбраться из демографической ямы. Мировой опыт говорит, что материальные стимулы не играют здесь решающей роли. Главное — исправить инфантильную психологическую установку, где смыслом жизни считается непрерывное наслаждение, а ребёнок есть ему помеха, на верную, где дети суть базовый показатель качественного роста и благополучия родителей и семьи и исполнения ими своего предназначения.

ДРАМАТУРГИЯ

Константин КЕДРОВ

ТВЕРСКОЙ ОПЯТЬ 25

Камерная трагедия

Места действия:

Девятиэтажка на Артековской. Камерный Театр Таирова, ныне Пушкина. Рядом усадьба Яковлева (дом, где родился Герцен, выведенный в романе Булгакова, как Дом Грибоедова, ныне Литературный институт им. Горького). ЦДА на ул. Герцена д. 53 (тоже Дом Грибоедова у Булгакова). Мой кабинет на пятом этаже «Известий» у Пампуш на Твербуле. Новозыбковский драмтеатр 1949 г. Дворянское собрание на Волхонке. Приемная и Архив КГБ-ФСБ на Кузнецком.

Действующие и бездействующие лица:

Великие ТАИРОВ и КООНЕН.

Константин КЕДРОВ — опальный поэт, старший преподаватель Литературного ин-та.

Александр БЕРДИЧЕВСКИЙ — режиссер и актер школы Таирова и Мейерхольда, отец Константина Кедрова.

Ректор ПИМЕНОВ — в прошлом заведующий театральным отделом ЦК. Редактор журнала «Театр» во времена оттепели Хрущева. После студенческих волнений, связанных с исключением Пастернака из Союза Писателей в 1962 г., ректор Литературного института до вынужденного ухода на пенсию в 1985 г.

Новый ректор Владимир Константинович ЕГОРОВ — бывший заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. С 1985 до 1987 ректор. С 1987 до августовского путча 1991-го помощник Горбачева по вопросам литературы и искусства. С 1993-го

Директор Российской Государственной библиотеки (Ленинки). Затем министр культуры Российской Федерации. Ныне директор Академии управления при президенте Российской Федерации.

Евгений ВИНУКUROV — мой друг, поэт. Автор строк: «Крестносоцы перли, принимая каждый город за Иерусалим». Профессор, руководитель творческого семинара.

Лев ОШАНИН — профессор, руководитель творческого семинара Автор «Гимна демократической молодежи».

Студент заочник из Литецка, уверовавший в Бога после моих лекций по Достоевскому.

Студент заочник из Якутска САФРОН, вызванный на допрос Якутского КГБ.

Студент заочник, вызванный на допрос в КГБ после вечера Высоцкого.

Студентка первого курса поэтесса Ирина СУГЛОВА.
Редактор журнала «Литературное обозрение» поэт ЛАВАЙНСКИЙ.

Ответ секретарь журнала «Литературное обозрение».

АНДРОПОВ, ЧЕРНЕНКО, ЧЕБРИКОВ, ГОРБАЧЕВ и другие исторические и эпизодические лица.

Князь Андрей ГОЛИЦЫН — предводитель Союза Потомков Российского дворянства.

Полковник ФСБ ГОНЧАРОВ.

Подполковник ФСБ ЯКУШЕВ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Телефонный звонок в моей угловой малогабаритной двушке на ул. Артековская д. 8, кв.2 на первом этаже.

ПИМЕНОВ. Это ректор говорит. Я только, что прочел вашу статью о космосе в литературе в «Новом мире».

КЕДРОВ. Но ведь она еще не напечатана.

ПИМЕНОВ. Она лежит у меня на столе. Копия разослана во все гуманитарные ведущие вузы.

КЕДРОВ. Как же это возможно? Ведь это нарушение авторского права.

ПИМЕНОВ. А вот вы и подумайте как это возможно. Вы подумали как это все в сердце ректора отзовется. Я ведь многое на себя беру.

КЕДРОВ. А что там такого особенного нашли крамольного.

ПИМЕНОВ. Как что? Я в ужасе. Опять космос. Опять неизнанку.

КЕДРОВ. Скажите, что я должен сделать.

ПИМЕНОВ. Вам придется подыскать другую работу. У нас вуз идеологический. У вас есть куда уйти?

КЕДРОВ. Может как-то уладится?

ПИМЕНОВ. Какое уладится. Меня из-за вас на пенсию гонят. Вы читали в «Литературной учебе» статью «На стыке мистики и науки» — это очень серьезно. Прочтите немедленно. Там все про ваши художества, но самое главное в конце цитаты из Андропова и Черненко. Вы допрыгаетесь. Вот беру папку и завожу на вас персональное дело. Тут не персональным, а куда более серьезным пахнет. Когда я Таирова отстранял по заданию ЦК он вел себя очень достойно. Вы меня, надеюсь поняли.

КЕДРОВ. Об отстранении Таирова Пименовым я знал с детства от своего отца.

БЕРДИЧЕВСКИЙ. Вот в «Огоньке» тебя напечатали, в семь лет и уже такая слава. Всего одну роль сыграл и уже в «Огоньке». Я всю жизнь, кого только не играл, кого не ставил, а в «Огоньке» первый раз себя вижу, да и то в роли Несчастливцева.

КЕДРОВ. Я жадно схватил зелено-синий «Огонек» 49-го года и действительно увидел отца в клетчатых штанах со штрипками в

роли Несчастливцева в «Лесе». А где же я в роли гнома в сплошном комбинезоне с вшитым колачком, с приклеенной бородой до пояса, с бархатной подушечкой в руках, на которой туфельки обклеенные зеркальными осколками?

БЕРДИЧЕВСКИЙ. Вот видишь, Золушка в окружении детей, а вот твой затылок. Ты в этот момент отвернулся от объектива к Марцевич-Золушке.

КЕДРОВ. Мне так фотограф велел.

БЕРДИЧЕВСКИЙ. Затылок твой вполне узнаваем.

КЕДРОВ. А что под снимком написано?

БЕРДИЧЕВСКИЙ. Пришли в гости к Золушке юные зрители.

КЕДРОВ. Впервые в жизни у меня потемнело в глазах от несправедливости.

БЕРДИЧЕВСКИЙ. Да ведь и про меня как-то вскользь написано. Словно и не я «Золушку поставил, а кто-то другой.

КЕДРОВ. Отец плохо разбирался в политике и не понимал, что в стране идет антисемитская борьба с безродными космополитами безродными. Он считал себя русским, вернее просто советским человеком и был уверен, что национальные предрассудки ушли в далекое прошлое.

БЕРДИЧЕВСКИЙ. Главное, что теперь после статьи в «Огоньке» театр уже не закроют.

КЕДРОВ. Театр закрыли и не исключено, что именно из-за статьи в «Огоньке». И семья наша тогда же распалась. Я остался с мамой актрисой Надеждой Владимировной Кедровой.

ПИМЕНОВ. Я отца вашего прекрасно знаю. Я ведь его защитил от нападок и обвинений в таировщине и мейерхольдовщине. Он талант. А Таирова я лично принимал в своем кабинете, когда Камерный Театр расформировали. Да он вел себя очень достойно, но вскоре умер. Это ведь здесь рядом с нашим институтом было.

А жена его, Коонен, собой не владела.

КООНЕН. Проклято будет место сие. И ничего в нем не будет

доброто.

ПИМЕНОВ. Сейчас другие времена. Напишите заявление. Найдете другую работу. Ничего страшного. Пока идите работайте. Я многое на себя беру. А маму вашу Надежду Владимировну Кедрову, я тоже помню. Она в «Золушке» старшую сестру играла. А Золушку играла Марцевич. Страшное было время. Теперь все семечки.

КЕДРОВ. Вы думаете?..

Буфет в ЦДА под лестницей.

ЧЕЛОВЕК У СТОЙКИ. Мы с вами мало знакомы, но я вас хорошо знаю по статьям в «Новом мире» и передачи у вас прекрасные. Я видел «Отцы и Дети», где вы со Смоктуновским. Между прочим, прекрасно смотрите. А я ответсекретарь «Литературной учебы». Вы, конечно уже читали 4-й номер за

1984-й.

КЕДРОВ. Странно, что все это напечатано в конце номера каким-то мелким шрифтом и ссылки в финале на Андропова, а потом на Черненко. На двух генсеков сразу у нас после Ленина-Сталина ссылаться как-то не принято. Неужели моя «Звездная книга», напечатанная два года назад в «Новом мире» когда-то так напугала. И название «На стыке мистики и науки» звучит как прямой донос.

ЧЕЛОВЕК У СТОЙКИ. Вы можете не поверить, но я в это время замечал Лавлинского. Так вот я ничего не знал об этой статье. Она появилась внезапно и без ведома редакции.

КЕДРОВ. Разве такое возможно?

ОТВЕТСЕКРЕТАРЬ. Как видите. Но я хочу, что б вы знали. Редакция к этой статье не имеет никакого отношения. У нас никто ее никому не заказывал. Я подписывал собственноручно номер в печать. Там этой трихоманеллы не было, и не могло быть пока я ответсек. Может Лавлинский вернется из отпуска и что-то прояснит, хотя вряд ли...

Месяц спустя у той же стойки.

ЛАВЛИНСКИЙ. Мы с вами мало знакомы, но я хорошо знаю вас по статьям в «Новом мире»

КЕДРОВ. Я знаю, вы были в отпуске, когда вышла эта погань.

ЛАВЛИНСКИЙ. А кто этот автор с каким — то вычурным именем, не то Леонардо, не то Рафаэль...

КЕДРОВ. Ладно, не Микеланджело. А, впрочем, какая разница. Важен результат. Пименова выгоняют на пенсию, а меня отстраняют от преподавания.

ЛАВЛИНСКИЙ. Тяните время. Уже и Брежнев умер, при котором вы «Звездную книгу» каким-то чудом напечатали. Как вам это удалось? И Андропов с Черненко, на которых этот Боттичелли сылается уже ничего не скажут. Горбачев правда призывает к ускорению, а вы тяните. Вот и Пименов на пенсию не топорится.

КЕДРОВ. Гони зайца дальше.

ЛАВЛИНСКИЙ. Какого зайца?

КЕДРОВ. Это любимая поговорка профессора Семена Иосифовича Машинского. Это он мою статью в «Новый мир» рекомендовал. В 58 лет разрыв аорты. Теперь на смену ему прислали какого-то воронежского пенька. Заведует кафедрой.

ЛАВЛИНСКИЙ. Кто такой?

КЕДРОВ. Все спрашивают...

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ. Я должен вас предупредить. Был секретариат Союза Писателей. Меня иногда приглашают для декора. Там был прямой разговор о вас. Мол, Пименов уже стар, не справляется, допустил в Литинституте пропаганду мистики и религии. И прямо назвали ваше имя. Какой-то студент из

Липецка под влиянием ваших лекций уверовал и партбилет на стол положил. Да кто ж теперь не уверовал. Я вот тоже хочу креститься. Как вы думаете?

КЕДРОВ. Пока вопрос возникает креститься не надо. Все должно быть вовремя и естественно.

ВИНОКУРОВ. Я вот тоже так думаю. Да странные времена. Горбачев с патриархом рядом сидит, а глава КГБ Чебриков называется главными врагами Бердяева и Флоренского.

ЧЕБРИКОВ (*выступление на последнем, 27-ом съезде КПСС*). Потерпев поражение на политическом и экономическом фронте, капитализм стремится наверстать упущенное, забрасывая к нам нелегально труды религиозных философов эмигрантов Бердяева и Булгакова. Напрасные потуги. Мы должны проявить бдительность и вовремя дать отпор. (*Горбачев, сидя в Президентуре одобрительно кивает*).

НОВЫЙ РЕКТОР ЕГОРОВ. Я ничего против вас не имею, но меня берут за яйца. Мне прямо сказали, ну ладно Пименов по старости не справлялся, а вы-то что. Кстати этот студент из Липецка, который партбилет положил, хороший парень. У него просто заболела дочь. Он ее окрестил и сам окрестился. А там кто-то решил выслужиться. Партбилет на стол положишь. Он и положил. Вы сколько лет преподаете?

КЕДРОВ. С аспирантурой почти 18.

ЕГОРОВ. Согласно новому указу, принятому Андроповым, а указ никто не отменял, хоть Горбачев и сидит рядом с патриархом, все преподаватели должны получить рекомендацию парткома.

КЕДРОВ. Даже беспартийные.

ЕГОРОВ. Они-то в первую очередь.

КЕДРОВ. Но моя докторская недавно утверждена кафедрой и рекомендована ученым советом.

ЕГОРОВ. Ну и что ж. Я вот тоже книжку пишу по Энгельсу.

КЕДРОВ. Так что, второй раз утверждать будут?

ЕГОРОВ. И обсуждать, и лекции посещать, и на партком вам в четверг придется прийти, хоть вы и Б.П. — большое преступление или беспартийный. Ха-ха — гм-гм.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ. Я окончательно решил креститься. Пусть Чебриков повесится под портретом Дзержинского. Я фронтовик, если бы Бога не было, меня бы сто раз убило. А я твердо знал, что не убьют. Потому что Бог этого не допустит. И не просто Бог, а именно Святая Троица. Отец — Сын — Дух Святой единый в трех лицах. Я это понял когда прочел в «Новом мире» вашу статью «Восстановление погибшего человека» о Достоевском. Отец — прошлое, Сын — будущее, Дух Святой — настоящее. Все вместе — Вечность. Как вам удалось ее напечатать? Хотя против Бога не попрешь. А все еще прут. Вот и доперли до Чернобыля. Пала с неба Звезда Польнь. Польнь по-украински Чернобыль. Вы наверное уже знаете, весь институт гудит. Приш-

ли два офицера КГБ прямо в партком, чего раньше не допускалось и потребовали вашего отстранения.

КЕДРОВ. Вот вам и гласность и человеческий фактор.

ВИНОКУРОВ. Да раньше им это не позволялось. В партком привалили — это что-то новенькое. При Хрущеве они постановили, что КГБ не имеет права трогать партийные органы.

КЕДРОВ. Очень захотелось потрогать. Какие никакие, а все-таки органы.

ВИНОКУРОВ. Вот и потрогали. В 49-ом году здесь была компания борьбы с космополитами безродными. Главным космополитом оказался мой сокурсник фронтовик. Только я на своих двоих, а он на костылях без ноги. Я в таких случаях, как член бюро комсомола посатать выходил, а тут не выдержал выступил: «Человек ногу родине отдал, а вы его обвиняете в отсутствии патриотизма». И ведь помогло. Из комсомола его не выгнали, только из института отчислили. А, если бы выгнали — это верный арест.

КЕДРОВ. Чуть не спросил я тогда: «А сейчас выступите?», — но, конечно, же промолчал. Зато выступил на парткоме автор «Гимна демократической молодежи» комсомольский гимнюк Лев Ошанин.

ЛЕВ ОШАНИН. Константин Александрович не пришел на партком, но вот тут у меня Устав, а в нем ясно сказано: «Дела членов партии рассматриваются обязательно в присутствии члена партии, которого разбирают». А на беспартийных это положение устава не распространяется. Имеем право рассматривать. Предлагаю не рекомендовать Константина Александровича на следующий срок избрания как не явившегося на заседание парткома. Мы, слава богу, правящая партия. В 6-ом пункте конституции записано. Имеем право.

ВИНОКУРОВ. Дело тут не в шестом пункте конституции, а в пятом пункте анкеты вашего папы.

ГИМН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

«Люди молодые всех народов и разных наречий.

Сердцем и душою мы стремимся друг-другу навстречу.

Цель наша правду отстаивать мир для людей.

Чтоб увидала каждая мать счастье своих детей».

ЕГОРОВ. Эти двое из КГБ опять приходили. «У нас достаточное количество свежего материала. Видели бы вы их рожи. Мне было прямо сказано: «Мы в вас в качестве третьего посредника не нуждаемся. Пусть Константин Александрович придет к нам и получит все необходимые разъяснения». Единственное, что мне выяснить удалось, что это не Московское КГБ и не КГБ РСФСР, а КГБ СССР. Представляете, насколько это серьезно.

КЕДРОВ. Я знаю. Они трясли наших заочников по всему Союзу и требовали подписать бумажку, что я рассказывал на лекциях «про космос и загробную жизнь». Некоторые, как этот парень

из Липецка подписали.

СТУДЕНТ ИЗ ЛИПЕЦКА. Простите меня. Они сказали, если не подпишу, они возбудят дело по статье антисоветская пропаганда. У меня был обыск, и нашли томик Бердяева. Сказали: до четырех лет тюрьмы и три года ссылки.

КЕДРОВ. Я знаю. Мой друг Михаил Мейлах до сих пор в Крестах томится за распространение религиозной литературы. У него в рояле ксероксы Бердяева и Булгакова обнаружили. Я свои ксероксы на всякий случай выбросил ночью на помойку. В любую минуту могут прийти. Сахаров по-прежнему в ссылке. Весь этот треп о перестройке и гласности — ловушка для дураков. «Товарищ, верь, пройдет она, / эпоха перестройки, гласности. / И в кулуарах Безопасности запишут наши имена».

СТУДЕНТ ИЗ ЯКУТСКА СОФРОН. У нас в Якутске были студенческие волнения. Меня вызвали в КГБ: «В Литинституте есть такой преподаватель Кедров. Это не он вас к демонстрации подстрекал?»

СТУДЕНТ ИЗ МОСКВЫ. Тут после вечера Высоцкого меня вызвали в КГБ и понуждали дать на вас показания, что вы рассказывали про космос и загробную жизнь. Но я отказался. А некоторые подписали.

КЕДРОВ. Да ничего от этих подписей не зависит. Они сами любой донос и любую подпись поставят. А вам спасибо, конечно...

ИРИНА СУГЛОБОВА. Мы всем курсом написали письмо Горбачеву и, если потребуется, положим на стол студенческие билеты.

КЕДРОВ. Положить-то вы положите, а обратно вам их не отдадут. А за письмо к Горбачеву спасибо.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ. Когда Пастернака из Союза Писателей исключали, наши студенты взбунтовались и пошли к ректору Сергееву. А вы, наверное, помните, как у Межирова?

КЕДРОВ. «Навсегда, навсегда, навсегда до конца, / коммунисты вперед, коммунисты вперед».

ВИНОКУРОВ. Ну, вот встретил их ректор Сергеев прямо на лестничной вот этой площадке. Да как гаркнет: «Коммунисты, назад...». И все попятнулись. Так вот все повторилось двадцать лет спустя. Коммунисты с Высших Литературных Курсов пошли к ректору Егорову, чтобы вас защитить. Он их принял, правда, не на лестничной площадке, а в кабинете. Но результат тот же.

КЕДРОВ. Да видел я из окна кафедры, где Герцен родился, как они шли обратно красные, как раки вареные.

ЕГОРОВ. Вот что я скажу. У меня тоже есть нервная система. При Евгении Юрьевиче говорю. Завтра же подпишу приказ об увольнении за нарушение трудовой дисциплины. На партком вы уже не пришли. Впрочем, хорошо, что не пришли. А что у вас со Львом Ошаниным? Я предложил без вас не рассматривать, а он вдруг взял слово, да еще и устав принес.

ПРОРЕКТОР И БУДУЩИЙ РЕКТОР, БУДУЩИЙ МИНИСТР КУЛЬТУРЫ, БУДУЩИЙ ПОСОЛ РОССИИ В ЮНЕСКО, ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ СИДОРОВ. Поверьте нам, мы во всем этом несколько не заинтересованы. Ищите кому это выгодно. ЕГОРОВ. Тут что-то ведомственное. Можете поблагодарить студентов за письмо к Горбачеву, но ответа не будет. Мне прямо сказали: «У вас, что все преподаватели не приходят на заседание парткома? Все читают лекции, после которых студенты кладут на стол свои партбилеты и крестятся? К тому же органы призваны следить за идеологическим и политическим климатом в стране с тревогой говорят о лекциях, которые наш преподаватель читает на стороне. Вам придется написать заявление о переходе на творческую работу. Мне сказали: «Пусть Константин Александрович занимается научной и творческой деятельностью. А преподавание исключено, тем более в таком идеологическом вузе, как наш».

КЕДРОВ. Но это же беруфтсферботен.

ЕГОРОВ. Что?

КЕДРОВ. Запрет на профессию в третьем рейхе — беруфтсферботен.

ЕГОРОВ (*пожимает плечами*).

СИДОРОВ (*в коридоре*). Поверьте, я абсолютно не в курсе дела. Абсолютно.

КЕДРОВ. В августе 1986-го года я написал заявление. Забавная симметрия. Я поступил в Аспирантуру Литинститута в 1968-ом, а покинул его в 1986-ом. Невольно поверишь в мистику чисел. 68-86 — палиндром. Началась «творческая и научная деятельность», проще говоря, безработица. И закончилась она только в 1990-м году, когда два миллиона москвичей высypали на улицу и потребовали устранения 6-го пункта конституции, на который ссылался Лев Ошанин. КГБ лихорадочно уничтожал дела, заметая следы своих преступлений.

Я стал обозревателем лучшей газеты страны «Известий».

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Выставка русского авангарда в галерее на Крымском валу)

РЕКТОР СИДОРОВ. Ну что вы по-прежнему будете везде говорить, что вас от преподавания отстранили, а обратно не приглашают?

КЕДРОВ. Это простая констатация факта.

СИДОРОВ. Вот говорю вам при многих свидетелях. Вы вернетесь в Литинститут. Звоните мне, и мы все уладим.

Две недели спустя.

КЕДРОВ. Евгений Юрьевич, это Кедров вас беспокоит. Мы договорились созвониться.

СИДОРОВ (раздраженно). Вы что мне каждый день теперь бу-

дете звонить?

КЕДРОВ. Больше я никому не звонил. Сидоров вскоре стал министром культуры. Вскоре он назначил Егорова директором Ленинской библиотеки. Потом Сидоров стал послом в ЮНЕСКО, а министром культуры был назначен Егоров. А потом Егоров возглавляет какой-то фонд, а Сидоров ушел «на творческую работу»...

1995-й год. Звонок в моем кабинете в «Известиях».

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Константин Александрович? Это говорит полковник Гончаров из архивного отдела ФСБ. Мы знакомим вдову поэта Сергея Маркова с его делом. Вы придете к нам или вам это претит?

КЕДРОВ. А где вы находитесь?

ГОНЧАРОВ. Вы будете смеяться, но это рядом с секс-шопом на Кузнецком мосту.

КЕДРОВ. Прямо скажу, это были не самые лучшие минуты в моей жизни, но, преодолевая холод и омерзение, я вошел в здание возле секс-шопа, как входят сегодня в Освенцим или в Соловки. И сразу потребовал ознакомить меня с делом, заведенным на меня.

ГОНЧАРОВ. Вряд ли что-нибудь сохранилось, но вы можете написать официальный запрос на имя заведующего архивным отделом подполковника Якушева.

КЕДРОВ. Где-то через два месяца пришел официальный ответ. «Никаких документов связанных с вашим запросом в архиве ФСБ не обнаружено». А еще через пол года снова звонок в моем кабинете в «Известиях».

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ГОЛИЦЫН, ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЮЗА ПОТОМКОВ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА. Тут КГБ будет возвращать дела репрессированных дворян. Вы придете в Союз?

КЕДРОВ. А где мы теперь находимся?

ГОЛИЦЫН. Позади Пушкинского музея возле метро Кропоткинская.

КЕДРОВ. Почему-то к началу церемонии я опоздал и пришел лишь к шапочному разбору. В коридоре Собрания лицом к лицу столкнулся с князем Андреем, полковником Гончаровым и подполковником Якушевым.

ГОНЧАРОВ. А у нас для вас сюрприз. Давайте зайдём сюда в издательский отдел к графу Шувалову.

КЕДРОВ. Мое сердце сжалось, когда Гончаров достал из портфеля две бумаги. Но почему только две. Столько лет мучили, трясли студентов по всему СССР, и всего два листочка.

ЯКУШЕВ. Это протоколы об уничтожении дела оперативной проверки «Лесник».

КЕДРОВ. Я похож на лесника?

ГРАФ ШУВАЛОВ. Похож, похож...

КЕДРОВ. Ну да, Литинститут это лес, а я, стало быть, лесник.
ГОНЧАРОВ. Как в том анекдоте. Пришел лесник и выгнал нас всех из леса. Да вы прочтите хоть, что тут написано.

КЕДРОВ. «Рассмотрев дело оперативной проверки «Лесник» с окраской антисоветская пропаганда и агитация с высказываниями ревизионистского характера постановило дело уничтожить...»

ЯКУШЕВ. Вам грозило четыре года тюрьмы и столько же ссылки. Обратите внимание на дату уничтожения документов.

КЕДРОВ. Июль 1990-го.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. До лета 90-го вы были под колпаком у Мюллера.

КЕДРОВ. Это я слишком хорошо знаю на своей шкуре. Четыре года без работы. Если бы не картины моего двоюродного дедушки Павла Челищева, не знаю на что бы жил.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Видите, как дворянские корни вас держат.

КЕДРОВ. А я не верю, что дело уничтожено. Наверняка оно сохранено на компьютере.

ГОНЧАРОВ. Вы мне не поверите, но не было у нас компьютеров.

КЕДРОВ. В это, пожалуй, верю.

ГОНЧАРОВ. Главная причина всех этих безобразий в том, что нет в нас христианской любви.

Придя домой на улицу Артековская д.8, я с нетерпением открыл дверь и протянул Лене Кацубе листки протокола.

КЕДРОВ. Знаешь, кто я? (*Лена посмотрела на меня с тревогой, уж не сдвинулся ли в уме*). Я – Лесник.

ЛЕНА. Все-таки они сумасшедшие. Настоящие сумасшедшие.

Некоторое время спустя снова звонок Гончарова.

ГОНЧАРОВ. У меня для вас еще один сюрприз. Я только что вернулся из магазина «Библио-глобус» и купил для вас книгу Урусадзе «Выборные места из переписки с врагами». Он входил в комиссию, которая от Верховного Совета ревизовала КГБ после августа 91-го. Вот тут сказано: «Среди других документов обнаружена в сейфе служебная записка на имя председателя КГБ. «Предотвращено поступление Лесника в Союз Писателей. 1984-й год»...».

БЫВШИЙ ОТВЕТСЕК «НОВОГО МИРА» (*из выступления на конференции «КГБ против писателей»*). «В Литературном ин-те был преподаватель Константин Кедров. Его лекции и статьи имели большой резонанс. Вдруг ко мне приходят двое из КГБ и требуют, чтобы я написал ректору Пименову донос, что Кедров проповедует в своих статьях идеализм. Я этого делать не стал».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ и действительно последнее

НАТАЛЬЯ ГАВРИЛОВНА БАРМЕТЬЕВА (*библиотекарь, пен-стонерка*). Я звоню вам, чтобы сообщить о смерти Владимира Федоровича Пименова. Я была рядом с ним почти до его кончины. Вы помните, я слушательница ваших лекций по истории религии, которые вы читали в клубе «Красный факел» по очереди с Александром Менем.

КЕДРОВ. Как же не помнить. Мы столько с вами беседовали и по телефону и после лекций. Но как вы оказались рядом с Пименовым?

БАРМЕТЬЕВА. Я устроилась к нему работать сиделкой. У него над кроватью висел до самой смерти портрет Суслова. Я ему: «Почему вы это не снимите?» – А он: «Молчи, коли не понимаешь». Как вы с ним 18 лет работали, не понимаю. У меня тяжелое урологическое заболевание, я попросила разрешение принять ванну, а он: «Это не допускается. Обслуга моется дома». Слово-то какое – «обслуга».

КЕДРОВ. Настоящий сталинский сокол.

БАРМЕТЬЕВА. Но о вас он с восторгом говорил. «Костенька, Костенька», – и просиял весь, а потом добавил: «Только он, да Боренька Томашевский настоящие ученые были. А все остальные так, шушера».

КЕДРОВ. Ну, это, конечно, преувеличение. Там и по сей день работает мой однокашник Стасик Джимбинов. И мой друг, супруга Лосева, Аза Алибековна Тахо-Годи античность вела. И ученик Гудзия интелгентнейший Семен Иосифович Машинский, мой научный руководитель. А Валерий Яковлевич Кирпотин один целая академия.

БАРМЕТЬЕВА. Сердцу не прикажешь, о них он не говорил.

КЕДРОВ. А ведь как травил меня по долгу службы. Но КГБ не давал, хотя у него там брат-близнец генерал. Да и сам он верой и правдой служил. Человек Суслова.

БАРМЕТЬЕВА. Да он ведь еще все Таирова вспоминал: «Костенька и Таиров два человека останутся болью в сердце до последнего часа. Нельзя так с такими людьми, нельзя».

КЕДРОВ. Это какое-то чудо, что вы мне все это рассказываете. И по воле БОЖИЕЙ слышу я предсмертные слова Пименова. Удивительно и то, что рядом стоят и здание Камерного театра, откуда Пименов должен был изгонять и изгнал Таирова, и здание Литинститута, где вопреки всем потугам КГБ я пробыл 18 лет и был бы и по сей день, если бы Пименова не отстранили со всеми переломанными конечностями.

ПИМЕНОВ. Когда я директором Вахтанговского театра был, там все по сто раз развелись и переженились, но я ни одного человека не уволил. «Вы, нынешние, нутка». Кто это написал? Грибоедов, «Горе от ума». Но это так, для цензуры, на самом деле «Горе уму».

КЕДРОВ. И то и другое верно.

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей МОСКАЛЕВ

ИНФОРМАЦИЯ НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ

Четыре источника пиратства

Culture on demand

Недавно, будучи в Англии, я был потрясён тем, что английское правительство все государственные музеи сделало public domain, то есть общественным достоянием. Причём в прямом смысле слова: чтобы попасть в Британский музей, не нужно платить 20 фунтов за вход — вход свободный. Ещё удивительнее, что в музеях можно фотографировать любые объекты и картины. Причём нет униженного «с иностранцев взят побольше». Open source теперь существует не только в производстве софта, но и в политике, культуре, в науке, где пионер и евангелист этого направления — выдающийся математик Григорий Перельман, выложивший доказательство теоремы Пуанкаре в интернет.

Почему люди пользуются торрентами, скачивают фильмы, книги, музыку?

Я выделил пять основных движущих сил, порождающих пиратство (или добровольный обмен информацией). Первая сила, о которой я хотел бы рассказать, culture on demand.

Важнейшей движущей силой является стремление общества иметь доступ к сокровищам мировой культуры по запросу — culture on demand. Часто люди скачивают музыку, видео и книги с пиратских сайтов не потому, что они не хотят платить денег: они не хотят ждать три недели посылку с диском из онлайн-магазина. Крупные корпорации долго отказывались иметь дело с электронной доставкой товаров, настаивая на передаче покупателю материального носителя в виде бумажной книги или DVD в красивой коробке. Но общественные устремления являются одной из важнейших движущих сил в развитии мира, наряду с экономикой, политикой, технологией и экологией. Пренебрежение к этой силе привело корпорации к убыткам.

«Длинный хвост», описанный в одноимённой книге главным редактором журнала Wired Крисом Андерсоном, свидетельствует о появлении миллиардной группы потребителей с разными и уникальными вкусами. И неудивительно, что кому-то в Сингапуре в три часа ночи вдруг захочется посмотреть любимый турецкий художественный фильм 1937 года. Купить его невозможно, а вот скачать с торрентов — пожалуйста. Рынок оказался не готов к работе с «многомерным потребителем».

Корпорациям удобно и легко торговать блокбастерами, но «длинному хвосту» потребителей они не слишком интересны. Кстати, в научном мире уже несколько лет как решена проблема пиратства, существуют сайты, где за небольшие деньги можно скачать любую научную статью в электронном виде.

Студенты же, у которых нет денег, не пойдут в книжный магазин, чтобы купить за тысячу рублей «Войну и мир», они возьмут книгу в библиотеке или скачают её из интернета. Нужно признать, что файлообменники — это порождение нищего студенческого мира: жажда к культурному достоянию есть, есть необходимость его осмысливать и с ним работать, а денег нет. Производители контента и продавцы должны думать об удобстве пользователей: чем удобнее, тем больше денег они зарабатывают. В цифровой экономике существует множество схем возврата инвестиций; как правило, это происходит не прямым способом, а через систему отражений, экономических, кармических и репутационных.

А теперь раскрою небольшой секрет: как же до сих пор не разорились британские музеи? В каждом музее есть замечательное кафе и прекрасный магазин с сувенирами. В Оксфорде, пройдя в Эшмоловский музей бесплатно, мы втроём оставили в кафе 30 фунтов и в магазине сувениров ещё 40 фунтов. Экономика щедрости побеждает.

Всё в одном — all-in-one

Раннее утро, по Патриаршему пруду медленно плывут два лебедя. У меня в руке простенький телефон Sony Ericsson K750i. А внутри этого телефона: фото- и видеокамера, mp3-проигрыватель, интернет-браузер, звукозаписывающее устройство, органайзер, фонарик, видеопроигрыватель, будильник, FM-радио, шахматы, диджейская программа... Не хватает разве что измерителя чистоты воздуха. Кстати, в батарейном отсеке у меня хранится четырёхсантиметровый кусочек лезвия от макетного ножа. Главное, не забыть вынуть его в аэропорту.

Многозадачность жизни требует оптимизации временных и финансовых расходов. По всему миру строятся мегасторы. По сути, они являются реинкарнациями старинных восточных рынков, где можно купить всё.

Вторая движущая сила пиратства — тренд all-in-one. Всё-в-одном можно увидеть не только в торговле или принтере-сканере-копире: это и швейцарский нож с десятками лезвий и полезных инструментов, и компьютер, в который устремились видео, музыка, картинки и тексты.

Мне как одному из разработчиков Punto Switcher пользователи постоянно предлагают вставить в программу новые функции, иногда идущие вразрез с идеологией программы. На во-

прос «зачем?» отвечают, что лучше иметь одну программу, в которой есть всё. Но все мы знаем: когда функций много, все они становятся среднего качества, как плохо порипанные и плохо переведённые фильмы на торренте. И всё равно, когда всё в одном месте, то удобнее, даже при потере качества.

В цифровом мире сбор информации в одном месте не связан с переносом туда материальных объектов. Не важно, где хранится файл — в России или в Японии, на сервере провайдера или на компьютере пользователя. Важна возможность найти то, что нужно — отсюда поисковые машины, которые являются агрегаторами линков: Wikipedia, Amazon, archive.org, торрент-трекеры.

Тот, кто агрегирует в одном месте товар или информацию, начинает заботиться об их качестве. В начале XX века, в эпоху расцвета дикого капитализма, Англия производила тысячи пальто, у которых на второй день отрывались рукава, и ботинки с отпадающими подметками. Владелец магазина Marks & Spencet вложили огромную сумму в создание лаборатории, где товар, поступивший на склад, подвергался суровым испытаниям, и только после этого под брендом Marks & Spencet попадал на прилавок. Эта забота о покупателях сделала компанию самым успешным английским ритейлером на протяжении пятидесяти лет.

Раньше собирателями и хранителями информации были архивы, музеи и библиотеки, и если они смогут перестроиться согласно законам цифрового мира, они будут жить и развиваться дальше. Кому нужна библиотека, в которой говорят, что искомая книга есть, но выслать в провинцию скопированный текст ни в бумажном, ни в электронном виде не могут?

Теперь, чтобы найти книгу или фильм в Сети, нет необходимость шарахаться по сайтам, цепляя вирусы, можно сразу пойти на ThePirateBay или rutracker. Впрочем, и поисковые машины могут работать таким же образом: при добавлении в поисковый запрос волшебного слова torrent практически вся выдача становится коллекцией пиратских ссылок.

И вот уже администрация пиратского трекера ведёт себя ответственно по отношению к своим посетителям, удаляя спам и неправильно оформленные раздачи. Мы видим, как на одном портале собирается всё, начиная от музыки и фильмов и кончая дореволюционными исследованиями флоры Туркестана в формате PDF.

Морские флибустьеры либо погибали в волнах, либо становились военными флотоводцами и губернаторами колоний. Рано или поздно анархический проект, чтобы сохраниться, начинает жить по законам общества. Пираты крутят рекламу и банят нарушивших правила участников. Флибустьеры становятся добросовестными администраторами.

Удивительно, как в децентрализованной системе вдруг начинается центростремительное движение: различные функции, информация, люди начинают собираться в одном месте, там, где для них создано удобное вместилище — all-in-one. Вот почему те, кто хотят держать информацию закрытой или ритуализировать её передачу, в первую очередь пытаются сломать агрегатор.

Справедливая цена

Звучала божественная музыка, из огромного окна было видно как проплывают кораблики по амстердамскому каналу Singel. «Что это?» «Арво Пярт. Хочешь, я тебе скопирую?» — спросил меня Кристиан, специалист по градостроительству и профессор известного университета. «А как насчет копирайта?» «They want too much... И я уже заплатил за этот диск 19 евро, это «несправедливая цена», так что могу себе позволить сделать одну лишнюю копию».

Мне показалось странным, что добросовестный человек, выросший в стране, где капитализм существует уже более 300 лет, рассуждает как студент-карбонарий. Через пару лет я беседовал с английским музыкальным издателем, специализацией которого была авангардная и экспериментальная музыка. Издатель сказал, что им в принципе выгодно продавать диск за 5 фунтов, это окупает расходы на продюсирование и изготовление дисков, а также может принести небольшой доход им и музыканту. «Ну, так продавайте по пять! У вас же рынок, почему вы продаете по 15 фунтов?» И тут он меня потряс: «Как только мы опустим цену ниже общепринятой, мы попадем в бэк-лист крупных музыкальных магазинов. И с этого момента нам придется торговать дисками на блошином рынке или в продуктовом супермаркете!» И тогда я понял, что даже на Западе, рынок — это не рынок, а жёсткая договоренность группы лиц.

Более пятисот лет тому назад в Аденском заливе сомалийскими пиратами был захвачен наш соотечественник купец Афанасий Никитин. Отпущен он был только после уплаты обременительного выкупа. Почему сменяются культуры, но некоторые ситуации столетиями остаются в непонятках? Не видим ли мы сходную ситуацию с авторскими правами? Ведь это лишь семантический трюк — называть обмен и копирование информации пиратством. Обидное название не решает проблему.

Одна из скрытых сил в распространении «пиратства» состоит в том, что в цивилизованном обществе уважающий себя человек не будет платить за продукт сумму, которую он считает чрезмерной и потому оскорбительной. Да, цена может быть и унизительной, и обидной! В западной культуре есть понятие «справедливая цена». Однажды основателя ИКЕА Ингва-

ра Кампрада спросили, какова экономическая формула успеха его предприятия? Он ответил: принцип «3 + 1 + 1», где 3 — это стоимость производства товара, выгодная производителю, 1 — это то, что берет себе ИКЕА, и 1 — то, что компания отдаёт обществу в виде налогов и социальных программ. На рынке всегда выигрывает щедрый, поскольку вокруг жадного возникает вакуум.

И вдруг, перед моим сознанием возник странный парадокс — «информационный пират» абсолютно морален с точки зрения многовековой европейской культуры, а вот дистрибьюторы контента — воры и грешники!

Что такое «справедливая цена» в случае рынка, где каждый, казалось бы, имеет право назвать ту цену, которую сочтет нужной? В XIII веке итальянский религиозный деятель св. Фома Аквинский учил, что тот, кто повышает цену на товар из-за повышения спроса, хуже вора и разбойника. Он же говорил, что торговля и получение прибыли могут считаться законными, когда человек получает умеренные доходы для поддержания своей семьи или для помощи нуждающимся. Это мораль, на которой возмужала европейская культура. Цена должна быть справедливой, а не грабительской. Нарушение глубинных моральных устоев общества создателями и продавцами контента приводит к тому, что потребители начинают считать себя свободными от педантичного соблюдения законов, и располагаются там, где правила общественного взаимодействия запутаны. Цифровой мир — это Луна, земные законы там действуют как-то странно.

Даже в режиме жесткого капитализма нельзя игнорировать многовековые морально-этические традиции, которые этим обществом движут. Если люди стоят трое суток в очереди за iPad, который стоит 499 долларов, то почему бы производителю не сделать цену в 2000 и не сократить тем самым очередь, а потом плавно понизить? А нельзя! Это была бы несправедливая цена.

Конечно, люди должны понимать, что бесплатное разрушительно влияет и на общество, и психику: человек не ценит вещь, за которую он не заплатил. Кислое яблоко, купленное в магазине, съедается, тогда как сорванное с ветки отправляется в канаву. Халва не делает человека благодарным, напротив, превращает его в тупого и зажавшегося надкусывателя булочек. Барьер, который реально сдерживает пиратство, находится внутри каждого из нас — это наша психология и мораль. Революция — это кризис идеи справедливости. И если кризис в обществе не разрешается, то каждый сам определяет, что для него является справедливым.

В современной экономике наценка рассматривается как плата за полезный сервис. Мы видим, как государства регулируют

и ограничивают социально важные цены. И это всё та же концепция «справедливой цены».

Томас Джефферсон, один из авторов современной патентной системы, сказал: «Тот, кто взял мою идею, получил инструкцию, не принизил меня. Тот, кто зажег свою свечу от моей, получил свет, не затмив меня». Тот, кто думает о своей выгоде и постоянно поднимает цену, деградирует. Недорогие ноутбуки стали побочным продуктом проекта «100-долларовый компьютер», который разрабатывался группой энтузиастов из MIT для развивающихся стран. Справедливая цена экстрагируется из тысяч обстоятельств и контекстов, умение её определить — важнейшее искусство в бизнесе. Справедливая цена появляется там, где есть стремление сделать вещь удобнее и дешевле для пользователя, не потеряв качества. Именно это движет эволюцию. Это *improvement magic*, «магия улучшения»!

(Продолжение следует)

Артем КАВЕРИН

КИНО И ТЕАТР — ВЫМИРАЮЩИЕ ИСКОПАЕМЫЕ?

Сейчас многие ностальгируют по поводу старого доброго кино, никому не интересно по тысячному разу видеть одно и то же поставляемое на экраны в обрамлении новейших спецэффектов. Я давно уже не могу смотреть фильмы, так как меня преследует стойкое дежавю, что всё это уже мной много раз было просмотрено. Думаю, не только у меня такое ощущение. Всё это показывает, что кино в настоящем виде умерло. Конечно, оно и дальше будет существовать в нашей жизни, точно так же как и театр, но станет некоторым анахронизмом, на который приличный человек должен иногда ходить. Но давайте разберёмся, почему фактически умер театр (в том значении, в каком он существовал многие века: повелителем судеб) — его убили три вещи: первое — деньги. Стоимость каждого спектакля, в пересчёте на одного зрителя, оказалась непомерно высокой. В результате театр может существовать только на дотации и пожертвования. Тиражирование зрелища посредством кино и телевидения оказалось практически бесплатным. Представьте себе театральную постановку, принесшую доход от показа в миллиард долларов. Представили? Я представил, но кроме как «политический спектакль», иного варианта не получается. Вторая смертельная для театра вещь — зрелищность. Показать реалистичное разрушение земного шара в 2012 году или жизнь народа иви на деревьях — у театра как-то не получается. И третья смерть — доступность. Сколько человек может поместить-

ся в театр, даже в Большой? А сколько человек проживает в Москве? Посчитали? А там, где вообще нет театров? А пробки, из-за которых в театр не попасть? Сколько надо посмотреть спектаклей, чтоб было совершенно нормально ехать, как Шерлок Холмс с доктором Ватсоном, ко второму акту «Аиды». Ведь они знали все спектакли почти наизусть и могли наслаждаться с любого места. А что осталось хорошего в театре? Пьесы? Большинство из них было написано ещё до Октябрьского переворота. И просто получить информацию о сюжете — вряд ли кого прельстит. Однако основной трюк, применяемый в театре — проживание роли в пьесе актером и передача им эмоции прямо зрителю. И это фактически единственное, что оправдывает существование театра в настоящее время. И зритель согласен смотреть спектакль множество раз, так как каждый раз фактически спектакль новый хоть и со старым сюжетом и обрамлением. На самом деле я погорячился. Единственный раз в истории, когда на все спектакли подряд (было показано 7 спектаклей) ходили одни и те же люди — «Король Лир» Соломона Михоэлса.

Теперь займёмся кино. Что убило его? В первую очередь повторяемость. Сколько раз можно посмотреть один и тот же фильм? Даже с великолепными актерами? Два-три раза. Пиночет, смотревший «Великого диктатора» несколько десятков раз, единственный случай, не связанный с искусством. А сколько раз можно посмотреть современный блокбастер? Трудно более одного, не правда ли? Всё из-за того, что фильм одинаковый и сегодня, и завтра, и через сто лет. Он фактически мёртв. Смотреть покойника? Это, пожалуйста, к Гринуэю. Второй проблемой стало повторяемость сюжетов. Фактически сюжетов ограниченный набор. В печатной литературе читатель дофантазирует большую его часть. Видео-зрелища этого лишены, так как занимают всё внимание человека, не оставляя ему возможности думать. Т.е. зритель наслаждается запрограммированным прямым воздействием на его зрительно-слуховые нервы и по-слевкусием. И третья проблема — это то, что фильм снимается продолжительное время и актёры, даже лучшие, не могут передать цельной эмоциональной картины в зал, так как их снимают эпизодами, рвано. И эмоция получается рваной. Что может и не фиксируется сознанием, но на уровне ощущений воспринимается как обман. Тогда что остаётся хорошего в киноискусстве? Конечно же спецэффекты и стоимость тиражирования. Но на сегодняшнем этапе это перестаёт окупаться.

Теперь, учитывая что и кино и театр — вымирающие ископаемые, можно говорить о них или только хорошее, или ничего. Но и у того, и у другого есть положительные стороны, которые могут принести весьма впечатляющий доход. Значит мы накануне рождения нового зрелища, которое будет приносить су-

масшедшие барыши их организаторам. Капитализм, знаете ли, на дворе. И деньги двигатель прогресса даже в искусстве. Если хотите, перечислю несколько основных составляющих этого зрелища: На первом месте — игра актёров. Такая, как в театре: цельное развитие характера через весь отрезок шоу, простите, спектакля. Когда зритель получает наслаждение от всех нюансов перехода актёра из одного состояния в другого. Когда он увлекается им и чувствует то же, что и он. Причём, может это и мистика, но эмоция, энергетика в прямом эфире присутствует значительно в большем объеме, чем в записи. Соответственно без реального времени — никуда. На втором месте зрелищность. Голливуд уже приучил к спецэффектам, и без них никак. В качестве отступления приведу пример с церквями. Раньше, когда материальная жизнь обычного человека была серой, великолепие золота, свечей, убранства церковей и одежда священников приводило само по себе людей в мистический восторг. Однако сейчас, после бьешего по глазам великолепия Голливуда, аляповатость сусального золота и стекляшки-стразы в церквях вызывают жалость. Теперь почтение вызывают наоборот, закопчённые старинные иконы. Но это уже не разряд зрелища, а уважение и почитание. Третьей составляющей нового искусства станет его доступность, она же дешевизна тиражирования. Значит, основным средством распространения станет интернет (хотя и на традиционные эфирные или кабельные каналы оно пробьётся). Конечно же останется возможность и традиционных показов в кинотеатрах и на площадках, которые могут позволить дать ощущение сплочённости зрителей, а так же показать в лучшем качестве или с новейшими спецэффектами, например, многомерности-объемности спектакля, как, скажем, уже сейчас 3D мульт-актёры дают полноценные концерты на многотысячных клубных площадках.

Но сейчас я расскажу, как это будет приблизительно выглядеть: Артисты одевают вторую кожу с датчиками и камерами, приблизительно такими же, как на съемках «Аватара», и на выгородке сцены-трансформера играют спектакль. Все данные с датчиков сводятся в компьютер, и на них уже одевается виртуальная одежда (будут обязательно костюмеры виртуальных костюмов). Виртуальные гримёры сделают из любого актёра нужного персонажа. Гордума помните? Рядом с ними (имеется в виду во времени, физически все специалисты могут находиться в других точках земного шара и не только) находятся декораторы, создающих прямо во время спектакля замки, горы, другие планеты, в общем, всё то, что требуется по сюжету или пришло им в голову прямо сейчас. Причём механика сцены будет позволять бежать, прыгать, взбираться по ступенькам и прочее, прочее, прочее...

Результат этой работы сразу видит зритель. Например, наблю-

дая игру актёра прямо в реальном замке Макбета. В реальном времени и зрелищном антураже, соответствующем Голливуду. Более того, зрители смогут смотреть спектакль не только с одной зрительской точки, но вообще с любого удобного им места, хоть из глаз кого-то из актёров. И даже сыграть вместе с ним, так же как поют песни в караоке.

Кстати, мне кажется, что первыми спектаклями, которые будут делаться по такой технологии, будут оперы. Так как, на мой взгляд, они наиболее насыщены материалом (хорошую музыку можно слушать бессчётное число раз) и наиболее проблематичны в зрелищном исполнении. Но поживём — увидим. Тем более, что дальше новое искусство кино-театр потянет паровозиком и новые виды зрелищ, например, постановку спектакля (репетиции, костюмы, грим, декорации, написание пьесы) в прямом эфире или любительский театр, когда все участники и актёры и постановщики находятся в разных частях света...

Однако вернёмся к драматургам. Когда лимит классических пьес будет исчерпан, потребуются новые, но так как процесс разучивания материала весьма долог, а игра с телесуфлёром лишает возможности актёра полноценно прожить роль, то появится новый (простите, очень старый) тип пьес — лацци. На который будет ажиотажный спрос. Драматурги, готовы ли вы его удовлетворить? Сможете ли?

Сергей ЧЕКМАЕВ

МЕТАМОРФОЗЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Чистая наука для НФ в последние годы все чаще напоминает стартовый пистолет или бедую полосу на тартановой дорожке. Фантасты берут за основу научные достижения... Выстрел! И все дружно побежали, чтобы на финише посмотреть, что из этого может получиться.

Однако как ни бегай, а любая, даже самая заумная НФ пишется для простых читателей, а не для увенчанных научными степенями академиков. Но для того, чтобы постигнуть смысл многих достижений современной науки простого институтского образования зачастую недостаточно: фундаментальная наука давно уже вырвалась за пределы наших представлений о жизни. В итоге произошло смещение интересов из области естественных наук в область гуманитарных: намного интереснее читать о новых теориях в социологии, культурологии и психологии, в исследовании развития общества и моделей человеческого поведения.

Раньше наука воспринималась как некий ускоритель прогресса, в том числе и социального. Только представления о гумани-

тарных достижениях человечества оставались на уровне первой НТР: вот изобретем передачу человека по радио, и наступит немедленно райское общество; высадимся на Марсе, обгоним Америку — тут и коммунизм придет. То есть социальный прогресс прочно увязывался с достижениями физики, химии, биологии, и его собственная роль практически не рассматривалась.

Но почему под словосочетанием «научная фантастика» подразумеваются только могучие звездолеты, термояд в карманной батарейке и газопровод Солнце-Сириус? Кто, простите, сказал, что история или, скажем, психология и социология — не науки?

Возьмем, к примеру, историю. Принято считать, что у нее нет сослагательного наклонения. Однако история как никакая другая наука очень сильно подвержена конъюнктурным влияниям. Поэтому то, что преподавали 30 лет назад, совершенно не стыкуется с тем, что преподают сейчас. А в НФ уже не первое десятилетие существует оригинальное направление, получившее название альтернативной истории. Авторы пытаются отследить возможные изменения в развитии современного мира, если бы некоторые события произошли не так, как мы привыкли считать. Скажем, не было бы русско-японской войны 1904-1905 годов или, например, в 1825 году победили бы декабристы. Подобные ретро-прогнозы, если, конечно, автору удалось сохранить логику событий и создать непротиворечивый мир, ценны для нынешних политологов, социологов и футурологов, которые пытаются построить модели общества будущего при тех или иных заданных параметрах.

Вообще НФ сегодня играет роль полигона для обкатки политических, экономических, исторических и тому подобных идей. Уэллс, Жюль Верн, авторы конца 19 — начала 20 вв. писали совсем в другое время — время, когда наука воспринималась светочем прогресса. Но после целого века бездумного внедрения новых идеологий или экономических программ, когда никто не задумывался о последствиях, а к прогнозам и прогностике относились спустя рукава, общество нуждается в постоянно действующей тревожной сигнализации.

И если раньше НФ олицетворяла призыв в будущее, в развитие, то сегодня фантастика постепенно становится охранительным инструментом. Конечно, нельзя говорить о крайних позициях. И сейчас существуют книги о звездолетах, иных мирах и космической экспансии. Но **развитие науки не должно опережать развитие этики**. Многие писатели-фантасты пытались об этом предупредить — и Лем, и Стругацкие, и Ефремов. Этический контроль со стороны общества должен тормозить внедрение новых открытий и изобретений до тех пор, пока не будут учтены все последствия. И — если потребуются

— не будет разработана действенная защита. Кстати, нечто подобное мы имеем последние 5-10 лет, когда со стороны и государства, и СМИ, и неправительственных организаций идет совершенно беспрецедентное давление на любые опыты по клонированию.

Большинство современных экономических, политических и социальных проектов представляются авторами, как путь к райскому обществу, — мол, если мы сейчас их примем, то немедленно наступит процветание и благорастворение воздуха. Но фантасты предпочитают видеть в своих читателях людей здравомыслящих, которые не поддаются на рекламу, а все-таки делают свой выбор осознанно. И потому в основе многих романов современной НФ авторы утрируют проблему, доводят ее до полного абсурда, описывая поистине чудовищные последствия. Часто сквозь призму взгляда рядового обывателя, не слишком замороченного той или иной идеологией — по принципу «а зачем мне еще и эта головная боль?».

Иначе говоря, нельзя верить на слово: есть положительные моменты, которые описываются авторами новых идей, есть, соответственно, отрицательные моменты, которые ими умалчиваются и раскрываются фантастами.

Конечно, фантастика не должна брать на себя какие-то функции общественного регулятора. Это просто еще одно информационное наполнение. Человек получает новости из Сети, из телевизора, из журналов и газет, в том числе и из книг. Новости — это необязательно информация о чем-то произошедшем, это информация и о том, что может произойти, стоит ли вообще этим заниматься и какие могут быть последствия.

Как мне кажется, это и есть задача номер один современной НФ: спрогнозировать перспективы и негативные последствия того или иного открытия. И — через посредников в лице своих читателей — подготовить общество к нормальной, осознанной дискуссии.

Юрий КЛЕЙБЕРГ, академик РАЕН

ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ НЕНАВИДЕТЬ: ВРЕМЯ И ДЕТИ

Наши дети — девианты. Не пугайтесь, это не мутанты. Девиантное поведение, другими словами, отклоняющееся от общепризнанных норм, может быть негативным (алкоголизм, наркотики, проституция, суицид и т.п.), позитивным (социальное творчество во всех его формах и видах) и социально нейтральным (бродяжничество, попрошайничество, побег из дома или школы и т.п.). Наиболее подвержены девиантному поведению подростки 12-17 лет. Именно в этом возрасте закладываются

фундаментальные качества, которые трансформируются в его будущую жизнь. Подросток открыт социальным и психологическим влияниям, активно и в короткие сроки меняется, далеко не всегда в лучшую сторону. Наши дети входят в группу повышенного социального риска. Как уберечь их от «кривой дороги»?

В наше нынешнее лихое время дети оказались социально и психологически незащищенными, как никогда. Они отказываются от детских и начинают осваивать взрослые модели поведения. Согласитесь, для юного человека такой переход сам по себе серьезное испытание, в котором помощь взрослых просто необходима. Но наши подростки вниманием взрослых обделены.

Наши дети стали средством достижения определенных целей. О них вспоминают чаще всего во время предвыборных кампаний. Детей нельзя любить эпизодически, ведь эта любовь — вление сердца, движение человеческой души.

Должен заметить, что жизнь нас постоянно испытывает на разрыв — это один из ее законов. И, как говорил Эйнштейн, природа сложна, но не злонамеренна. Стало быть, от нас требуется понять, в чем эти сложности, и научиться действовать в жизни правильно. Проблема в том, что у нас сплошь и рядом такому пониманию и умению предпочитают примитивное силовое решение — вроде того, как у нас некогда «ремонтировали» отечественные телевизоры ударами кулака по корпусу. В самом деле, кому охота вникать во все эти мудреные микросхемы, возиться с паяльником!

Какие нужны аргументы и факты, чтобы обратить внимание власти, чиновников, депутатов, чтобы они повернулись лицом к «детям риска». Посмотрите сами: результаты проводимой воспитательной работы не радуют; учебный процесс вместо того, чтобы развивать ученика, тормозит рост его интеллекта, подавляет заложенные самой природой стремление к творчеству, самовыражению; в школе господствуют авторитарный стиль преподавания, догматизм в воспитательной работе и т.п. В то же время усиливается влияние уличных авторитетов. И вот что мы имеем: рост преступности и суицидов (самоубийств) среди подростков; среди совершивших правонарушение подростков четверть находилась в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; 63,4% подростка имеют опыт употребления психотропных средств; 26% имеют дело с наркотиками достаточно регулярно. Более 30% подростков готовы разрешать конфликты силой, при этом треть из них выбирает нож или иное холодное оружие, а 12% предпочли бы что-нибудь стреляющее. О своей готовности к совершению кражи заявили 48% опрошенных, к избиению человека — 64,2%, проституции — 33% подростков. Год от года растет число несовер-

шеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, все больше становится подростков-рецидивистов. Анализ показывает, что многие дети потеряли семейные и родственные связи, а также связи со школой. Детприемники переполнены юными беспризорниками, а, сколько их на улице!

Мы теряем одно поколение за другим! И привычные, выхолощенные полумеры положения уже не спасут. А на поиск новых мер методом «тыка» уже нет времени. В такой острейшей ситуации нужна целостная программа организационных, нормативно-методических, социально-медико-психолого-педагогических мер.

Такую программу мог бы обеспечить и осуществить в полном объеме, разработанный мной проект, учебно-научно-инновационный комплекс (УНИК) «Институт подростка», аналогов которому на сегодняшний день нет.

Что же такое УНИК? Это и авторская научная концепция, в основе которой лежит целевая программа «Подросток России», состоящая из ряда подпрограмм. Это и учреждение, объединяющее многие подразделения, ведущие работу по стратегическим направлениям.

Реализация этого проекта позволила бы создать наиболее благоприятные условия для социальной и психологической реабилитации детей и подростков, попавших в экстремальную жизненную ситуацию, подготовить их к самостоятельной жизни в современном обществе, осуществить их безболезненную адаптацию к социальной среде. Деятельность УНИК «Институт подростка» предполагает создание оптимальных условий, необходимых для самоутверждения и саморазвития личности ребенка, проявления его разносторонней активности и творчества, а также реальную помощь родителям и педагогам. Тем самым минимизируется или решается полностью проблема криминального влияния социальной среды на личность подростка.

Это действительно целый комплекс жизненно необходимых сегодня подросткам, их родителям и наставникам служб, связанных в единую систему, решающих единые общие задачи. Это и научные исследования, на основе которых будут разрабатываться необходимые программы и технологии, модели специализированных служб. Это и консультации и постоянно действующие семинары-лаборатории. Это — профилактика и психодиагностика. Это — социально-психологическая работа, медико-правовая деятельность, ювенальная коррекционно-реабилитационная служба и многое другое.

Однако, перефразируя известную истину, скажу: видит лишь имеющий глаза, слышит лишь имеющий уши. Или, точнее, лишь тот, кто хочет видеть и слышать. Но многие, увы, предпочитают, что называется, в упор не замечать очевидного и твер-

дят, что, мол, «в Багдаде все спокойно». И потому вполне достаточно и того, что уже существует, — тех же комиссий, служб, центров подготовки «специалистов по подросткам» по ускоренной программе и так далее. Не в обиду многим истинно преданным делу труженикам этой непаханой нивы будет сказано, но ведь КПД всех этих служб и центров, если судить по плодам, отраженным в статистике и милицейских сводках, не очень высок.

Я убедился, что для практиков, ежедневно variaющихся в проблеме, видящих ее изнутри, проект УНИКа вовсе не представляется чем-то архисложным и неподъемным. И, кстати, многие центры и службы, в которых работают эти люди, могли бы стать структурными подразделениями «Института подростка» и, обретя научную и методическую поддержку, обезвредившись необходимыми специалистами, подняться на качественно новый уровень. Нужных специалистов — педагогов-девиантологов, ювенальных психологов и других — мы подготовим в вузах и колледжах, открыв необходимые специальности и специализации. И это уже не отвлеченная идея — перспектива создания в столице России УНИК «Институт подростка» вполне реальна. Надежду вселяет опять-таки понимание и готовность к сотрудничеству многих заинтересовавшихся идеей людей. А как показывает жизнь, интеграция и сотрудничество, объединяющие силы, ресурсы и таланты людей, открывают большие перспективы и выливаются в видимые результаты: побеждают добрые и простые общечеловеческие ценности, ослабляется социальная напряженность, спадает криминальный накал, гаснут конфликты... Или, все-таки, ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ, НЕНАВИДЕТЬ?! Не упустить бы только время!

Юлий КВАРТИН, адвокат МОКА

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

(Фрагменты из книги)

*Где твоя совесть, шени чириме?**
или почему я стал адвокатом

Шел 1914 год. Первая мировая война была в самом разгаре. Мой дед, Георгий, потомок древнего грузинского княжеского рода, как многие тогда граждане Российской империи, ушел добровольцем на фронт, но вскоре попал в плен. Пока дед был в плену, в России произошла революция. После подписания Брестского мира дед освободили. Его путь в Грузию лежал через Москву и он должен был обязательно отметитья в своей национальной диаспоре. Вот тут-то дед познакомился с

моей бабушкой, влюбился, а затем женился и остался в Москве. У них родилась дочь, моя мать. Дедушка дал ей имя грузинской царицы Тамары. Когда мама чуть подросла, дед повез ее на свою родину. По прибытию в Грузию выяснилось, что революция сделала его родных братьев кровными врагами. Пока дед находился в плену и о нем ничего не знали, дома решили, что он погиб. Поэтому, когда стали создавать колхозы, все его имущество было «национализировано». Так что возвращаться было некуда. Но постепенно враждующие родственники примирились, и моя мама стала приезжать для отдыха в летнее время на родину своего отца.

В Грузию невозможно было не влюбиться. Встречали маму всегда как царицу Тамару. Столько тепла, любви и внимания получала она от каждого посещения этой маленькой, но великой душой и традициями страны, что любовь к ней переполняла ее сердце. Затем эта любовь передалась и мне. Конечно, в этом «виноват» был и мой дед. Я деда очень любил и скучал, когда он долго отсутствовал. Дед так опекал меня, что всякий раз, когда мне удавалось с ним остаться, я не отходил от него ни на шаг. Если, например, я хулиганил больше дозволенного, дед не ругал меня и, тем более, не наказывал, а лишь спрашивал: «Где твоя совесть, шени чириме?». Что такое совесть я тогда еще не знал, но отвечал: «В буфете, деда». Он нежно улыбался и доставал из буфета обожаемую мной пастилу...

К сожалению, дед рано ушел из жизни. В 1952 году он неосмотрительно рассказал в компании друзей политический анекдот. Его лучший друг «настучал», и деда посадили по 53 статье. Дали десять лет. А через год, в 1953 году, дед умер в лагере. Грузинская диаспора добилась, чтобы тело деда выдали для захоронения в Москве на Ваганьковском кладбище.

О моём втором дедушке слагались легенды. Дедушка Борис был известным на весь мир скорняком. К нему обращались за консультациями и помощью ещё до революции семнадцатого года и после, как частные лица, так и представители многих признанных российских и зарубежных фирм. Он стал достойным потомком знаменитого в свое время кантора Звудуна Квартина, которого приглашали во все синагоги мира. Дед был из очень образованной семьи, я никогда не слышал от него не только грубого слова, но и просто речи на повышенных тонах... Моей маме шел шестнадцатый год, когда они с моим будущим отцом познакомились, а в 1945 году у них родился я...

Как же я стал адвокатом? В детстве учился в музыкальной школе напротив Бутырской тюрьмы. А теперь я там, практически живу! Как в том старом анекдоте: «Абрам — Хайму: «Ты помнишь Зяму, который жил напротив Бутырской тюрьмы». Хайм — «Да, а шо?». Абрам, хитро улыбаясь, отвечает: «Так он типер живет напротив свьего дому!»...

В 1952 году я пошел в мужскую школу. Тогда еще были мужские и женские школы. Учился в одном классе и сидел на одной парте с Максимом Дунаевским и часто, после уроков, мы с ним шли к нему домой. Там мне посчастливилось общаться с его отцом, Исааком Осиповичем Дунаевским. После объединения мужских и женских школ, мама перевела меня для учебы в бывшую образцовую правительственную школу, которая находилась напротив нашего дома. В ней я учился вместе с Машей Ильинской, Нателлой Канделаки, Валей Соловьевой, Любой Бесковой, Сашей Варшавской, Сашей Хромченко и многими другими детьми известных тогда людей. Директором школы была Герой Советского Союза, единственная женщина — командир партизанского соединения, Анастасия Петровна Настасенко. Человеком она была превосходным, а руководителем непревзойденным. Дети и учителя ее жутко боялись, но безумно любили, ценили и уважали. Английский язык мне преподавала Булганина. Математику преподавала заслуженный учитель СССР Вера Константиновна Устинова. Математиком, конечно, она была прекрасным, но и антисемиткой рьяной. «Евреям в нашей школе делать нечего», — любила повторять она. Меня она невзлюбила особенно. В итоге пришлось бросить дневную школу и уйти в вечернюю.

А в 16 лет я был принят по договору актером в труппу ЦТСА. Заведующий труппой был Федор Федорович Савостьянов. При первой же встрече с ним, я был поражен размерами пепельницы на столе, и плакатом над головой в его кабинете: «Кури больше — помрешь скорее!». Я испытывал благоговейный трепет, находясь на сцене и имея возможность общения с такими величинами актерского цеха, как Попов, Зельдин, Касаткина, Добржанская, Голубкина, Самойлова, Чеханков, Кутепов, Сазонова, Сошальский и многими другими. Меня вводили в различные спектакли. Сначала в массовку. Потом в эпизодические роли. И, наконец, я стал репетировать главные роли в гастрольных спектаклях Розова «Перед ужином», Ларса «Выходной день»... Но судьба распорядилась иначе: по комсомольской путевке я был направлен в экспериментальный цех ЗиЛа, где стал работать токарем-универсалом. А потом армия. Поскольку в моем личном деле призывника была запись: актер ЦТСА, меня назначили руководить солдатской самодеятельностью. Вот такие зигзаги судьбы.

А в 1973 году я, наконец, после пяти лет неудачных попыток поступил на юридический факультет МГУ. Проходил специализацию на кафедрах международного права и советского строительства. Стажировался в информцентре ООН.

По окончании МГУ я был распределен на работу в Московскую областную коллегия адвокатов, где и началась моя адвокатская карьера.

Густав Фехнер *и судебно-психологическая экспертиза*

Одновременно и параллельно приобретению навыков адвокатского ремесла, мне пришлось учиться и журналистскому: нельзя же стать хорошим адвокатом, так я рассуждал, не принимая участия в обсуждениях в СМИ развития законодательства и состояния правоохранительной системы в государстве. Но, поскольку я — адвокат, болезненной давила адвокатская практика. Волновали место, роль и значение адвоката в этой правоохранительной системе и в самом обществе, где так далеко еще было и остаётся до торжества законности. Именно из-за этого разрыва между теорией, законом и практикой, а также пока неисправимой ментальности с обвинительным уклоном, не легитимности мышления и реализации законодательства чиновниками и в целом гражданами нашей страны, многие мои публикации, к сожалению, также актуальны сегодня, как и вчера. Хочу познакомить читателей альманаха с одной из них.

АБСОЛЮТНЫЙ ПОРОГ В НАКАЗАНИИ

Судья зачитывает приговор. В зале судебного заседания напряженная тишина. Я смотрю на подсудимого. Пока переказывается существо уголовного дела, называются статьи, излагаются доказательства, лицо его бесстрастно. Но вот читаются заключительные строки — об избрании меры наказания. Эту часть приговора он слушает настороженно. И, вдруг — улыбка. Глубоко и облегченно вздохнув, он трет ладонью лоб, виски: не ослышался ли? Затем весело смотрит в зал, где сидят свидетели, родственники. Глаза блестят. Он не скрывает своей радости. Видимо, ждал иного. Приговор для него — приятная неожиданность. Словно подарок...

Сложился определенный стереотип мышления: если приговор, то непременно с чрезмерно суровым наказанием. Будто суд только тем и занят, как бы построже, посуровее, прямо-таки на грани необъективности (а то и за этой гранью) покарать порок, наказать преступника.

Отнюдь. Из многолетней личной практики знаю, сколь не прост, нередко мучителен поиск оптимальной (справедливой) меры наказания. Это, пожалуй, самый сложный момент любого судебного разбирательства, синтезирующий все доводы, вытекающие из состязания участников процесса. Прокурор, защитник выложили на чаши весов свои аргументы и пребывают в ожидании решения. Фемида без погрешностей должна взвесить все «за» и «против».

Кто поможет ей в этом? Закон? Естественно. Но, как при-

менить его без малейших колебаний? Как безошибочно учесть все тонкости и нюансы? Вот тут-то и приходится вспомнить о судебной экспертизе.

Арсенал средств установления истины в уголовном судопроизводстве скудным не назовешь. Их немало. В то же время они требуют постоянного совершенствования и развития. Например, суд может опереться на судебно-психологическую экспертизу, активно используемую в нашей стране еще в 20-е годы. Однако, она оставила о себе неоднозначную память. Эксперты-психологи проявляли тенденцию выходить за пределы своей компетенции и вторгаться в вопросы правового характера. Это стало одной из причин негативного отношения к данной экспертизе. И все же, в уголовном процессе, на любом этапе которого в центре внимания находится человек со всеми индивидуально-психологическими особенностями, их недооценка усложняет поиски истины.

Практически без оценки этих особенностей обойтись нельзя. И они учитываются следователем или судом. Но на основе профессионального и житейского опыта. К сожалению, не всем это доступно. И вот тогда особенно остро ощущается потребность в проведении судебно-психологической экспертизы, которая исследует, главным образом, проявления психики человека, не выходящие за пределы нормы. Причем привлекает внимание, например, направленность исследования на анализ индивидуального сознания в момент совершения поступков. И это крайне важно для точного определения меры наказания.

Психологические аспекты при рассмотрении уголовных дел в суде начали интересовать юристов еще в прошлом веке. В России первая попытка проведения судебно-психологической экспертизы относится к 1883 г. Или, вот, А. Экмекчи, адвокат, блестящий мастер своего дела, в статье «О судебно-психологической экспертизе», опубликованной более двадцати лет назад, вспоминает, что еще в 1901 г. известный русский процессуалист, профессор А. Владимиров настойчиво заявлял о необходимости введения психологической экспертизы в суде. Эту мысль не раз выражали лучшие отечественные судебные ораторы, глубокие знатоки психологии А. Кони, В. Спасович, С. Андреевский.

В наше время в судебной практике психологической экспертизе отводится весьма незаметная роль. Кое-кто из юристов нет-нет, да и вспомнит о необходимости привлечения психологов к проведению экспертизы в суде. Однако дальше этого дело не идет.

Ну, а как в мировой юриспруденции? Может быть, не мы одни отвернулись от такой экспертизы? Оказывается, нет.

В ряде развитых стран юристы давно и всерьез взяли на вооружение психологическую науку и, в частности, судебно-психологическую экспертизу. США, например, располагают довольно широким выбором специалистов в этой области знаний. В уголовной юстиции Франции активно развивается институт социального, психологического и психиатрического анкетирования. Причем, такой подход в судебной системе начинается с назначения судьи. Производится оценка его характера, наклонностей, привычек и т.д. В Венгрии на преступника заводится психологическое досье. В Польше по отдельным категориям дел предусмотрено обязательное участие эксперта-психолога.

Вопрос о целях и мерах наказания не остался вне внимания ООН. Там обсуждалось, что нужно сделать для активного и целенаправленного педагогического и психологического воздействия на личность осужденного назначенным наказанием. Комитет ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней неоднократно рассматривал вопрос о видах и целях наказания. И это естественно. Чем более суровое наказание грозит преступнику, тем более полными должны быть юридические гарантии (и среди них — психологическая экспертиза) на всех стадиях уголовного процесса, особенно судебной. Вероятно, именно психология восприятия преступником всего того, что происходит с ним после совершения преступления, вызвала интерес Института социальной защиты ООН. Так, важное значение придается даже архитектуре тюремных зданий в деле перевоспитания и исправления преступника.

Должны быть предусмотрены все возможные меры (коли человек попал на скамью подсудимых), чтобы предупредить хотя бы рецидив преступления, избежать психологического надлома, сохранить для общества психологически здорового гражданина. У любого преступника, так или иначе, происходит осмысление происшедшего. От того, какое решение примет суд от имени государства, преступник будет судить об отношении государства к нему. Следовательно, государство должно быть заинтересовано в создании безукоризненной правовой системы и в ее положительной оценке гражданами.

В то же время, отсутствие четкой методики оценки заключений экспертов-психологов препятствует практическим работникам иметь ясное представление о предмете психологической экспертизы. Мы не отказываемся от проведения судебно-медицинской, бухгалтерской, криминалистической, автотехнической, психиатрической, почерковедческой экспертиз. При этом судебно-психиатрической экспертизе поручается изучение вопросов, имеющих отноше-

ние исключительно к компетенции психологов.

Давно уже установлено, что психология и психиатрия — самостоятельные области знаний. Сами психиатры при постановке диагноза нередко привлекают психологов. Они понимают, что каждый специалист более квалифицирован и компетентен в своем деле.

Вывод ясен: личность, диагностика ее индивидуально-психологических особенностей подлежат компетенции только эксперта-психолога. Поскольку понятие «правонарушитель», «преступник» включает в себя и понятие «личность», суд должен изучать все особенности личностных реакций на правонарушение (арест, наказание и т.д.), чтобы назначить ему строго индивидуальное, целесообразное, справедливое наказание. Изучение реакции личности на правонарушение и наказание за него важно и в педагогических целях.

Перед судебно-психологической экспертизой никогда не ставилась и не может ставиться задача о назначении наказания. Это дело суда. Однако результаты экспертизы — неоценимая помощь суду в установлении истины и принятии правильного, взвешенного решения о мере наказания. Восприятие подсудимым назначенной меры наказания, как возмездия за совершенное преступление, не самое ли главное в любом судопроизводстве? В принципе здесь обособлены опасны отклонения в любую сторону. Необходимо тонко чувствовать так называемый абсолютный порог.

Понятие «абсолютный порог» существует в психофизике, основанной немецким ученым Густавом Фехнером. Психологи считают, что абсолютный порог — разновидность известного в физике сенсорного порога и означает такую величину раздражителя, превышение которой вызывает лишь ответную обостренную реакцию, а занижение приводит к тому, что он просто перестает восприниматься. Понятие сенсорной системы — синоним понятия «анализатор», термина, введенного академиком И. Павловым для обозначения нервного аппарата восприятия, анализа и синтеза раздражителей.

Как видим, здесь можно провести некоторую аналогию и с назначением наказания в судопроизводстве, поскольку оно также, своего рода, раздражитель для осужденного с целью запрета рецидива, профилактики против нового нарушения закона.

Проблема оптимального применения наказания всегда стояла перед судом. Прокурор просит суд назначить наказание, с точки зрения обвинения, адвокат — с точки зрения защиты. Да простят мне юристы очевидность рассуждений, но от сложившейся практики не уйдешь. Суд, как прави-

ло, обращает большое внимание на прокурорские сентенции, «скинув» иногда полгода или год, делая реверанс в сторону адвоката.

Между тем, назначить чрезмерно мягкую меру наказания виновному означает не достичь требуемого восприятия. Слишком суровое наказание, наоборот, вызывает у осужденного озлобление, панический страх, холодную жестокость. Он перестает верить в справедливость закона, считает, что жизнь кончена, а это тем более притупляет самоконтроль, деморализует.

В таком состоянии — один шаг до повторного преступления, рецидива. Так, порой, деградирует личность. Об этом говорилось не раз. Но, что, практически, делается для изменения положения?

Сейчас все решает субъективный подход суда. Суд же состоит из живых людей, а не роботов, способных успешно применять сенсорную систему и достигать максимально точных результатов. Вот почему возникает необходимость создания в судебном процессе дополнительной ступени перед назначением наказания. Специалисты с профессиональной точки зрения дали бы исчерпывающие рекомендации при назначении наказания. Может быть, необходимо предусмотреть участие экспертов-психологов со стадии предварительного следствия, когда решается вопрос об избрании меры пресечения (в частности, заключение под стражу), и уже срабатывает психологическое восприятие этого акта правонарушителем.

Еще более сложный процесс — назначение наказания при осуждении группы преступников. Юристам известно, что в таких случаях среди группы непременно есть организатор — вожак, подстрекатель, более или менее активный участник, а также случайно оказавшийся в их среде, втянутый и т.д. Здесь крайне важен дифференцированный подход к участникам преступления.

И тут уж никак не лишне обратиться к мнению специалистов. Допускаемые же ныне судами ошибки в подобных уголовных делах могут причинить непоправимый вред.

Будет ли достигнута цель наказания? На такие вопросы могли бы с достаточной компетентностью ответить специалисты. К сожалению, пока законодательством не предусмотрено мер к достоверному выявлению личностных качеств участников преступления.

Абсолютный порог при назначении меры наказания все еще остается недостаточно изученным, далеко не всегда учитывается и взвешивается.

Сергей АЛИМАРИН

О КНИГЕ ЛЮДВИГА ФОН МИЗЕСА «СОЦИАЛИЗМ»

В конце 2011 г. в библиотеке «Экономика и бизнес» в рамках программы «Семантическая навигация России», посвященной 20-летию Союза литераторов, прошла встреча с поэтами, прозаиками, литературоведами, краеведами и публицистами.

Ведущий Валентин Куклев представил своих учеников-музыкантов и прозвучала редко исполняемая музыка: Иван Москалев исполнил вариации на произведение русского композитора, пианиста, писателя В.И. Ребикова, а московская школьница Анна Босник — романсы на стихи Блока, Гумилева, Бунина.

Поэт и бизнес-леди Марина Левина познакомила присутствующих со своим творчеством, а ещё прозвучал рассказ Нины Давыдовой о жизни деловой Москвы XIX в. и работе банковских служащих того времени.

Смогист, известный бард Владимир Бережков вспоминал старую Москву.

В заключительной части насыщенной программы вечера прошла литературная викторина «Экономика в стихах».

Кроме изданий, выпускаемых Союзом литераторов, в фонды библиотеки была подарена книга Людвиг фон Мизеса «Социализм», переведённая членом Союза литераторов Борисом Пинскером.

*В 90-е гг. Б.С. Пинскер (экономист, публицист, переводчик) создал издательство Catallaхu, выпускавшее в основном переводную литературу по экономике *, но не только, выпускались и поэтические сборники.*

В настоящее время книга Мизеса (как и некоторые другие из переведённых и выпущенных Б.С. Пинскером) является библиографической редкостью.

На вечере выступил сопредседатель Союза литераторов, председатель секции публицистики Сергей АЛИМАРИН с небольшой рецензией — откликом на эту книгу:

Начало XX века и послевоенное время — удивительные годы не только для нашей страны, но и для другой распадающейся империи Европы — Австро-Венгрии. В этой стране, как и в России, это время породило великую культуру. Достаточно упомянуть имена таких выдающихся писателей как Цвейг, Кафка, Рильке, Музиль, ученых и философов Маха, Фрейда, Мизеса, Хайека, Виттгенштейна, Поппера. Это время формирования СССР, Австрийской республики, фашизма в Италии, революционных событий и ско-

рого первого мятежа нацистов в Германии во главе с австрийцем Гитлером.

Книга выдающегося экономиста и философа Людвиг фон Мизеса написана в 1922 году, но актуальна до сих пор, особенно в нашей стране, но не только.

В эпоху повсеместного увлечения социалистическими идеями в послевоенной Европе эта книга произвела в интеллектуальных кругах эффект разорвавшейся бомбы. О своих впечатлениях того времени, о том, как трудно было в то время признать аргументацию Мизеса, как эта книга замалчивалась, о её дальнейшей судьбе пишет Фридрих Хайек в предисловии к её американскому изданию 1981 года. Книга называется «Социализм», но, пожалуй, более точно её содержание отражает подзаголовок: «Экономический и социологический анализ».

Это книга для тех, кто хочет из первоисточника получить сведения о том, что такое современная экономика вообще, что такое рыночная экономика, либерализм и социализм. Это не учебник и не сугубо научная монография, это полемически заостренное изложение точки зрения профессионального экономиста на различные экономические и политические программы и взгляды.

Немного слов о ее содержании по существу.

Понятия, которыми мы пользуемся для обозначения различных политических и экономических взглядов, в значительной мере мифологизированы. Это происходит как стихийно, бессознательно, так и намеренно с целью создать положительные ассоциации, порождаемые своими собственными представлениями и отрицательные — представлениями оппонентов. Одной из важнейших задач философии и является уточнение и прояснение таких понятий. С этого Мизес и начинает. Что такое собственность, какие виды собственности могут, а какие не могут быть общими, каково происхождение собственности и каковы её особенности в развитой рыночной экономике.

Ну и, конечно, в соответствии с названием книги, большое внимание Мизес уделяет содержанию понятия «социализм». Для автора это не только название экономической системы, построение которой было провозглашено в современной ему в те годы России, но и элементы экономических программ партий многих стран с рыночной экономикой. Именно поэтому книга актуальна и сегодня.

Непредвзятый анализ Мизеса показывает, почему нереализуемы права на труд и на полный продукт труда в той форме, в который они провозглашаются социалистами, почему невозможно равное или «справедливое» распределение результатов труда. Но главное, что доказывается в

этой работе — невозможность заранее, без рыночной информации, определить, сколько и чего следует произвести для того, чтобы удовлетворить все потребности членов общества.

Мизес попытался также сформулировать принципы современного либерализма, которые позже уточняли Фридрих Хайек, Карл Поппер и Исайя Берлин. Главное в либерализме — поиски мирного существования различных обществ, причем не только из гуманных соображений, но и потому, что только в мирное время происходит созидание, а не разрушение. Защита собственности и отрицание войны — «два выражения одного и того же принципа». Демократию либерализм защищает не потому, что она более естественна, или лучше других форм сама по себе, а потому, что такая форма государства лучше позволяет избежать революций и поддерживать социальное сотрудничество.

Либерализм до сих пор воспринимается как нечто среднее между революционным социализмом и крайним консерватизмом. На самом деле, как показывает Мизес, либерализму противостоят как тот, так и другой, оба склонные в политике к авторитарным формам государства. Этот взгляд позже защищал Фридрих Хайек.

Автор не избегает и обсуждения тех проблем, которые связаны с демократической формой государства и тех искажений, которым она подвергается, проблем равенства. В то же время опровергается миф об органической связи социализма и демократии. Экономика, основанная на государственной собственности прямо ведет к диктатуре, что в дальнейшем доказала и история (очень подробно логика такого процесса изложена в книге Хайека «Дорога к рабству», изданной в 1944 году).

Современному читателю, пожалуй, интереснее всего будет познакомиться с той частью этой книги, в которой обсуждается *интервенционизм* или, как иногда это называют, попытки построения социального государства. Это как раз попытка осуществить нечто среднее между социализмом и рыночной экономикой, в рамках последней обеспечить социальную защищенность людей путем вмешательства государства в экономику. Эта тема особенно интересна сегодня, когда мы видим, какие проблемы возникают перед странами Европейского союза. Все это — результат этого самого интервенционизма.

Некоторые суждения автора сегодня кажутся несколько прямолинейными, не все работает в рыночной экономике так просто. В дальнейшем такие мыслители как Фридрих Хайек, Исайя Берлин уточняли и развивали его взгляды.

Тем не менее, пользуясь своим методом, Мизесу удалось

описать все проблемы, с которыми столкнулись социалистические страны на всем протяжении своего существования, а также сегодняшние проблемы стран с рыночной экономикой.

Позже у нас были изданы еще несколько работ Мизеса: в 1993 г. «Бюрократия» в переводе Б. Пинскера, в 2007 г. «Либерализм» и последняя, итоговая книга Мизеса «Теория и история».

*** Список книг, переведённых Б. С. Пинскером, и переданных им в библиотеку Союза литераторов:**

- 1) Л. фон Мизес, Социализм (М., Catallaxy, 1994).
- 2) Л. фон Мизес, Бюрократия, Запланированный хаос, Антикапиталистическая ментальность. (М., «Дело», 1993).
- 3) Р. Коуз, Фирма, рынок и право (М., Дело, 1993).
- 4) От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик (М., Catallaxy, 1993).
- 5) Дж. Дорн, Р. Нуреев, под ред., Денежная реформа в осткоммунистических странах (М., Catallaxy, 1995).
- 6) Э. де Сото, Иной путь (М., Catallaxy, 1995).
- 7) Н. Розенберг, Л.Е. Бирдцелл, мл. Как запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. (М., Изд-во «Каталакия»; Новосибирск, «Экор», 1995).
- 8) Пол Хейне, Экономический образ мышления. – (М., Изд-во «Каталакия» для серии Библиотека студента по заказу Академии педагогических и социальных наук и Московского психолого-социального института. 1997).
- 9) Мастерство: Финансы (М., Олимп-Бизнес, 1998).
- 10) Мастерство: Менеджмент (М., Олимп-Бизнес, 1999)
- 11) Р.Ф. Брукнер и др., МВА. Краткий курс (М., Олимп-Бизнес, 2000)
- 12) Грэм и Додд, Анализ ценных бумаг (М., Олимп-Бизнес, 2000)
- 13) Дэниел Джонстон, Международный нефтяной бизнес: Налоговые системы и соглашения о разделе продукции (М., Олимп-Бизнес, 2000)
- 14) Ченг Ф. Ли, Дж. И. Финнерги, Финансы корпораций: Теория, методы и практика (М., Инфра-М, 2000).
- 15) С. Крейнер, Д. Дирлов, Планета МВА. Бизнес-школы: взгляд изнутри (М., Олимп-Бизнес, 2001).
- 16) Майкл Льюис, Покер лжецов (М., Олимп-Бизнес, 2001).
- 17) Сигел, Стратегия в эпоху электронного бизнеса (М., Олимп-Бизнес, 2001).
- 18) Д.Дж. Бауэрсокс, Д.Дж. Клосс, Логистика: Интегрированная цепь поставок (М., Олимп-Бизнес, 2001).
- 19) Э. де Сото, Загадка капитала (М., Олимп-Бизнес, 2001).

20) Э. Лефевр, Воспоминания биржевого спекулянта (М., Олимп-Бизнес, 2001).

21) М. Ротбард, Власть и рынок: Государство и экономика (М., Социум, 2002).

22) Питер Сенге, Пятая дисциплина: Искусство и практика самообучающейся организации (М., Олимп-Бизнес, 2003).

23) Питер Сенге и др., Танец перемен (М., Олимп-Бизнес, 2003)

24) Марк К. Скотт, Фирма профессиональных услуг (М., Олимп-Бизнес, 2004)

25) Майкл Льюис, Новейшая новинка (М., Олимп-Бизнес, 2004)

26) Джимми Т. Бойетт, Путеводитель по царству мудрости (М., Олимп-Бизнес, 2004)

25) Д. Бёрд, Прямой маркетинг: Бизнес здравомыслящих (М., Олимп-Бизнес, 2004)

26) Сеймур Беккер, Миф о русском дворянстве (М., НЛО, 2004).

27) У. Боннер, Э. Уиггин, Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI века (М., Социум, 2005)

28) Лоренс Котликофф и Скотт Бернс, Пенсионная система перед бурей (М., Ирисэн, 2005)

29) Дж. Саймон, Неисчерпаемый ресурс (М., Социум, 2005)

30) Олаф Герземанн, Ковбойский капитализм (М., Ирисэн, 2006)

31) Бринк Линдси, Глобализация: повторение пройденного (М., Ирисэн, 2006).

32) Ф.А. Хайек, Правила и порядок (М., Ирисэн, 2006).

33) Ф.А. Хайек, Мираж социальной справедливости (М., Ирисэн, 2006).

34) Роберт Нозик, Анархия, государство и утопия (М., Ирисэн, 2006).

35) Н. Розенберг, Л.Е. Бирдцелл, мл., Как Запад стал богатым (Новосибирск, ЭКОР, 1995).

36) Ф.А. Хайек, Право, законодательство и свобода (М., Ирисэн, 2006).

РЕЦЕНЗИИ

Ольга КЛЮКИНА

ПРОВОДНИК С НИЖНЕГО БОКОВОГО

О книге Марины Кудимовой. «Черёд». Стихотворения. Поэтическое приложение к журналу «Сибирские огни». Новосибирск. 2011

Самое первое, общее впечатление от сборника Марины Кудимовой «Черёд» — как будто через тебя с грохотом пронёсся пассажирский поезд. Вот промелькнуло женское лицо в окне (заплаканное или просто окошко дождём забрызгано?), кто-то квадратный в камуфляже курит в тамбуре, чей-то бесхозный ребёнок на второй полке высунул руку, пытаюсь поймать ветер. А попутно во все стороны окурки, фантики, пивные банки и колбасные очистки — и от «Полтавской», и от «Эстонской»... Эх, ма, мать-Россия проехала! Принимайте такую, какая есть, другой не держим.

И долго ещё в ушах звучит этот пульсирующий вагонный ритм, даже когда состав уже скрылся из вида, да и книга закрыта.

*Проводник одеял не даёт...
Пробуравились в узкий проход,
Скарб устроил во братской могиле
Кто успел, и на верхний полоч
Барахлишко своё заволоч
Тот, кто выдался ростом и в силе...*

(«Плацкарта»).

Вот снова и задумаешься, а современный поэт — кто он? Проводник или пассажир? Или сразу — и то, и другое, да ещё что-то третье? Поди, разбейрайся.

*...К туалету примкнул станционный торец.
Я бежала солёный купить огурец
У суровой старушки.
Отставала от поезда я, и тогда
Об асфальт растирали меня города,
Как зерно в крупорушке.*

(«Через два интервала»)

А какая вдруг случилась остановка в «Поселении», обозначенном по жанру, как сценарий. Точно, кино. Стоишь на платформе, разинув рот, разом забыв и про пирожки, и про семечки. Это надо же, какие здесь люди живут! Вроде бы, все вокруг и убого, и местами смешно до нелепости, а почему-то начинаешь слезами давиться...

Но — поехали дальше, в вагоне — ведь тоже люди. Не то, что-

бы типажи — скорее, образы, извечные русские типы. Именно так — с простодушным весёлым любопытством мы нередко и разглядываем своих случайных попутчиков. Вроде бы, из одной страны — а какие же все разные, ни в чём не похожие на оставленных дома друзей и знакомых. Глаза бы на некоторых не смотрели, ан нет, не получается... Никак не отвести взгляда от того голодного мужичка, что неуловимым движением достаёт из чужой миски скомканную салфетку («Голодный»). Постарайся к стенке отвернуться — а в голове настойчиво жужжит романсовый мотивчик из стихотворения «Сосед»:

*Он пил с тех пор, как впервые начал,
И в этом не видел зла.
И все предрекали: придёт ему точка,
И точка ему пришла.*

Ладно, раз уж всё равно не получается уснуть, заказываешь себе в утешение чаю в подстаканнике. Но не тут-то было! Какой-нибудь сидящий напротив бодрый очкарик со своими кроссвордами начнёт доставать.

*На меня наезжал золотой медалист
И со страху дрожал, как осиновый лист,
Чтобы я его не обскакала
Непрочитанным знаньем, догадом дотла,
Чтобы пенки морщинистой я не сняла,
Зачертнув призового какао.*

(«Медалист»)

Так вот и едешь — от одного стихотворения к другому. Сначала неудобно, потому как в поезде и сквозит, и не мягко постеле-но, и вообще тихо себя клянёшь за плацкарту, можно было бы и на купе раскошелиться... Но в какой-то момент начинаешь вдруг с интересом прислушиваться к разговорам за стенкой, и, вроде, понемногу легчает.

*— Неужели вы ЭТО едите?
— С преобладающим аппетитом едим!
— Так бегите! Чего ж вы сидите?
— Да куда? Хорошо же сидим...*

И вот ты уже сочувствуешь старушке, получившей возможность наконец-то выговориться и на весь вагон рассказать о своём непутёвом сыне (это уже из радиокomпозиции «Диктор»):

*... А спроси — ничего не расскажет
И внимания не обратит.
То долдонит: «Протест — Вечный Жид»,
То завоет: «Чому ж я не Герцен?!»,
То заляжет ничком — и лежит...
Не могу — разрывается сердце!*

Ну, а дальше — пошло-поехало! Все эти душераздирающие, которые могут довести и до мордобоя, разговоры за жизнь с не-

обозримой амплитудой выводов и мнений — насчёт Сталина и царя-батюшки, ваучеров, последних выборов, зэков, очередей, русской безнадеги, и любви, куда без неё... Кто из нас хоть раз не пережил в поезде подобные приступы откровенности с первым встречным?

*Отечество моё!
Оставим разговоры...
Где не найдёшь концов,
Там проходных дворов
Вели не забивать.
Твои пророки — воры,
Начальники твои —*

сообщники воров.

И славненько, думает про себя какой-нибудь рубаха-парень, что больше я своих попутчиков никогда в жизни не увижу, а то мало ли что. От повторения истории ведь никто не застрахован. Оттого так и современны все эти угличские косточки и стольпинские вагоны, на фоне которых и о светлом будущем можно дружно помечтать.

*Матушка червоточина,
Сколько понаворочено!
Матушка живоглотина...
Родина моя, Родина!*

А теперь пришёл черёд сказать о самом главном: об удивительном языке нового сборника Марины Кудимовой. Но вот это у меня точно не получится, настолько он ни на что не похож, требует специальных исследований. Не просто подслушанная народная речь поэтом-проводником, а опыт ее преобразования, переплавки, возведения в степень поэзии.

*— Ты из рабочих, служащих?
— Я — из последних слушающих!*

Много лет Марина Кудимова молчала и слушала, чем мы все живем, что и как пережили, а чего так и не изжили. Больше двадцати лет пришлось ждать ее новую книгу. Издалека примчался этот поезд. И отдельная благодарность — создателям поэтического приложения к журналу «Сибирские огни», которые наконец-то сумели так грамотно перевести стрелки в сторону читателя. В нашей стране ничего не бывает поздно.

*Будто грустное смотришь кино
И не плачешь, стесняясь соседством.
И мятежно тебе, и темно,
Но лишь только в сравнении с детством.*

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

«КОГДА-НИБУДЬ КАКОЙ-ТО СТРОЧКОЙ СПАСЕМСЯ В КОМ-ТО НА ВЕКА...»

О 13-й книге Олега Гонтарева «Зачем сюжет»

Уже много лет являясь членом Союза литераторов России, Олег Гонтарев — постоянный автор нашей газеты «МОЛ» и ежегодного альманаха «Словесность». Его стихи подкупают искренностью, как и небольшая автобиография, которая будет небезинтересна читателю: «Я, Гонтарев Олег Борисович, 1967 г.р. коренной екатеринбуржец. Инвалид 1 группы по опорно-двигательному аппарату с рождения. Способ передвижения — инвалидное кресло-коляска. Но, несмотря на это, отец, Гонтарев Борис Федорович, говорил мне: «Сын, ты все можешь!». Мать, Елена Ивановна как могла поддерживала его и меня. Но не все так грустно в этой жизни. Средняя школа, правда — на дому. Восемь лет трудового стажа в одном Уральском НИИ энергетического профиля, тоже на дому.

Стихи писать начал, как только научился держать авторучку. Первая публикация в свердловской газете — 1991 г. Первая книжка стихов «Белые крылья» — 1994г., «Музыка рассвета» — 1996 г., и т.д. До поры, до времени писал только стихи. Шестая книга — первый сборник прозы и стихов — «Июль» — 2004 г. Проза для дошкольного и младшего школьного возраста «Про Майку» — 2005 г. Затем — опять книги стихов. 2008 г. — уже одиннадцатая книга стихов «Пятое время года», про мою подругу Ирину и ее дочь Настю. 2009 г. — еще одна книга стихов «Лада», посвященная им же. Данная книга — тринадцатая — сборник моих стихов и тех рассказов, которую надо было только успеть записать за двумя моими Ладушками... «Автор» В стихотворении «Опять пришла пора седлать Пегаса» О. Гонтарев как бы мимоходом замечает: «Окрестности не виданы / Ни разу...». Больше вы, пожалуй, нигде не найдете об ограниченном по своим физическим возможностям способе передвижения поэта. Для духа таких ограничений нет. Поэзия дело сильных духом. И стихи Олега свидетельствуют об этом: «Только про напасти / Все — молчок!». Эта заряженность на счастье особенно хорошо видна в стихотворении «Там катер со мною...»: «Как звать тебя? / Оля? Танюша? Оксана? / Идем! Я дельфинов тебе / Покажу!». Образ Золотоволоски (Златовласки) из другого стиха при таком отношении к жизни возникает с необходимостью. И стихи о любви тоже.

Точный перевод двух последних строчек знаменитого 66-го сонета Шекспира, говорит о любви, как об экзистенциальной категории, а не как о какой-нибудь конкретной привязанности:

*Всем изболев, не прожил бы и дня,
И лишь Любовь одна хранит меня.*

В этом Олег Гонтарев и Уильям Шекспир а, если это удастся достоверно доказать, и те двое, кто скрывался за псевдонимом «Шейкспиэр» (не путать с «Шакспер») созвучны, с той разницей, что Олег сам признался в соавторстве со своими двумя ладушками, а авторство шагнувшего было в вечность Уильяма до сих пор под вопросом... А ведь действительно, невозможно покинуть этот мир, когда испытываешь благоговение перед жизнью — в ком-то всегда будет звучать хотя бы одна настоящая, возможно, еще не написанная поэтом строка — «Когда-нибудь какой-то строчкой спасем я в ком-то на века...».

Хочу пожелать 13-й (!) книге удачной судьбы, а тем, кто обращает внимание на мои рекомендации — приятного чтения.

Евгений ИВАНОВ, профессор, доктор философских наук

МУДРЫХ ТОЧКА ЗРЕНИЯ...

О книге Вячеслава Сысоева «Простые истины»

На небосводе современной поэзии в России есть множество звезд разной светимости. Звезда известного московского поэта Вячеслава Сысоева возшла несколько десятилетий назад и светит до сих пор своим особым, неповторимым светом. Его творчество выделяется среди себе подобных прочным единством мыслей и чувств: органичной лиричностью и глубокой мудростью, выраженной в яркой образной форме.

Недавно, в канун своего 70-летия, автор выпустил новую книгу, сборник двустийший — «Простые истины».

Уже само название книги таит в себе скрытый смысл. Хотя она называется «Простые истины», при ближайшем рассмотрении оказывается, что на самом деле в ней заключены мудрые истины. Автор затеял издание вовсе не ради того, чтобы сообщить *urbi et orbi* прописи, трюизмы, банальности.

Мудрость автора, как и всякая подлинная мудрость, и самобытна, и нет. В известном смысле она не самобытна потому, что своими наиболее глубокими корнями уходит в седую древность. При чтении книги вспоминаются легендарные «семеро мудрецов» Древней Греции. Они обрели бессмертие не многотомными заумными трудами, а краткими, лаконичными высказываниями — афоризмами на злободневные темы тогдашней общественной жизни: моральные, правовые, политические. Эти афоризмы уже тогда получили огромный резонанс, а их авторы были признаны мудрецами. Даже ныне многие их афоризмы весьма актуальны и злободневны. Например: «Не

богатея дурными средствами» (Фалес); «Много дурных людей обогащается, а хороших — страдает» (Солон); «Недостойного — за богатства не хвали» (Биант); «Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам» (Питтак); «Лучше потеря, чем дурная прибыль: от одной — горе на раз, а от дурной — навсегда» (Хилон); «Помышлай о добре и не будь неблагодарным» (Клеобул); «Наслаждение брэнно, честь бессмертна» (Периандр). Особо настойчиво они проводили две идеи: «Познай себя!» и «Знай меру!».

Однако творчество Сысоева, вбирая в себя многовековую мудрость, по своему тоже самобытно, потому что в нем глубоко отражены реалии современной общественной жизни.

Как и название книги в целом, ее структура проста и незатейлива. В ней всего несколько разделов: «Своевольные строки», «На родине моей», «И это жизнь», «Неунывающий россиянин» и некоторые другие. Но такая структура довольно условна. На самом деле она вмещает в себя богатое и глубокое содержание. Диапазон тем, которые затрагивает автор, весьма широк: от величайших проблем мироздания до личной, даже интимной жизни отдельного человека. И в их раскрытии автор, как всегда, идет своим, непроторенным путем.

Начнем с наиболее общих, философских проблем. Ведь мудрость потому и называется мудростью, что она относится прежде всего не к повседневной жизни (на это есть житейская мудрость), а к наиболее общим, предельным вопросам бытия. Но, затрагивая эти темы, автор трактует их не как профессиональный философ, а как поэт, исследователь человеческих душ. Он специально подчеркивает их гуманитарное измерение.

Взять проблему объективности мира:

Мир не зависит от меня и все ж

Со мной и без меня он не одно и то ж.

Автор пытается разрешить величайшую загадку существования этого мира:

Ужель когда-то наше мирозданье

Возникло не по замыслу сознанья?

Разумеется, поэт не столь наивен, чтобы в современных условиях верить в сотворение мира. Он хочет лишь подчеркнуть этим свое изумление перед совершенством мироздания, его целесообразностью, закономерностью.

Особое внимание Сысоева привлекает проблема пространства и времени, над которой билась величайшие умы человечества. Но и здесь у него свой, оригинальный подход. Он выделяет в этой проблеме лишь человеческие грани. Так, подчеркивая объективность времени, заявляет:

Неощутимо и незримо время,

А вот поди ж ты, властвует над всеми.

Выражая свое отношение к проблеме бесконечности мира в пространстве и вечности его во времени, поэт пишет:

*Мне дела нет до бесконечной вечности
Без человечества и человечности.*

Отдельный человек — лишь слепок с бесконечного мироздания, однако у него своя специфика:

*Жизнь каждого из нас — вселенная,
Но мимолетная и тленная.*

К самому времени у автора личные претензии, как будто оно не объективно:

*Лелею время, берегу: в нем жизнь моя.
Но почему оно не бережет меня?*

Поэт затрагивает модную ныне проблему инопланетян, которых он называет по-своему — «космиты»:

*Ад или рай сулит прилет космитов?
Чем завершится — миром или битвой?*

Естественно, что в поэтическом сборнике эти самые общие, абстрактно-философские проблемы занимают весьма скромное место. В центре внимания здесь — жизненно-важные, социально-философские проблемы: как общеисторические, так и современные, особенно относящиеся к состоянию нынешней России.

Здесь то же, гуманитарное измерение проблем. Поэтому на первый план выходят вопросы отношения общества и человека к природе — естественной среде своего обитания. Сравнивая здесь прошлые эпохи человечества с современной, автор присоединяет свой голос к хору всё более тревожных голосов — по поводу явного регресса природы из-за хищнического отношения к ней человека в условиях капитализма:

*Река канавой сточной стала, лес загажен,
А ведь до нас мир Божий не был безобразен.*

Или:

*Конечно, нужен нам прогресс.
Но лес-то почему исчез?*

Автор максимально конкретен в своих обвинениях:

*За что срубили липы?
...Вы слышите их всхлипы?*

Страдает и животный мир, мир существ, подобных нам:

*Ни мамонта, ни динозавра,
А что же будет завтра?*

Поэт предупреждает о гибельных последствиях содеянного для судеб человечества в целом:

*Природе все равно, умны мы иль глупы,
А допечем ее, стряхнет нас, словно пыль.*

Оценивая специально роль техники в развитии человеческого общества, он делает казалась бы парадоксальный вывод:

Коллайдер, марсоход, ракетодром

Ничто в сравнении с первым колесом!

Ничто — не по масштабности творенья, а по месту и роли в социальном прогрессе. В развитии техники есть своя логика: в основе всякого последующего изобретения лежит предыдущее. Так что, если бы не было примитивного, первобытного колеса — не было бы и современных, самых грандиозных творений: ракетодрома, марсохода и похожего на гигантское колесо коллайдера.

Из всех прошлых веков человеческой истории Сысоев — уже не в первый раз! — выделяет XX век, исключительный по своим разрушительным масштабам:

*Двадцатый век —
век жутких войн и Холокоста.*

Забывать пора?

Смертельный ад забыть непросто.

Кроме войн с их массовым истреблением людей Сысоев особо выделяет в XX веке 1985 год — год начала перестройки, приведшей в итоге к разрушению великого Советского Союза. Он делает важное социально-философское обобщение:

*Как часто изменение —
Предвестник разрушения.*

В рамках социально-философской проблематики центром притяжения мыслей и чувств автора выступает многострадальная Россия. Но тут я стою перед трудностью, с которой обычно сталкиваются рецензенты художественных произведений — кино, спектаклей, романов и повестей: из-за богатства заключенного в них содержания пересказать их совершенно невозможно. Чтобы вкратце изложить, например, содержание романа Льва Толстого «Анна Каренина», потребуется написать его заново. Поэтому и на этот раз лучше прочесть всё самому. Отмечу лишь, что к современному положению дел в России автор относится весьма критически. И на это у него есть веские основания:

*Немало видено, исхожено.
Вот почему и не восторжен я.*

Приведу некоторые его критические оценки происходящего в стране:

*В какое же болото мы залезли,
Уже который год Россия в бездне?*

Но это не безадресная сентенция: виновата прежде всего власть:

*Устали, что ни вождь, то новые реформы.
А где плоды? Иль что — реформы*

для проформы?

И еще:

*Всё сегодня против нас.
И причем не в первый раз.*

Главную причину происходящего Сысоев видит в социальном положении человека-грузеника:

*Для достижения цели человек лишь средство?
А думает ли государство о последствиях?*

В качестве масштаба для оценки происходящего у нас поэт берет универсальные социально-философские категории — справедливости, свободы, равенства. О роли справедливости общественного устройства жизни людей:

*Не силою крепка страна,
А справедливость сильна!*

Об экономической основе свободы:

*Любой бедняк разумен от природы.
Поспорь с ним: «Денег нет и нет свободы»!*

О противоречиях между общественной свободой и свободой личности:

*Как разрешишь загадку бытия,
Свобода есть, но несвободен я?*

Ответ коренится в сугубо формальном характере самой свободы:

*Свобода нынче — брань и клевета,
Что извергают грязные уста.*

О равенстве в целом и прежде всего о его связи со справедливостью:

*Нет справедливее страны,
Где пред законом все равны.*

О тотальном характере неравенства в стране:

*Нигде нет равенства — и даже на погосте,
Где монументы охраняют грешных кости.*

Но автор ратует не за равенство в бедности. Такое мы уже проходили:

*И я за равенство, чтоб так же тратить,
Как тратят те, кто при большой зарплате.*

От решения проблем справедливости, свободы и равенства зависит решение других, больших для нашей страны проблем: единства общества, дружбы между людьми и т.д. Например:

— *Пророк, единство будет ли в стране у нас?*
— *Нет! Очень велико неравенство среди вас.*

Помимо общей оценки положения в стране поэт дает критическую оценку и отдельных сфер общественной жизни: экономики, государственной власти, правовых, нравственных и других общественных отношений. Его волнуют конкретные проблемы — богатства и бедности, власти и народа, правды и лжи, добра и зла, чести и бесчестия и т.п. применительно к современной действительности. Им посвящено великое множество пронзительных и горьких двустиший.

Учитывая, что автор по образованию и опыту работы прежде всего юрист, особо следует прислушаться к его высказываниям

из правовой сферы.

О роли права как условия могущества страны:

*Когда б хотела вечной быть держава,
Она бы силу подчинила праву.*

Но реальность, к сожалению, иная:

*Подмяла сила право,
И нет на зло управы.*

О связи между соблюдением законов всеми и свободой каждого:

*Где нету уважения к законам,
Там вольность отдана в полон оковам.*

Скорей всего российской действительностью навеяно наблюдение о печальной зависимости законов от силы:

*Порой, увы, — законы служат сильным,
Чем больше сил, законы агрессивней.*

О судах и судьях. В частности об избирательности судебных дел в условиях резкого социального расслоения в стране:

*Конечно, надо бы судить орлов,
Да не достать их, судим воробьев.*

О необъективности в судах:

*Невинный за решеткою — суду позор.
Но и само собой, закону приговор.*

Автор не верит в объективность даже Верховного суда:

*Есть Высший суд — то Божий суд!
Верховный суд, не обессудь.*

О «неподкупности» судей:

*Судья, признаю, был не скромен,
Когда воздушный замок строил.*

Особняком стоит заключительный раздел книги: «Наивные вопросы». Строго говоря, такой раздел не подходит под общее название «Простые истины». С точки зрения логики истина выражается лишь в повествовательных предложениях. У вопросительных же — иная функция: запрашивать действительность о ком-либо или о чем-либо. Правда, у них есть исключение: это риторические вопросы. Будучи по форме вопросительными предложениями, они на самом деле выражают ту или иную истину, то есть в самом вопросе содержится ответ:

*Что ожидает власть, когда народ
Жить обречен среди невзгод?*

Ответ предполагается сам собой: ничего хорошего. Или:

*Ну чего вы, люди, ждете,
Если ложь у нас в почете?*

Автор не рассчитывает всерьез выяснять, чего именно народ ждет. И так ясно: тоже ничего хорошего.

К счастью, многие вопросы у Сысоева носят как раз риторический характер. Поэтому вполне уместна их квалификация как истин, а следовательно, правомерно включение в сборник об

истинах.

В заключение хочется обратить внимание на один исторический парадокс. Из истории человеческого духа известно, как много раз возникало противостояние мыслителя и правителя. К великому сожалению, нередко сила власти одерживала верх над силой духа.

Но историческая правда в конечном счете оставалась на стороне мыслителя, и он обретал бессмертие. Правителя же вспоминали лишь постольку, поскольку тот имел отношение к мыслителю.

А что теперь? Извлечен ли урок из прошлого? Ответ находим у поэта:

*Снова не ко времени
Мудрых точка зрения...*

Скажем прямо, голос самого поэта, по его собственным словам, «не очень громок». Но сила истины не в силе голоса, а в том, что она соответствует объективной действительности. Сам автор создал для этого запоминающийся образ:

*Мелка река иль глубока —
В ней отразились облака!*

В книге Сысова в меру его таланта, на наш взгляд, очень высокого, сконцентрирована современная мудрость, точно отражающая реальность. А значит из нее нельзя не делать серьезных выводов.

Наталья РОЖКОВА

ЧТИВО НЕ ДЛЯ ЭЛЕКТРИЧКИ

Презентация новых книг серии «Визитная карточка литератора», приложение к альманаху «Словесность»: Л.Д. Серова. Земная словесность. Стихи.; В.М. Глянц. Чтиво для электрички (1967–2009). Стихи, поэма, рассказы, отзыбы. М.: Вест-Консалтинг, 2011.

В Российском общественно-политическом центре состоялась презентация книг, вышедших в серии «Визитная карточка литератора». Первой представила свой сборник «Земная словесность» Государственный стипендиат в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России» орловская поэтесса Людмила Серова (Нестругина). Родилась она в городе Спас-Клепики (о котором напишет):

*Город с названием странным, смешным
С моим рождением связан.
Но слабой своей среди русских равнин
Есенину он обязан.*

Людмила Серова окончила факультет иностранных языков Московского пединститута, работает в Государственном музее Маяковского, и пишет стихи не одно десятилетие, 15 её сборников изданы в Орле, Туле, Москве, Шатуре. Творчество поэтессы отмечено поощрительными отзывами близких ей по духу поэтов: Владимира Соколова, Николая Старшинова, Валентина Берестова. При внешнем добродушии эти ушедшие от нас мастера слова отличались высокой требовательностью и не расточали похвал направо и налево, хотя их постоянно атаковали толпы начинающих разновозрастных стихотворцев.

Произведения, вошедшие в книгу, создавались в разные годы. Начало — «детство, войной прожжённое», далее — жизненный путь по нескончаемым просторам России, любовь, встречи, расставания, воспоминания, утраты... И вновь — Возвращение. К родному селу, «отеческим гробам», забытой песне, что «однажды ворвётся в постылый покой...».

Следующий герой вечера — представитель неофициальной культуры, автор известного исследования «Гоголь и апокалипсис» Владимир Глянц — познакомил нас со стихотворениями из сборника «Чтиво для электрички» (1967–2009). Книга открывается семистишием, написанным совсем в юном возрасте, но полностью характеризующем облик поэта:

*...Но голос обрести,
Но коты и хребет,
Но шерстью обрести,
Ломиться в чащу тигром,
Мустангом захрапеть...
Что бы потом иметь
Наклонность к тихим играм?..*

Стихи, вошедшие в книгу, являются ответом на этот вопрос. Лирический герой Владимира Глянца не утратил внутренней свободы, пройдя с «миской вчерашнего дождя», не разучившись «широко смотреть и видеть краски мира». Творчество поэта отличает совершенно иное звучание, нежели у Людмилы Серовой, но истоки его — также находятся в детстве. Если у поэтессы ранние годы пронизаны «светлой печалью», близкой в чём-то Николаю Рубцову, то у поэта свет детства окрашен мандельштамовским желтком, — предвестником беды. Здесь нет места никакому подражанию, ибо оба автора давно обрели, как сказал один из них, голос — свой собственный, неповторимый, у одного он звучит на фоне уставших от войн и несчастий русских равнин, у другого — агонизирующей советской системы. Герой одной пропагандистской пьесы до перестроечных времён говорит своему подчинённому: «Мне плевать, чем вы занимались в вашем поганом детстве!». А мы не согласны! Ибо ничто так не отражается на творчестве поэта, как начало его жизненного пути.

Интересен, в этом контексте, прочитанный на вечере фрагмент рассказа Владимира Глянца «Дыхание Чейн-Стокса», читатель остро переживает ощущения главного героя — школьника, которого принимают в пионеры в траурном зале музея Ленина, на сходную тему откликнулся небольшой миниатюрой прозаик Юрий Шапка. Обсуждение вылилось в жаркую дискуссию, что говорит об актуальности книг, выпускаемых в серии «Визитная карточка литератора».

Инна ВАСИЛЬЕВА

МАТ, ФОРЕЛЬ И СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЕЛЬ

Максим Жуков. ПОЭМА НОВОГОДНЯЯ МОЯ. Поэма. Серия Союза литераторов России «Визитная карточка литератора. М.: Вест-Консалтинг, 2010. — 64 с. Иллюстрации Кати Рубиной.

Классически правильная поэма требует сюжета. И в этом плане у автора всё обстоит традиционно: показан один предновогодний день, в котором происходят вполне реальные события. Лирический герой — поэт и прозаик, то есть писатель — не чуждый в своём творчестве обценной лексики, чувствуя себя даже в ней — «Чего уж там: я — ПРОФЕССИОНАЛ / по примененью лексики обценной! / (По мере сил — и в прозе, и в стихах...)» — делает попытку вступить в ряды известного писательского союза. Но этот день воспринимается лирическим героем с самого начала как неудачный, порождая мизантропическое состояние: «Стояли холода. Жена «свалила» в командировку»; «Любовница послала на три буквы»; «Толкаясь, обтекал меня народ... и сильно раздражал»; «платформу, чертыхаясь, пересек».

Все это вносит тревожную ноту, порождая у читателя смутное предположение, что предприятие может не задаться, хотя и вполне определённые знаки подавались герою свыше: в образе колючего снега, пьяной Снегурочки и синтетических елей. И ведь чувствовал, что не ко двору придётся «бывшему другу поэтов» и «лучшему врагу народа», а всё равно «припёрся на приёме». Но не ощутил наш лирический герой гармонии ни в чём, и самому-то было мутно с утра, а тут и интерьер и лица литчиновников отталкивали при первом же соприкосновении:

*Да все там было как-то вкривь и вкось:
шкафы и шторы, окна и полы,
а также два задумчивых мужчины,
угрюмо посмотревших на меня.*

Контрапунктом в поэме живут три определяющих для автора образа — русского мата, форели и синтетической ёлки. Двурущничающие, корыстные персонажи, литчиновник и прости-тутка, что примитивно матерятся, не чувствуя природу языка:

*...Председатель, видимо почуяв,
о чем сейчас пойдет, сгущая краски,
моя изобличительная речь,
поднялся и рассержено добавил
пассаж из слов пяти или шести,
который можно было бы причислить
свободно разве к уличному трёпу
косноязычных глупых малолеток,
что не смогли скамейку поделить
у типового грязного подвезда...*

*Так разошлась в момент Лена-Николь,
что показалось — прорвало плотину!
Во множестве своих глагольных форм,
во всем многообразии словесном
тяжелая, разнузданная брань,
переполняя вянущие уши,
потоком мне проникла прямо в мозг.*

Хотя на душе у лирического героя не становится легче, читатель получает удовольствие от ярких сатирических интонаций и почти физически ощущаемой образности:

*...Огромный, вязкий сгусток тишины
заполнил кабинет и, смачно чавкнув,
застыл как студень в воздухе кривом.*

И даже вполне обычный сутенёр неожиданно напоминает нашему герою старого знакомого — известного в литературном мире персонажа: «но — жизнь... литературные труды, а также культуртрегерство сплошное без передышки, многие года...». Впрочем, удручённое состояние героя после отказа в приёме в писательский союз, где требуется «писать, как скажут, мыслить, как велют, и, действия с властями согласуя, признание и статус обрести», не мешает ему наблюдать окружающую жизнь и даже любоваться ею, как бы получая подтверждение свыше, что нечего было и соваться Бог знает куда:

*«...заметил, что закончилась поэмка
и снег колючий свистать перестал»;
«На тротуарах праздничный народ»;
«Я словно очарованный промолвил:
— Офелия! О радость! Помяни
мои грехи в своих молитвах, нимфа».*

На протяжении всей поэмы автор размышляет о сути творчества, о писательском ремесле, сравнивая время поэтов-шестьдесятников, когда поэты собирали стадионы слушателей, со

временем нынешним.

*В начале девяностых интерес
к поэзии стал непрерывно падать,
и те, кто собирали стадионы,
концертным ограничивались залом —
и то, на тот момент, полупустым.*

Через все повествование напоминанием о приближающемся празднике проходит синтетическая ель, буквально преследующая лирического героя: «В витрине через улицу напротив светилась новогодними огнями густая синтетическая ель». А в конце поэмы, когда жена внезапно возвращается из командировки, чтобы, несмотря ни на что, всё-таки встретить Новый год с мужем, она аж из Будапешта привозит это ненатуральное новогоднее счастье:

*в коробочной картонной глубине,
угадывалась сложенная елка,
в прозрачной упаковке заводской.
— У нас же есть искусственная ель, —
заметил я, сарказма не скрывая..*

Но протест героя против подмены живого синтетикой не услышан вернувшейся супругой и «жена, осыпав золотым дождем густую синтетическую хвою, надела на верхушку тонкий шпиль». Именно синтетическая ёлка помогает нам окунуться вместе с лирическим героем в гушу не только «литературной», но и просто продажной жизни, а также и мало понятных семейных отношений: «Мы подошли друг к другу, обнялись и замерли на краткое мгновенье. И то не плохо».

Форель первый раз появляется в эпиграфе поэмы, и потом уже не оставляет автора в одиночестве, не как образ созерцательный, а как активный участник всего происходящего: «...А легкий стук в груди не прерывался, как будто рыба бьет хвостом об лёд...», «форель, как спринтер вырвалась вперед, всю душу мне хвостом перевернула и, словно камень, замерший в потоке, подпрыгнув, сердце боком обошла».

А в конце поэмы лирический герой находит только в ней, в форели, истинную опору, да форель уже и живёт в нём, побуждая к действию, к исполнению своего предназначения: «я верю, что лед разбить возможно для форели, когда она упорна. Вот и всё». Приглашаем читателя превозмочь свою возможную нелюбовь к большим поэтическим формам и прочитать произведение Максима Жукова «Поэма новогодняя моя», автора талантливого и не скучного. Поэму сопровождают остроумные иллюстрации замечательной художницы, известного прозаика и драматурга Кати Рубиной.

Игорь БУРДОНОВ

О СТИХОТВОРЕНИИ «ЭТА — СЛОВНО ЖИВАЯ — МГЛА...»

Фрагмент из книги-рецензии «Опыт деконструкции кистепёрой рыбы»

(О книге стихов Марии Панфиловой «КИСТЕПЁРАЯ РЫБА ЛЮБОВЬ», серия «Визитная карточка литератора», Союз литераторов России, изд-во «Вест-Консалтинг», М., 2010, предисловие В. Микушевича)

*Эта — словно живая — мгла
Навалилась лиловой тушей
На ростки ледяного стекла
Под ногами по краю лужи.*

*Острие моего копыя
Заржавелое и тупое...
С безнаказанностью Соловья
Я пою, воротясь из боя.*

Об этом стихотворении уже писал Владимир Микушевич, он даже озаглавил своё предисловие к книге «С безнаказанностью соловья...». А закончил так: Отсюда особая роль соловья в стихах Панфиловой. Соловей — озвученное время. Очарование его пенья даже не в разнообразии коленец, а в паузах, позволяющих дышать, М. Панфилова, кажется, говорит вместе с Блоком: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю», но приветствует она её не звоном цита, а особой нотой лирической беззащитности, «с безнаказанностью соловья».

Первый катрен стихотворения мне чего-то не нравится. Чего-то я в нём не пойму. Вроде бы всё правильно, но непонятно, зачем? О чём? Про что? И не кажется, что за описанием скрывается что-то иное, что обычно и делает стихи поэзией.

И потому такой контраст со вторым катреном. Я даже не понимаю, чем они связаны? И связаны ли вообще.

Итак, второй катрен. Тут, конечно, чувствуется: нужны ещё какие-то слова перед первой строкой, потому что она звучит как продолжение чего-то, или как ответ на что-то. Но, на мой взгляд, первый катрен служит плохим началом для такого продолжения и не задаёт вопроса, на который второй катрен отвечал бы. Бывают, конечно, проходные строки, но строки первого катрена слишком образны, чтобы быть проходными. Хотя... всё же нагнетается некое сумеречное настроение и вводится некое противопоставление «туши» и «ростков». Противопоставление, которое есть и во втором катрене.

Итак, второй катрен «в себе» и «для себя». Она/он (пока это

безразлично) бредёт, возвращается с боя, видимо, уставши, опустошённо, волоча за собой копьё с заржавелым и тупым остриём. И поёт. О чём поёт? И почему поёт? «Я пою, воротясь из боя». О чём может быть такая песня? О победе над врагами? Ну, нет, тогда бы остриё копья сверкало и было бы обагрено. О поражении? Тоже нет, тогда была бы печаль, досада или злость, а вовсе не «безнаказанность соловья». Хотя...

«Я пою, воротясь из боя» напоминает мне Пушкинское «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю». Только у Маши нет мрачности, скорее утомлённость (заржавелое, тупое — ну, точно, — волочится) и некоторая легкомысленность (безнаказанность соловья). Но точнее: «пою, воротясь из боя» — «упоение в бою». В этом созвучии одна мысль-чувство: нечто романтическое, бесстрашное, бесшабашное, безответственное, притягательное, страшно притягательное, страшное. Только направление движения разное: у Пушкина — вперёд, прямо, в бой, у Панфиловой — назад, обратное, возвращение... А что там дальше у Пушкина:

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!*

Перефразируем для нашего случая:

*Всё, чем любовь тебе грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!*

Вот из какого боя возвращается героиня стихотворения Маши, вот с какой войны она возвращается: с любовной войны. Тут действительно было бы неуместно сверкающее и обагрённое остриё копья (всё же героиня, а не герой).

Но почему заржавелое и тупое? Заржавелое — от неупотребления? Тупое, затупившееся или незаострённое? Похоже, эта война была затяжной. Можно перефразировать и так:

*Всё, чем поэзия грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!*

Война поэтическая, война с поэзией, в поэзии — это война с самим (само) собой. То же, что любовь...

Похоже всё же, что бой проигран. Бой, но не война. Да и вообще: наплевать! Ну, тупое копьё, ну, заржавелое, ну возвращается, отступает, устала, конечно. Плевать! Всё равно «пою, воротясь из боя». Наперекор. «С безнаказанностью соловья». Соловья любви? Скорее, соловья-разбойника. Безнаказанность соловья — безнаказанность любви? Поэзии безнаказанность? И всё же, почему «копьё»? Какой-то фаллический символ. Или

клиторический, если учесть, что из боя возвращается героиня, а не герой?* Тогда «заржавелое и тупое» означает сексуальную неудовлетворённость? Это, конечно, слишком физиологично, но всё же проясняет направленность деконструкции в поэтическом пространстве. Что-то не вышло, что-то пошло не так, не получилось, чего-то не хватает, некуда применить, недоиспользовано и т.д. и т.п., — а и ладно, всё равно, будь что будет, всё равно буду петь, и петь безнаказанно.

Или копьё — символ рыцарского турнира? Поэтического турнира, состязания поэтов. Копьё оказалось заржавелое и тупое — стихи обругали, высмеяли, обидели молчанием? Тогда понятны и «пою, воротясь из боя» — всё равно пою, чтоб вы там ни говорили, и «с безнаказанностью соловья» — пою, и буду петь, и ничего вы со мной не сделаете. И вообще: уберите свою лиловую тушу с моих ледяных ростков.

И опять: вот я нашёл такие строки из поэзии вагантов:

*Он мне сорочку снять помог,
корпоре детекта (обнажив тело),
и стал мне взламывать замок,
куспиде эректа (подняв копьё).
Вонзилось в жертву копьёцо,
бене венебатур! (хорошо поохотился)
И надо мной — его лицо:
лудус комплеатур!*

(Да свершится игра!)

И снова: она бредёт по пустынной, враждебной местности, волоча копьё, заржавелое и тупое, потому что затупилось в боях, но боях давних, далёких, и ей всё по фигу, и она поёт.

Не знаю, правда ли, что соловей — озвученное время, но в слове «соловья» точно слышится: песня, личная, интимная, любовная (*если мягкий знак заменить на твёрдый*) — «соло вь я», и отождествление себя со своей песней, своими стихами (*если мягкий знак опустить*) — «слово я».

* — В стихотворении ничего не указывает на пол того, от чьего имени оно поётся. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос: как же мы определяем, что это женщина? Ведь это так, даже если бы мы не знали, что автор стихотворения женщина.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА

Олеся БРУКС

**ФИДЕЛЬ — ОКЕАН — ХЭМИНГУЭЙ — МОХИТО...
КУБА — РАЙ!**

Куба... Ваши ассоциации?

По-моему, Куба — это — ром, сигары, океан, кокосы, мохито, Хемингуэй, Фидель, Че Гевара. Интересно, а какие они — кубинцы? На Кубе живут африканцы, испанцы, итальянцы, французы, китайцы, индейцы и те, кто получается в результате смешения этих кровей — мулаты и метисы. Все они, конечно, привнесли в кубинскую жизнь свою культуру, свои законы и ценности.

Бедность никогда не была здесь причиной несчастья, впрочем, как и богатство. Кубинцы живут, как в раю — солнце, океан, фрукты, музыка и, конечно, любовь. Деньги, скорее, — адское словечко, к раю оно не имеет никакого отношения! Кроме солнца кубинцев греет любовь и ром! Парочки целуются здесь на каждом шагу, а к вечеру, особенно в романтической обстановке, на берегу океана можно увидеть что-нибудь и более интимное. Еще со времён Испанской колонизации на Кубе уровень жизни был довольно низок и единственным общедоступным удовольствием был и остается секс. Кубинки славятся своим горячим темпераментом и отсутствием комплексов. Они просто рождены для секса, как птицы для полета!

В начале 90-х Фидель Кастро вынужден был открыто признать, что в стране всё-таки есть женщины, и они, несмотря на запрет партии, вступают в сексуальные связи с иностранцами. Таких женщин называют «хинетера», что по-испански значит «всадница». Но вот как отличить бедную иностранцу «хинетеру» от комсомолки, спортсменки и просто красавицы — об этом история умалчивает!

Конечно, любовь бывает и без рома, но здесь эти два зелья, кстати, разрешенные к употреблению, часто смешиваются. Иногда в безумный коктейль добавляют сахар для тех, кто любит послаще, лед и мяту. Мохито — придуманный Хемингуэем, большим любителем всех местных благ, не просто коктейль, это — настоящий посол «Острова свободы» во всем мире. Мохито можно выпить в любом баре во всех частях света.

Население земного шара кубинцы делят на своих, чужих и русских. Дело в том, что во времена социалистической

дружбы между нашими странами, многие кубинцы учились в СССР, до сих пор помнят русский язык и очень любят братский русский народ.

Отношение к Америке разделило кубинцев на 2 воюющих лагеря — одни боготворят Фиделя, а теперь Рауля, как бога, воспринимая продукты по талонам, как Манну небесную, а другие поклоняются дьявольской Америке и мечтают поселиться там, в аду. Говорят, что в толпе к туристам часто подходят люди в штатском, предлагая стандартный набор запыленных развлечений. За связь с райской птичкой можно отделаться легким испугом, а вот за наркотики — остаться в раю до конца своих дней. В настоящее время в кубинских тюрьмах находятся и граждане России.

В общем, со своими правилами в чужой монастырь не ходят, и у «Рая» есть свои законы. С точки зрения технического прогресса мы уходим все дальше от самих себя и от матушки-природы. А Куба возвращает нас к себе. Может быть, поэтому сюда безумно хочется вернуться?

Застрявшие во времени

Куба — страна уникальная, и передвигаться по ней можно тоже достаточно нетривиальными способами. Самый простой, но не всегда самый комфортный вариант — поднять руку и поймать настоящего ретромонстра, они достались Кубе в наследство от все еще загнивающего капитализма: Шевроле, Форды, Бьюики, Кадилаки, Доджи, Жуки, Рено, Фиаты и многие другие. Всем им давно «за полтинник». Эпоха строящегося социализма оставила Кубе на память наши родные «копейки», «шестерки», «нивы», «победы», «уазики» и «камазы». Кажется, что после 13 часов полета улетел лет на 40 назад, как минимум.

Когда мир долгие годы находился в состоянии холодной войны, на Кубе происходило слияние капиталистических и социалистических ингредиентов — американские машины ремонтировались с помощью советских запчастей. Поэтому каждый кубинский водитель — настоящий инженерный гений: некоторые экземпляры авто не просто «на ходу», а находятся в таком потрясающем состоянии, что их можно смело выставлять на аукционе Сотбис. Машина для кубинца — больше, чем предмет гордости и средство передвижения, это источник дохода, настоящий кормилец и член семьи. Машины холят и лелеют, как любимое дитя, передавая из поколения в поколение, так что Кадилаки и «копейки» еще долго будут радовать глаз туристов. А если вас потрянет на подлинную автомобильную древность, добро пожаловать в Музей автомобилей неподалеку от набереж-

ной в Старой Гаване: здесь представлены настоящие дедушки автопрома! Еще один способ передвижения — так называемый коко-такси — трехколесный желтый мотороллер. Правда, сидения в нем жестковаты, можно растряссти по дороге пару килограмм. А если Вам попадется водители-спиди-гонщик, то добраться до места назначения без приключений будет большой удачей. «Кокосы» развивают достаточно большую скорость, а вот о безопасности пассажиров пока никто не позаботился. Более спокойный вариант передвижения — велорикши, двухместные велосипедные повозки. На таком такси хорошо «побродить» по улочкам Старой Гаваны, но на дальние расстояния отправляться не стоит.

В стране победившего социализма для передвижения активно эксплуатируют труд не только людей, но и животных. Лошади — полноправные участники уличного движения. Повозка всегда едет по центру полосы, и никто из автомобилистов не библикает в свои ретро-клаксоны. Кроме лошадей кубинцы передвигаются на «samello», автобусе, чем-то напоминающем верблюда. Это уникальное нежно-розовое сооружение на колесах с двумя «горбами», способно перевезти одновременно около 300 человек. Правда, ходят они без расписания, в час-пик забиты до отказа, и войти в автобус бывает очень трудно, пользуются большой популярностью у туристов-экстремалов.

Велосипед — самый распространенный транспорт на Кубе — недорогой и экологически чистый!

Вкусы, цвета, запахи и звуки на память

Время в «Раю» течет незаметно, и рано или поздно наступит момент расставания с прекрасным островом. Что же будет напоминать нам в холодные зимние вечера о солнечном рае? Ведь из каждого путешествия хочется привезти что-то такое, чего больше нигде нет! Визитная карточка Кубы — ром и сигары. В стране производится множество сортов рома, которые градируются в зависимости от выдержки и качества. Самая знаменитая марка кубинского рома «Havana Club». Существует три его разновидности: «Carga Oso» (золотой), «Carga Blanca» (белый) и «Anejo» (старый). Конечно, трудно спорить обо всем, что касается вкуса, но многие кубинцы и наши продвинутые соотечественники знают, что есть и другой ром. Менее известный, но не менее вкусный и качественный. Название «Santiago de Cuba» пошло от имени апостола Святого Иакова — покровителя Испании и Кубы. Его именем назван обладатель лучших плантаций сахарного тростника, второй по величине го-

род острова — Сантьяго-де-Куба. В его провинции на заводе, основанном в 1862 году и принадлежавшем до революции дону Факундо Бакарди, и производится ром «Santiago de Cuba».

Если изготовить ром своими силами кубинцы даже не пытаются, то ситуация с сигарами выглядит совсем по-другому. Не стоит покупать их на улице, чтобы не столкнуться с дешевой подделкой. Лучше приобрести сигары в магазине и убедиться, что на коробке есть марка «Hecho in Cuba totalmente a mano» (сделано на Кубе, ручная работа), официальная государственная печать и белая лента с надписью красного цвета «Habanos».

Туристы, а особенно туристки могут часами бродить по кубинским рынкам, где цены заметно ниже, чем в магазинах, а выбор гораздо больше, да еще здесь можно торговаться! Ожерелья, кольца, браслеты, серьги из черного коралла и панциря черепахи, серебра и камня, дерева и семечек, бамбука и даже листьев банана — полет фантазии местных умельцев поистине не знает границ. Голь на выдумки хитра! Кстати, особым спросом у женской целевой аудитории пользуются вязаные платья и кофты. Правда, относительно безопасно в них можно разве что добежать из номера до пляжа, потому, что на самом деле платья как будто бы и нет, одни дырки.

Горячим сирокко веет от африканских масок, деревянных фигурок и скульптур, искусно вырезанных из розового дерева и кедра. Как правило, это женские силуэты с модельными формами, впрочем, как и музы ваятелей вокруг. Мужчины не покидают остров без футболок с мужественным профилем Че, как правило, в классическом сочетании черного с красным. Менее революционный вариант — традиционная кубинская рубашка «гуяберуа». Похоже, мы называем ее гавайская — такая же яркая и разноцветная, как все вокруг.

Для любителей оригинальных подарков есть на Кубе уникальное орудие — мачете для рубки сахарного тростника. Правда, его придется сдать в багаж.

Настоящее раздолье здесь для любителей музыки, можно приобрести конечный продукт — компакт-диск, а можно создать целый оркестр из уникальных местных инструментов — бонго, гуиро, маракасов и барабанов тумбадора, на которых играют руками.

На рынке Ферия де-Такон возле крепости Реаль-Фуэрса можно увидеть работы талантливых молодых художников, однако, чтобы вывезти их за границу, требуются соответствующие документы. Так же при покупке изделий из кожи крокодилов, необходимо получить лицензию на вы-

воз. Чтобы наполнить настоящим кубинским ароматом каждое утро, стоит увезти с собой кофе. Здесь нас никто не ограничивает! Вези, сколько хочешь! Самые известные сорта: Cubita, Turquino и Arabica Segano Washed. Конечно, кофе в зернах намного вкуснее молотого. С Кубы можно привезти вкусы, цвета, запахи, звуки, но все это вместе есть только здесь!

Гавана старика Хэма

Гавана — заколдованное место, она еще долго будет вам снится, и вы обязательно сюда вернетесь. Как возвращался Хемингуэй. «Я чувствую себя здесь как дома, а если кто-нибудь чувствует себя так не там, где родился, а в другом месте — это место, где ему суждено остаться». И он остался. 12 лет великий писатель останавливался в одном и том же номере 511 отеля «Ambos Mundos», в котором бережно хранятся его вещи, которые, как известно, могут сказать очень многое о своем владельце. Это рыболовецкие снасти, огромного размера сапоги, военная форма, довольно узкая кровать, совсем непохожая на брачное ложе, множество фотографий на стенах. И в центре — на высоком столике пишущая машинка. Рядом — несколько исписанных листков. Известно, что после контузии Хемингуэю было трудно сидеть — он писал лежа в кровати, а потом перепечатывал тексты стоя. Это были осколки первой мировой, из тела писателя их извлекли 227, а те, что остались в душе превратились в бессмертные произведения.

Главное достоинство небольшой комнаты — вид из окон, окна в силу архитектурной особенности здания, образуют эркер, похожий на нос корабля, устремленный вперед, на встречу всем ветрам. «Комнаты с северо-восточного угла гостиницы «Амбос Мундос» в Гаване, писал Хемингуэй в «Esquíre» в 1943 году, — выходят на север, на старый собор, вход в гавань и море, а на востоке — на мыс Касабланка, крыши всех домов, расположенных между, и просторы залива». Вдохновение, как известно, не продается, но такой же вид из окна можно купить за 59 долларов в сутки.

В холле отеля царит какая-то особая атмосфера, возможно, та самая, которой когда-то проникся и Хемингуэй. Огромные распахнутые настежь окна, такое же сливающееся с улицей пространство, как и в номере 511... Высоченные потолки, дающие ощущение незамкнутого пространства... Черный рояль прямо у входа, и музыка, наполняющая и дополняющая это огромное, свободное пространство обрывками воспоминаний и предвкушением чего-то еще неизведанного. Оазис полутемного зала, захваченный солн-

цем в плен, освежающий ветер с океана... Свободные высокие стулья в баре и обжигающий ледяной мохито, дарящий в знойный полдень вожделенную прохладу и забвение. Конечно, не сразу. Порой, папе Хэму приходилось их выпить 12, чтобы, наконец, забыться.

Как известно, человек в состоянии легкой эйфории не может усидеть на одном месте. Его тянет на подвиги, ну или хотя бы в соседний бар, сменить обстановку и пообщаться с новыми персонажами своих будущих книг. В баре «Флоридита», расположенном всего в двух шагах от отеля, Хемингуэй встретился с Честной Лилиан, проституткой, ставшей персонажем одной из его книг. Сейчас «Флоридита» — один из самых знаменитых баров в мире, колыбель «дайкири», еще здесь делают «Хемингуэй спешал» — огнеопасную смесь дайкири без сахара и двойной порции рома. Одно из мест за стойкой бара занято навсегда — здесь установили бронзовую фигуру писателя, естественно, в натуральную величину. Теперь у каждого желающего есть возможность чокнуться со знаменитым писателем. В знак уважения ему ежедневно наливают его любимый дайкири.

Еще одно культовое место, связанное с именем Хемингуэя — ресторан «Бодегита-дель-Медео» («Bodeguita del Medio»), расположенный на улице Empedrado. Здесь любили ужинать Фидель Кастро, Пабло Неруда, Габриэль Гарсиа Маркес. Именно здесь Хемингуэй придумал коктейль «мохито». Стены бара покрыты граффити и автографами.

Бары можно посещать в любом порядке, главное, не перепутать — в «Бодегите» принято пить мохито, во «Флоридите» — дайкири.

В 1954 году, получив Нобелевскую премию, Хемингуэй купил поместье Финка-Вигия (Finca Vigia), что значит «Обзорный пункт», площадью 8 га с колониальной усадьбой, которая возвышается на холме в деревушке Сан-Франсиско-де-Паула, в 12 км к юго-востоку от Гаваны. Хемингуэй прожил здесь более 20 лет, уезжая и возвращаясь. Это и был его самый настоящий дом. «Это место, куда приятно возвращаться отовсюду, где бы ты ни находился», — говорил писатель. Дом и сейчас не похож на музей. Все вещи на своих местах — 9 000 книг, охотничьи трофеи, сувениры со всего света, проигрыватель, картины Пикассо, невоскрытые письма, недопитое вино... Кажется, что Хемингуэй просто ненадолго уехал, и дом все еще ждет своего хозяина. Исчезли только кошки, которых здесь было больше 50.

Если Вы все-таки еще не решили, стоит ли ехать на Кубу — почитайте Хемингуэя...

Максим ЖУКОВ

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

Москва — Евпатория

Оттрохотал ХХ век над городком неприхотливым,
Где человека человек нет-нет, да и пошлет за пивом.

Периферийная среда и быт с унылым постоянством;
Я помню времечко, когда я на проспекте жил Рязанском,

Что тоже было — не фонтан: ларьки, торгующие водкой,
И приходящих пара дам — с Марксисткой и Петрозаводской.

Я стал по гаупости женат; потом развелся «с этой коброй»;
И был, конечно, ебанат, но ебанат простой и добрый.

Но, чу! Московская звезда сменилась солнцем над заливом;
Я сам не знаю — как, когда, но вот я здесь... иду за пивом.

Принес — и ослабел, и лег... Да, пиво — яд! Не в том ли искус,
Чтоб человек напиться мог и бегал за угол в гибискус? —

Где лежаки на пляже в ряд, где пахнет коркою арбузной;
Где мне привиделся закат над Удальцова с Профсоюзной.

Игорь КОГАН

КАК ЖЕ БЕЗ РАБИНОВИЧА

В Иерусалимской русской библиотеке в рамках проекта «Русский мир» состоялся творческий вечер московского гостя, члена Союза литераторов России Иосифа Рабиновича

Представил гостя Игорь Коган, его старинный приятель и однокурсник, оба заканчивали московский физтех.

Рабинович много успел за свою жизнь. Кроме работы по специальности — проектирования больших компьютерных систем — поучаствовал в первых КВН, работал журналистом, писал стихи и прозу, успел даже побыть руководителем студенческой научной лаборатории Натана Щаранского.

Присутствовавшие с интересом выслушали рассказы Рабиновича о КВН, где ему довелось «скрестить шпаги» с молодым Григорием Гориним и выступать в паре с совсем еще

юным Александром Филиппенко.

Кстати, было все это еще в «домасляковскую эпоху».

История поисков легендарного парохода «Челюскин», погружения в холодные воды Чукотского моря и находок, украшающих нынче музейные стены, вызвала неподдельный интерес у собравшихся.

Довелось нашему гостю участвовать и в исследованиях, посвященных полярным конвоям из Великобритании в СССР в годы Второй мировой войны, исследованиях как архивных, так и подводных.

В преддверии 65-й годовщины Победы над фашизмом напоминание о том, как воевали наши деды, всеми было принято близко к сердцу.

Еврейскому народу есть чем гордиться. История навеки сохранила имена героев-моряков, таких, как Израиль Фисанович, погибший в 1945-м, дожившие до Победы Вулф Коновалов и Самуил Богород и ныне здравствующий, разменявший десятый десяток (!) и продолжающий активно работать капитан первого ранга в отставке Анатолий Лифшиц.

А потом были стихи — стихи самые разные, грустные и озорные, лирические и гражданские, грубоватые и исполненные нежности.

Возможно, в них не было новомодных приемов, когда желание «непохожести» превалирует над чувствами и образами. В них как раз были чувства и образы, и любовь к женщине, и любовь к стране, в которой вырос — к России, и щемящее чувство нежности к древней земле своих предков — этой теме был посвящен отдельный цикл.

В юморесках сквозила закваска старого кавээнщика, а любовная лирика была полна ласки при полном отсутствии слащавости.

Стихи и проза нашего гостя собраны в четыре авторских сборника и разбросаны по многочисленным журналам.

На вечер пришли не только иерусалимцы, но и гости из Москвы.

Как всегда, не обошлось без подарков.

Директор библиотеки преподнес гостю несколько книг о современном Иерусалиме, а Иосиф Рабинович подарил библиотеке свои книги и диск с песнями, написанными на его стихи, а также комплект альманаха «Словесность» (пять томов), издаваемого Союзом литераторов РФ при его участии.

(«Вести». Иерусалим).

Сергей ШЕЛОВ

ПОЕЗДКА К ЧИНГИСХАНУ

Москва — Улан-Батор — Москва

Январь. Самый холодный месяц в Монголии. Аэропорт имени Чингисхана в низине, вокруг сиреневатые от холода рериховские силуэты невысоких гор...

Звучание монгольской речи подавляет: ни одного знакомого слова, не только для русского уха, но даже для «среднеевропейского» при агрессивной твердости согласных, которые редко-редко «смягчаются» в конце слов.

Еще смягчает чужеродность языковой среды дорогая сердцу кириллица. Однако судьба введенной в 1944 г. кириллицы не столь уж незыблема: в стране набирает обороты кампания по возвращению старомонгольской письменности (красивой загадочной вязи, которая к тому же идет сверху вниз и справа налево).

А вот, как узнал позже, песни — протяжные, с совершенно понятной мелодией, которую русскому нетрудно напеть, это вряд ли изменишь...

Дорога от единственного аэропорта до столицы скверная, узковатая для потока иномарок, с асфальтовыми заплатками, часто перегруженная, с пробками на светофорах. При въезде в город и далее многое похоже на первопрестольную: такая же эклектика, довольно много пяти- и девятиэтажек, иногда обшарпанных, кое-где разбавленных поблескивающими затемненными стеклами и бетоном высоток неизвестных сомнительных спонсоров. Иногда обращают на себя внимание надписи на русском, которых, говорят, раньше было больше.

Совсем новое впечатление — от редких, но все же иногда встречающихся пожилых прохожих в национальных «делях» — теплых длинных халатах на меху, перепоясанных широким ярким (желтым или зеленым, кажется, шелковым) поясом. На ногах в этих случаях — что-то вроде наших валенок; «этностиль» предполагает и заостренную сверху шапку вроде нашей буденовки, но иногда еще острее и вытянутее.

Перехожу к официальной части, но все же с личными впечатлениями...

Я приехал в Монгольский университет науки и технологий. Сам университет, хотя и не первый по официальному рангу, большой, а по числу студентов — самый большой в Монголии, более 30 000 человек, причем вечернего и заочного образования нет, все очники.

Главное здание университета расположено в двух шагах от центральной площади. Меня пригласили на конференцию в Институт прикладной лингвистики в связи с его двадцатилетием. Название Института для меня было лестным: ведь я выпускник отделения Филфака МГУ, которое называлось кафедрой структурной и прикладной лингвистики, ныне — теоретической и прикладной.

Однако институт при ближайшем рассмотрении оказался скорее факультетом иностранных языков, что некоторые и в России считают правильным: почему бы преподавание иностранных языков ни включать в прикладную лингвистику: ведь к языку «прикладывают» себя и студенты, и профессора...

Прогулявшись от Университета в направлении противоположном центру, ахнул: на расстоянии около полутора километров насчитал полтора десятка пиццерий, пивных баров, ресторанов — корейский, китайский, японский, «настоящий монгольский», венский и т.д. В среднем одно заведение на сто метров. Хорошо было бы высшее образование в России при таком-то расположении... а вот монгольским студентам все нипочем, и пьяных-то толком не видел, впрочем, по слухам, которым веришь, в Монголии и наркомании-то почти что нет.

Пока еще многие здесь говорят (и еще больше понимают) по-русски, но это люди старше пятидесяти, среди молодежи таких куда меньше. Там — кто ориентируется на английский, кто — на китайский, кто — на корейский (многие молодые люди находят работу в южной Корее, где за ту же работу платят раза в три больше, чем в Монголии).

Эта же картина и в Институте: кафедра русского, кафедра английского, китайского, корейского, японского. Интересно, что значительная часть нынешних преподавателей и профессоров английского языка — бывшие учителя русского, думаю, что и русский многие знают все еще лучше английского, так как практики больше.

Русский язык и русская культура еще в большом почете, но как-то медленно, но неизменно отодвигаются на задний план, и преподаватели-руссисты мне жаловались, что русский уже и не на втором месте даже, а где-то на четвертом-пятом по популярности у молодежи, а там, не дай бог, и организационно-финансовые выводы последуют...

По моим наблюдениям, в ресторанной и поп-культуре российские шлягеры Киркорова, Распутиной, Пугачевой весьма почитаемы.

Впрочем, интереснее впечатляющая культура борьбы

с холодом. Она запоминается материалами (шерсть не только овечья, но еще верблюжья и шерсть яка, причем последняя, кажется, самая дорогая), одеждой и юртами. Юрту изнутри увидеть не удалось, а снаружи сама «архитектура» очень органична для монголов — такая же земная и коренастая (монголы очень гордятся тем, что они сейчас чемпионы мира по сумо).

Говорят, что выложенная изнутри коврами, традиционная юрта совершенно недоступна холоду. Средняя величина радиуса юрты — 3.5 метра, вспоминая школьный ликбез в виде «площадь круга = числу «пи» помноженному на радиус в квадрате», получаем, что средняя площадь юрты составляет 3.14×12.25 , то бишь, примерно 38 квадратных метров на семью (бывают, конечно, юрты значительно большего размера).

Говорят, что некоторые улан-баторцы до сих пор, даже получая городскую квартиру в многоэтажном доме, устанавливают юрту и, что еще круче, начинают ее топить, предварительно организовав длинный дымоход через все этажи... Но это, как говорится, нетипичные случаи.

Впрочем, приверженность юрте, соединенная с катастрофической нехваткой городского жилья, дает вполне серьезный социальный эффект — смог в городе.

Пару первых дней моего визита никак не мог понять, откуда это зимой, в большом городе, к вечеру возникает несильный, но устойчивый запах гари, который стоит всю ночь и расходуется только часов в 10-11 утра.

Ответ ошеломил: причина — топка юрт. Господи, сколько же юрт в Улан-Баторе, если по всему городу распространяется такой запах? И опять «облом» — да, кто его знает, но больше половины населения живет в юртах. Ну да, в Улан-Баторе 1.200.000 человек, стало быть, больше 600.000 обитают в юртах, отапливаемых углем, иногда высушенным навозом, иногда дровами. Тогда, конечно, есть чему благоухать... Разумеется, летом ничего подобного нет.

Производит впечатление и пища. Простая и незатейливая, она скорее противоположна изысканности и избретательности французских, итальянских или китайских блюд, но сытная, и, я бы сказал, радикально функциональная, что особенно важно зимой.

В ее основе три простых правила — свежее мясо, соединимость небольшого числа компонентов с любыми другими и... простота.

Первое, что я попробовал в Монголии, был суп следующего рецепта: крутой мясной бульон, несколько колец репчатого лука, немножко порезанных перьев зеленого

лука, сухарики и... все! Горячо, наваристо и хорошо до жути! Мечта холостяка!

Зимой мясо едят и в обед, и на ужин, а иногда и на завтрак.

Конечно, надо упомянуть бузы (их знают и в Китае) — фактически пельмени, только раз в семь больше заботливо вылепленных маленьких сибирских собратьев, да и без смешения сортов мяса — только баранина. Бузы, кстати сказать, обязательно все готовят на Новый монгольский год (он иногда совпадает с китайским, а иногда — нет).

Запомнилось и типичное монгольское питье: собственный чай — зеленый чай (который, кстати сказать, монголы уже многие годы закупают в Грузии) с молоком и солью. Когда узнал, подумалось — «ну и пошло». А вот, оказалось, от напитка цвета слоновой кости вкусно, сытно и уютно.

Если Вам скажут, что в Улан-Баторе не на что посмотреть, не верьте. Обязательно зайдите в местную картинную галерею на Туристической улице в центре города. И почувствуете время гуннов (хуннов), длинную и тонкую средневековую паутину взаимоотношений и борьбы с Китаем, мощный и жуткий зигзаг коммунистической истории.

А потом потолкайтесь на той же Туристической, непременно заходя в антикварные лавки, из которых я лично вывез старый-старый, чуть помятый донб — традиционный медный сосуд для заваривания чая, перехваченный латунными кольцами (как им пользоваться, не знаю).

Еще уезжая в Монголию, испытывал непонятное и малооправданное теплое чувство к этой стране. Наверное, потому, что я родом с Арбата, а посольство и консульство Монголии на Арбате, в Старопесковском переулке, и мне эти места многое говорят.

Приехав из Монголии в Москву, подумал: хорошо бы еще раз сходить на Арбат за визой.

СОБЫТИЯ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ

ПИСЬМА СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ К НИМ

Нина ДАВЫДОВА, Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

РЕЙДЕРСКИЙ ЗАХВАТ НАШЕГО ПОМЕЩЕНИЯ, ИЛИ: БОЯРЕ, А МЫ К ВАМ ПРИШЛИ, ИЛИ: МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

(продолжение, начало в альманахе «Словесность 2010», стр. 24; продолжение в альманахе «Словесность 2011», стр. 140)

* * *

Увы, у нас снова продолжение публикаций на эту тему. Росимущество с многолетним постоянством «продолжало подыскивать» нам помещение и в течение всего 2011г. И делало это столь «успешно», что мы вынуждены были обратиться с открытым письмом к члену Президентского совета по культуре, письмо было опубликовано в «Литературной газете» 21.09.2011:

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕЕЗДА Открытое письмо члену Президентского совета по культуре Ю.М. Полякову Из портфеля главного редактора ЛГ

«Уважаемый Юрий Михайлович!

Первый раз Союз литераторов России обращается к Вам как к члену Президентского совета по культуре с просьбой помочь в труднейшей ситуации. Сначала немного истории: в декабре 1992 года согласно постановлению правительства России №266 «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации» наша творческая организация получила 266 кв. м. (такое удивительное «цифровое» совпадение!) нежилых помещений по Суцеской ул. дом 8-12, в минуте ходьбы от метро Новослободская, заключив договор с Госкомимуществом. Нашим соседом в здании оказалась весьма влиятельная организация «Росконтракт», и ей приглянулись выделенные нам помещения, да и московская недвижимость в середине «лихих» 90-х стала стремительно расти в цене, да и кому нужна стала эта обременительная культура! **Росконтракт** захлопывает входные двери перед литераторами, подаёт на них в Арбитражный суд и... **проигрывает процесс**. Какой красивый финал мог бы быть у этой истории... Но росконтрактовцы рассудили иначе: раз есть сила, то больше ничего и не надо. И не пустили больше литераторов в их законное помещение даже с судебными исполнителями и милицией, а

всё здание через некоторое время и вовсе **продали: с судебным обременением, с имуществом литераторов в виде библиотеки, документов, оргтехники...**

Чудеса? Чудеса! А что же Госкомимущество (ныне Росимущество)? А ничего: их, как они нам написали, на эту территорию вообще не пускают. Правда, **предложили** нам **это зловещее помещение обменять на равноценное** (не на танках же туда проникать, да их, танков, ни у нас, ни у Рос(Гос)имущества нет).

Начались смотрины: на протяжении лет, всен, зим и в осенние периоды нам что-нибудь хорошее в центре рядом с метро предложат, мы письменно согласимся — и что же? Тут же появляются непреодолимые обстоятельства, и всегда сценарий один и тот же: знаете ли, ну совершенно неожиданно иная организация вам дорогу перебежала, но мы другое помещение для вас подыщем. И ищут, и находят, и снова ищут — Москва всё-таки, **поиск может быть и бесконечным.**

А в этом году предложили помещение не так далеко от Кремля, в Газетном переулке, дом 3-5. Мы опять обрадовались, опять **письменно согласились**, спешили, ведь история этого домовладения напрямую связана с литературой, проходили здесь знаменитые «Никитинские субботники», и вот теперь мы, литераторы, культурную традицию продолжаем... Почти через два месяца, то есть уже с нарушением, нам сообщают из Росимущества, что «Территориальное управление Росимущества в г. Москве (далее ТУ) рассмотрело обращения Общероссийской общественной организации «Союз Литераторов РФ» (далее Союз) от 08.06.11. № 1/ТУР-1 и 07.07.11. №2/ТУР-11 по вопросу **размещения Союза на условиях безвозмездного пользования в помещениях здания по адресу: г. Москва, Газетный пер. д. 3-5, стр.1, закрепленных на праве хозяйственного ведения за ФГУП «ФТ-Центр» свободных от прав третьих лиц, и сообщает. В настоящее время в соответствии с поручением Росимущества от 05.08.11. № ПП-18/23330 указанные помещения рассматриваются под размещение Росприроднадзора в связи с чем размещение Союза в них не представляется возможным. Одновременно ТУ предлагает рассмотреть в качестве возможного варианта размещения Союза в помещениях в здании по адресу: г. Москва, ул. Бутлерова д. 17Б, закрепленное на праве хозяйственного ведения за ФГУП «ФТ-«Центр».**

Ситуация просто — хоть стой, хоть падай! И зачем Росприроднадзору давать помещения почти на Тверской, в загазованном центре, их бы в лесопарковую зону направить, в заповедник какой-нибудь природный, они же по роду деятельности должны надирать над природой, им же «Никитинские субботники» не по профилю?! А для нас предложение с улицы Бутлерова

ва можно воспринимать как прямое издевательство: это чрезвычайно неравноценная замена: посмотрели бы по карте, прежде чем предлагать — где Сушэвка, а где, ближе к МКАД, Бул-лерова.

В нашем альманахе «Словесность 2011», посвящённом 20-летию Союза литераторов России, мы напечатали статью «Рейдерский захват нашего помещения или, бояре, а мы к вам пришли», где приводится список организаций, размещённых в настоящее время в предлагаемых нам первоначально адресах:

- 1) Цветной бульвар, 25, стр. 5. Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору.
- 2) Солянка, 7. Аудит. фирма «АУДИТ — СТАТУС КВО».
- 3) Никольская, 7-9. Здесь сейчас находится магазин.
- 4) Верх. Красносельская., 15а. ЦАО ОГИБДА УВД МОТОТРЭР (отделение № 5).
- 5) Школьная, 47: 8 организаций, магазины и сервисные центры.

6) Б. Харитоньевский пер., 21 — одна из жемчужин культурного наследия России «Палаты бояр Волковых, дворец Юсупова», памятник истории и культуры XVII—XIX веков. Помещение продано строительной организации БАМО ООО, выполнение проектных работ; строительно-монтажные работы, Internet:www.bamo.ru.

7) Фурманский пер., 18, стр.1. Размещён медцентр БЕМТА.

8) Сушэвская, 8-12: «Бизнес-Партнер»; Риэлти-Город: Офис «Новослободский; Союз-Аренда, Агентства недвижимости, Аренда квартир и офисов, Элитная недвижимость.

Как видим, среди вышеперечисленных, «избранных» организаций нет ни одной организации культуры.

15 лет мы ведём настоящую борьбу с чиновниками за возвращение отнятого у нас помещения или предоставления равноценной замены. За эти годы помощь оказывали нам братья-журналисты: не один раз пробовал помочь Александр Гордон в программе «Частный случай», Александр Ухов во «Времечке»: прошло несколько сюжетов, включая знаменитый «Пикет Молчания» перед головным офисом Росконтракта в Орликовом переулке; сразу после последнего телесюжета Тамара Грум-Гржимайло, обыгрывая заклеенные скотчем рты литераторов, опубликовала в «Литературной газете» заметку «Пикетизмы мастеров словесности» под рубрикой «Хотим жить по-сушевски!», Дмитрий Курилов напечатал в Литгазете фельетон «Подпольщики поневоле. Сказка о хитрых литераторах и невозмутимом Госнабе». Но, как видим, всё равно ничего не меняется, даже сценарий не претерпевает никаких изменений, из чего можно сделать вывод, что он одобрен в самых высших инстанциях и абсолютно безопасен и предпочтителен для чиновника. Так не выдвинуть ли придумавших

и применяющих его на самую высокую награду, мы должны знать своих героев, защищающих наше общество от проникновения в него деятелей культуры.

А мы, в свою очередь, благодарны Министерству культуры, напавшему в 2010 году в Росимуущество письмо в поддержку нашей организации: «Учитывая социальную значимость деятельности Союза литераторов России, его активную позицию, способствующую сближению мировых национальных культур, Минкультуры России обратилось в Росимуущество с просьбой найти возможные пути решения проблемы размещения офиса организации на условиях безвозмездного пользования».

Просим Вас, Юрий Михайлович, восстановить справедливость и помочь вернуть отнятое у нас помещение».

* * *

Как видите, среди перечисленных в открытом письме «избранных» организаций **нет ни одной организации культуры**.

Однако, все они получили свои помещения **из резервного фонда Правительства, предназначенного для организаций культуры**. Из тех самых 10% нежилых площадей упразднённых СССР-овских «контор», которые при реформации скажем, как в нашем случае, ГОССНАБа — в ФКК АО «Росконтракт» были переданы государству (согласно Постановления правительства России №266 «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации»). Но нашему Союзу литераторов они «передаются» уже более 15 лет по хорошо отработанной методике «Молчания ягнят», когда на время прервавшие переписку исполнители вдруг находят полезную себе организацию для вселения в казалось бы уже «наши помещения», а нам под тем или иным предлогом отказывают. В последний — 9-й раз!!! (см. открытое письмо) предлога не оказалось.

Территориальное управление Росимуущества в г. Москве, после получения нашего согласия от 08.06.11., и напоминания о нем от 07.07.11 (ровно через месяц «молчания ягнят-исполнителей» из Теруправления) отправляет нам ответ, в котором, поименовав наше согласие — обращением сообщает, что в соответствии с (новым!!!) поручением Росимуущества от 05.08.11. № ПП-18/23330 указанные помещения (т.е. те, на которые Союз литераторов дал согласие) «...рассматриваются под размещение Росприроднадзора в связи с чем размещение Союза в них не представляется возможным».

Но старое-то поручение Росимуущества от 11.04.11 «О размещении Союза литераторов РФ» не отменено!!! (Во всяком случае, нам об этом ничего не сообщили). Более того, полный текст этого поручения опубликован в «Словесности 2011» на

142 стр. Распоряжение Росимущества подписано С.И. Максимовым в апреле — «Словесность 2011» вышла в мае. За это время у ягнят явно прорезались зубы. Во всяком случае, в их игре, строящейся на подмене смыслов, когда наше согласие вдруг именуется как обращение, мы разобрались. Мы не переставали писать гневные письма. Вот фрагмент еще одного письма

МИНИСТРУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ Э.С. НАБИУЛЛИНОЙ

исх.№2/НЭС-11
от 08.09.2011

«Уважаемая Эльвира Сахипзадовна, вынуждены снова обращаться к Вам, так как наш вопрос — о предоставлении помещения нашей творческой организации — попал в какой-то магический круговорот: нам предлагают взамен незаконно изъятого новое помещение (*приложение 1*), мы соглашаемся (*приложение 2*), нам долго (*почти 2 месяца*) не отвечают, а потом пишут, что подбирают для этого помещения другую организацию: письмо *Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в г. Москве*, исх. № 22-13/12674 от 10.08.2011:

...В настоящее время в соответствии с поручением Росимущества от 05.08.11. № ПП-18/23330 указанные помещения рассматриваются под размещение Росприроднадзора, в связи с чем размещение Союза в них не представляется возможным.

Одновременно ТУ предлагает рассмотреть в качестве возможного варианта размещение Союза в помещениях в здании по адресу: г. Москва, ул. Булгерова д. 17Б, закрепленное на праве хозяйственного ведения за ФГУП «ФТ-«Центр».

Заместитель руководителя ТУ С.Б. Сатаев

Считаем предложенный новый адрес или издевательством, или незнанием Москвы: *это неравноценная замена*; а «*подыскивание*» задним числом помещений для *федерального ведомства* в непосредственной близости от Кремля по поручению Росимущества от 05.08.11. *саботажем* предшествовавших этому поручению *решений Президента и Премьера*, к которым мы обратились по нашему вопросу.

Поскольку это не в первый, а уже *в девятый раз* происходит по одному и тому же сценарию, просим предоставить *равноценную замену*, поскольку незаконно изъятое у нас помещение располагается у метро Новослободская: улица Суцёвская, дом 8-12, и несколько лет назад с Минимуществом мы подписали соглашение о равноценной замене...».

Ответа мы не получили ни в положенные, ни в какие другие сроки. Но в начале 2012 г. нашему юристу по телефону радостно доложили, что Росимущество рассматривает вопрос о размещении нас на Шоссе Энтузиастов, между станциями метро с аналогичным названием и «Авиамоторная», в промзоне. Наверно, чиновники готовятся к празднованию 1 апреля. Что-то бояре наши совсем «раздухарились», а всё потому, что управы-то на них нет! Впрочем, письменно нам ничего не сообщают, хотя все положенные по закону сроки давно вышли...

ХРОНИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Апрель 2 0 1 1 — январь 2012 г.

ПРЕЗЕНТАЦИИ, ЧТЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА...

18 апреля в «Доме Ардовых» на Большой Ордынке, 17 состоялась встреча, посвященная *году Италии и Испании в России*. К памятнику *Анны Ахматовой* литераторы принесли цветы. А потом, уже в зале, читали стихи, посвящённые знаменитым итальянским и испанским поэтам, художникам, а также достопримечательностям этих стран.

27 апреля в «Доме Ардовых» прошла презентация 2-х книг: *Анна Гедьмин* представила свою книгу «*Не плачь, мой ангел*». *Валентин Куклев*, председатель секции прозы, представил «*Закрытую книгу. Алхимический роман*».

В процессе обсуждения начался разговор на тему: «*Не надейтесь избавиться от книг!*». Вспомнили творчество *Умберто Эко* и *Жан-Клода Карьера*. Говорили о магии книги, как таковой.

Традиционное «чтение по кругу» завершило встречу.

13 мая в Георгиевском зале Российского общественно-политического центра (РОПЦ) состоялся творческий вечер *Наталии Рожковой*, председателя секции поэзии.

Игорь Харичев тезисно ознакомил собравшихся со своей статьей «*Вся проблема в народе*». В жарком обсуждении статьи участвовали *И. Чубайс*, *С. Алимарин*, *В. Глянец*, *Ф. Шелов-Коведяев*; после чего *Евгений Степанов* познакомил всех с майским номером газеты «*Литературные известия*».

Традиционное чтение стихов, эссе, рассказов завершило литературный вечер.

30 мая в Георгиевском зале РОПЦ прошла презентация привезенной прямо из типографии «*Словесности 2011*» и *нового видеопрокта* Союза литераторов. Режиссёр видеofilьма

Георгий Цесельчук представил фильм «Непрерывный фотомонтаж» — на 25-минутной ленте, свои стихи читает юбиляр Дмитрий Цесельчук, ему — 65!

20 июня в Георгиевском зале РОПЦ продолжилась презентация «Словесности 2011».

Среди выступающих были: Артём Каверин, ярчайший представитель «Живого ТВ»; Сергей Алимарин, руководитель сайта СЛ РФ; Фёдор Шелов-Коведяев, автор статьи «Природа исламского экстремизма, и что с ним делать»; наш гость Нина Львовна Еловская, зав. сектором Центра краеведения центральной библиотеки г. Дмитрова, заслуженный работник культуры Московской области; поэты Светлана Артёмова, Юрий Клейберг, Иосиф Рабинович и другие представители «тонкого» жанра.

Традиционное чтение «по кругу» завершило литературный сезон 2010—2011 гг.

25 июля в Челябинской Галерее современного искусства с успехом выступил «поэтический оркестр» ЮУрГИИ имени Чайковского под управлением музыканта и поэта, руководителя творческой мастерской вуза, члена Союза литераторов России, заслуженного работника культуры РФ Натальи Рубинской:

«Уже тридцать лет, как мы объединились и трудимся под вывеской «Музыка+поэзия». Все участники студии — профессиональные музыканты. Публике представляем концертные номера чисто академического свойства и поэтические тексты. Мы заметили, что зрители особенно остро реагируют на произведения текущего времени, будь то инструментальная музыка или стихи. Программы серьезные. К примеру, ко Дню Победы в публичной библиотеке прошёл большой концерт для ветеранов. Назвали его «Весна. Победа. Лирика». Теперь красуемся на сайте Министерства культуры РФ.

В Камерном театре отмечали вместе с ведущими поэтами города День поэзии. Часто выступаем в школах. Даже в частные салоны заглядываем. Организовали в нашем вузе литературную гостиную. Оказалось, много молодежи, открытой для восприятия прекрасного, которое и формирует духовно-гармоничную личность».

20 сентября мы получили письмо из Орла, вот некоторые отрывки из него: «Орловский край и... Болгария, ныне независимая, стремящаяся в шенгенскую зону, казалась бы никакой связи. Мы возобновили, благодаря интернету, старые связи и в альманахе № 10 «Орловский край» появился материал Лёши Христова, а у председателя Орловского отделения Союза ли-

тераторов Александра Воробьёва появился информационный повод (как говорят пиарщики) съездить в Болгарию. Возникла мысль о создании отделения Союза в Болгарии. И хотя до официально оформленного Болгарского отделения Союза Литераторов РФ дело пока не дошло, мы познакомились с прекрасными творческими людьми, которые, наперекор всем невгодам, пишут стихи и прозу, ставят спектакли и искренно любят Россию.

А на Орловщине мы живём трудно, с постоянными препятствиями, барьерами, но живём. Выпускаем свой альманах: страшно подумать, уже № 10! Выходят книги членов Союза литераторов.

Орловское отделение становится всё заметнее в нашей области. Мы — члены общественной палаты Орловщины. По нашей инициативе Почётным гражданином Орла стал схиархимандрит Илий. Батюшка Илий — наш земляк, заступник и духовник Патриарха Кирилла.

А ещё неистово рожаем детей. Пример, как всегда, показывают более ответственные товарищи. Иван Борисович Афанасьев в очередной раз стал папой. Правда, этим поступком он вывел из активной литературной жизни другого члена Союза литераторов Наташу Федосову, свою жену. Но мы подождём, дело доброе. Стали мамами Аня Попова и Лена Яворская.

А у председателя Орловского отделения Союза сейчас в планах подготовка к славным орловским датам. В 2013 году уже 70 лет со дня освобождения Орла. Не за горами и 450-летний юбилей нашего города. Над этим будем работать, думаем выпускать тематические альманахи.

Наиболее достойные члены Орловского отделения Союза были награждены Почётными грамотами Губернатора...

Мы ценим Вашу поддержку и Ваше теплое отношение к нам. Мы рады ощущать себя частью большого целого. Мы не сами по себе, мы с Вами!».

25 сентября в редакции журнала «Знание — сила» прошёл VIII съезд СЛ РФ. В «Литературной газете» об этом событии был опубликован материал «Не надейтесь избавиться от книг!», отрывок из которого мы публикуем:

«Умирает ли печатная книга — есть ли альтернатива? Необходимость защиты авторских прав и интеллектуальной собственности; презентация новых книг и создание своей заинтересованной читательской аудитории при отсутствии у организации помещения; взаимодействие с авторами из ближнего и дальнего зарубежья; необходимость для литератора знания истории своего отечества, своего города, населённого пункта, своей улицы и сопричастность литератора происходящим глобальным изменениям в мире и в культуре — вот те вопросы, ко-

торы обсуждались на VIII-ом очередном съезде Союза литераторов России, проходившем в редакции журнала «Знание — сила» под мощными сводами палат семнадцатого века, сохранившимися в оживлённом центре Москвы, что уже само по себе демонстрировало непрерывность исторического, культурного, литературного процессов на протяжении веков.

За прошедшие три года со времени проведения VII съезда членами Союза были выпущены десятки книг, альманахов, проведены многочисленные встречи с читателями. Значительный объем двух последних, юбилейных, альманахов «Словесность 2010» и «Словесность 2011» занимает повествование о двадцатилетней истории творческой организации литераторов. Успешно продолжался выпуск книг серии «Визитная карточка литератора» — приложению к альманахам «Словесность», создающими более полную картину литературной жизни страны, ближнего и дальнего зарубежья.

На съезде была отмечена большая помощь союзу «Литературной газете», в том числе в борьбе за противозаконно отнятое у Союза помещение.

...Трудно не только вернуть помещение, но, в отсутствие Закона о творческих союзах, не просто бывает защитить и самого автора литературного произведения. Автор почти бесправен, своими историями свидетельствовали участники съезда, так как судебные процессы выигрывают большие издательства, имеющие финансовые и юридические ресурсы. Они создали юридические манипулятивные технологии, не говоря уже о коррупционной составляющей, которая позволяет им решать спорные вопросы в свою пользу. Эта тема должна публично обсуждаться и артикулироваться на разных печатных площадках с конкретными примерами.

А печатная книга умирает не только потому, что мы потеряли статус самой читающей страны, но и из-за того, что её вытесняют электронные аналоги, и те же издатели слишком коммерциализировали этот процесс, изымая из него всё, что не приносит быстрой прибыли, не беря в расчёт, что каждая настоящая книга эксклюзивна. Она решает познавательную и воспитательную задачи, без которых любое общество нежизнеспособно, общество теряет при этом «глубокое дыхание жизни». Так что основной резолюцией съезда решено считать слова классика: «Не надейтесь избавиться от книг!».

4-7 октября 2011 года в Рязани с успехом прошел *Межрегиональный фестиваль «Региональная книга России»:*

«В нем приняли участие 37 издательских организаций Рязанской области и представители семи регионов Центрального федерального округа, в том числе из Москвы и Санкт-Петербурга. Цель фестиваля — знакомство рязанцев с творчеством писате-

лей соседних областей, повышение интереса к чтению, координация усилий писателей и издателей по продвижению региональной литературы на столичные рынки.

Открытие фестиваля совпало с новосельем областной библиотеки им. Горького, получившей от строителей новый современный корпус. Прежде хранилище вмещало лишь миллион книг, а теперь в нем свободно размещается 2.

На фестивале особым вниманием читателей пользовались стенды областной организации Союза литераторов России с книжными новинки самой разной направленности: детские стихи и басни, военная проза и любовная лирика, «деревенские» повести и ультрасовременные захватывающие детективы, исторические хроники и краеведческие циклы.

По итогам фестиваля жюри проводившегося конкурса наградило рязанских литераторов дипломами, а А. Кодылеву, более семи лет возглавлявшему Рязанское отделение СЛ РФ была вынесена письменная «Благодарность Общественной палаты Рязанской области». В зале электронной книги в открытом доступе были представлены сразу три его новых книги, вышедших в 2011 году. А всего на стендах рязанских литераторов было размещено более 80 книг.

26 октября в Георгиевском зале РОПЦ прошло *открытие литературного сезона 2011 — 2012 гг.*

1) В день гибели (26 октября 2002 г.) *Александра Карпова* на НОРД-ОСТе, читали его стихи, почтили минутой молчания его память.

2) Состоялась презентация книг, вышедших в 2011 г.:

а) *Марина Кудимова представила книги «Черёд» и «Целый Божий день».* Знакомство прошло в атмосфере особого внимания: книги были изданы после 20-летнего «молчания» поэта. После чтения стихов Марину буквально забросали вопросами; б) *Евгений Степанов, тамбовчанин и ученик тамбовчанки Марины Кудимовой, познакомил со своими стихами из новой книги «Спаси Бо».*

Благодарные слушатели были «вынуждены признать» весомость и высокое мастерство тамбовской литературной школы. Традиционное чтение стихов, эссе, рассказов завершило литературный вечер.

10 ноября в Российском общественно-политическом центре состоялась презентация книг, вышедших в серии «Визитная карточка литератора»:

книга Людмилы Серовой «Земная словесность» и Владимира Глянца — «Чтиво для электрички» (1967-2009).

Более подробно об этих книгах можно прочитать в разделе «Рецензии».

14 ноября в Музее предпринимателей, меценатов и благотворителей успешно прошла презентация книг:

1) *Татьяна Кайсарова*, поэтические сборники «Тёмный мёд» и «Дыханье сада»;

2) *Александра Крючкова*, «Игра в Иную Реальность», роман.

3) *Галина Ерофеева* представила подарочное издание поэмы *Венедикта Ерофеева* «Москва — Петушки».

Традиционное «чтение по кругу» завершило встречу.

30 ноября в библиотеке *Экономики и бизнеса* в рамках программы «Семантическая навигация России», посвящённой 20-летию Союза литераторов, состоялась встреча с читателями.

Более подробно об этом вечере можно прочитать на сайте библиотеки и в материале *Сергея Алимарина* «О книге *Людвига фон Мизеса* «Социализм», переведенной членом Союза Б. Пинскером и подаренной им библиотеке, в раздел «Публицистика».

15 декабря в библиотеке им. А.С. Пушкина на Спартаковской, 9, прошёл вечер, посвящённый 20-летию Союза литераторов «...Пушкин есть пророчество и указание». Подробнее об этом вечере можно узнать в рубрике «К 175-летию гибели Пушкина», раздел «Имена и символы эпох», а также на YouTube: <http://youtu.be/C6RXq8inDfw>

19 декабря в Московской Городской Деловой библиотеке (МГДБ) прошёл День информации в рамках проекта «Лучшие книги издательств — московским библиотекам».

В мероприятии приняли участие представители издательств «Инфра-М», «Книжное обозрение», «Мелик-Пашаев», «Питер», «Самокат».

С приветственным словом к присутствующим обратилась директор библиотеки *Наталья Аветиковна Забелина*, победитель конкурсов «Опытный руководитель» и «Менеджер года», награждённая медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, и очень красивая женщина, заражающая всех удивительной жизненной энергией.

С блестящим обзором выступил кандидат филологических наук, ведущий сотрудник Института мировой литературы им. М. Горького РАН, член Союза литераторов России *Фёдор Сергеевич Капица*. Он подвёл итоги литературного года, уделив особое внимание победителям престижных литературных премий.

Альманах Союза литераторов «Словесность 2011» представила председатель секции поэзии Союза литераторов *Наталья Рожкова*, о чём была оперативно размещена информация на

сайте библиотеки.

20 декабря в преддверии Нового года в Георгиевском зале РОПЦ *Сергей Шелов* и *Лариса Шестакова* опровергли привычную этимологию слова ГОСТ, — как краткой речи, предшествующей распитию спиртного, а *Игорь Бурдонов* и *Мария Панфилова* тут же зачитали свой тост из книги-рецензии на стихи Маши — «Опыт деконструкции кистепёрой рыбы». Вечер прошёл в чтении стихов, небольших рассказов и эссе в режиме нон-стоп.

2012 год

26 января в Георгиевском зале РОПЦ состоялось открытие Сезона 2012.

Александр Шаравин рассказал о дореволюционных Народных домах и Народных домах 90-х гг. 20 в. — нач. «нулевых» 21 века. *Катя Рубина* прочитала рассказ из своей новой книги «Рассказики», вышедшей в серии «Визитная карточка литератора» (М., «Вест-Консалтинг», 2012) и долго еще отвечала на вопросы о своей художественной и драматургической деятельности. *Александр Олейников*, в свою очередь, продемонстрировал цикл стихов из «Уходящей природы», изданной в той же серии, поделился и своими готовящимися к печати воспоминаниями о жизни в молодые годы на даче старых большевиков в Серебряном бору, о летних нудистских хождениях большевика Подвойского и активного непонимании оных старыми большевичками, готовыми к мировой революции, но не к такому же...

Гриша Арлинский резонно обнаружил связь между событиями давними и появлением нудистского пляжа в Серебряном бору в наше время.

Кто-то из собравшихся, явно радетьель здорового образа жизни и близости к природе, предложил обратиться в мэрию с предложением присвоить пляжу имя зачинателя движения.

Вот вам и связь времен...

В перерыве между двумя презентациями *Дмитрий Курилов* исполнил три новых шлягера о положении в стране, а *Потан Могутов* дополнил его маленький концерт своей новой песней на ту же тему.

Евгений Степанов представил свежий номер «Литературных известий».

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Владимир БЕРЕЖКОВ

* * *

У кошек музыка иная,
И мимо — человеческий звук,
Они поют с другого края,
Им ближе, может быть — паук.
Сидит он, этакий Бетховен
И крутит фугу, словно Бах,
В углу совсем немногословен,
Как кошка или патриарх.
Развесит мух поодиночке —
Его попробуй-ка, услышь!
И лишь сквозняк колышет строчки,
Да тихо подпекаетмышь...

Владимир ГЛАНЦ

* * *

...Но голос обрести,
Но когти и хребет,
Но шерстью обрасти,
Ломиться в чащу тигром,
Мустангом захрапеть...
Чтобы потом иметь
Наклонность к тихим играм?..

Инна РЯХОВСКАЯ

* * *

Озорной птенец мой легкокрылый —
Трелей серебристые ключи,
Пой о тех, кого я так любила,
Но мои потери не ищи

Ни в холодных и бесстрастных высях,
Ни на рыже-золотой земле...
Были и уши, душой и мыслью
В сердце отпечатал тёплый след.

Якоря мои, мои опоры,
В мире, где не жить, а выживать.
Мне без вас на гибельных просторах.
Времени подкову разгибать.

Лишь птенец, на солнечной лазури
распластав восторженный полёт,
Беззаконный маленький лазутчик
В мир иной, — поёт, поёт, поёт...

Евгений В. ХАРИТОНОВ

ЧАС ПИК

Люди —
волны
люди —
цунами
брызги —
люди
на-
катывают
сминая
оди-
нокий
кораблик
махонький кораб-
лик = человек-
ишко
такая малость для волны
но каждая капля целоцунами
такая же несчастная
смята-
Я
малость
дыши в такт человогне
выжить сумеешь возмож-
Но если
посмеешь

Александр ВОЛОВИК

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ

Ц. это ц. — О.М.

Взлетал я в зенит и планировал вниз,
но я не участвовал в войнах.

Играл бессеребрено в бисер на бис,
как бес у небес беспокойных.
Клевал наклонений калёную суть,
ничуть не склоняя колено.
И льсого флага болтался лоскут
тоскливо — то клёво, то влево.
Болтун многоякий, глумливый глагол,
как гугол*, бездонен и гулок,
на руки, на крюки и просто — на пол
не лóжил охальных охулок.
Напротив: матроны, мужья и зятя,
Светланы, Ларисы и Вали
в восторг приходили, в мосторг заходя,
и 5 мне любезно совали.
Шестой — обглодает последнюю кость,
и вот я — журнально и книжно —
цикутой цикады от(п)равлен на пост,
на мост моего модернизма.
От берега А и до берега Б
он реет — от края до края.
Я — виден. Но главное: сам по себе.
Летая. Ликую. Играя.

* — *самое большое число на свете.*

Николай ИОДЛОВСКИЙ

АНГЕЛ

Моей маме

А я, неверующий в Бога,
Увидел ангела в окне.
Смотрел печально он и строго,
И сразу страшно стало мне,

Да. Я виновен в этом мире.
Не проповедовал добро,
А молча жил в своей квартире
И о бумагу рвал перо.

Так ничего и не посеяв,
Я жил на свете много дней.
Как искупить перед Россией
Хотя бы часть вины своей.

Ирина КРОНГАУЗ

* * *

Укороченное время
мне несет беду.
Не могу я жить со всеми —
я в леса уйду.

Только б малость попривыкнуть
спать в листве сухой...
Ветка скрипнет, ветер гикнет —
все равно покой.

А в ухоженной квартире
суматошный бред...
Не могу я в этом мире —
мне здесь места нет.

Разве только что в вахтерной,
где сидишь за грош.
Пьешь чай из кружки черной
да псалмы поешь.

Алексей ПАХОМОВ

* * *

Иду по твоему лучу,
Влеком твоим влеченьем.
Ты хочешь, значит я хочу,
Заговоришь, не промолчу,
Светя твоим свеченьем.

Спешу наполниться сосуд —
К сему ты предназначен,
И в Цезаря вонзает Брут
Всю ненависть, свершая суд,
И чей-то долг оплачен.

Что образ, или образа
Уж ничего не значат?
Рука, прикрывшая глаза,
Не закрывает небеса,
От них рука не спрячет!

Иду, но по чьему лучу?
Влеком, но чьим влеченьем?

Ты хочешь, я ли не хочу?
Ты замолчишь, я закричу,
Заклятый отреченьем!

И все же, блудное дитя,
Меж свиньями живущий,
Свой взор от грязи отведя,
И телом и душой смердя,
Иду к Тебе, зовущий!

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

ВЕРЕНИЦЫ ПУТЕЙ ДОВЕРЯЮ ТЕБЕ

*«Ангел отвечал: могу идти с тобою и дорогу знаю...»
Книга Товита*

Вереницы путей доверяю тебе,
каждый мост сожженный — добыча случая,
приучай, как ангел, к летучей судьбе,
или нет — поучай, приручай, иль мучай.

В створки крыльев твоих заключи меня,
унеси мою жизнь за земные скобки,
вдоль пути твоего — поземка огня,
вдоль пути моего только свечку робкую

я несущу... Дыханье сбивает огонь,
наши тени сближаются — жаркие, зыбкие,
по ладони-тени — твоя тень-ладонь
проскользнет и в тропе растворится рыбкой.

Пусть меня охватит в дороге дрожь,
вправо, влево шаг — я к нему готова,
то ли я иду, то ли ты ведешь,
словно ангел божий когда-то Товия.

Пусть крыла твоего мне тяжел покров,
но любая крона дает просветы,
и судьба моя — это твой улов,
и речей твоих меня тянут сети.

Ты приставлен свыше к моей судьбе,
вняв тебе, помедлю на полуслове,
каждый шаг, или шепот ведут к тебе,
если ангел ты, я — как бедный Товий.

Игорь ИОГАНСОН

* * *

Ноги босы и посох в руке.
Я по жизни иду налегке.
Моя ноша и так нелегка.
Мне бы встретить конька-горбунка.

Впрочем нет, не свезет горбунок.
Груз тяжел, хоть и путь недалек.
Видно так рассудила судьба,
Что крылатый мой конь — без горба.

Евгений СТЕПАНОВ

ГРЕТХЕН

Тебе

знаю: нетути дара великого
в эмпириях витай не витай
и на фоне писателя Быкова
я последний ничтожный лентяй

ни медальки не жду и ни ордена
это все дребедень-ерунда
а подохну — коханная Родина
позабудет меня навсегда

ну и что! и какая мне разница
что там будет (не будет?) потом
я же счастлив — девчонка-красавица
на плече засыпает моим

у нее столько ласковой силушки
и глаза горизонтом полны
и лопатки торчат точно крылышки
из нездешней прозрачной спины

я же счастлив — мое достояние
состояние et cetera
эта девочка Гретхен из Дании
очень близкая точно сестра

Элизбар АНАНИАШВИЛИ

* * *

Всю ночь за окном
Бесприютною птицей
Металась вьюга.
В томительном полусне
Я слагал стихи.

* * *

Я слышу, слышу
Жалобные голоса
Душ, блуждающих
В сумраке мгlistых рош
Между Стиксом и Летой.

* * *

Веток в инее
Изящен легкий узор
В мороз за окном.
Услышу ли еще раз
Весенний шум их листвы

Татьяна ГОРДИЕНКО

* * *

Проснулась и снова читаю Басё —
От корки до корки вбираю все.
Чудо короткое долгих слов,
Где все случайно и все от основ.

Ольга БИБИКОВА

* * *

То ли дождь морозящий становится влажным туманом,
То ли в этом тумане рождаются капли дождя...
Зыбкий мир за окном исчезает нелепым обманом.
И я в дождь превращаюсь, иного пути не найдя.

Нет ни стен, ни границ, и мне тесно в земной оболочке.
Я стремлюсь в темноту, растворяясь в туманной дали.
Только мне почему-то ужасно мешаются строчки,
И сквозь них мне не вырваться с Богом забытой Земли.

Как порой ненавижу себе сотворённую клетку, —
Ведь без мыслей и строчек намного бы проще жилось...

Мне бы встать на рассвете, надломить бы еловую ветку —
И вдыхать этот запах, до самых ногтей и волос!

Мне бы просто идти по зовущейся жизнью дороге,
Не смотреть в облака, обходя буграки пути...
Только сердце полно неизбывной, гнетущей тревоги:
Очень сложно с дистанции раньше себя не сойти.

Валерий ШАПИРО

* * *

Стану я по городу ходить,
Потому что рано хоронить.
Будет строчка, чистая как медь,
На морозном воздухе звенеть.
Будто капля черного огня
С неба, вдруг, упала на меня.

Анна АЛЬЧУК

* * *

Вереск огня
в паутине времени
плен этих жилок
лиственных тесных

в яркой дрожи жалящей
воздуха
игры с ветром венчика платья

так исчезает
фарфор руки
ракушкой дали
в ладони...

Ирина АРТАМОНОВА

* * *

Мы с Вами говорим на разных языках:
Я Вам про Карла, вы же мне про Клару.
Так получается и в прозе и в стихах —
Вы мне про ЭГО, я же Вам про КАРМУ.

Анна ГЕДЫМИН

* * *

Я засыпаю, когда отцветают звезды,
Светлеет небо, а в доме еще темно,
И окна ближние, по-утреннему серьезные,
Смотрят прямо в мое легкомысленное окно.

Проснешься за полночь, вся жизнь никуда не годится...
Но в пыльной Москва-реке купола сияют вверх дном...
И думаешь: Господи! Спасибо, что надоумил родиться
В городе, где такой пейзаж за окном!

Такой синий, такой золотой и белый!..
Теперь, судьба моя, ты, без промаха и стыда,
Карай, обманывай — что хочешь со мною делай,
В душе залатанной эта музыка — навсегда.

И даже если смерть все-таки существует, —
Все относительно! — она шепчуща мала,
Как памятник временный, пристроенный к Москве на живую,
Как зыбь на воде, отражающей купола...

Анна МИХАЙЛИНА

МОЙ ГОРОД

Мой город, — словно брюхо вспорот
И иссечен, как старый раб,
Нет, не пожар, не мор, не голод,
Нет, Торжествующий прораб.
Мой город, — залит черной кровью
И проткнут иглами огней,
Твой пепел черною любовью
Стучит в шальное сердце мне.

Татьяна КАЙСАРОВА

* * *

Всё просится на волю, даже снег
летит к земле не для пустых утех:
он кружит над Болотной и Тверской
среди надежды алчущего люда
не для того, чтобы пришла острада,
а чтобы окунуться в непокой.

И катится тревожная волна
по площади, и скалит сатана
свои насквозь прокуренные зубы...
Ему отраден непокой, как блуд:
лишь заволнуются — он тут как тут.
О как ему любые смуты любви!

И Божий снег становится тревожен —
он мечется, пречист... Но невозможен
неясный путь в безвыход, в никуда...
Стихает гул толпы, и навороты
речёвок, надоевших до зевоты,
уходят в водостоки, как вода.

А мы с тобой уйдём туда, где снова
прильнут друг к другу музыка и слово,
и вечер нашей встрече будет рад,
и память возродит иные встречи,
иные вспомнит обороты, речи,
былых видений привлекая ряд.

Ты говори, не ведая печали,
о том, как чайки вольные кричали
и что шептал шиповник у оград,
как к полночи, в копиле еще просторном,
лежало небо — чёрное на чёрном
морском лугу, забыв про звездопад.

Борис ШАПИРО

ЛЮДОЕДЫ

Тяп-ляп,
во рту кляп.

Размахнулся раз,
не в бровь, а в глаз.

Мы люди простые,
водкой налитые.

Лаптем ши хлебаем
да байки баем.

Едим с потрохами,
говорим стихами.

Аркадий АГАПКИН

* * *

От праздных объятий — до твари с глазами —
Потом чело-век, чело-губ, чело-глаз.
Что Слово у Бога, в крови, со слезами,
Не знали. И свыше безмолвствовал глас.

Ждать свыше — но тучами полдень увешан,
И снизу — хребтами — топорщится твердь.
А твари с глазами порывы безгрешны,
Коль, зная, не смочь, коль, не зная, посметь.

И солнце — дождями — лучей не потратит,
И тучам — в тумане — темнеть про запас.
А тот, после твари — то странно некстати
Ему чело-век, чело-губ, чело-глаз.

Ольга КАРУЛИНА

ИМЕЮЩЕМУ ГЛАЗА, ИМЕЮЩЕМУ УШИ

Беда на свете самая большая —
Непониманье высохших сердец.
Не хочет сына выслушать отец,
Глух ко всему заносчивый гордец,
Любовь, столкнувшись с отчуждением, тает...
Слова на камень падают впустую...
Душа и разум в пустоте молчат,
По сердцу бьёт обиды чёрный град,
Грохочет лжи над ухом водопад,
И слепота сомнений не минует...
Глаза и уши отомкни с надеждой,
Любовью, верой, смертный человек!
Не пей воды обмана мутных рек!
Греха измерен уж Всевышним век.
Надень Прощенья белые одежды!

Иосиф РАБИНОВИЧ

* * *

Ну, вот мы все и исполнили
За что мы были в ответе,
Исполнили, как умели
Порою и невпопад —

Живите потомки счастливо
В своем двадцать первом столетии,
А нашему веку двадцатому
Пропел отходную Булат!

Мы кажемся вам смешными,
А наши принципы старыми,
У нас, говоря, по-вашему,
Отсталый менталитет,
И с нашими непрактичными
Двухместными Боливарами
Для нас в двадцать первом столетии
Вакантного места нет!

Для вашего века мы вкалывали,
Как в шахте слепые лошади
Не ради похвал начальственных
Не ради наград и зарплат
Не всем нам хватило пороха
С плакатами выйти на площади,
Но по вечерам на кухнях
Нам пел о правде Булат.

А нас, если что не допели,
Уж вы извиняйте, дети,
Дай бог, превратить вам Россию
В цветущий прекрасный сад,
Пусть все у вас так и получится
В своем двадцать первом столетии,
А нам — на синий троллейбус,
Которым уехал Булат!

Юрий БЕКИШЕВ, *Кострома*

* * *

Памяти Д.С. Лихачева

Из «Слова о полку...» —
ведь слову нет предела —
я вычитал строку:
зло ти безглаву телу.

Век словно опочил
в осенней непогоде.
Но кто-то ведь учил
добру, любви, свободе.

Усвоили урок
Ни хорошо, ни плохо...
Как соловецкий срок
кончается эпоха.

Александр БУГРОВ, *Кострома*

* * *

На окраине помойки
Две нечаянных сирени,
А за ними старостройки
И простора серебренье.

Корчится тропа устало,
Пропадая в чахлотравье.
И любви и жизни мало,
Чтобы это стало явью.

Лидия ОГАНЕСЯН

* * *

Накатило, как лавина,
как обвал в ущелье темном,
опрокинув обнажило
трещины под тонким дерном
сердца. И надломлен разум,
в полусне влачащий крест...
Прошлое, как хищный ястреб,
на голову — да с небес.
Прошлое — простая штука.
Если помнишь, значишь, жив.
Прошлое — такая мука...
И такая мука — жизнь.

Александр СМОГУЛ

* * *

Чем бы кто меня не доставал,
Как бы век окрестный не ярился,
Я плевал на это, я — плевал,
Как-никак, я все-таки родился.

Значит, буду жить да поживать,
Бедовать, дурачиться в охотку
И благоговейно наблюдать
Жизни скоротечную чахотку.

Юрий БОЧКОВ

* * *

Чернорабочие искусства,
Мы, как непрочный механизм,
Переплаваем наши чувства
В строки чеканный лаконизм,

Чтобы, очистившись от шлака,
Глагол над буднями парил,
Чтоб он кричал, смеялся, плакал,
Чтоб жил без нас — и пережил.

Олег ГОНТАРЕВ, *Екатеринбург*

* * *

Что же сердце
Не дает покоя,
Что ж оно торопится всегда?
Знать, нужны рассветы
Над рекою,
Синяя, веселая вода!

Знать, нужны ему,
Необходимы
В этот синий,
Предрассветный час
Золотые волосы любимой,
Глаз ее веселых перепляс...

Валерий ДУДАКОВ

* * *

Все в дымном свете множится пространство,
Но вновь застынет, сколько не спеши.
Все бrenно, редко в мире постоянство,
Но есть одно движение души.

Ночь пролетит, за ней мелькнет другая.
Затеется несчетный новый пир.
В нем ты одна, в одежде, но нагая,
Из зазеркалья вышла в этот мир.

В соблазны жизни так легко поверить
И стать пред ней наивной и смешной.
Как в легком сне, ты замерла у двери
В наш новый век, опасный и больной.

Валерий КОВАЛЕВСКИЙ

* * *

Половину того, что я знал о слезах
Кто-то вынул, лишь соль мне оставил в глазах —
Или демон, иль ангел, иль ты..

Половину того, что я знал о любви
Кто-то вынул, и всё изменилось вдали —
Или демон, иль ангел, иль ты..

Половину того, что я знал о себе
Кто-то вынул, и место осталось в судьбе —
Или демон, иль ангел, иль ты..

Ирина ЧЕЛИКАНОВА, *Рязань*

* * *

С судьбой играю в прятки.
Живу — пугливой мыши.
Боюсь ступеньки шаткой.
Боюсь — меня услышат.

А рядом — шум и хлопоты.
Коты орут и галки.
И громко двери хлопают,
С судьбой играя в салки.

Дмитрий ЧЕСНОКОВ

* * *

Яблочком по блюдечку покачусь,
За уступ, за выемку ухвачусь,
Чудью, что за Волоком, побреду
Через мать-и-мачеху, лебеду..

А в дороге встретятся (и не верь!)
Сирин-птица красная, Индрик-зверь,
Уйма мелкой нечисти всех мастей
По останкам брошенных волостей.

У дедушки Лешего погошу —
Да из угла медвежьего поспешу,
И лишь там не будет моей ноги,
Где среди соседей — одни враги.

Алексей ЛЕСОВОЙ

* * *

У новых поколений право,
Идут ли слева или справа,
И предков не забыв вину,
Любя свой дом, свою Отчизну,
Но не дойдя до фанатизма,
Создать обжитую страну.

Перед началом той работы
Оставь, художник, все расчеты,
И, замолвив грехи,
Сумей пред истиной склоняться.
Пиши, пиши. И, может статься,
Создашь хорошие стихи.

Суламифь КАНАРСКАЯ

РАСТЕНИЕ

Я — женщина-растение,
Тепличный экземпляр.
Пишу стихотворения,
Живу на гонорар.

Я не сварю варенье,
За спицы не сажусь..
Пишу стихотворенья, —
На что ещё гожусь?

Александр КОДЫЛЕВ, *Рязань*

ДЕТИ ВОЙНЫ

Рады были мы картошке,
Испеченной на костре.
И картофельной лепешке,
Рассыпухе в чугушке.

Рады были и промерзшей,
Собирали стар и мал.
После сушки получался
Преотличнейший крахмал.

Не хватало спичек, соли,
Заедала часто вощь...
Да, хлебнули горькой доли...
*Мир храните,
молодежь!*

Евгений ВЕРБИН

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

«Минувший век» весь мир твердит.
Какой же он минувший к черту,
Когда во мне он безотчетно,
Как ген наследственный сидит?!

Он весь — во мне, и я в нем — весь:
По духу нраву, вкусу, стилю;
Благодаря ли, вопреки ли
Ему — я стал, каким я есть.

За все — обязан я ему,
На день сегодняшний смотря,
Что понимаю, принимаю,
Что не пойму и не приму.

Он был кровавым и крутым,
Но все сильнее подозренья,
Что он грядущим поколениям
Казаться будет золотым.

Наталья РУБИНСКАЯ, Челябинск

РЕГТАЙМ РАДОСТИ

Мы сразу увиделись, радость моя!
Пulsация баса, грудные регистры;
веселье пальцы, дикуя, смеясь,
из клавишей высекали дерзкие искры.
А в голосе верхнем, повисшем, как стриж,
на ветре сквозном — кроме перьев и свиста —

мой обморок, счастье!.. Когда замолчишь —
споткнется душа, пара эквилибристов,
и я разобьюсь. Только пой, а не плачь.
Ослабьтесь, клобуки! Клубись, клоунада!
Я — мышцы сплошные, везенье, силач,
душа, за громоздкость не взятая адом.
Мы свиделись! Радость! Как бацает бас!
Все разом регтаймы орут мегафонно,
и бит обезумел, в ударе дробясь
на грани, на радуги, на обертоны.
Все в мире регтаймы, обрывки времен,
забились в незрячем, горячем призыве,
и жаркую формулу наших имен
негр, северный негр, на груди своей вывел.
Я негров прекрасных ужасно боюсь:
он весь, будто вечная ночь, облицован
гранитом зеркальным. Но страстный союз
бесстрастно прославил трубой образцовой.
Вот мы и увиделись. Радость, не плачь!
Ты — мышцы, удача, и струсить не дай мне,
с подглазьями негра мой белый трубоч!..

А я разобьюсь за порогом регтайма.

Татьяна ПАЦАЕВА

* * *

*Но восторг мой прожег голубой небосклон,
Я на выси сознания направил свой бег...*

Н.Гумилев

Медитация уводила меня все выше и выше.
Сферы сознания, где обитает искусство,
Раскинулись подо мной в необычном ракурсе,
Как облака под лайнером. С высоты и с изнанки
Загадки раскинулись полями разгадок,
Все тайны созидания чудесного и великого
Лежали подо мной раскрытыми
И до счастливого смеха простыми.
И пользуясь ими,
Я сочиняла и запечатлевала, как никогда.
А когда я спускалась и проходила таможенно,
Пограничные ангелы
Отобрали душевные рукописи
И засветили пленки сознания внутренним светом.
Потому что нельзя.
Так скряга, видя во сне

Сундуки, полные сапфиров и бриллиантов,
Старается как можно больше набить ими карманы.
И просыпается без них,
Но с улыбкой.

Мария ПАНФИЛОВА

* * *

Лунный угорь в подводной листве.
Междувстрече. Зияют лакуны.
Гондольеры с Хароном в родстве.
Подозрительны воды лагуны.

Валидол под язык, — что обол.
Ты ученый, усталый и нищий.
За бортом кажет влажный плавнище
Кистеперая рыба Любовь...

Юрий ПОЛЯКОВ

РАЗГОВОР

— Не жизнь — сплошная суета,
Чтоб хлеб сыскать насущный.
Сшибает с ног не клевета,
А шепоток наушный!

Любовь (по множеству примет) —
Лишь головокруженье.
И знания по сути нет —
Одни предположенья!

А сердцу не передохнуть,
Пока не изболится...
— А ты видал когда-нибудь
Жизнь из окна больницы?..

Наталья РОЖКОВА

САДОВО-КАРЕТНАЯ

По истоку Садово-Каретной
Запоздалый троллейбус плывет,
И нахал-воробей безбилетный
Оккупировал крышу и ждет.

Ждет известий проверенных, точных,
Что сморили kota холода,
Что из гулкой трубы водосточной
Скоро выскочат косточки льда.
И весною мне кажется снова,
Что любая зима по плечу,
Не иду по Каретно-Садовой,
А в карете по саду лечу!
И срываю с вершин эдельвейсы,
В пропасть сбросив рюкзак моих лет...
Отчего же трамвайные рельсы
Ставят палки в колеса карет?

Татьяна ВИНОГРАДОВА

ТОСКА ПО ПИТЕРУ

Здесь разбавленный Севером воздух,
влажный, плоский финляндский покров
беглых слов, белых снегов, остров...

Долгий закат в розоватом растворе,
в створе Гороховой улицы,
где дразнит утонченностью вдали
игла Адмиралтейства.
Закат догорает
над Невским, Литейным, Летейским...
Летит — и льнёт, и слёзы льёт,
не в силах оторваться от земли.

...Здесь всё так неизменно,
так протяжённо и зыбко,
всё подёрнуто выцветшей царственной дымкой.
Этот город с вокзала приемлет в объятья,
проникает к тебе, проникает в тебя.
Это небо, немеркнувшее-близкое,
эти воды и своды, и хляби,
эти перистые облака,
эта вечная, злая река...

Эта бедная, тайная радость
в достоевских трущобах...
И в морозные сумерки дому Мурузи
Венеция снится — еще бы!..
Эти лики и блики в канале —
и грифоны над рябью поведат золотыми крылами.

...Отражения стынут в Фонтанке.
В сетке веток, на жёлтой стене
дома *Анны Всяя Руси*
тени качают луч.
А усталый Бог сохраняет всё,
даже наши стихи.
Даже вздох
затонувших, угасших, вчерашних...
Даже тленный, мгновенный, имперский
всплеск на прощанье.
Всплеск небес —
и недалекого моря всплеск.

Этот странный, пространный,
ростральный, расстрельный, астральный
Город!
Здесь, среди снега, тоски и дождя,
призраки вечно толпятся,
выхода не находя.

...В дацане на Приморском проспекте
тихо-тихо звенят колокольцы.
Я хочу пить разбавленный Севером воздух
и не ведать, что будет после.

ИЯ ЭСКО

* * *

а сочная
свежая зелень
в листе и траве
уже отошла
это первый предвестник
пока ещё такого далёкого
но неминуемого
конца
и то
что две трети лета
ещё впереди
это всего лишь иллюзия
ведь огненное
языческое
солнечное колесо
уже летит
вниз
с горы

и никому
никак
не удержать
не спасти
лето
леящее под гору
вниз

Виктор МОСОЛОВ, *Рязань*

АВГУСТ

Травы скошены в долине,
Скирды треплет ветер пряный,
Дрозд жирует на рябине,
Бродит в поле август пьяный.

Шелковистыми губами
Лось целует листья липы.
Пахнет белыми грибами,
На болоте цапель всхлипы.

Облаков пушистых вата
В синем небе серебрится.
По деревне ходят сваты,
Поздний август сентябрится.

Галина ВОРОПАЕВА

* * *

Как среди пекла,
зноя и жара
сладка острада,
внятное слово
из белого шума —
это ль не чудо?

Мариям КАБАШИЛОВА

* * *

Холод прибился к этому городу в кровь.
Обирает до нитки. Пуще татарских набегов.
День обнажил пустоту городских дворов.
Ветер щетинится снегом.

Кликнет прохожего, прячется за дома.
Будто бы весь этот ад понарошку.
В жизни моей наступила такая по счету зима,
Что, казалось бы, как дождалась позапрошлой?

Может быть, что-то не так у меня внутри.
Стужу железную конвертирую в слово.
Я же сказала, считаю до трех: раз, два, три.
Но все равно декабрь.

Снова
и снова.

Анатолий КУТНИК, *Германия*

МАНДЕЛЬШТАМ

Воздвиженка, Арбат, Плющиха,
Надежды жмых,
Меня попробуй отыщи-ка
Среди живых.

Воронеж, Энгельса тринадцать,
Второй подъезд,
Мы так привыкли расставаться,
Дойдет ли весть?

Порт, Петербург, проспект продрогший,
Чердыни гать,
Меня найди среди усопших,
Не отыскать.

Глубокомысленная глупость
Всегда врасплох
Нас застаёт, но миской супа
Одарит Бог...

Одарит Бог за то, что словом
Страдал, болел,
Что был характера незлого
И не умел.

И не умел писать прошенья,
Ты не проси,
Поэт рожден для воскрешенья,
Поэт Руси

Григорий АРАЛИНСКИЙ

* * *

Обними меня, Осень,
Освети, осеки...
Словно совести гости
Златоглавые дни.

Я — калика-искатель —
Облик солнечный львин —
Где, скажите, соткали
Небо нашей любви?

Где, скажите, возможно
Снять вериги судьбы?
Боже, где же ты, Боже?
Где твой истинный хлеб?

Михаил НИКОЛАЕВ

* * *

Я верю в неопределенность,
Непостижимость бытия.
Во мне жила самовлюбленность.
Жила. Теперь уж не моя.

Бессмысленно смеяться, плакать,
Вымалывать вчерашний день.
Пора поверить в эту слякоть,
В круги от камня на воде...

Такая разная погода.
Непредсказуемая нить!..
Стихия. Родина. Природа.
Здесь ничего не изменить.

Феликс ПЕРЕЛЬМУТОВ

ДУБ

В древесине, ветвях и корнях твоё сердце,
Добродушно-могучий мой брат-великан.
Кроной гордой в лазоревом море, —
Как зелёный вулкан.

Меж холмов в разнотравье пахучем,
Теснотой влажных рош пренебречь,
И раздольно, свободно, могуче
Размахнуть ширину своих плеч.

Вячеслав СЫСОЕВ

МГНОВЕНЬЕ ВЕЧНОСТИ

Как найти меня? Живу я на земле
Между Антарктидою и Арктикой.
Вместе с многозвездною Галактикой
Странствую по космосу в безбрежной мгле.

Думал я, что космос тих и молчалив.
Оказалось, мысль моя неверная:
Миллиард громов трясет вселенную
С той поры, когда Большой случился взрыв.

Спросите, а где же ныне нахожусь?
Как и вы, я в вечной бесконечности:
Я — мгновение в бесконечной вечности,
В нем вся жизнь — добро и радость, зло и грусть.

Аркадий ПАХОМОВ

ВЕСЕЛАЯ НОЧЬ

Ю.К.

*Ночь, когда петухи поют не на рассвете,
А значительно раньше, считается веселой.
Народная примета*

Весела была ночь.
Как в двенадцать часов зазвонили,
закричали, запели,
за-что-там-еще петухи,
зашумели... Откуда?
С Гурзуфа ли, с Ай ли Даниля
ах, как грянули, сволочи,
сколько они чепухи
намололи, сердешные!
Шут с ними, в самом-то деле,
не о них же, разбойниках,
браться писать мне стихи!

Чачу слили во флягу,
Вина уже пить не хотели —
Не могли, и шабаш, —
Потому что поют петухи.
Я скажу тебе так:
я бывал в переделках и знаю,
что меня на мякине,
ты веришь мне, не проведешь,
но когда их друзья
в Севастополе, в Бахчисарае,
в Судаке, черт возьми, подхватили,
то бросило в дрожь.

До сих пор не пойму,
что решил для себя мусульманин,
уточнявший по звездам
маршрут своего корабля,
но ребята с погранки
прожектором, как по команде,
принялись вперекрест
прибрежные жечь тополя.

Наше дело нехитрое:
пить, если пить, — до упора.
Я за друга ручаюсь,
но не был мой друг виноват:
он стакан отодвинул,
шатаясь, прошел коридором
в нашу комнату и,
не вникая в презренный расклад,
прямо в брюках дырявых,
в своих башмаках несуразных,
в куртке — мало сказать,
что дела ее плохи, — плохи, —
словом, рухнул как есть
на кровать мою, с тем, чтобы сразу
все забыть и простить,
потому что поют петухи.

Я не тронулся с места,
я понял, как дружно умели,
как они обожали
жить — просто до смертной тоски.
Дай послушаю, думаю,
Шут с ними, в самом-то деле!
А они-то и рады —
Горланят, поют — дураки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА

В скобках указан(ы) псевдоним(ы) автора; через запятую расшифровка псевдонима

- АГАПКИН Аркадий 191
 Александр Петрович-Сыров 50, 120
 АЛАБИН Лев, форзацы: 1(2), 2(5)
 АЛЕКСЕЕВ Вадим 26
 АЛИМАРИН Сергей 162, 185
 АЛЬЧУК Анна 189
 АНАНИАШВИЛИ Элизбар 189
 АРЛИНСКИЙ Григорий 197
 АРТАМОНОВА Ирина 189
 АРТЕМОВА Светлана 110
 БЕКИШЕВ Юрий 191
 БЕРЕЖКОВ Владимир 186
 БИБИКОВА Ольга 189
 БОЧКОВ Юрий 192
 БРУКС Олеся 103, 174, форзац 1(7, 8, 14,16), обложка 2(3).
 БУГРОВ Александр 192
 БУЛГАКОВ Михаил 84, 87
 БУРДОНОВ Игорь 48,174
 ВАНХАНЕН Наталья 47
 ВЕРБИН Евгений 194
 ВЕТАУГИНА Анна 32
 ВИНГРАДОВА Татьяна 195
 ВОЗНЕСЕНСКИЙ Андрей 70
 ВОЛОВИК Александр 186
 ВОЛОХОНСКАЯ Лидия 130
 ВОРОБЬЕВ Александр 97, 183
 ВОРОБЬЕВА Оксана 27
 ВОРОНИН Сергей 119
 ВОРОПАЕВА Галина 196
 ГАБРИЭЛЯН Наталья 90
 ГЕДЬМИН Анна 182, 190
 ГЕДЬМИН Даниил 113
 ГЛИНКА Татьяна 27
 ГЛЯНЦ Владимир 21, 170, 184, 186
 ГОЛУБЕВ Анатолий 84
 ГОНТАРЕВ Олег 166, 192
 ГОРДИЕНКО Татьяна 189
 ГОРОХОВА Татьяна 107
 ГРАВИЦКИЙ Алексей 99
 ГРАУЗ Татьяна 101
 ДАВЫДОВА Нина (И.Васильева) 73, 126, 135, 180
 ДУДАКОВ Валерий 192
 ЕГАРМИН Илья 37
 ЕГОРОВА Антонина 51
 ЕРОФЕЕВА Галина 184
 ЖУКОВ Максим 171, 177
 ЗВЕРЕВ Анатолий, форзац 2(6)
 ИВАНОВ Евгений 167
 Инна Васильева, Давыдова Н. 171
 ИОГАНСОН Игорь 188
 ИОДЛОВСКИЙ Николай 187
 Ия Эско 196
 КАБАШИЛОВА Мариям 196
 КАВЕРИН Артем 154
 КАИСАРОВА Татьяна 184, 190
 КАНАРСКАЯ Суламифь 193
 КАПИЦА Федор 185
 КАРПОВ Александр 115
 КАРУДИНА Ольга 191
 КВАРТИН Аким 113
 КВАРТИН Юлий 158
 КЕДРОВ Константин 70, 123, 146
 КИРШТАИН Ингрид 49
 КЛЕЙБЕРГ Юрий 157
 КЛЮКИНА Ольга 165
 КОВАЛЕВ Геннадий 67
 КОВАЛЕВСКАЯ Марина 31
 КОВАЛЕВСКИЙ Валерий 193
 КОВАЛЕНКО Валерий 35
 КОГАН Игорь 177
 КОДЫЛЕВ Александр 193
 КОЗЫРЕВА Алла 113
 КОЛОДЯЖНАЯ Людмила 188
 КОРОЛЕВА Татьяна 70, обложка 1(2)
 КРОНГАУЗ Ирина 187
 КРЮЧКОВА Александра 105, 184
 КУДИМОВА Марина 4, 165, 184
 КУКЛАЕВ Валентин 42, 69, 182
 КУРИЛОВ Дмитрий 12, 47
 КУТНИК Анатолий 197
 КУТУЗОВ Михаил Ил. 126
 ЛЕВИНА Марина 50
 ЛЕРНЕР Леонид 25
 ЛЕСОВОЙ Алексей 193
 ЛИСИН Александр 87
 МАМЛЕЕВ Юрий 3
 МЕДИТОНЯН Арсен 51
 МЕНЬ Александр 90
 МИЗЕС Людвиг фон 162
 МИРОНОВА Александра 28
 МИРОНОВА Мария 52
 МИХАЙЛИНА Анна 190
 МИХЕЕВА Марина 48, форзац 2(10)
 МОГУТОВ Потап 124
 МОСКАЛЕВ Сергей 152
 МОСОЛОВ Виктор 196
 НАБИУЛЛИНА Эльвира 182
 НАДАЛИНСКИЙ Евгений, форзац 2(8,12,15), обложка 2(2)
 Наталья Николаева, Шатина Н. 127
 НЕПЛОЕВ Николай 138
 НИКИТЕНКО Константин 124
 НИКИТИНА Елена 70
 НИКОЛАЕВ Михаил 197
 НИКОЛАЕВ Николай 127, 130
 НОВИКОВ Владимир И.
 ОГАНДЖАНОВ Илья 19
 ОГАНЕСЯН Лидия 192
 ОЛЕЙНИКОВ Александр 51, 122, 185
 ОСЕТИНСКИЙ Олег 25
 ПАНФИЛОВА Мария 172, 195
 ПАХОМОВ Алексей 187
 ПАХОМОВ Аркадий 114,198
 ПАЦАЕВА Татьяна 194
 ПЕРЕЛЬМУТОВ Феликс 197
 ПИНСКЕР Борис 164, 185
 ПЛАУДИС Эгил 49
 ПОЛЯКОВ Юрий 180, 195
 ПОПОВА Анна 39
 ПРИБЫТКОВ Владимир 93, 114
 ПРОСКУРЯКОВ Юрий 44, обложка 2(1)
 ПУШКИН Александр 59, 61, 67, 70
 РАБИНОВИЧ Иосиф 119, 177, 191
 РАДИОНОВА Ксения 50
 РОЖКОВА Наталья 17, 111, 170, 182, 195
 РУБИНА Катя 123,185, форзац 1(13)
 РУБИНСКАЯ Наталья 80, 183, 194
 РЯХОВСКАЯ Инна 186
 САРТР Жан Поль 69
 СЕРОВА Людмила 110, 170, 184
 СИГУТИН Андрей 23
 СИНЕЛЬНИКОВ Михаил 27
 СМИРНОВА Дуня 26
 СМОГУЛ Александр 192
 СОЛДАТОВ Олег 97
 СТЕПАНОВ Евгений 52,76,184,188.
 СЫСОЕВ Вячеслав 167, 198
 ТУЧКОВ Владимир 26
 ФЕДОРЕНКО Людмила 130
 ФИЛИППОВ Федор 116
 ХАРИТОНОВ Евгений В. 186
 ХАРИЧЕВ Игорь 40, 182
 ХЛЕБНИКОВ,Велимир 77
 ХЭМИНГУЭИ Эрнест 174
 ЦВЕТАЕВА Анастасия 194
 ЦВЕТАЕВА Марина 72, 73, 78, 80
 ЦЕСЕЛЬЧУК Георгий 31, 182
 ЦЕСЕЛЬЧУК Дмитрий 49, 52, 56, 72, 166, 180, 182
 ЧЕКМАЕВ Сергей 156
 ЧЕЛИКАНОВА Ирина 193
 ЧЕСНОКОВ Дмитрий 193
 ЧИЛАП Олег 48
 ЧУБАИС Игорь 139
 ЧУМАКИНА Людмила 26
 ШАПИРО Борис 190
 ШАПИРО Валерий 189
 ШАПКА Юрий 112
 ШАРАВИН Александр 185
 ШАТИНА Наталья (Н.Николаева)
 ШЕЛОВ Сергей 178, форзац 1(3, 5, 9, 10)
 ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Федор 141
 ШЕСТАКОВА Лариса 59
 ШМЕЛЬКОВА Наталья 25, 27
 ЭФРОН Сергей 73
 ЮРЬЕВА Юлия 129
 ЯКУБОВИЧ Борис 132

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий МАМЛЕЕВ. «Главным в истории является человек и именно он определяет судьбу страны» 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Марина КУДИМОВА. Черёд. *Стихи из книги* 4
Дмитрий КУРИЛОВ. Козий парк. *Повесть (окончание)* 12
Наталья РОЖКОВА. Следы на снегу. *Миниатюры* 17
Илья ОГАНДЖАНОВ. «Я только эхо ветра и дождя...». *Стихи* 19
Владимир ГЛЯНЦ. Театр улиц. *Рассказ* 21
Андрей СИГУТИН. Кто я? (Размышления Ивана Ивановича Н.). *Рассказ* 23

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Мать русской демократии или портрет чудной дамы (о Наталье Шмельковой) 25
Наталья ШМЕЛЬКОВА. Стишата 27

ДЕБЮТ

Александра МИРОНОВА. «Поцелуй» Густава Климта. *Стихи* 28
Марина КОВАЛЕВСКАЯ. Метроном жизни. *Стихи* 31
Георгий ЦЕСЕЛЬЧУК. О, Рыжий Кот. *Стихи* 31

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Анна ВЕТАУГИНА. Помочь человеку. *Рассказ* 32
Валерий КОВАЛЕНКО. Раздвоение вещества. *Рассказ* 35
Илья ЕГАРМИН. Древние. *Рассказ* 37
Анна ПОПОВА. «Грозный враг под твоим копьём...». *Стихи* 39
Игорь ХАРИЧЕВ. Иммунная система государства. *Маленькая повесть (начало)* 40
Валентин КУКЛАЕВ. В поисках Андрогина. *Главы из романа (продолжение, начало в «Словесности 2008»)* 42

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

Юрий ПРОСКУРЯКОВ. Гекзамер подков. *Стихи* 44

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Итальянские, испанские и французские мотивы в творчестве поэтов Союза литераторов России

Год Италии и Испании в России: Наталья ВАНХАНЕН, Дмитрий КУРИЛОВ, Игорь БУРАДОНОВ, Олег ЧИЛАП, Марина МИХЕЕВА, Эгил ПЛАУДИС, Алла КОЗЫРЕВА, Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК, Ингрид КИРШТАЙН, Ксения РАДИОНОВА, Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ 47

Год Франции в России: Марина ЛЕВИНА, Арсен МЕЛИТОНЯН, Антонина ЕГОРОВА, Александр ОЛЕЙНИКОВ, Евгений СТЕПАНОВ, Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК 50

МАСТЕРСКАЯ

Мастер-классы

Венок сонетов 52
Мария МИРОНОВА. Рассвет. *Венок сонетов* 52
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Венок сонетов 56

Лексикография

К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина»

Лариса ШЕСТАКОВА. «Хоть и заглядывал я встарь в академический словарь...» 59

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ

К 175-летию гибели А. С. Пушкина

- Владимир НОВИКОВ. Не вся ль Европа тут была? Пушкин и Отечественная война 1812 года 61
Геннадий КОВАЛЕВ. Бастардида в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 67
Валентин КУКЛЕВ «Невыносимо горят на синем твои прощальные апельсины...». *Давний вечер в библиотеке Пушкина* 69
«...Пушкин есть пророчество и указание». *Союз литераторов в библиотеке Пушкина* 70
Елена НИКИТИНА. Дом на Спартаковской 70

К 120-летию со дня рождения Марины Цветаевой

- Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Заимка 72
Нина ДАВЫДОВА. Таруса 2011. Первая суббота октября 73
И умерли в один год (о М. Цветаевой и С. Эфроне) 73
Евгений СТЕПАНОВ. Поэты-пророки XX века 76

К 90-летию со дня смерти В. Хлебникова

- Велимир Хлебников 77
Марина Цветаева 78
Наталья РУБИНСКАЯ. Любовь открывает сущность (об Анастасии Цветаевой) 80

К 120-летию Михаила Булгакова

- Анатолий ГОЛУБЕВ. Поединок. Дуэль М.Булгакова и Сталина (окончание, начало в «Словесности 2011») 84
Александр ЛИСИН. Версия дилетанта: антихристова дьяволиада (окончание, начало в «Словесности 2011») 87
Наталья ГАБРИЭЛЯН. Александр Мень. Воспоминания 90

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

- Владимир ПРИБЫТКОВ. Разнолетье. *Стихи* 93

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Александр ВОРОБЬЕВ. Иван Бандит. *Рассказ* 97
Олег СОЛДАТОВ. Учебный бой. *Рассказ* 98
Алексей ГРАВИЦКИЙ. Дорогой Иван Андреевич! *Рассказ* 99
Татьяна ГРАУЗ. Из цикла «Детский сад». *Стихи* 101
Олеся БРУКС. Мануальная терапия. *Рассказ* 103
Александра КРЮЧКОВА. «За версту до конца дороги...». *Стихи* 105
Татьяна ГОРОХОВА. Лиси язины имут (главы из романа «Встреча») 107

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

- Светлана АРТЕМОВА. Ксения. *Стихи* 110
Людмила СЕРОВА. Стихи для Пети. *Стихи* 110
Наталья РОЖКОВА. Сёстры Каичко и не только. *Зарисовки* 111
Юрий ШАПКА. Про петуха. *Рассказ* 112
Аким КВАРТИН. Трехцветное счастье. *Стихотворение* 113
Алла КОЗЫРЕВА. «Пусть я буду нянюшка Арина...». *Стихи* 113
Даниил ГЕДЫМИН. Из нешироко известного. *Любопытные факты* 113

МЕМОРИА

- Владимир ПРИБЫТКОВ. «Тот давний, самый длинный день в году...» 114
Аркадий ПАХОМОВ. «...И продлевать, и пестовать мгновенья» 114
Александр КАРПОВ. «Мой путь окончен, мой срок — отмерен» 115

Нешуточные СТРАНИЦЫ

Федор ФИЛИППОВ. Стихи для чтения. <i>Стихи</i>	116
Сергей ВОРОНИН. Народ наш верит в чудеса... <i>Зарисовочка</i>	119
Иосиф РАБИНОВИЧ. Мы начинали КВН или полет снежной бабы. <i>Воспоминания</i>	119
Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ. Залезть на Пегаса. <i>Стихи</i>	120
Александр ОЛЕЙНИКОВ. Мой Серебряный бор. <i>Воспоминания</i>	122
Константин КЕДРОВ. Опять Россия на распутье... <i>Стихотворение</i>	123
Катя РУБИНА. Панна сонник «об политике». <i>Панна сонник</i>	123
Константин НИКИТЕНКО. «Прививка от совести». <i>Стихотворение</i>	124
Потап МОГУТОВ. ВыборА (<i>песня жертвы предвыборной агитации</i>)	124

ГОД ИСТОРИИ РОССИИ

О новой рубрике в альманахе	125
К 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года	
Нина ДАВЫДОВА. «Бей, барабан, и военная флейта громко свисти на манер снегиря...»	126
Наталя НИКОЛАЕВА. Мой дед, участник «Ледяного» похода» и строитель дома им. Пушкина в Кэсвиле	127
Лилия ВОЛОХОНСКАЯ. «Под собою не чужа страны...»	131
Борис ЯКУБОВИЧ. Акоста — шут императоров	132
Нина ДАВЫДОВА. Раскол	135
К 160-летию со дня рождения Н.Н. Неплюева	
Служение Богу и человеку в современном мире. О Неплюевском братстве (продолжение, начало в «Словесности 2011»)	138
Игорь ЧУБАЙС. Европейская цивилизация: место и роль России. <i>Фрагмент из книги</i>	139
Федор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ. Мир вокруг России: культурные и психологические параметры	141

ДРАМАТУРГИЯ

Константин КЕДРОВ. Тверской опять 25. <i>Камерная трагедия</i>	146
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей МОСКАЛЕВ. Информация на кончиках пальцев	152
Артем КАВЕРИН. Кино и театр — вымирающие ископаемые?	154
Сергей ЧЕКМАЕВ. Метаморфозы научной фантастики	156
Юрий КЛЕЙБЕРГ. Любить нельзя ненавидеть: время и дети	157
Юлий КВАРТИН. Житейское море. <i>Фрагменты из книги</i>	158
Сергей АЛИМАРИН. О книге Людвиг фон Мизеса «Социализм»	162

РЕЦЕНЗИИ

Ольга КЛЮКИНА. Проводник с нижнего бокового. О книге Марины Кудимовой «Черёд»	165
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. «Когда-нибудь какой-то строчкою спасемся в ком-то на века...». О поэзии Олега Гонтарева	166
Евгений ИВАНОВ. Мудрых точка зрения... О книге Вячеслава Сысоева «Простые истины»	167
Наталя РОЖКОВА. Чтиво не для электрички. <i>Презентация «визиток» Людмилы Серовой и Владимира Глянца</i>	170
Инна ВАСИЛЬЕВА. Мат, форель и синтетическая ель. О книге Максима Жукова «Поэма новогодняя моя»	171
Игорь БУРДОНОВ. Глава из книги-рецензии «Опыт деконструкции кистепёрой рыбы». О поэзии Марии Панфиловой	172

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА.

Олеся БРУКС. Фидель — океан — Хэмингуэй — мохито... Куба — Рай!	174
Максим ЖУКОВ. Ностальгическое. Москва — Евпатория	177
Игорь КОГАН. Как же без Рабиновича. В Иерусалимской русской библиотеке	177
Сергей ШЕЛОВ. Поездка к Чингисхану. Москва — Улан-Батор — Москва	178

СОБЫТИЯ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ

Письма, события и комментарии к ним

Нина ДАВЫДОВА, Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Рейдерский захват нашего помещения, или: Бояре, а мы к вам пришли, или: Молчание ягнят (<i>продолжение, начало в «Словесности 2010» и «Словесности 2011»</i>)	180
«Пятнадцать лет без права переезда». Открытое письмо члену Президентского совета по культуре Ю.М. Полякову	180
Письмо Министру Экономического развития РФ Э.С. Набиуллиной	182
Хроника творческой жизни. Апрель 2011 год — январь 2012	
Презентации, чтения, творческие вечера.....	182

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Владимир БЕРЕЖКОВ, Владимир ГЛАНЦ, Инна РЯХОВСКАЯ, Евгений В. ХАРИТОНОВ, Александр ВОЛОВИК, Николай ИОДЛОВСКИЙ, Ирина КРОНГАУЗ, Алексей ПАХОМОВ, Людмила КОЛОДЯЖНАЯ, Игорь ЙОГАНСОН, Евгений СТЕПАНОВ, Элизбар АНАНИАШВИЛИ, Татьяна ГОРДИЕНКО, Ольга БИБИКОВА, Валерий ШАПИРО, Анна АЛЬЧУК, Ирина АРТАМОНОВА, Анна ГЕДЫМИН, Анна МИХАЙЛИНА, Татьяна КАЙСАРОВА, Борис ШАПИРО, Аркадий АГАПКИН, Ольга КАРУЛИНА, Иосиф РАБИНОВИЧ, Юрий БЕКИШЕВ, <i>Кострома</i> ; Александр БУГРОВ, <i>Кострома</i> ; Лидия ОГАНЕСЯН, Александр СМОГУЛ, Юрий БОЧКОВ, Олег ГОНТАРЕВ, <i>Екатеринбург</i> , Валерий ДУДАКОВ, Валерий КОВАЛЕВСКИЙ, Ирина ЧЕЛИКАНОВА, <i>Рязань</i> , Дмитрий ЧЕСНОКОВ, Алексей ЛЕСО ВОИ, Суламифь КАНАРСКАЯ, Александр КОДЫЛЕВ, <i>Рязань</i> , Евгений ВЕРБИН, <i>Чехия</i> ; Наталья РУБИНСКАЯ, <i>Челябинск</i> ; Татьяна ПАЦАЕВА, Мария ПАНФИЛОВА, Юрий ПОЛЯКОВ, Наталья РОЖКОВА, Татьяна ВИНОГРАДОВА, ИЯ ЭСКО, Виктор МОСОЛОВ, <i>Рязань</i> , Галина ВОРОПАЕВА, Мариям КАБАШИЛОВА, <i>Дагестан</i> ; Анатолий КУТНИК, <i>Германия</i> ; Григорий АРЛИНСКИЙ, Михаил НИКОЛАЕВ, Феликс ПЕРЕЛЬМУТОВ, Вячеслав СЫСОЕВ, Аркадий ПАХОМОВ	186
---	-----

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА	199
---	------------

СОДЕРЖАНИЕ	200
-------------------------	------------

ОБЛОЖКА 1 (Слева направо)

1. Портрет Александра Сергеевича Пушкина.
2. Библиотека им А.С. Пушкина на Спартаковской, 9. В эту усадьбу библиотека им. Пушкина переехала 100 лет назад, в 1912 году.
3. Портрет Марии Александровны Гартунг, дочери Пушкина, попечительницы библиотеки им. А.С. Пушкина.

ФОРЗАЦ 1

1. Раздел МЕМОРИЯ. Александр Карпов.
2. Раздел МЕМОРИЯ. Аркадий Пахомов.
3. Раздел ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА. Монголия. Храм Гандантэгченлин в буддийском монастыре в Улан-Баторе, внутри храма находится знаменитая 26-метровая статуя бодхисаттвы Авалокитешвары (монгольское Мэгжид Жанрайсэг). В начале XX века в монастыре проживало ок. 14 тыс. монахов. С 1970 г. здесь действует буддийский университет.
4. Раздел ГОД ИСТОРИИ РОССИИ. Михаил Илларионович Голенцев-Кутузов, князь Смоленский — полководец, дипломат. Генерал-фельдмаршал, первый в русской армии полный георгиевский кавалер. Получил княжеский титул и почетное звание «Спасителя Отечества» за изгнание Наполеона из России. Портрет работы Р. Волкова.
5. Раздел ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА. Монголия. Улан-Батор (до 1924 г. — Урга), главная площадь столицы и страны. Хурал (Парламент). У входа в Парламент памятник Чингисхану и его военачальникам. С 1952 г. до 2005 г. здесь был мавзолей Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана, в 2005 г. тела перезахоронены, мавзолей демонтирован.
6. Раздел ГОД ИСТОРИИ РОССИИ. Памятник Н.Н. Николаеву в Кессиле.
7. Раздел ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА. Куба. Прогулки по Гаване.
8. Раздел ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА. Куба. Кладбище в Гаване.
9. Раздел ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА. Монголия. Памятник Сухэ-Батору. Дамдин Сухэ-Батор (монгольское Дамдины Сухбаатар 1893 — 1923) — руководитель Монгольской народной революции 1921 года.
10. Раздел ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА. Монголия. 36-метровый памятник Чингисхану «Золотой кнут», 50 км от Улан-Батора, 2009 г., с видовой площадкой. В основании — фойе, музей с продажей книг и оригиналов (!) монгольских древностей и ресторан Чингисхан (монгольское Чингис хаан, собственное имя — Тэмуджин, Темучин), (1155 или 1162 — 1227), основатель Монгольской империи, самой большой в истории человечества (не исключая империю А. Македонского). Имя Чингисхана носят самые разные объекты — от аэропорта в Улан-Баторе до водки «Чингисхан». У памятника Сергей Шелов и студентка Муренгаова из Внутренней Монголии (т.е. китайской Монголии).
11. Раздел МЕМОРИЯ. Обложка книги В. Прибытковка «Андрей Рублёв».
12. Раздел СОБЫТИЯ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Палаты Юсупова.
13. Катя РУБИНА. Дракон — 2012.
14. Вечер Союза литераторов в Российском общественно-политиче-

- ском центре. Слева-направо: Фёдор Шелов-Коведяев, Евгений Степанов, Юрий Мамлеев, Нина Давыдова, Дмитрий Цесельчук, Наталья Николаева, Наталья Рожкова.
15. Рисунки Пушкина.
 16. Раздел ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА. КУБА. Рассвет в Гаване.

ФОРЗАЦ 2

1. Раздел СОБЫТИЯ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Библиотека Экономики и бизнеса. Сергей Алимарин вручает книгу Мизеса «Социализм» директору библиотеки Екатерине Анискиной.
2. Раздел ГОД ИСТОРИИ РОССИИ. В президиуме: ректор и основатель Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков; третья справа — А.С. Федоренко.
3. Раздел ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ. Дмитрий Цесельчук, сопредседатель Союза литераторов и Татьяна Фролова. Таруса, берег Оки, Цветаевский костёр, октябрь 2011.
4. Раздел РЕЦЕНЗИИ. Поэт, прозаик Олег ГОНТАРЕВ.
5. Раздел ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Н. Шмелькова в «Доме Ардовых» на чтениях Союза литераторов, посвященных году Италии и Испании.
6. А. Зверев. Портрет Н. Шмельковой.
7. Раздел СОБЫТИЯ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Библиотека Экономики и бизнеса. Нина Давыдова.
8. Раздел ПРОЗА И ПОЭЗИЯ. Татьяна ГОРОХОВА.
9. Экслибрис Н. Шмельковой.
10. Марина МИХЕЕВА. Дракон-2012.
11. Раздел ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Н. Шмелькова. Неужели 70?!
12. Раздел ГОД ИСТОРИИ РОССИИ. Болотная площадь 2011.
13. Любовь ЕЗЕРОВА. МОСКОВСКИЙ ДВОРИК.
14. Иосиф РАБИНОВИЧ. «На днях пребирая я стол». Минифотороман.
15. Раздел ГОД ИСТОРИИ РОССИИ. Болотная площадь 2011.

ОБЛОЖКА 2

Вечера, презентации Союза литераторов России в зале издательства «Известия», в галерее Зураба Церетели на Пречистенке и в Московском музее современного искусства на Петровке.

ФОТОГРАФИИ:

Евгений Надалинский, Олеся Брукс, Сергей Шелов, Юрий Проскураков, Лев Алабин, Татьяна Королева и другие авторы.